

Николай ГНАТИШИН
Александр БЕЛОВ

КОРОЛЕВА БЕЗУМИЯ

Николай ГНАТИШИН
Александр БЕЛОВ

ИНЫЕ МИРЫ

<http://www.gnatyshin.narod.ru>

КОРОЛЕВА БЕЗУМИЯ

2009

Гнатишин Н.С., Белов А.А. Королева безумия. -
458 с., илл.

Книга доктора медицинских наук Н.С. Гнатишина и А.А. Белова «Иные миры: Королева безумия» посвящена одному из самых загадочных и интересных психических расстройств – шизофрении.

Используя обширный материал, авторы в популярной форме рассказывают о шизофрении, истории этого заболевания, особенностях течения, современных взглядах на её причины и методы лечения. Книга знакомит читателя со сложным и противоречивым миром больных шизофренией, позволяя взглянуть на него «изнутри», глазами пациента. Она также дает читателю представление о мироощущении и переживаниях больных, помогая понять особенности личности человека, страдающего шизофренией, приближает массового читателя к пониманию уникального внутреннего мира больных шизофренией.

Книга адресована широкому кругу читателей. Она также будет полезна врачам, психологам, социальным работникам, педагогам, и всем, кто интересуется внутренним миром человека.

© Гнатишин Н.С., Белов А.А., 2009

В оформлении обложки использована картина Сальвадора Дали «Утренняя галлюцинация: надвигающаяся тень рояля» (1931).

Содержание

I.	Предисловие.....	7
II.	Королева безумия.....	13
III.	В царстве королевы безумия.....	19
IV.	История первая. Дневник пациента.....	39
V.	Из мглы веков.....	115
VI.	История вторая. Игры разума.....	149
VII.	Музы и демоны.....	259
VIII.	История третья. Раненая птица.....	329
IX.	В лабиринтах тайн и загадок.....	359
X.	История четвёртая. В поисках истины.....	369
XI.	У истоков тайны.....	409
XII.	История пятая. Тайные подземелья королевы безумия.....	427
XIII.	В поисках выхода.....	441
XIV.	Послесловие.....	457

Предисловие

Эта книга открывает новую серию книг, которую мы назвали «Иные миры».

Почему «Иные миры»? Откуда такое название? О чём пойдет речь в этих книгах? Иные миры – неизведанные, таинственные, загадочные, – что это? Выдумка? Фантазия? Обман?

Нет. Это правда.

Иные миры существуют. Они рядом с нами. Каждый сорок секунд один из жителей Земли уходит в такой мир. Каждый сорок секунд чья-то жизнь круто и необратимо меняется. Пока вы читали эти строки, с кем-то это уже произошло. За то время, что вы будете читать эту книгу, тысячи судеб изменятся. Тысячи людей откроют для себя новую, неведомую ранее реальность. Тысячи новых миров начнут странствие в зыбкой пелене времени.

Это будут удивительные миры. Среди них будут невероятные, шокирующие реальности иных измерений и фантастические миры, населенные диковинными существами; парадоксальные миры, где переплетаются пространство и время, миры мистических и религиозных явлений, и жестокие миры смерти, насилия и ужасающих трагедий.

Это похоже на захватывающий роман, на удивительный, потрясающе яркий и реалистичный фильм. Но при этом есть одно отличие. Принципиальное отличие.

Всё это происходит на самом деле. Это происходит с живыми людьми. Людьми, живущими рядом с нами. И до того, как это с ними произошло, они жили обычной жизнью, строили планы на будущее и верили, что с ними ничего подобного не случится.

Но судьба выбрала их. Те, кому выпал жребий жить в иных мирах, не в силах его изменить. Эти люди не могут захлопнуть свою книгу, выключить телевизор или выйти из

кинотеатра. Они обречены пройти свой путь. Путь боли и страданий, невероятных превращений и удивительных открытий, взлётов и падений, рождения и смерти.

Их шестьдесят миллионов. Они здесь. Они рядом. Они среди нас.

У каждого из них – свои миры. Удивительные, загадочные, таинственные, не похожие на то, что мы видим в обычной жизни. Миры иных реальностей и иных измерений. Миры удивительных превращений и грандиозных событий. Миры на пределе чувств и переживаний, миры экзотической радости и невиданного духовного подъёма, миры величественной драмы и глубочайшей трагедии.

Имя этим мирам – шизофрения.

Шизофрения не зря заслужила титул «королевы безумия». Ни одна другая болезнь не окружена такой аурой таинственности. Ни за одной болезнью не тянется такой шлейф загадок и тайн, как за шизофренией. Миры, порождённые ею – вершина патологического творения. Нигде вы не встретите такого разнообразия виртуальных психотических реальностей и такого количества удивительных, порой необъяснимых явлений, как при шизофрении. Многие из этих явлений находятся за пределами наших сегодняшних знаний, за пределами обычного человеческого понимания.

Грань между реальным и шизофреническим мирами – это грань между двумя жизнями одного человека. Перешагивая эту черту, больной начинает новую жизнь, разительно отличающуюся от старой. Позади – обыденная и привычная реальность, простая и предсказуемая, впереди – невероятный и шокирующий новый мир, таинственные изменения, мрак и неизвестность.

Долгое время удивительные миры, порождённые этим загадочным заболеванием, были закрыты для широкого читателя. Богатейший мир внутренних переживаний и невероятные порождения патологических реальностей оставались тайной за семью печатями. В массовом сознании прочно утвердился образ больного шизофренией как грубо-

го, ограниченного существа, робота, управляемого слепым инстинктом, машины для жестокости и убийств.

А между тем, шизофренические миры, возможно, – самое удивительное и впечатляющее явление на свете. Столкновение с миром виртуальных шизофренических реальностей всегда оставляет яркое и незабываемое впечатление.

Внезапно перед тобой открывается целый мир. Ты стоишь перед невидимой гранью, разделяющей два континента, две цивилизации, две Вселенных. Перед тобой – стеклянная стена, за которой лежит огромная и загадочная планета. Это потрясающий, таинственный и необычный мир. Мир обострённых чувств и экстаза, мир неземных красок и странных пропорций, мир неведомых звуков и невероятных ощущений.

В этом мире происходят величественные и драматические события. Здесь бушуют такие страсти, каких не знает наша реальность. Здесь живут удивительные существа. Здесь властвуют духи и демоны, здесь бесплотное обретает плоть, а материальное становится бесплотным. Время здесь течёт по иным законам: будущее в этом мире может наступить раньше, чем прошлое, а прошлое – следовать за настоящим.

Этот мир совершенно не похож на наш, привычный нам мир повседневной реальности. Различия столь фундаментальны, что впору говорить о существовании параллельных миров – реального мира и множественных виртуальных миров патологических построений. Миров со своей логикой, своими законами, своими принципами существования, своим прошлым, настоящим и будущим. Законы реальности тут не действуют. Шизофренические миры живут, подчиняясь собственным, неведомым нам принципам – появляются, вспыхивают, исчезают и снова появляются.

Эти миры – не фантазия, не выдумка, не обман. Для больных шизофренией они столь же реальны, как для нас – наша собственная повседневная реальность. Они живут в этих мирах. И как мы не сомневаемся в том, что мир, в котором мы каждый день ходим на работу и в котором находится наш дом – реален, так и больной шизофренией не допускает

сомнений в реальности собственного патологического мира. Именно там его дом, его настоящее, из этого мира он выходит, если бывает нужно, в наш мир – и всегда возвращается обратно.

Понять это сложно. Здоровому человеку не с чем сравнить подобные переживания. Наши фантазии, фантазии психически здорового человека, какими бы яркими они ни были – всего лишь тусклое отражение реальности. Погружаясь в них, мы ни на миг не теряем связи с реальным миром. Когда мы смотрим фильм в кинотеатре, мы погружаемся в события, разворачивающиеся на экране. Если фильм захватывающий, на какое-то мгновение может возникнуть ощущение присутствия, сопереживания, когда происходящее на экране кажется реальностью. Но именно – кажется... Заканчивается сеанс, и зрители быстро возвращаются в привычное состояние. Они встают с кресел и выходят из кинотеатра в реальный мир. Шизофреник же никогда не покидает своего кинотеатра. Собственно, для него кинотеатр, мир виртуальной, кажущейся реальности – это наш мир. Он – ненастоящий, поддельный, фальшивка, грубая и уродливая копия его подлинной реальности. Он смотрит на нас с той стороны грани и недоумевает: как могут люди жить в ненастоящем мире, и как могут так глубоко заблуждаться, считая этот фальшивый мир истинным и единственно возможным.

Больной шизофренией строит свой мир, как мы строим дом – сообразуясь с собственной фантазией и возможностями, и живет в нем, как мы живём в своих домах. И как дома бывают разные – большие и маленькие, просторные и тесные – так и миры патологической реальности блистают удивительным разнообразием. Среди них есть простые и сложные, крошечные и огромные, тёмные и светлые, убогие и великолепные, но каждый такой мир по-своему интересен и уникален.

Один больной как-то сказал нам: «Если бы вы смогли пойти со мной в мой мир, вы никогда не согласились бы вернуться обратно. Это всё равно что после ярких красок тропического леса попасть в мёртвую пустыню».

И надо признать, что в его словах есть доля истины. Шизофренические миры невероятно интересны. Погружение в мир психотической реальности сродни наркотическому кайфу – оно привязывает человека накрепко, заставляя вновь и вновь возвращаться на территорию болезни. Но в отличие от наркотика переживания, которыми одаривает человека шизофрения, далеко не всегда радостны и приятны. В большинстве случаев это весьма драматичные и трагичные события, требующие полной отдачи сил, эмоций, энергии. И тем не менее больной выбирает именно этот мир – мир, где его ждёт мучительная борьба, страдания, пугающая неизвестность, страх и смертельная опасность.

Это – жестокий мир. На человека, впервые столкнувшегося с миром больных шизофренией, он производит шокирующее впечатление. Он потрясает, ошарашивает, пугает. Он до такой степени не похож на привычный нам реальный мир, что невольно вызывает желание оттолкнуть, не признавать, не верить.

Но шизофренические миры существуют. Существуют независимо от того, нравится нам это или нет. И в этих мирах живут люди. Те самые люди, которые окружают нас с вами, и с которыми мы каждый день сталкиваемся в нашем, реальном мире. И отмахнуться от этого нельзя. Бессмысленно делать вид, что этих людей не существует, как бессмысленно делать вид, что не существует их особых, удивительных миров. Таинственный мир патологической реальности, уникальный и неповторимый для каждого больного, всё равно будет жить своей жизнью – странной, загадочной, непонятной и необъяснимой.

Вход в этот мир закрыт для всех, кроме больного. Мы можем лишь наблюдать за драмой, разыгрывающейся в этом закрытом мире. Иногда больной вовлекает окружающих в свои построения, и тогда кто-нибудь из нас становится героем этой драмы. Но мы – всегда снаружи, мы пассивные участники, послушные воле больного, не более чем статисты в грандиозной пьесе, автором, режиссером и главным геро-

ем которой является он. Мы всегда будем находиться по ту сторону грани – в мире, который мы называем реальным, и который для них, больных – не более чем зыбкое отражение их Реальности.

Но мы знаем об их мирах. Мы изучаем их. Мы хотим понять, как они устроены. И когда нам удастся проникнуть в эти миры, мы можем их описать.

Добро пожаловать в реальность, дорогой читатель. В измененную реальность шизофренических миров.

«...Это было предчувствие безумия – кровавого мира, где цветут радиоактивные останки и истерзанная роза жадно лакает сыворотку из плоти. Время таится в ожидании кровавых перемен. Мир меняет лицо, примеряя карнавальные маски и пряча ужас под картонной ухмылкой. Занавес реальности поднимается, открывая очередной сезон смерти премьерой жизни. Невзрачный гость, сереброглазый и кроваворотый Каин убивает Авеля под ревом и аплодисменты мегаполисных урбаноидов. Совокупление планет предвещает оклеветание истины. Мир втиснут в реальность как в пластилин, он шипит и плавится в ней, обожжённый и исполосованный временем. Люди спят в своих футлярах, драгоценных футлярах из кленового дерева, обитых изнутри змеиной кожей. Их сны перетекают в реальность и оживают новой, изломанной веточкой жизни. Мы – однопланетяне. Мы барахтаемся и тонем в пучине времени, опускаясь в бездонные глубины забвения. Человек живет в извечном ожидании смерти, сжимая холодными руками серебряную чашу, до краев наполненную горьким ядом реальности. Он пьёт обжигающий лёд бытия, и с последним глотком времени переходит в Вечность. Он растворяется в бесконечных просторах Вселенной, пугающе одинокий и не понятый никем, кроме Истины. Мы поедаем плоть времени и вгрызаемся в сны реальности. Но пробуждение будет ужасным...»¹

1. Здесь и далее в главах II, III, VIII, XII меньшим шрифтом с отступами набраны выдержки из оригинальных текстов и рассказов больных шизофренией.

Королева безумия

Королева безумия. Дельфийский оракул психиатрии. Королевская болезнь. Это – лишь некоторые из множества эпитетов, которыми вот уже более ста лет награждают шизофрению ученые и исследователи. И не случайно.

С давних времен это психическое расстройство составляло особую страницу в истории человечества. Слишком ярко выделялись душевнобольные из общей массы. Слишком необычными были их мысли, поступки, переживания. Они возбуждали жгучее любопытство и суеверный ужас. Они манили и пугали одновременно. С давних времен человечество пыталось понять своих безумцев, постичь смысл их откровений, проникнуть в тайну загадочных видений и пророческих голосов. Что здесь правда, а что вымысел? Шизофрения – это дар или проклятие? Что дает человеку эта таинственная болезнь и чего требует взамен?

Шизофрения таит множество загадок и секретов. Это больше, чем просто заболевание. Шизофренический процесс затрагивает высшую – ментальную, мыслительную, духовную сферу человека. Результатом этого являются такие изменения восприятия и мышления, каких не встречается ни при одном другом заболевании, не говоря уже об обычной психической деятельности. Эти изменения столь масштабны и столь удивительны, что заставляют по-новому взглянуть на психику и на всю духовную жизнь человека. В шизофрении причудливым образом переплетаются сложнейшие феномены сознательной и подсознательной сфер психики с мистическими и сверхчувственными явлениями, затрагивающими самые сокровенные тайны бытия. В симптомах шизофрении обнаруживаются следы древнейших архетипов человечества, а также проявления особых, уникальных свойств памяти и мышления.

Что это – болезненный артефакт или уникальная способность проникать в самые глубины видовой и генетической памяти? Существует ли загадочная «ось сверхсознания» и обладают ли больные шизофренией редчайшей способностью видеть и слышать то, чего не видят и не слышат здоровые, проникать в иные, неведомые и недоступные нам миры?

Мы попытаемся ответить на эти вопросы. Мы предложим на ваш суд самые современные научные взгляды и самые невероятные гипотезы. Мы проследим историю этого удивительного заболевания и сможем оценить то влияние, которое оказала шизофрения на всю историю человечества.

Шизофренический процесс во всех его проявлениях необычен и загадочен. Взять, например, галлюцинации при шизофрении. Знаете ли вы, что глухонемые, страдающие шизофренией, слышат голоса? Люди, которые никогда в жизни *не слышали* ни одного звука, *слышат* голоса и *разговаривают* с ними! А как принять такой вот рассказ пациента:

«... Я сидел на диване и смотрел телевизор. Вдруг я увидел черного кота, который нес в зубах книгу. Кот подошёл ко мне и отдал книгу. Книга была старинная, в коричневом кожаном переплете, с пожелтевшими страницами, написанная красивым рукописным шрифтом. Это оказалась древняя ведовская книга, которую я давно искал. Я начал читать книгу, и читал её три дня и три ночи. В книге были старинные заклинания и пророчества. Когда я прочитал, что мир должен погибнуть через три года, три месяца и три дня, мне стало страшно, и я сжёг книгу в печи. После этого голос приказал мне ехать в город. Я встал и поехал...»

Только представьте себе, какую колоссальную работу должен был проделать мозг этого человека (кстати, весьма заурядного по уровню интеллекта и творческой фантазии)! Попробуйте сами представить подобную картину в таких же подробностях и столь же ярко: вообразите книгу (которую

вы, заметьте, ни разу в жизни не видели!) и попытайтесь прочесть из неё хотя бы пару строк. Даже человек с исключительно развитым воображением вряд ли сумеет вызвать виртуальный образ так, чтобы его нельзя было отличить от реальности – не говоря уже о том, чтобы удержать его хотя бы несколько минут. А здесь человек непрерывно переживал в мельчайших деталях необычайно яркие видения в течение трёх дней, и за всё это время у него не возникло ни малейшего сомнения в том, что это происходит на самом деле – настолько реалистичными были галлюцинации. Кот, которого видел больной, был абсолютно реален, он ничем не отличался от других котов; он двигался, он идеально вписывался в обстановку – настолько точно, что больному не заметил ни малейших несоответствий или противоречий. Виртуальный кот прошёл через комнату и отдал книгу – точно в руки больному. В момент, когда книга коснулась рук больного, он её *почувствовал*. Больному видел эту книгу – вплоть до мельчайших трещинок на обложке, он видел желтые от времени страницы, он различал каждую букву, выписанную старинным шрифтом; буквы складывались в правильные слова, а слова – в осмысленные фразы. Беря книгу в руки, больному ощущал гладкие страницы и тёплую кожу переплета. Он слышал шуршание страниц и глухой удар, когда книга падала на пол. Он ощущал запах кожи и старинной бумаги. Когда больному клал книгу на колени, она закрывала его ноги – ровно настолько, насколько это было нужно для абсолютного ощущения реальности. Наконец, он сжёг книгу в печи – и видел, как она горела, видел пепел, оставшийся после *несуществующей* книги. Попробуйте воспроизвести это переживание – и вы убедитесь, что это лежит далеко за пределами возможностей здорового воображения. А ведь это был *больной* человек!

Самое удивительное то, что для шизофрении подобные явления не представляются чем-то особенным или невероятным. Эта история – лишь одна из великого множества подобных и даже ещё более впечатляющих историй. Видения и го-

лоса, которые являются больному шизофренией, кардинально отличаются от галлюцинаций при других патологических процессах. Они полностью владеют сознанием больного, и кроме того, нередко носят особый, апокалипсический характер. Издавна они считались гласом свыше, даром пророчества, вызывали у обычных людей страх и суеверный ужас.

Правда ли это? Можно ли доверять тому, что видит и слышит больной? Откуда он получает информацию? В этом мы тоже попытаемся разобраться.

Не менее интересна загадка шизофренического бреда. Бредовые построения при шизофрении отличаются удивительной стройностью, упорядоченностью, чёткой внутренней логикой, и, если угодно, изяществом. Помимо всего прочего, бредовые убеждения чрезвычайно стойки и совершенно не поддаются разубеждению. Никакие логические доводы, очевидные факты и самые убедительные доказательства не могут поколебать уверенности больного в собственной правоте. Если факты противоречат бредовым убеждениям, то больной проигнорирует эти факты или попытается встроить их в бредовую систему, но не сделает ни малейшей попытки пересмотреть свои убеждения. Так, один из наших пациентов был уверен, что его жена умерла, пока он находился на лечении в стационаре. А когда живая и здоровая жена явилась к нему на свидание, больной заявил, что это не настоящая жена, а агент спецслужб, переодетый женщиной. Он был абсолютно убежден в реальности того, о чем рассказывал. Ни очевидные доказательства, ни плач и мольбы несчастной женщины, на которую больной едва не бросался с кулаками, обвиняя в убийстве своей настоящей жены, не поколебали его уверенности в своей правоте. Он предпочел выдумать целую систему, поверить в сложную и фантастическую историю с переодеванием агентов вместо того, чтобы просто признать, что его жена жива.

Почему так происходит? Отчего больной не замечает очевидных противоречий? Зачем он проявляет такое упрямство? Ведь во всём остальном, что не касается бредовой систе-

мы, такой человек может быть вполне адекватным. Нередко бывает совершенно невозможно распознать заболевание до тех пор, пока разговор не коснется темы, вовлеченной в бредовую систему. Почему же больной так упорен в отстаивании явной неправоты? Этот вопрос тоже требует ответа...

Шизофренические миры отличаются удивительной цельностью. Как правило, это не отрывочные видения или эпизодические переживания, а полноценный и яркий мир. Мир, ничем не отличающийся по яркости и реалистичности от нашего мира, а нередко – и превосходящий его. Мир, в котором есть время и пространство, мир, живущий по своим законам, мир со своей логикой, своими страстями и событиями. Больной живет в этом мире, там его дом.

Проникнуть в этот мир невероятно трудно. Больной тщательно оберегает его от незваных гостей и любопытных глаз. Но у наших читателей есть такая возможность.

Мы приглашаем вас в путешествие. Путешествие по мирам, порождённым шизофренией. Мы станем вашими проводниками в этих мирах. Вы узнаете самые интересные из сотен и сотен историй, собранных за три десятилетия в одной из крупнейших психиатрических клиник Европы. В этой книге вы найдете истории подлинной драмы и глубочайшей трагедии, удивительные истории невероятных, мистических и вневещественных переживаний, а также истории отчаянной, на грани жизни и смерти, любви и ненависти, на которую способны только больные шизофренией.

Это – подлинные истории больных. Мы постарались максимально сохранить их оригинальный стиль, чтобы вы могли получить наиболее полное и достоверное представление об удивительных и таинственных мирах шизофрении.

Мы расскажем вам о том, что происходит с человеком на этом пути. Мы проследим путь больного шизофренией от первых, самых ранних проявлений болезни до того страшного и трагического состояния, при котором болезненный мир целиком овладевает человеком. Мы расскажем вам о тех изменениях, которые ощущает больной шизофренией,

начиная с первых мгновений заболевания и заканчивая его полным развитием, о том, что происходит с психикой больного, с его ощущениями, его эмоциями, его восприятием мира, о том, как изменяется внешний мир для больного и как изменяется больной для мира. Мы посмотрим на мир глазами больного шизофренией. Мы пройдем рядом с ним. И вместе с человеком, заболевшим шизофренией, мы попытаемся разобраться в тех изменениях, в тех переживаниях, чувствах, ощущениях, которые сопровождают его на этом пути. Вместе мы будем искать разгадку тайны шизофрении.

Выдающийся польский психиатр Антоний Кемпинский предпослал своей замечательной книге «Психология шизофрении» следующее посвящение: «Тем, которые больше чувствуют и по-другому понимают и потому больше страдают, и которых часто мы называем шизофрениками». Нам очень хотелось бы, чтобы эта книга приблизила читателя к пониманию таких людей, сделала их более доступными, близкими и понятными. Понять – означает принять.

Будьте готовы, уважаемый читатель. Мы вступаем в совершенно иной мир. Мир иных реальностей и иных измерений. Мир психических расстройств, имя которому – шизофрения.

В царстве королевы безумия

Мир изменился. Именно эта сакраментальная фраза как нельзя более точно отражает мироощущение больного в самом начале заболевания шизофренией. Мир изменился. Он стал не таким как прежде – незнакомым, необычным, пугающим. В отличие от больного неврозом, который скорее скажет «я изменился», шизофреник переносит «центр тяжести» изменений на окружающий мир. Позже, когда станет ощутимой деперсонализация, больной вдруг поймёт, что «я – больше не я», и тогда осознание изменённости самого себя станет пугающе неизбежным. А пока что – мир изменился. Теперь он наполнен странными намёками, зловещими предзнаменованиями и необычными ощущениями. Всё, что происходит вокруг – не случайно, неспроста, всё задумано заранее, подстроено, подтасовано. Окружающие смотрят не так и говорят только о нем, их речь туманна и непонятна, жесты угрожающи; попадающиеся на глаза предметы содержат какие-то таинственные знаки; словом, всё вокруг – только про него и только для него. Первое время больной бывает опарашен подобным вниманием. Он растерян и подавлен, он не может понять, почему он внезапно оказался в самом центре событий, отчего изменившийся мир вращается теперь вокруг него, и чем он заслужил это особое положение. На начальном этапе заболевания критика к своему состоянию ещё сохранена, и большинство больных понимают, что это ощущение изменённости мира, его подстроенности – проявление болезни; оно ненормально, неестественно, оно тягостно и мучительно для самого больного. Больной чувствует, что эти изменения – предвестники трагических и страшных событий, что судьба его совершает крутой и необратимый поворот.

Ощущения не обманывают его. Путь к безумию начался. Первый шаг к пропасти сделан. Где-то глубоко, в структурах мозга, уже идут разрушительные процессы, один за другим выходят из строя невидимые, в тысячную долю миллиметра, межклеточные контакты, цепь разрушений злоеющей волной ползёт по мозгу. С каждым мгновением больной отдаляется от старой реальности, и всё больше погружается в новый, патологически измененный мир.

Это ощущение по-разному переживается различными людьми. «Мир не такой как раньше», «всё какое-то ненастоящее», «живу как во сне» – подобными словами больные описывают свои впечатления от столкновения с изменившимся миром. Это изменение может быть внезапным или нарастать постепенно, и тогда некоторое время больной ощущает тягостное предчувствие чего-то страшного, неизбежного, трагического – предчувствие, которое он не может ни понять, ни объяснить, ни избавиться от него. Изменившийся мир давит на больного, пугает его – необычными красками, неестественными звуками, странными ощущениями. Перейти от обычного состояния сознания к болезненному восприятию чрезвычайно сложно, ведь память хранит информацию о нормальном, доболезненном состоянии предметов. Представьте себе, что однажды утром вы просыпаетесь и обнаруживаете, что зелень во дворе изменила свой цвет, став тускло-розовой, а многоэтажка напротив стала на треть выше и раздалась вширь, загораживая горизонт. Принять это как новую реальность очень непросто. Человек в растерянности – что-то произошло с миром. Меняются цвета, пропорции, звуки; он не узнаёт знакомых предметов, замечает непонятные и тревожные изменения в людях. В начальных стадиях заболевания больной часто пытается осторожными расспросами выяснить у окружающих, действительно ли мир изменился, и действительно ли эти ужасные изменения так заметны. Над ним смеются, от него шарахаются, его сторонятся – но это лишь укрепляет его подозрения. Как не поверить собственным глазам, если вот он, изменившийся мир – перед тобой!

Кто прав – ты сам или окружающие тебя люди? А ведь люди тоже изменились! Их лица теперь совсем другие, мимика стала неестественной, голоса незнакомыми. Разве можно им доверять?! И больной замыкается в себе, сторонится привычных контактов, становится мрачным и нелюдимым. Его преследует ощущение дереализации – нереальности, неестественности происходящего: «всё как во сне», «это какой-то кошмар», «сейчас я проснусь и всё пройдёт»... Но с течением времени изменения окружающего мира не только не сглаживаются, но становятся ещё более явными. Кризис нарастает. Больной ощущает, что вот-вот произойдёт что-то очень важное и очень страшное. Это – один из главных моментов в течении болезни. Рубикон перейдён. «Подготовительный период» безумия завершился. Патологические процессы в мозгу подошли к критической отметке. Изменения стали необратимыми. Начинается обратный отсчёт:

«Мне казалось, что весь мир следит за мной, что люди изменились вместе со мной, что все говорят обо мне и только обо мне, что мир ликует и радуется вместе со мной, что зло будет низвергнуто и наступит царствование добра. Слышу хриплый мужской голос: «Так ты теперь понял, кто я? Жди до половины второго, пока не наступит просветление»».

И после короткого тревожного затишья следует взрыв. Внезапное озарение охватывает больного. С этого момента всё становится на свои места. Больной – в центре событий, он – главный герой, благородный, правильный, непобедимый. Ему предстоит великая миссия. Он – единственный борец за счастье человечества, воин правды. Оттого весь мир против него: силы зла слишком сильны, они противятся ему, но он должен, обязан победить, иначе мир рухнет и всё погибнет:

«Я понял, что за моей душой идет хитроумная охота как со стороны Бога, так и со стороны дьявола. Для победы мне надо было понять и суть Бога, и суть дьявола. Напряжение достигло максимального уров-

ня... И тогда я понял, что инструкции, найденные в Апокалипсисе, написаны не для Иисуса Христа, а для меня, что от меня зависят судьбы мира, и что теперь я должен как солдат выполнять эти инструкции...»

Больной ощущает невероятный прилив сил, ему кажется, что он всевластен, что ему доступно всё, что он правит миром. И мир – его новый мир параллельной психической реальности – покоряется ему, уступает, признавая волю своего нового властителя:

«Мою душу наполняла невероятная сила и воля, от которых моё хлипкое сознание-наблюдателя просто морозило. Казалось, что число ноль будет судить другие числа за какие-то провинности, называя вслух их имена и постигая их суть. Комната доверху наполнилась прозрачными существами. Мне открылось, что имена этих существ являются большой тайной, но в иерархии существ есть другие, верховные сущности, которым не нужно скрывать своё имя. Одной из таких сущностей является та, что прячется за числом «ноль». Я выкрикивал необычные имена, которые вспыхивали в моем сознании, их было около тысячи, и прозрачные существа, теряя форму, будто пробитые воздушные шарик, опали на землю. Мне казалось, что дух ноля, который говорил через меня, тем самым пожирал других духов».

Измененное восприятие на этом этапе переживает своеобразный расцвет. Болезнь одаривает человека необычными переживаниями, таинственными и непривычными видениями, голосами, ощущениями. Больной оказывается внезапно вытолкнутым в совершенно иной мир, с абсолютно новыми эмоциями, чувствами, переживаниями. Эмоции достигают уровня экстаза, а высочайший уровень внутреннего напряжения подогревается непрекращающимися галлюцинациями.

Галлюцинации являются, пожалуй, наиболее эффективным из симптомов шизофрении. Именно они производят наибольшее впечатление на непосвящённых: сложно пове-

рять, что человек видит то, чего нет, разговаривает с несуществующими собеседниками или чувствует прикосновение бесплотных контактёров. Недаром выдающийся немецкий психиатр, автор термина «шизофрения» Еуген Блейлер писал, что ни при одном другом психическом заболевании галлюцинации не играют такой роли, как при шизофрении.

Наиболее часто наблюдаются слуховые, так называемые вербальные галлюцинации (от латинского «вербум» – глагол, слово). Больной слышит голоса. Голоса бывают самые разные. Тут и голоса умерших родственников, и великих людей, и голоса духов, привидений, дьявола или Бога. С больными шизофренией разговаривают посланцы иных миров – инопланетяне, жители параллельных вселенных, а также совершенно незнакомые люди:

«...Когда я читал Откровение Иоанна Богослова, я услышал голос в своей голове. Голос стал читать инструкцию по устройству конца света. Потом голос сказал мне:

– Теперь ты – Бог. Ты должен написать новую Библию и стать Мессией. Иди и смотри...»

«...Это было 11 сентября 2001 года. Я услышала голос моего отца, который умер три года назад. Это был его голос, я сразу узнала его. Папа сказал мне:

– Свух.

Я переспросила, что такое свух, и он ответил:

– Будет большая война.

После этого я узнала, что в Америке взорвали небоскрёб...»

Помимо слуховых галлюцинаций при шизофрении часто наблюдаются зрительные, обонятельные и тактильные галлюцинации. Как правило, они сочетаются друг с другом, создавая у больного целостную картину патологического мира. Галлюцинации могут быть потрясающими по яркости и реалистичности, они целиком владеют сознанием больного, определяя его поведение. Для больного галлюцинаторный мир абсолютно реален, он воспринимается даже более реальным, чем подлинный мир:

«... Это было сразу после того, как меня привезли в отделение. Я шёл по коридору, и вдруг увидел перед собой лестницу, уходящую вверх, на небо. Я понял, что это лестница, ведущая в рай. Голос сказал мне: «Давай, беги!» и я побежал по лестнице вверх. Вдруг я почувствовал сильный удар в лицо и потерял сознание...»

Шедшая за больным санитарка рассказала, что больной внезапно бросился бежать по коридору. В торце коридора находилось окно, забранное металлической решеткой. Больной бросился на это окно и разбил лицо о решетку. Впоследствии он утверждал, что не видел ни окна, ни решетки – он был абсолютно уверен, что бежит вверх по лестнице, ведущей в рай.

Помимо визуальных, слуховых и обонятельных галлюцинаций, при шизофрении не редкость ощущения изменения собственного тела. Больным кажется, что пропорции тела изменились, их беспокоит неприятное ощущение его нереальности, «искусственности». Подобные ощущения получили название деперсонализации. Больной будто сомневается в реальности собственного тела, ощущая при этом, что оно изменилось, что «я – больше не я», «мое тело больше не принадлежит мне», «я стал роботом». Нередко наблюдается своеобразное расщепление сознания – больной уверен, что он «как бы я, но в то же время не я»:

«Я умер 7 июня 2008 года, в четыре часа пополудни. Я хорошо помню этот день. Стояла душающая жара. Очень сильно болела голова. Я переходил улицу возле Центрального автовокзала и попал под машину. Это был коричневый «Фольксваген». Он появился внезапно, из-за поворота. Там на обочине стоят автобусы, и за ними не видно дороги. Я переходил дорогу, повернул голову влево и увидел «Фольксваген». Он несся прямо на меня. Я испугался и остановился, и тогда он сбил меня. Я перевернулся в воздухе и упал на асфальт. От удара моя голова треснула и я умер.

С этого момента всё как бы разделилось надвое. Я знал, что успел проскочить, и коричневый «Фольксваген»

проехал мимо. Но в то же время я знал, что он убил меня. Я был мёртв. 9 июня меня похоронили...».

Изменения восприятия у больных шизофренией неизбежно приводят к кардинальной перестройке всей психической деятельности. После того как Бог сообщил вам, что вы – Мессия, а кот принес в зубах волшебную книгу, вы уже не можете жить как прежде. То, что пережил галлюцинирующий человек, не уместится в рамки старых представлений о реальности. Это переживание противоречит всему его предыдущему опыту, всей существовавшей системе взглядов, представлений, убеждений. Галлюцинации при шизофрении необычайно значимы для больного, и он не допускает ни малейших сомнений в их реальности. В отличие от галлюцинаций, скажем, при наркотическом опьянении, к которым появляется критика после возвращения человека в нормальное состояние сознания, шизофренические галлюцинации всегда вне критики. Больной безраздельно доверяет увиденному и услышанному. Он постоянно пребывает в болезненной реальности, и галлюцинации для него – такой же способ получения информации о внешнем мире, как и сигналы органов чувств. Галлюцинации ложатся в основу построения нового мира: больной начинает перестраивать мир в соответствии с новой реальностью. Всё, что не соответствует этой новой реальности, противоречит ей, безжалостно отбрасывается:

«Я решил снова почитать Библию. Открыл книгу там, где открылось, и начал читать. Перед глазами снова поплыли скрытые смыслы слов с объемными формами и нахлынула новая волна страха от того, что жить мне осталось лишь эту ночь и счёт времени для меня идет на секунды. Я сидел возле стола, читал и плакал. Жена силилась отобрать у меня Библию, чтобы выбросить её в окно, а я кричал ей: «Не мешай мне, дьявол!». Внутреннее напряжение нарастало. Мне на колени с мяуканьем стала запрыгивать кошка. Я её сбрасывал на пол, а она запрыгивала снова и снова...

Неожиданно в сознании сверкнуло, что моя маленькая дочурка на самом деле является маленькой богиней будущего по имени Зайчик, и что именно её в образе Монны Лизы нарисовал Леонардо да Винчи пятьсот лет тому назад. Я ощущал в надрывном состоянии, что ещё немного, какой-то миг — и обычным усилием воли, самовнушением могу заставить себя умереть. Утешением была мысль, что я умираю ради жизни не просто моей дочурки, а маленькой богини, и мне от этого стало очень легко. Страх ушёл совсем и стало даже интересно — а что же происходит по ту сторону грани жизни. Я собрался с духом и приготовился сделать шаг за эту грань. Отсчёт пошёл на доли секунды...»

Наиболее часто в клинике наблюдается бредовая форма шизофрении. Её также иногда называют паранойей. Слово это происходит от греческого «пара» — около, ложно, и «ноос» — разум, смысл, и обозначает устойчивые ложные убеждения, не соответствующие действительности, бред. В обывательском представлении бред обычно воспринимается как набор бессвязных фраз, бессмысленное бормотание (например, бред при инфекциях или интоксикациях). Шизофренический бред не имеет с таким представлением ничего общего. Бред при шизофрении — это стройная система логических построений, в основе которой, однако, лежит ошибочное убеждение. Именно это убеждение является краеугольным камнем всей паранойяльной системы, и именно оно несёт на себе весь каркас бредовых построений.

Обычно в создании бредовой системы можно проследить три фазы: ожидания, озарения и упорядочения.

В фазе ожидания (ее ещё называют бредовым настроением) больного беспокоит невнятное ощущение предчувствия какого-то важного, принципиального изменения, которое должно произойти с миром и с ним самим. Обычно это ощущение сопровождается страхом неизвестности — человек не может понять, что происходит, он не в состоянии избавиться от тревоги по поводу грядущих событий, не может предсказать, в каком направлении они будут развиваться. Он ждёт,

что вот-вот произойдёт что-то особенное, что прояснит картину, сделает всё вокруг понятным и доступным для него.

И такой момент наступает в фазе бредового озарения. Внезапно всё словно озаряется вспышкой ярчайшего света. Больному вдруг становится всё предельно ясно. Всё становится на свои места. Он внезапно осознает, что мир изменился, что сам он изменился вместе с миром, и что ему понятны и причины, и содержание, и цель этого изменения. Это осознание сопровождается ощущением экстаза, высочайшего эмоционального удовлетворения, восторга открытия и понимания. Приблизительным эквивалентом такого переживания (хотя и несравненно более слабым по силе ощущений) является инсайт — момент творческого озарения, великого научного открытия, исключительного интеллектуального прорыва или создания гениального произведения. Антоний Кемпинский полагает, что наиболее удачно сравнение бредового озарения с тем чувством сильнейшего нервного потрясения, которое испытывает человек в момент обращения при религиозных или мистических таинствах: прежний человек перестает существовать, рождается совершенно новый, который видит мир уже другими глазами. На этой стадии образ нового, изменившегося мира ещё может носить следы прежнего тумана, некоторой хаотичности и беспорядочности. Истина уже известна больному, но её ещё предстоит «отшлифовать», встроить в безупречную, идеально правильную логическую систему.

Это упорядочение происходит в третьей стадии, которая часто называется фазой кристаллизации бреда. Последнее определение чрезвычайно удачно — в фазе кристаллизации бредовая система как бы выкристаллизовывается, упорядочивается, от неё отсекается всё лишнее, ненужное, а сама она приобретает характер монолита — идеального кристалла, разбить который невозможно. Все события жизни больного и окружающей действительности включаются в стройную, логически завершённую систему бреда. Не существует ничего в окружающем мире, что не было бы с ней связано. Больной

точно знает, кто, когда и что сказал, как посмотрел, что подумал, как улыбнулся; любая мелочь – случайный жест, обрывок разговора прохожих на улице, звонок телефона – не случайны, все эти события так или иначе связаны с больным, имеют к нему непосредственное отношение, рассматриваются им через призму бредовых убеждений, и встраиваются в паранойальную систему. Для больного не существует слов «не знаю». Ему доподлинно известны мысли людей, глубинный смысл их поступков, их тайные желания, их цели. Он также знает всё об окружающем его мире – во всяком случае, о той его части, которая соприкасается с бредовой системой; за пределами же этой системы для больного мир не существует.

Бредовые построения при шизофрении отличаются удивительным разнообразием. Всё это многообразие укладывается в бесконечный континуум между двумя полюсами – положительным и отрицательным. Больной либо «сверху» – и тогда это бред величия, вплоть до мегаломанического, когда больной ощущает себя Богом, всесильным, способным повелевать всем миром, распоряжаться судьбой вселенной, он чувствует себя мессией, призванным спасти мир, цивилизацию, человечество; либо «снизу» – и тогда это бред преследования, ревности, самоуничтожения, когда больной чувствует себя загнанным в угол, обманутым, ничтожным и недостойным.

Особенностью шизофренического бреда является его нередко мистический характер. Мистика при шизофрении играет особую роль. Ни одно другое психическое расстройство не соприкасается так близко с миром мистических явлений, с особыми состояниями сознания и связанными с ними удивительными явлениями. Взгляды ученых на причины этого различны. Одни полагают, что причина тесной связи шизофренических расстройств с особыми, сверхчувственными, мистическими переживаниями в том, что шизофренический процесс сопровождается интенсивными, чрезвычайно впечатляющими галлюцинациями, которые человек не может объяснить ничем другим кроме вмешательства высших сил. Другие исследователи склонны искать причину в том, что ши-

зофрения затрагивает подсознательные, глубинные, архетипические процессы – то, что сейчас принято называть видовой или генетической памятью, «памятью предков». Третьи склонны рассматривать шизофрению как своеобразный вид особого состояния сознания, открывающий дорогу к уникальным, мистическим и трансцендентным переживаниям, недоступным в обычном состоянии сознания. Выдающийся немецкий психиатр Карл Ясперс полагал, что мистические, сверхъестественные переживания при шизофрении вообще не следует рассматривать как проявление патологии, поскольку они являются следствием свойственного всякому человеку стремления познать себя, свою природу и своё предназначение.

Мы остановимся более подробно на этих и других гипотезах в главе, посвящённой причинам шизофрении, после того, как вы ознакомитесь с историями больных и убедитесь в том, что переживания человека, поражённого шизофренией, действительно находятся за пределами обычных человеческих чувств, эмоций и переживаний. Пока же заметим, что многообразие шизофренических миров поистине неисчерпаемо. Здесь и многочисленные варианты мистических, религиозных, трансцендентных откровений, и всевозможные контакты с представителями иных разумов и цивилизаций, и невероятные миры, находящиеся вне пределов действия физических законов и законов реальности, и миры трагических, драматических событий, затрагивающих основные проблемы человеческого бытия, и обычные, «приземлённые» миры борьбы, соперничества, агрессии, преследования и ревности.

Однако у всех этих бесконечно разных миров есть одна общая особенность. Какова бы ни была фабула бреда, каким бы сложным и разнообразным ни был новый мир, центральное место в нём всегда занимает сам больной. Он – главный герой, ради него происходят все эти изменения, для него построен этот удивительный мир, и для него этот мир живет и действует. Враждебен ли этот мир или дружественен, жесток или ласков, несёт ли он угрозу или умиротворение – он всегда вращается вокруг больного. Именно поэтому попытка

лишить больного его патологического мира воспринимается им как катастрофа, полное и тотальное уничтожение окружающей действительности, непоправимая и невозполнимая утрата. Наверно, подобные чувства испытывал бы человек, случайно выживший в ядерном апокалипсисе и стоящий посреди дотла разрушенного города. Тлен и пустота, одиночество и страх, тела и руины – вот образ «возвращённого» мира реальности, предстающий перед больным. Поэтому современная психиатрия в качестве первоочередной задачи ставит не «выталкивание» больного любой ценой в чуждый и враждебный ему мир реальности, а максимальную адаптацию внутреннего мира человека к условиям объективной действительности, создание условий для реализации человека в общественной и личной жизни.

Необходимо также отметить, что помимо так называемых позитивных (они же продуктивные), не меньшее значение при шизофрении имеют негативные (дефицитарные) симптомы. Продуктивные симптомы названы так потому, что отражают появление патологического продукта – галлюцинаций и бреда, который у нормального человека отсутствует. Дефицитарные симптомы – отражение недостатка, дефицита того, что раньше было у больного, а теперь «съедено» болезнью (эмоции, общение).

В первую очередь дефицит, возникающий вследствие болезни, затрагивает эмоциональную сферу. Изменения эмоций у больного шизофренией скоротечны и разительны. «Словно подменили!» – удивляются родственники и близкие больного. Ещё недавно внимательный и заботливый человек становится на удивление холодным и бесчувственным. В первую очередь это ощущают самые близкие, те, кто заботится о больном – жена или муж, мать, дети. Вскоре безразличие сменяется немотивированной неприязнью. Довольно часто наблюдается амбивалентность, двойственность эмоций – больной одновременно испытывает любовь и ненависть, интерес и отвращение, радость и печаль. Некоторое время, в самом начале заболевания, у больного ещё могут наблюдать

ся короткие вспышки нормальных человеческих эмоций, однако вскоре их сменяет полное равнодушие и холодность.

Эмоциональная жизнь при шизофрении вообще чрезвычайно бедна. Все силы, всю энергию, все переживания больной отдаёт болезненному миру, и для реального мира почти ничего не остается. Психиатры называют это «эмоциональным уплощением». Эмоции больного шизофренией действительно «плоские», бесцветные, безжизненные. События реального мира не трогают, не волнуют, не тревожат. Иногда это равнодушие беспокоит больных, они жалуются на утрату способности радоваться и горевать, волноваться, испытывать интерес – словом, переживать все те эмоции, что были у них до болезни. Это состояние в клинике получило название болезненного бесчувствия – *anaesthesia dolorosa*. Нередко в эмоциях наблюдается странная диспропорция – больной бурно переживает гибель комнатного растения, но остается совершенно равнодушным к смерти самых близких людей.

Важнейшим симптомом шизофрении является аутизм. Аутизм проявляется утратой контактов с внешним миром, уходом в болезнь, социальной апатией и отчуждением. Активность больного всё больше перемещается из мира внешнего в мир внутренний – патологический. По мере развития болезни внешний мир всё более отдаляется, становится всё более непонятным, пугающим. Измененное восприятие накладывает на привычный мир новую маску: окружающие больного люди вдруг оказываются дьяволами, с больным происходят непонятные и таинственные явления, против него строятся заговоры, его хотят убить, превратить в робота, вселяют в голову чужие мысли – словом, всячески преследуют. Внешний мир, вчера ещё привычный и уютный, становится враждебным, побуждая больного бежать от него в мир внутренний – мир грез и фантазий. Постепенно этот болезненный мир разрастается, заполняется всё новыми и новыми построениями, вытесняя внешний, реальный мир куда-то на периферию, на задворки сознания. Настоящая жизнь для больного протекает внутри,

в патологическом мире, внешний же мир существует лишь в тех границах, где он соприкасается с внутренним миром болезненных построений.

Шизофренический процесс неизбежно затрагивает всю сферу мышления. Изменения претерпевает не только содержательная сторона мыслительных процессов, но и формальные характеристики мышления. При шизофрении наблюдаются нарушения логической связи между мыслями, а в тяжёлых случаях – даже внутри фразы (тогда речь больного состоит из набора бессмысленных, не связанных друг с другом слов – «словесная крошка»). В речи больного заметны «соскальзывания» – внезапные переходы от одной темы к другой, не связанные смыслом, а также склонность к пустопорожним размышлениям (резонёрству). Чтобы проиллюстрировать это положение, приведем отрывок из письма больного своему лечащему врачу. Помимо характерных изменений мышления, обращает на себя внимание развернутая картина бреда и галлюцинаций:

«Приветствую Вас, мой врач Н.С. Хочу Вас предупредить о том, что Вам угрожает опасность. Спецслужбы западных стран читают все наши с Вами мысли. У них есть совершенная аппаратура, которая читает мысли президентов всех стран. Это происходит через эфир. Для чего я им понадобился, я догадываюсь. А Вы нужны им потому, что Вы – энергетический вампир. Под Вашим влиянием в моей голове происходят необыкновенные ощущения: голова то нагревается, то запотевают, то кружится, то будто в ней находится рой пчёл. Мне нужна информация из области медицины, колдовства, пророчества, разгадывания снов для того, чтобы с этим бороться и защитить себя и Вас от опасности. При этом всё это должно быть тайной.

Мои голоса. В голове я постоянно напеваю мелодию «Хеппи бездей ту ю», американскую песню. Даже силой воли я не могу её остановить. Можно обмануть себя, но не ученых. Надо мной ученые ставят страш-

ный эксперимент. И все в этом замешаны: американцы, спецслужбы, МВД и врачи-психиатры. Они меня превратили в зомби, который выполняет их волю. Но с некоторого времени это перестало меня волновать. Я стал уже не тем, кем был. Кто я? Не знаю, как себя назвать. Я называю себя просто человеком-роботом. Я начал добывать интересную информацию и все во мне заинтересованы. Я говорю иногда правду, а иногда неправду (вру). Могу сказать одну правду в нужный момент, но окружающие люди всё равно ничего не поймут, так как во время беседы можно на что-то намекнуть, а можно молчать. Но наступает время и в голову приходят новые идеи и всё начинается снова. Я играю в новую игру, я знаю, что проигрываю, и это мне нравится. Пройдёт время и я забуду. Что мне говорят голоса, понимаю один только я, а это значит, что я научился ими руководить. Я создаю систему обманов из реальных и нереальных моментов, погружаюсь в этот мир и в нём живу. На первый взгляд, это бред сумасшедшего. Но в бреде я нахожу тайное содержание. Я обращаюсь ко всем, кто в этом замешан. Психиатры пусть ставят диагноз. ЦРУ пусть решает – зомби я или нет. Спецслужбы и МВД пусть преследуют меня. Ученые пусть думают, занимаюсь я самолечением, или «вгоняю» себя в сумасшествие. В каждой фразе есть ловушка. Отгадайте для кого. Одна фраза позволяет поставить диагноз. Каждая фраза скрывает тайну. Дайте ответ, кто я? Бог, сатана, преступник или человек? Каждый исторический персонаж мне подходит: Юлий Цезарь, Клеопатра, царица Тамара, Гитлер, Сталин, Ленин, Казанова или Отелло. Что это – попытка спрятаться от правосудия или очередная игра на выживание? Подсказывают мне голоса, или я сам нахожу выход? Кто и как принудил появиться моих врачей с лицом Сатаны, ведьмы или добродетельной девушки? Кто это сделал – я, церковь, сатанисты или врачи? На кафедре психиатрии есть специальная аппаратура, которая может спровоцировать человека на агрессию, вызывает разные ощу-

щения – страха, трудных раздумий и даже любовные ощущения. Эта аппаратура руководит всеми моими действиями и мыслями. Но я держу себя в руках. Она сделала из меня сексуального робота. Сотрудники кафедры подключили ко мне аппаратуру, записали на плёнку голос врача и прокручивают его в моей голове. Врач – женщина, которая любит меня. Всего не могу вспомнить, но основные слова такие: «Я люблю тебя с первого взгляда, люблю романтической и неделимой любовью. Сжался надо мною, я без тебя не могу жить, приди ко мне». Я её, конечно, успокаиваю. Говорю, что всё пройдёт, что вечной любви не бывает. Говорю, что всё это происки тёмных сил, стараюсь её утешить. Не понимаю, в какой голове родился этот замысел, не понимаю, для чего спецслужбам нужна наша любовь. Для чего мне нужен этот бред, может, потому, что во время бреда приходят гениальные идеи? Заставил ли я Вас призадуматься? Это красивая сказка, формула любви. Это моя игра, играйте по моим правилам. Это кругооборот воды в природе. Это моя тайна. Никому не расскажу».

Исход шизофрении может быть различным. В некоторых случаях ремиссия (период клинического выздоровления, когда симптомы заболевания отсутствуют) может длиться несколько лет и даже десятилетий. В психиатрической практике встречаются случаи, когда дебют шизофрении отмечен в восемнадцати-двадцатилетнем возрасте, а следующее обострение наступило после пятидесяти лет. В течение всего «светлого промежутка» такие больные вполне адекватны и не обнаруживают признаков психического расстройства. Они успешно получают образование, заводят семью, растят детей – в общем, ничем не отличаются от здоровых людей. Иногда (хотя и редко) заболевание может проявиться единственным дебютом (обычно в подростковом или юношеском возрасте), и впоследствии ни разу не напомнить о себе. В других случаях шизофрения принимает более злокачественный характер: обострения следуют одно за

другим, ремиссии становятся всё короче, дефект личности быстро нарастает. В этих случаях со временем разрушительные процессы, идущие в мозге, приводят к катастрофическим изменениям, и шизофрения переходит в последнюю стадию – деградации и распада личности.

Мы хотели бы обратить внимание читателя на один принципиальный момент. Поставить диагноз любой психической болезни, в том числе и шизофрении, может только врач-психиатр. Более того, хороший врач, прежде чем выставить такой диагноз, многократно перепроверит имеющиеся данные и взвесит все «за» и «против». К сожалению, нередки случаи, когда некомпетентные в психиатрии люди, руководствуясь обывательскими стереотипами, начинают наклеивать на окружающих, чьи мысли и поведение кажутся им странными, ярлыки «психов». Хотим подчеркнуть, что это совершенно недопустимо. Нельзя утверждать, что человек болен шизофренией только потому, что его суждения или стиль жизни не соответствуют вашему. Диагноз шизофрении ставится врачом не исходя из каких-то личных соображений, а на основании строгих и четко определенных критериев, официально утвержденных Всемирной организацией здравоохранения. Мало того, наличие у пациента отдельных из этих критериев не дает оснований для постановки диагноза. Чтобы заподозрить наличие у человека шизофренического процесса, необходимо определенное сочетание критериев, а также устойчивость болезненных проявлений во времени. Поэтому повторим ещё и ещё раз: судить о наличии у того или иного человека того или иного психического расстройства может только специалист. Самодеятельность здесь недопустима!

Контакт с психически больным представляет собой нечто особенное, уникальное, не встречаемое в обычном общении. Для человека, который хочет понять больного шизофренией – это погружение в его внутренний мир, отказ от стереотипов, от установки «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», и готовность принять всё как

есть, не пытаясь сломать и приспособить к своей собственной картине мира. Больной – не дикий зверь в зоопарке, а человек, ничем не хуже и не ущербнее прочих людей. Его переживания, его патологические миры – не развлечение и не забава. Попробуйте осознать, что большая часть жизни, единственной и неповторимой жизни шестидесяти миллионов людей, занята этими мирами. Им никогда не забыть того, что они пережили, не вычеркнуть этого из жизни, не переписать её заново.

Если вы читаете эту книгу, значит, вы понимаете это. И значит, вы – тот человек, который сможет понять больного шизофренией, не оттолкнёт его, не шарахнет, не унизит его насмешкой или пренебрежением. Это значит, что вы важны для них, вы нужны им. Вы – хозяйка огромного и могучего мира реальности, враждебного по отношению к людям, страдающим шизофренией. Но вы готовы понять их. Вы готовы принять их восприятие мира. Вы готовы отказаться от стереотипов. С помощью этой книги больные доверяют вам самое ценное, что у них есть – свой мир. Они открывают перед вами двери в свои миры в надежде, что вы поймёте и примете их. Все люди, чьи истории описаны в этой книге, дали своё согласие на их обнародование. Не всем это далось легко. Больной оберегает свой мир от равнодушных и жестоких глаз, и не пускает в него посторонних. Самым действенным аргументом, который мы использовали, убеждая пациентов, что их истории, их чувства, их переживания будут интересны и нужны другим людям, была идея о том, что чем больше людей будут знать правду о шизофрении, тем легче и комфортнее будет жизнь больных в мире нашей реальности – мире, который для них – лишь обратная сторона настоящей реальности.

В этой книге – пять историй. Пять судеб. Пять трагедий. Пять миров – абсолютно разных, уникальных, непохожих друг на друга.

Но есть нечто главное, что их объединяет. Причиной того, что эти миры стали реальностью, того, что жизнь таких

разных людей круто и навсегда изменилась, стала шизофренией.

Первая история – история драмы. Дневник больного шизофренией, шаг за шагом описывающий погружение в болезненную реальность, дополнен его заметками, сделанными во время пребывания в психиатрической больнице. Блестящий литературный талант, живой, образный язык, захватывающее описание величественного и загадочного мира патологических превращений, меткие характеристики психиатрического стационара – всё это захватывает с первых строк и увлекает читателя в удивительные, неведомые ранее переживания. Несмотря на настойчивые уговоры, автор этих записок категорически запретил нам открывать своё подлинное имя, предпочтя укрыться за безликим псевдонимом «Дневник Александра С.». Причина такой боязни проста – сегодня этот человек имеет хорошую работу в престижной компании, и его трудолюбие и настойчивость позволяют ему надеяться на скорую перспективу роста. Однако всё это может пойти прахом, если его новое начальство узнает, что он душевнобольной: предубежденность, агрессивное и враждебное настроение по отношению к «психам» людей, гордо именующих себя здоровыми – свидетельство того, что наше общество недалеко ушло от средневековых предрассудков и жестоких заблуждений.

Вторая история позволит вам совершить путешествие в удивительные миры психотической реальности и убедиться, что эти миры неизмеримо интереснее и сложнее, чем любые выдумки и фантазии. Её герой – человек со сложной и интересной судьбой, прошедший все круги шизофренического ада – рассказывает о тех страшных и поразительных событиях, которые происходили с ним, и о тех переживаниях, что сопровождали его на этом пути. Глубина и накал страстей, стремительная смена событий, ужасные, драматические испытания, погружают читателя в мир шизофренического психоза – мрачный, трагический, исполненный ежесекундного риска и смертельной опасности.

Третья история – история любви и ненависти, болезненного, на грани экстаза и отчаяния чувства, на которое способны только больные шизофренией.

Четвёртая история – весьма типичная, и в то же время уникальная и драматичная – даст вам представление о том, сколь серьёзно шизофренический процесс затрагивает важнейшие вопросы человеческого бытия, о том, какими сильными могут быть переживания больного шизофренией, и насколько важной и значимой для него является болезненная реальность.

И, наконец, пятая история – самая необычная – позволит вам погрузиться в самые глубины шизофренических переживаний и убедиться в том, что миры больных шизофренией – это действительно *иные* миры.

Предлагая вам эти истории, мы хотели бы прежде всего дать представление о том, насколько может быть сложен и богат внутренний мир больных шизофренией. Это поможет вам отнестись к ним с пониманием, когда вам доведется встретить таких людей. А это происходит не так уж редко. Обычный человек, проживающий в крупном городе, ежедневно сталкивается как минимум с 5-6 больными шизофренией. Это прохожие, попутчики в транспорте, посетители в офисах и покупатели в магазинах, знакомые и соседи. Мы хотим, чтобы вы поняли, что у каждого из них есть свой мир, уникальный и интересный – не менее интересный, чем мир нашей с вами реальности. Мы надеемся, что эта книга станет для вас своеобразным путеводителем по миру шизофрении, откроет неведомые ранее страницы и разрушит образ больного шизофренией как опасного монстра, робота-разрушителя и бездумного варвара.

Внутренний мир каждого человека уникален и неповторим. В равной мере это относится к больным шизофренией. Мы надеемся, что убедившись в том, что эти миры могут быть намного богаче и интереснее, чем мир обыденной реальности, вы будете относиться к ним с уважением.

История первая ДНЕВНИК ПАЦИЕНТА

Первая история познакомит вас с судьбой молодого человека, столкнувшегося с острой формой шизофрении.

Короткий период предвестников (так называемый парагномен), при котором наблюдается быстротечный психотический эпизод, предшествует бурному началу заболевания. В порождениях болезненного сознания ярко проступают как черты нормального, не искажённого болезнью восприятия, так и масштабные картины патологического мира, – таинственного, необычного и чрезвычайно интересного. Картина течения заболевания типична для галлюцинаторно-параноидной формы шизофрении.

Галлюцинаторно-параноидная форма – одна из наиболее часто встречающихся в клинике. Она предполагает наличие галлюцинаторного синдрома – обычно в форме вербального галлюциноза, и бреда (параноида). Содержание бреда обычно тесно связано с содержанием и характером галлюцинаций и определяется ими. Со временем галлюцинации и бред «сплавляются» в целостную галлюцинаторно-бредовую систему, которая полностью руководит поведением и определяет всю жизнь пациента.

История, которая предлагается вашему вниманию, охватывает примерно год (с апреля по февраль), и состоит из воспоминаний пациента – своеобразного литературного дневника, – и записей, сделанных им во время пребывания в стационаре.

Следуя просьбе автора записок, мы постарались максимально сохранить их оригинальный стиль и предлагаем их вам практически в том виде, в каком увидели их сами.

Дневник Александра С.

Октябрь. Больница.

Я часто думаю о том, что произошло со мной в течение последних месяцев. Я до сих пор не знаю, было это на самом деле, приснилось ли мне, или произошло с кем-то другим и просто вписано в мою память подобно тому, как лазер выжигает на блестящем податливом диске дорожку-мем.

Первые дни в больнице живёшь будто во сне. Мощное действие лекарств смешивает сон и реальность, и ты легко переходишь от шаткого бодрствования ко сну. Лекарственные сны тяжёлые, без сновидений, ты просто проваливаешься в серую вату – и ни картинок, ни звуков, ни ощущений.

Потом, через несколько дней, когда уменьшают дозы, просыпается сознание, просыпается собственное «Я», и ты начинаешь потихоньку выныривать в Реальность, осторожно пробуя её на вкус – пресную, липковатую; она лижет тебя холодным языком, она хочет, чтобы ты забыл своё прошлое, забыл самого себя; она вырастает на обломках твоего Мира как панельная девятиэтажная коробка на руинах древнего храма. Она ещё слаба и прозрачна, твоя новая Реальность, и сквозь её дрожащее марево проступают черты Настоящего Мира.

Ты ощущаешь ледящую пустоту и одиночество. Твой мир уничтожен, твой дом сожжён, ты в изгнании, ты один в серой пустыне Реальности – опустошённый, обессиленный, лишённый опоры, ежеминутно озираясь в призрачной надежде вернуться в Настоящий Мир. Ежедневные обходы, раздача лекарств, кормления – всё, что отдаляет тебя от Настоящего Мира, вызывает у тебя яростный протест и ненависть, и ты хочешь только одного – скорее упасть на койку, и погрузиться в безмолвие. И тогда тёплая волна обни-

мет тебя, и покачивая, понесёт в небытие, и быть может тогда тебе посчастливится на миг коснуться Настоящего Мира.

А потом, в одно серое утро, ты просыпаешься и видишь только Реальность, и нет больше Настоящего Мира, как бы ни пытался его разглядеть. Я разговаривал с больными – это ощущение внезапного лишения Настоящего равносильно смерти.

Но тебя ждёт ещё одно ужасное открытие. Отныне вместе с Миром тебя лишили Времени. Ты полностью теряешь ощущение смены событий, время замирает, останавливается и перестаёт существовать. Для тебя больше нет вчера, сегодня, завтра. Смена дня и ночи, рассветов и закатов проходит мимо твоего сознания, и ты не понимаешь – утро сейчас или вечер, понедельник или суббота, апрель или ноябрь, – всё скатано в один серый ком времени. Твои внутренние часы стоят, стрелки замерли на двенадцати, а на табло 0:00:00. Это бытие в самом сердце остановленного времени; время спит в твоей голове, и тебе не хочется больше ничего – ни жизни, ни смерти, ни любви, ни ненависти...

Всё приходится начинать с нуля. Память стёрта начисто, и простейшие, знакомые с детства до мелочей действия вызывают неожиданные затруднения. Ты не помнишь, как надо умываться, чистить зубы, в несколько попыток не можешь прикурить сигарету, потому что не знаешь, как пользоваться спичкой.

Твоё новое жилище – наблюдательная палата: двенадцать коек и неизменный санитар у входа, как Цербер, стерегущий врата в царство теней. Твои неожиданные соседи и товарищи по несчастью – одиннадцать сумасшедших, как одиннадцать братьев-лебедей; на них нельзя смотреть без щемящей жалости. Сосед слева, молодой парнишка, после трёх дней беспробудного медикаментозного сна пришёл в себя и сообщил, что у него шизофрения и что он обязательно задушит меня, когда я буду спать. Сосед справа, седой мужчина, поделился яблоком – сражался в пустыне, захватил с караваном, вместе с прочей добычей: драгоценными ки-

тайскими шелками, серебряным оружием, золотом и самоцветами. Боже праведный, неужели я подобен этим сумасшедшим?!

Ещё несколько дней лечения, и ты уже относительно свободен, тебя перевели в общую палату, ты слоняешься по отделению, гуляешь во дворике, общаешься с более или менее разумными больными, которых здесь называют «сохранными», и размышляешь над тем, что с тобой произошло. То и дело погружаясь в своё прошлое, отчаянно ищешь ответ на вопрос: что это за чудо было в твоей жизни, зачем оно было и почему это произошло именно с тобой? Воспоминания не оставляют ни на минуту, выныривая из подсознания с назойливостью судорожного припадка. Носить это бремя в себе невероятно тяжело, и возникает непреодолимое желание поделиться с кем-то своими мыслями, переживаниями, ощущениями. Несколько раз мне приходилось рассказывать свою историю разным людям. Это были врачи, студенты, преподаватели университета. Но я ощущал, что этого мало, что я должен рассказать о том, что со мной произошло, другим людям. Мой лечащий врач, Николай Стефанович, зная о моих прежних литературных опытах, предложил изложить всё на бумаге. Предложение попало в точку. Наверно, эта идея давно вертелась в моей голове, и мне просто нужно было, чтобы её озвучил кто-то другой. В любом случае я с готовностью согласился описать свою историю, и теперь передо мной обычная студенческая тетрадь в зеленой обложке. Я беру ручку, и на гладкой желтоватой бумаге появляются первые строки:

«...Я часто думаю о том, что произошло со мной в течение последних месяцев ...»

Возможно, всё это будет полезным лишь для специалистов, возможно, они будут разбирать мои письма, препарировав их в поисках всяческих «резонёрств» и «паралогизмов». А может, кто-то из обычных, нормальных людей найдёт в них что-то интересное и полезное для себя. По крайней мере, мне бы очень хотелось, чтобы так и было.

Я сижу возле окна и смотрю на белые пушинки первого снега. За окном тихо умирает осень. Конец октября. Семь месяцев прошло с того времени, как моя жизнь круто и навсегда изменилась. Всего семь месяцев... Господи, будто целая жизнь пролетела – миллион лет! Впрочем, так оно и было на самом деле.

Но прежде чем рассказать, как это произошло, я хотел бы добавить несколько слов о себе – так сказать, познакомиться. Родом я из небольшого провинциального городка. Окончил университет, до недавнего времени работал в известной финансовой компании. Дома меня ждут жена Ирина и маленькая дочурка Вероника. Писать стихи и прозу начал ещё в школе. Принимал участие в литературных конкурсах, и небезуспешно. Не чуждый литературе читатель мог встретить мои стихи в нескольких поэтических сборниках и в Интернете.

Вот, пожалуй, и всё. А теперь – к делу.

Начало. Апрель.

Отчего я так часто вспоминаю тот апрель? Наверно, потому, что это был последний месяц моей обычной жизни; последний месяц, когда я принадлежал самому себе.

С этим временем у меня связаны нежные и тёплые воспоминания.

Дивная, волшебная пора – предвестие весны. Воздух прозрачен и чист, всюду ощущается запах свежей земли, запах возрождающейся природы, запах жизни. Небо весной удивительно яркое, синее и глубокое, а по ночам в фиолетово-чёрной глубине сияют прозрачные голубые звёзды.

Дни напролёт я работаю, иногда забывая поесть, а по ночам пишу стихи. Весна – пора вдохновения...

Помню ощущение простой земной радости, владевшее мною в ту пору. Всё в моей жизни складывалось удачно. По окончании университета я получил предложение от солидной финансовой компании, где подрабатывал ещё студен-

том. Той весной мы заканчивали большой проект, суливший широкие перспективы. Отношения с коллегами складывались прекрасно. Большинство я знал ещё по студенческой работе, с остальными старался быть доброжелательным и корректным. Особенно мы сошлись с Олегом, моим одногодком, весёлым и компанейским парнем, работавшим в юридическом отделе. Моя любимая жена Ирина, с которой мы жили в любви третий год, полгода назад подарила мне маленькое чудо – нашу доченьку Веронику, в которой я души не чаял. И конечно, лучшие мгновения дарило мне творчество. Всё вокруг вдохновляло меня на написание стихов, и речь моя лилась свободно и раскованно:

В негромких радостях простой неспешной жизни
Я находил святую чистоту.
Раздумий ясный свет и чувства укоризну
Я доверял тетрадному листу.

Я в этот мир входил неоднократно,
В обличьях разных, в суете эпох.
И современниками понятый превратно,
Я в вечность уходил. Но милосерден Бог:
Завидная мне выпадала доля –
С рожденья до скончанья дней
Пером поэта, рифмы волей
Сердца затрагивать людей.

Я жил в блестящий век Равенны,
И Рима гордого сияние воспел.
Пиитом славным на скрижалях Мельпомены
Я след оставил. Я успел
С поэтами Серебряного века
Громокипящий кубок осушить,
Стихами бурь, войны и пятилеток
Я помогал историю вершить.

И ныне, время принимая
Как данность, чистою душой,
Я в пьесе Бытия идею понимая
Свой путь ищу, свою играю роль.

Но в это же время впервые появилось и стало беспокоить меня странное, невнятное ощущение грядущей беды. Я чувствовал какую-то внутреннюю тревогу, как будто вот-вот должно было случиться что-то ужасное и непоправимое. Время от времени у меня возникало ощущение, что с моим сознанием творится что-то странное, болезненное и неприятное. Бывало, что на какой-то миг я терял ощущение реальности, и тогда мне казалось, будто я смотрю на себя со стороны. Время замедлялось, всё вокруг начинало двигаться как в замедленном кино, а я замирал и не мог пошевелиться. В голове начинали роиться мысли, но это были не обычные, цельные мысли, а какие-то невнятные обрывки, похожие на куски туманных, непонятных фраз, и я не мог сосредоточиться ни на одной из них, как ни старался. Иногда эти приступы заставляли меня посреди людной улицы, и тогда я вынужден был несколько минут стоять неподвижно, переживая внезапный наплыв мыслей. Меня толкали прохожие, однажды какая-то сердобольная тётенька спросила, не болен ли я, а я стоял, охваченный внезапным приступом, и не мог даже самому себе объяснить, что со мной происходит.

Впрочем, эти моменты были редки, и я относил их к последствиям переутомления, каждый раз давая себе слово меньше работать и больше отдыхать. Но жажда творчества была сильнее, и я забывал свои обещания, продолжая по ночам писать стихи. К периоду моих тогдашних ночных бдений относятся следующие строки:

Я видел странный сон. Кровавыми слезами
 Сочилось время из разрезов бытия.
 Толпа у храма. Свет над образами,
 И жажда чуда... Вдруг услышал я
 Как тихий ропот разорвало криком:
 Над потрясённым людом грозным ликом
 Явился Ангел. Замерла толпа,
 Внимая страшному пророчеству.
 Слова его ярили душу. Ад являлся:
 Им уничтожить время Ангел клялся –
 То гласом Ангела судила их Судьба.

Сбылось пророчество – и времени не стало,
 Прервалась бытия паучья нить.
 Минута, месяц, год: то много или мало? –
 Не ведомо. Событий сохранить
 Привычный ход не в силах люди. Будет
 Отныне бесконечным миг, и мимолетной бесконечность.
 Будет вечность в застывшем времени
 Молчание хранить...

Мне нравилось писать стихи. Я наслаждался властью над словами. Меня привлекала мелодия рифм, очаровывало удивительное таинство рождения гармоничных, исполненных тайного смысла рифмованных фраз из грубых, неблагозвучных слов. Я чувствовал себя скульптором, настоящим Пигмалионом, вытёсывающим из мёртвой мраморной глыбы волшебную Галатею, и оживляющим её своим дыханием, своим талантом, своей любовью. Я искал в поэзии свой путь; я был счастлив и наслаждался жизнью.

Но это состояние не могло продолжаться вечно. Я ощущал, что вот-вот произойдёт что-то страшное. Должен был наступить перелом. И вскоре он наступил.

Это случилось ночью.

Я проснулся от смутного ощущения внутренней тревоги.

Всё вокруг было как будто спокойно. Жена спала. Рядом в кровати тихонько посапывала во сне дочурка. Всё было как всегда, но я ощущал, что это не так.

Что-то произошло. Мир вокруг меня изменился. Окружающие предметы выглядели странно, их пропорции были искажены, цвета стали неестественными, приглушёнными. Всё вокруг внезапно предстало в каком-то жутком, непривычном виде. Уличный фонарь, светивший в окно нашей спальни, теперь выглядел совсем иначе, не так, как всегда. Свет его стал неестественно-грязным, кровавым. Мне показалось, будто он вот-вот ударит огненным лучом прямо мне в лицо, и выжжет глаза, и потечёт раскалённой лавой по обожжённой коже. На миг я увидел эту картину

совершенно ясно, до мельчайших подробностей; я чувствовал, как вздуваются на лице кровавые волдыри, как гаснет свет в глазах, и наступает вечная слепая тьма. Боль была настолько резкой, ужасной, невыносимой, что я закричал.

Проснулась жена.

– Что с тобой? – спросила она испуганно.

Я не мог ответить; я оцепенел, скованный страхом. Не было сил пошевелиться, я не мог раскрыть рот и только сдавленно хрипел. Что-то непонятное, страшное, непоправимое творилось со мной, с моим разумом. Это был миг безумия – передо мной открылась чёрная бездна, и я заглянул в неё.

Сдавило грудь, стало тяжело дышать. Казалось, будто на грудь мне прыгнула дикая кошка и царапает своими острыми когтями, подбираясь к сердцу. Всё внутри заполнил дикий, животный страх. Страх умереть, страх сойти с ума, страх навсегда потерять этот мир. Я задыхался, кричал, хрипел. Из последних сил я сопротивлялся, пытаюсь сбросить ужасное животное. Я видел её огненные глаза перед своим лицом, видел разинутую черную пасть и ослепительно-белые острые клыки, с которых капала кровь...

Жена страшно перепугалась. Дрожащими руками она пыталась набрать номер, чтобы вызвать скорую помощь, но я вырвал у неё телефон. Мне казалось, что из-за этого телефона мои страдания становятся ещё невыносимее.

А кошка неистово царапала стальными когтями, клочьями вырывая живую дымящуюся плоть. Я бился, хрипел, но всё напрасно. Кошка всё-таки добралась до сердца и вонзила в него свои когти. Я почувствовал, что умираю. Свет померк, и на мгновение я потерял сознание.

Но в следующий миг я снова был жив. Но теперь я был другим. Отравленный коготь засел в сердце. Я сам стал диким зверем. На моих руках появились железные когти, я ощущал, как трутся о губы острые клыки, а во рту было солоно от привкуса крови.

Проснулась и заплакала дочь.

Я обернулся, чтобы успокоить её, хотел сказать что-то нежное, ласковое, но из моего рта вырвался жуткий звериный рёв.

Я ужаснулся. Произошло непоправимое. Я стал зверем! И буду им до самой смерти. Навеки. И ничего нельзя сделать.

Сломав голову я бросился на кухню. Там, в шкафчике, была аптечка. Когда-то, ещё до беременности, жена принимала успокоительные таблетки. В пластиковом флакончике оставалось с десяток белых пилюлек. Я выпил их все.

Прошло полчаса. Всё это время я сидел на полу в кухне и дрожал. Жена сидела рядом, смотрела на меня испуганными глазами и гладила мою голову.

Наконец я ощутил, как страх понемногу разжимает свои объятия. Тревога отступила. Я вернулся в спальню, упал на кровать и забылся тяжёлым сном.

***

Наутро я чувствовал себя смертельно уставшим и измотанным. Видимо, действие снотворного оказалось слишком сильным.

Я помнил всё, что произошло ночью, до последней секунды. Я осознавал, что случилось что-то страшное, непоправимое. То, что творилось с моим сознанием, было ненормальным, это не было сном, не было простым ночным кошмаром. Я понимал, что теперь не смогу жить так, как жил раньше.

Тем не менее та часть моего «Я», которая отвечает за самосохранение, нашептывала, что всё это был просто кошмарный сон, что я переутомился в последнее время, что теперь я буду меньше работать, брошу писать стихи по ночам, и подобное безумие никогда больше не повторится.

Постепенно, прислушиваясь к этим уговорам, я успокоился. Ночной кошмар отступил, отодвинулся куда-то в прошлое. Я ощущал себя человеком, а не зверем. Я старался убедить себя, что это был всего лишь страшный сон.

И вдруг мою грудь пронзила резкая, жгучая боль. Опустив взгляд, я увидел на коже глубокие царапины, покрытые засохшей кровью.

В эту минуту в спальню вошла жена. Глаза её были печальны и тревожны. Присев рядом, она обняла меня и промолвила:

– Что с тобой, творится, Саша? Ты ночью был сам не свой.словно дикий зверь...

Я вздрогнул. Невольно она поразила меня в самое болезненное место. Я смотрел на неё с нескрываемым ужасом. Очевидно, она поняла это, и с нежностью сказала:

– Ты переутомился. Ты слишком много работаешь. Тебе надо отдохнуть. Давай купим тебе путёвку в санаторий, или съезди к друзьям в Одессу...

Я нашёл в себе силы отшутиться, но на душе было невыразимо жутко и тоскливо, и крепко засело в груди предчувствие чего-то невероятно плохого и страшного.

***

Несколько следующих дней я жил ожиданием близкой беды. Ночной кошмар не выходил у меня из головы. Ежеминутно я спрашивал себя, правда ли то, что со мной произошло, и в самом ли деле я теперь отравлен звериным когтем, и сам стал зверем.

Мне казалось, что все вокруг знают о случившемся, что они с лёгкостью читают мои мысли, и смотрят на меня с ужасом и отвращением. В каждом прохожем мне мерещился враг, мне казалось, будто я попал в какую-то гигантскую ловушку, и окружающие участвуют в грандиозной охоте на меня. Я ощущал, что они задумали что-то ужасное, но не мог их разоблачить.

Мир вокруг меня изменился до неузнаваемости. Свет, тени, краски, звуки, ощущения – всё стало иным, незнакомым. В очертаниях предметов, в игре света, в шуме машин, в голосах людей – во всём мне виделись какие-то странные

намёки, скрытый, потаенный смысл. Временами я видел какие-то размытые, полупрозрачные образы – то ли животных, то ли людей, иногда молчаливые, иногда в сопровождении удивительных звуков – нескольких аккордов странной вневременной музыки, отрывков фраз, пения, стука, шуршания и других звуков, которые я даже не могу описать.

Ощущение собственного тела тоже изменилось. Время от времени я чувствовал, как по всему телу пробегали мурашки – как будто кто-то водил мягкой кисточкой по коже. Иногда мне казалось, что мои руки и ноги вдруг стали непропорционально большими, или наоборот, сохлись, уменьшились, что нос мой стал длинным как у Буратино, что язык разбух настолько, что не умещается во рту, или что все мои внутренности внезапно исчезли и вместо них остался пустой, наполненный воздухом пузырь.

Но самыми мучительными были запахи. Они накатывали волнами, по нескольку раз в день. Запахи появлялись в разных местах, но всегда были ужасно неприятными: несло трупами, падалью, гнилью. От них нельзя было спрятаться или отвернуться; я покупал самые сильные дезодоранты и одеколоны и выливал на себя едва ли не полбанки, но запах мертвечины пробивался сквозь парфюм и преследовал меня повсюду.

И всё же эти внешние изменения были ничем по сравнению с той ужасной внутренней борьбой, которая происходила у меня в душе. Я ощущал, что изменился внутреннее, стал совсем другим человеком, и тот Саша, каким я был раньше и которого знали и любили мои близкие, умер, исчез навсегда, и я оплакивал его, как оплакивают гибель брата.

С той чёрной ночи я не написал ни строчки. Сама мысль о том, чтобы изложить в стихах тот ужас, что я пережил, казалась мне чудовищной, а думать ни о чем другом я уже не мог.

Самым болезненным для меня было то, что отношения с женой резко изменились. Я чувствовал, что после ужаса той ночи Ирина тоже поняла, что я стал другим. Она стара-

лась скрыть это, но каждой клеточкой я ощущал, что она не доверяет мне и боится меня. Когда я брал на руки Веронику, чтобы поиграть с ней, Ирина вздрагивала и смотрела на меня так, будто я хотел съесть её дитя.

Вскоре жена сообщила, что решила съездить к маме в Полтаву, взяв с собой маленькую Веронику. Тёща давно уже хотела повидать внучку.

Я не возражал. Я хорошо понимал Ирину, и знал, что так будет лучше. Отныне я сам не доверял себе.

Я отвез их на вокзал и посадил в поезд. Прощаясь, Ирина глянула на меня так печально и жалостливо, что я едва не заплакал. Я ощутил, что прошлое безвозвратно ушло, и никогда мне не стать таким как прежде.

***

В те дни мне было невероятно тяжело. Случившееся давило на меня неподъёмным бременем. Я не мог носить это в себе. Мне просто необходимо было с кем-то поделиться.

Помню, это было на второй или на третий день после отъезда жены. Я лежал на диване и бесцельно щелкал пультом телевизора, даже не пытаясь вникнуть, что стоит за мельканием картинки на экране.

И в это время зазвонил телефон. Это был Олег.

– Что-то ты в последние дни какой-то мрачный! Что случилось, старик? – спросил он сочувственно.

Я почувствовал невероятное облегчение. Кому-то была не безразлична моя судьба! Олег был моим другом, и ему я мог рассказать обо всём, что со мной случилось. И я ответил:

– Знаешь, со мной творится что-то странное. Если сможешь, приезжай. Мне кажется, я схожу с ума.

– Не волнуйся, старик! Всё будет о'кей! Через пятнадцать минут буду у тебя.

Я стал лихорадочно наводить порядок в квартире, пряча разбросанные повсюду вещи и грязную посуду. Всё это время я думал, правильно ли сделал, попросив Олега при-

ехать. Недоброе предчувствие томило меня. Как рассказать Олегу о том, что произошло со мной? Я был почти уверен, что когда он узнает правду, узнает, что я стал зверем, он отречётся от меня. И тогда я останусь совсем один. Несколько минут прошли в раздумьях, и вдруг меня будто иглой кольнула мысль: а что, если он не поверит мне? Решит, что я смеюсь над ним? Может, лучше перезвонить и отказаться от встречи, солгать, что я срочно уезжаю? Я схватил телефон, но было уже поздно – в дверь звонили.

Олег выслушал меня внимательно, не перебивая. Потом достал из буфета бутылку и налил полный стакан водки.

– Пей!

Я колебался.

– Пей, старик, не раздумывай! Ты просто чересчур впечатлительный, как все поэты, вот и выдумал какую-то фигню, а потом сам в неё поверил. Сейчас выпьешь, и всё станет на свои места. Пей!

Я послушался и выпил. Горячая волна скатилась в желудок, зашумело в голове, и я ощутил, как стальные клещи тревоги, сжимавшие мою душу всё это время, понемногу слабеют, отпуская меня. Водка помогла. В самом деле полегчало.

Олег продолжал что-то говорить, но я не слушал его. Всё моё внимание было сосредоточено на внутренних ощущениях. Я чувствовал, что тревога уходит, и с каждой минутой на душе становится спокойнее. Вскоре я окончательно расслабился и успокоился.

Но через мгновение я ощутил, как меня начинает наполнять гневом. Это был какой-то животный, нечеловеческий гнев; ужасная, всепоглощающая злоба. Я чувствовал, как она кипит во мне, как рвётся наружу, готовая пожрать, уничтожить, разорвать весь мир.

Это проснулся Зверь.

Наверное, что-то изменилось в моей внешности, и сильно изменилось, так как Олег вдруг испуганно умолк

на полуслове и стал напряжённо вглядываться в моё лицо, сиюсь понять, что произошло. Думаю, ему очень хотелось, чтобы это оказалось шуткой.

Но я не шутил.

Я повернулся к нему и зарычал. Звериная злоба вырвалась на волю, и теперь я желал только одного – быть зверем. Словно в немом кино я видел перепуганное лицо Олега в кровавой пелене, застилавшей мой взгляд.

Олег не на шутку перепугался. Он попятился к двери, опрокинув стул, а затем со всех ног бросился прочь. Я рванул следом. В прихожей Олег возился с замком, и я видел, как дрожат его руки. Замок не поддавался. Олег беспомощно оглянулся. Его руки продолжали лихорадочно дергать барашек замка, но в глазах уже появилось отчаянье обреченного.

Он попал в ловушку. Теперь ему не вырваться, не уйти от меня.

Я испытал невыразимое удовольствие хищника, осознающего беспомощность жертвы. Он был целиком в моей власти. В моем воображении мелькнула сладостная картина: я медленно подкрадываюсь, собирая мышцы в тугую комок, потом следует молниеносный бросок, и мои клыки вонзаются в его горло, и начинают рвать, раздирать, кромсать мягкую плоть; я видел, как брызжет алая горячая кровь и на мгновение ощутил её обжигающий солоноватый привкус. Сознание помутилось, я видел только дрожащую жертву, и себя – неумолимого и жестокого хищника.

И вдруг Олегу каким-то чудом удалось открыть замок. Он вылетел из квартиры и с грохотом понесся по лестнице. Я прыгнул, но было поздно. Добыче удалось улизнуть.

Дикая злоба охватила меня. Я бился, рычал, выл, бросался на дверь, разорвал несколько курток на вешалке, но злоба не отпускала. Прошло не меньше часа, пока мой гнев утих. Постепенно Зверь успокоился, я пришёл в себя, и до крайности изможденный, уснул.

***

Несколько дней после истории с Олегом промелькнули в серой пустоте. Всё это время я жил как живой механизм. В голове было пусто. Думать ни о чем не хотелось. Кроме того, не давала покоя ужасная головная боль. Казалось, будто на голову изнутри давит чудовищная сила, пытаюсь разнести её в клочья – так, будто череп непрерывно накачивали сжатым воздухом. Временами мне казалось, что я слышу, как трещат кости и давит на черепную коробку раздувшийся мозг. От этой боли не спасали никакие таблетки. В аптеке, где я за три дня скупил два десятка разных обезболивающих, мне настойчиво советовали обратиться к врачу, но я не задумываясь отверг это предложение. Мне казалось, что стоит мне появиться в больнице, как врач сразу распознает во мне зверя, и меня засадят за решетку. Я перестал ходить в аптеку и боролся с болью, обвязывая голову мокрым полотенцем. Это приносило некоторое облегчение, но спать я всё равно не мог. Ночью я лежал пластом, стараясь не шевелиться, и стонал от боли. Когда за окном начинало розоветь небо, я шёл в ванную, и несколько минут стоял, подставив голову под холодную воду. Потом одевался и брел на работу.

На работе мои дела резко пошли вниз. Я как мог старался сосредоточиться, но это было невероятно тяжело: голова была абсолютно пустой, и, просидев за компьютером с утра до вечера, я с ужасом сознавал, что не продвинулся за этот день ни на шаг.

Олега я больше не видел, и откровенно говоря, не искал встречи с ним. Я не представлял, как смогу посмотреть ему в глаза после того, что произошло.

Мне казалось, что все отвернулись от меня. Это была зловещая, невыносимая пустота, почти физическое ощущение окружающего вакуума. Я остался совсем один. Никому не было до меня дела, всем было наплевать на мою беду, и всё чаще стали посещать меня мысли о том, чтобы покончить разом с этой проклятой жизнью. Я стал всерьез задумываться о самоубийстве.

мываться о самоубийстве. Всё чаще видел я в воображении, как меня разрывает на куски несущимся поездом, или как от удара об асфальт раскалывается моя голова и разлетаются во все стороны кровавые брызги мозга после прыжка с высотного дома. Отчего-то мне хотелось покончить с собой непременно каким-то ужасно кровавым, жутким способом. Я был уверен, что мучительная смерть станет для меня избавлением и очищением от серого ужаса, заполнившего мою жизнь, и только в такой смерти я смогу обрести покой.

Каждый день, приносивший мне невыносимые мучения, я встречал с ненавистью. Я проклинал своих родителей, давших мне жизнь, проклинал всех людей, отвернувшихся от меня, проклинал свою судьбу, пославшую мне эти ужасные испытания. Мне было так плохо, так одиноко и страшно, что это невозможно описать никакими словами.

Наконец я решился. Неподалёку от города, в двадцати минутах езды, был железнодорожный мост. Если выскочить на рельсы сбоку от поезда, то растерзанное тело упадет с тридцатиметровой высоты в реку. Это было именно то, что нужно. Даже если каким-то чудом мне не посчастливится умереть под колесами, удар о воду после падения с моста должен стать смертельным. Если же и здесь удача отвернется от меня, река довершит дело – глубина здесь не меньше десяти метров, а ширина доходит до ста. Никаких шансов на спасение не было.

Я назначил дату. Это должно было произойти девятнадцатого мая – в мой день рождения. У меня оставалось ещё четыре дня.

Я успокоился и стал готовиться к смерти.

***

Я был абсолютно уверен, что мне удастся совершить задуманное. Жизнь представлялась мне одним сплошным мучением, я не видел никаких перспектив и не собирался отказываться от самоубийства. В том сером аду, в каком я

жил тогда, смерть представлялась мне избавлением от страданий.

Я привел в порядок свои дела, снял со счёта все деньги, закрыл кредит и написал прощальное письмо жене и дочери. До назначенной мною даты оставалось два дня.

Был вечер. Я сидел на кухне и пил чай. В тот день мне чуть-чуть полегчало, мучительная головная боль немного ослабла, а ночью я даже смог несколько минут поспать.

Стемнело, но я не спешил включать общий свет, довольствуясь светильником над кухонным столом. Я допил чай и уже собирался вставать – надо было ещё раз проверить, всё ли я сделал, не забыл ли чего-нибудь важного.

И вдруг...

– Здравствуй, Ратибор!

Я невольно оглянулся, но, разумеется, никого не увидел. Это было неудивительно – голос, который я слышал, звучал не извне, а изнутри головы.

– Кто ты? – спросил я.

– Тот, кто пришёл, чтобы дать тебе мудрость. Твой Наставник.

– Почему ты зовешь меня Ратибором? Ведь моё имя Александр.

– Твое настоящее имя Ратибор. Это имя, которое дано тебе при твоём первом появлении в этом мире.

– Первом? Значит, были и последующие?

– Конечно. Твоя нынешняя жизнь – одиннадцатая, и самая главная. Одиннадцать – главное число.

– Почему главное?

– Со временем узнаешь. Узнаешь это и ещё многое другое.

– Я не верю тебе, именующий себя Наставником!

– Что ж, это естественно. Человек слаб и глуп по своей природе, он стремится к отрицанию очевидных вещей, если они противоречат его заблуждениям. Впрочем, я могу легко доказать тебе, что ты ошибаешься. Что ты скажешь об этих стихах:

Я вернусь. Однажды, после смерти
Мы случайно встретимся в толпе.
В равнодушных масок круговерти
Промелькнет знакомый взгляд. Тебе
Вдруг почудится, что всё приснилось:
Боль, тоска, и горе, печаль,
Горьких серых дней пустая сырость,
Одиночество и смерть. Как было жаль
Жизни той, что навсегда, казалось,
В прошлое ушла. Но вот
Камнем опадёт с души усталость,
И в пустую жизнь вдохнёт
Новый смысл тот взгляд неосторожный.
И поверить в чудо так возможно,
И весна негаданно придёт.

Вздогнешь ты. И сердце затрепещет,
Острой болью мается душа –
И кричит. Она безумно хочет
В плечо уткнуться тёплое, спеша
Всё рассказать: как тяжко ты страдала,
Как горькой чашею пила свою беду,
За миг короткий встречи той отдала б
Пустых десятилетий череду.

А он – пропал. И вновь пустые лица
Сетями серыми опутали тебя
Той жизни никогда не возвратиться –
Ты поняла. В отчаянье себя
Караешь за несбыточность мечты.
За то, что верила в обман, и веру ты
Впустила в сердце. Тот дурман
Полынью горькой отозвался,
И луч во мраке потерялся,
И сердце холодит туман.

И снова ты идешь тоске навстречу
Без радости, без счастья, налегке.
Пустое утро... Беспольный вечер...
Но как-то тёплый ветер по щеке
Ладонью нежною погладит вдруг, и снова
Услышишь шелест голоса живого:
«Ты жди меня. Я возвращусь. Поверь...»

Я слушал восторженно. Стихи были замечательные.
Ни разу мне не удавалось даже приблизиться к подобным
вершинам.

– Это потрясающе! – честно признал я.

– А знаешь, кто их автор?

– Нет.

– Ты.

– Что?!

– Да. Это твои стихи. Я просто взял их в иное время.

Но ты напишешь намного больше и намного лучше после
того, как согласишься принять Тайное Знание.

– А если я не соглашусь?

– Ты согласишься. Тайное Знание предлагается не-
многим, но из тех, кому было сделано такое предложение,
ни один не отказался.

– Значит, у меня нет выбора?

– Отчего же? У тебя есть выбор. Ты можешь принять
Дар и стать Учеником – Человеком, постигающим Мир, и
тогда тебя ждёт Великое Знание, новые горизонты бытия
и открытия, о которых простые смертные не смеют даже
мечтать. Но ты можешь отказаться от всего этого, ты мо-
жешь швырнуть великий Дар себе под ноги, и тогда я вер-
ну тебя назад, в ту реальность, в которой ты жил полчаса
назад. Ты снова станешь Зверем и останешься один на
один со своей злобой и головной болью... Кстати, как твоя
голова?

Я прислушался. Голова не болела. Она была такой
ясной и свежей, как никогда в жизни. Я ощутил себя все-
могущим, ощутил, что для моего ума больше не существует
преград. Все тайны мира вмиг явились в моем воображении
во всей своей глубинной сущности. Мгновенно познал я тай-
ну жизни и смерти, тайну человеческого бытия, и наисокро-
веннейшие загадки природы. И в моем сознании родились
строки:

Извечное безвременье Вселенной,
И краткий миг земного бытия
Я в сердце принял в миг благословенный.
Познал я истину! Душа моя
Избавилась от заблуждений плена.
Свободен я! И я к Пути готов!..

– Ну как? – спросил голос, и я почувствовал, что он удовлетворенно улыбается. – Ты ещё колеблешься?

– Нет! Нет! Я согласен на всё! Но почему именно я?

– Ты – Избранный. Так было predetermined.

– Неужели это правда?!

– Да. Это правда. Ты уже ступил на Великий Путь Знания, и я поведу тебя по нему дальше.

– Кто ты? Бог?

– Да.

– Или человек?

– Да.

– А может, пришелец?

– Да.

– Так кто же ты на самом деле?

– Я – тот, кто ведёт и поддерживает. Я – твой Наставник.

– Почему я не вижу тебя?

– Ещё рано. Придёт время – увидишь.

– Что мне делать дальше?

– Учиться. Мы будем поставлять тебе информацию.

Твоя задача – быть послушным учеником.

– Как же я буду учиться?

– Вот так.

И я ощутил, как в мою голову вложили мысль. Это было настолько просто и непривычно, что я засмеялся. Мысль появилась в моей голове сама, без всяких усилий. Это было потрясающе!

– Но сначала ты должен пройти ещё один шаг к Великому Знанию. Инициация. Только после этого ты станешь полноправным Учеником и сможешь получать Знание.

– Я готов!

– Тогда вперёд!

Я увидел, как стены нашей маленькой кухни быстро раздвигаются, уходят во тьму, и на их месте вырастают огромные золотые колонны и расписанные древним узором стены. Спустя минуту я стоял посреди исполинского храма. Высокие стены его, украшенные сложным и таинственным узором, скрывал полумрак, и я не мог рассмотреть, что изображено на гигантских фресках в глубине между колоннами. Мне показалось, что я вижу сцены каких-то сражений, пожаров, наводнений, что-то сродни апокалипсису – впрочем, это были лишь догадки.

Откуда-то сверху долетала волшебная, неземная музыка. Сквозь кружево звуков пробивались голоса – мужские, женские, детские. Каждый из них вёл свою партию, но все они были удивительно слаженны, и составляли единую, сложную и величественную тему.

Так прошло несколько минут. Внезапно свет усилился, и откуда-то сверху ударил яркий луч. Музыка загремела торжественно и величаво, и в белом жемчужном свете я увидел Сущность.

Я не могу описать Её. Знаю только, что это был не человек.

Мною овладело удивительное чувство. Я испытал подлинное, неземное счастье. Я не могу описать это ощущение – экстаз, наслаждение, потрясение, восторг – оттого, что я живу, оттого, что пребываю в Храме, оттого, что вижу Сущность. Я понял, что вся моя предыдущая жизнь была лишь прелюдией, предлогом для этой волшебной минуты, и в немом восторге я распростерся на каменном полу перед Сущностью.

В Храме вспыхнул яркий, ослепительно белый свет. Всё вокруг оказалось залитым этим волшебным светом, и я почувствовал удивительную лёгкость и звенящее, живое тепло во всем теле.

В то же мгновение Сущность исчезла, свет погас, храм провалился во тьму, и я очнулся в нашей маленькой кухне.

***

Так началось моё восхождение ступенями Знания.

Наставник не обманул. Каждый день приносил мне великие открытия. Я стал проникать в самую суть вещей. До этого я никогда не задумывался над тем, что такое, скажем, дерево. Отныне для меня это было не просто дерево. Я начал рассуждать, что есть дерево, зачем оно, и какова его истинная сущность, и что будет с деревом и его сущностью потом, после того, как его земное бытие закончится. Я открывал для себя целый мир в одном дереве, понимая, что такой же необъятный мир есть и у других деревьев, а их миллиарды – и это означает миллиарды древесных миров, и все их я могу и должен познать. С каждым днём мой внутренний взгляд проникал всё глубже и глубже в самую суть вещей и явлений. С каждым днём я открывал для себя мириады новых миров, я видел скрытое во всём, что окружало меня – в траве, в воде, в солнце, в домах, и конечно, в людях.

Я научился видеть истинное «Я» людей. Нередко, шагая по улице и вглядываясь в лица прохожих, я с удивлением обнаруживал, что могу рассказать о них абсолютно всё. Я знал, что этот хмурый пожилой мужчина неделю назад похоронил жену, умершую от инсульта, а вот эта хрупкая женщина два месяца как развелась с мужем и осталась с трёхлетним сыном, и теперь каждый вечер плачет тайком. Я стал понимать истинные мотивы, которые побуждали людей к тем или иным действиям, мне были известны глубинные механизмы их поступков. Я видел то, что было скрыто от других.

А Наставник продолжал снабжать меня Знанием. Он неустанно вкладывал мысли в мою голову, а я жадно всасывал это новое Знание, открывая для себя всё новые и новые глубины бытия.

Кроме Знания мои новые друзья одарили меня потрясающим вдохновением. Никогда ещё мои поэтические способности не были столь огромны и безграничны. И я до-

гадывался, что стою лишь в самом начале длинного пути, который приведёт меня к Совершенству.

В творчестве погружался я в самые сокровенные глубины бытия. С каждым днём мои стихи становились всё более глубокими, содержательными, и нередко я сам поражался, как мог я создать столь совершенное произведение:

Я не герой. Я в паутине жизни
 Барахтался как жертва бытия.
 В безвременья заманчивой трясине
 Я не купался и не мыл коня.

Я не пророк. Тернистыми путями
 Я двигался во тьме седых времен.
 И горьким медом, кровью и слезами
 Из кубка Вечности Судьбою опоен.

Не будет кармы. Чёрный путь загадан.
 Я не умру. Не властен океан.
 Но как в горах лавина камнепада
 Оплавит сердце огненный туман.

Как серебром пробьется пышный колос,
 В угрюмом зареве полночной тишины
 Растает в тишине волшебный голос,
 Придёт забвенью, и вернутся сны.

Мне не уйти. Заказан полный ужин.
 Погасли свечи. Выпито вино.
 Я в оцепении в галактику погружен.
 Я не пою. Теперь мне всё равно.

Я радостно несу Познания бремя,
 Через туман и лживость пелены.
 Но я хочу в заманчивое время
 Исполнить танец на краю стены.

На третий день после моего Посвящения позвонила жена. Я начал восторженно рассказывать ей о своей встрече с Наставником, о тех потрясающих открытиях, которые я сделал за последние дни. Она слушала молча, не пере-

бывая, и я был уверен, что она так же удивлена и поражена, как я, и с таким же увлечением погрузится в чарующий мир Познания. Я ждал от неё радости и вдохновения, а она вдруг спросила, понимаю ли я, что несу бред. Я ужасно обиделся и стал выкрикивать какие-то оскорбительные слова. Помню, что обозвал её ничтожеством и дурой. Она заплакала. Некоторое время мы молчали, потом она сказала, что остается у мамы и повесила трубку.

Я хотел было рассердиться, но с удивлением обнаружил, что меня теперь абсолютно не волнует судьба Ирины. Будто между нами мгновенно выросла непроницаемая стена. Всё, что произошло сегодня, показалось мне мелким, ничтожным, недостойным моего внимания. Сознаюсь, это равнодушие показалось мне неестественным, и я даже попытался заставить себя сочувствовать Ирине, но ничего из этого не вышло. Вконец изнервничавшись, я обратился к Наставнику.

– Всё правильно, – ответил он. – Ты не должен был никому рассказывать о том, что с тобой произошло. Это Тайное знание. А ты пытался поделиться им с непосвящённым.

– Но Ирина моя жена! Я люблю её!

– Теперь, когда ты стал Учеником, для тебя существует лишь одна любовь – Истина.

– А как же моя доченька, моя Вероника?

– Это другое дело. Она тоже Избранная. Для неё уготована особая миссия.

– Что это за миссия?

– Со временем узнаешь. А пока ты должен посвятить себя обучению.

Я смирился и успокоился. Теперь я был абсолютно свободен, и всей душой погрузился в глубины Тайного Знания, предоставлявшегося Наставником.

***

За постижением Истины время летело незаметно, и не успел я оглянуться, как наступил июнь.

Дни летели за днями, исполненные новых впечатляющих открытий. Я обнаруживал глубокий и скрытый смысл во всём, что окружало меня. Однажды, прогуливаясь с Наставником по берегу реки, я обратил внимание на большой камень, выросший в берег. И тут меня осенила мысль попытаться постичь душу этого камня, познать его истинную сущность. Я стал присматриваться к нему внимательнее. И, к огромному моему удивлению, мне открылась подлинная сущность камня. Я понял, что на самом деле камень живой! Он мыслит! Я смог уловить его мысли. Правда, камни думают очень медленно, и для того, чтобы проникнуть в их мысли, надо запастись терпением. Но зато я сумел не просто услышать мысли камня – тяжёлые, шершавые, каменные – но и понял, что в них вплетены мысли, переживания, чувства людей, побывавших на этом камне за сотни лет. Тут были спокойные, неторопливые раздумья стариков, присевших отдохнуть на тёплом, нагретом солнцем камне, и страстные порывы юных влюбленных, уединившихся летним вечером над рекой, и хлопотливые думы усталых хозяек, пришедших к проруби полоскать белье.

Я был поражён. Передо мною открылся огромный, необъятный мир. Я понял, что деление природы на живую и неживую было ошибочным, что на самом деле всё на свете наделено душой, и её просто надо уметь чувствовать.

Мир явился мне в новом обличье. Он как будто сорвал с себя грубую брезентовую робу и предстал передо мной во всей своей ослепительной красоте и великолепии.

Мир говорил со мной. Я слышал голос молодой травы и весеннего ветра, голос серого шершавого асфальта и прохладной серебристой реки. Звери, птицы, рыбы, насекомые – все они говорили со мной, и я понимал их язык так же хорошо, как язык людей. Я сам смог говорить с ними.

И не только говорить. Вскоре я заметил, что могу влиять на них, что мне удастся управлять их поведением. Всё подчинялось моим словам, жестам и даже мыслям. Бродячие коты застывали на месте, стоило мне только взглянуть в их сторону, а потом послушно двигались в указанном мною направлении. Никому и никогда не удавалось заставить слушаться воробьев или синиц – а я делал это с удивительной лёгкостью и изяществом. Даже рыбы послушно выполняли мои приказания. Это было потрясающее ощущение – ощущение власти, равной которой не было ни у кого из живущих. Ни один президент или король не мог управлять рыбами или воробьями – а я мог! Ни за какие миллиарды нельзя было купить Знание, которое было у меня, и я чувствовал себя по-настоящему Избранным – подлинным властелином мира, которому доступно абсолютно всё.

А Наставник продолжал неумолимо вкладывать в мою голову всё новые и новые знания. Со временем я получил способность видеть не только земных животных и людей, но и удивительные создания, обитателей иных миров. Они появлялись всегда неожиданно, словно выныривали из воздуха. Описать их сложно – прежде всего потому, что они были абсолютно прозрачными. Это было странное ощущение. Я видел их, и в то же время прекрасно осознавал, что они прозрачны – то есть должны быть невидимыми; но они были здесь, и были абсолютно реальны. Я не просто ощущал их присутствие, я их видел. Я мог играть с ними – хотя игрой это назвать сложно. Это была своеобразная передача информации – после каждой встречи с этими существами я открывал в себе новые способности и новые знания.

Я жадно впитывал всё это богатство, наслаждаясь возможностью видеть то, чего не видит ни один человек в мире. В то время для меня существовала только одна цель – продвигаться вперёд путем Познания. Часто я забывал о сне и пище, целиком поглощённый новыми открытиями. Впрочем, ни малейшего неудобства от этого я не ощущал.

Несколько раз звонила жена, но разговор не клеился. Она по-прежнему считала меня больным и пыталась убедить, что все знания, полученные мной – лишь плод моего воображения. Отношения между нами становились всё холоднее. Я понял, что наша встреча и совместная жизнь были ошибкой. В подтверждение моих слов Наставник сказал мне, что у Ирины совершенно иная астральная сущность, и что мы с ней несовместимы. Оглядываясь на наше прошлое, я не мог понять, что нашёл в этой женщине, и какие чары заставляли меня искренне любить её целых три года. От окончательного разрыва меня удерживала лишь любовь к Веронике, моей маленькой доченьке, и вера в её великое предназначение. В последнем я был абсолютно уверен, и даже в том, какое имя я выбрал для своего ребёнка (а назвал дочь именно я) мне виделось предзнаменование: имя Вероника состоит из «верь» и «ники», то есть победительницы. Именно вера вела меня величественным путем Познания, и моя вера должна была привести к победе.

Отношения с коллегами на работе тоже стали прохладными. Нередко я замечал, что за моей спиной перешептываются, а когда я неожиданно входил в комнату, все замолкали или быстро переводили разговор на другие темы. Я догадывался, что здесь не обошлось без Олега. Думаю, он рассказал, что случилось в тот вечер, когда я от поднесенной им рюмки едва не стал зверем. Сам Олег старательно избегал встречи со мной, и даже когда нужно было передать мне какую-либо бумагу или завизировать договор, старался сделать это так, чтобы мы с ним не виделись. Впрочем, мне было абсолютно безразлично, что он обо мне думает, знают люди о том, что между нами произошло, или нет, и вообще что будет с этой фирмой и всеми её сотрудниками завтра. У меня впереди был величественный и загадочный путь Познания, а у них – никчемная серая обыденность, шуршание бумажками за жалкие копейки, и в итоге – смерть, такая же серая и будничная, как и их жизнь.

Так им и надо. Избранный может быть только один, и этот Избранный – я.

Вселенная. Июль.

Продвигаясь дальше и дальше путем Познания, я дошёл к той грани, за которой обычные люди и явления перестали меня интересовать. Я видел их насквозь, все их мысли, мотивы и стремления были как на ладони.

И тогда Наставник подарил мне абсолютно новое, потрясающее открытие.

Но перед этим произошло одно небольшое происшествие, о котором справедливости ради следует упомянуть.

Я уже говорил, что мы готовили на работе большой проект, которому наше начальство придавало особое значение. Я тоже участвовал в этом проекте, выполнив значительный объем работы. Но после знакомства с Наставником я понял, что всё, что мы делали, мы делали неправильно. С позиций нового знания мне было ясно видна вся бесполезность нашей предыдущей работы. Я понимал, что мы допустили ошибку. И я решил исправить её.

В тот день я пришёл в офис на полчаса раньше. Я включил свой компьютер и уничтожил всё, над чем работал последние месяцы. Я стер всю информацию с дисков и флэш-карт, а потом перешёл к компьютерам моих коллег. У меня были пароли доступа – накануне, когда я зашёл в кабинет главного менеджера, его не было на месте. Я увидел, что верхний ящик его стола приоткрыт. В нём лежал листок с паролями. Наставник велел мне взять его, и теперь я был во всеоружии.

Когда в офисе появились мои коллеги, я сообщил им, что всё, над чем мы работали последние месяцы, было неправильным, ошибочным, и потому я уничтожил все наши наработки. Но мне известно правильное решение, и я могу о нём рассказать.

Поднялся страшный шум. На место происшествия сбегались почти все сотрудники. Меня оскорбляли, мне угрожали, меня грозились немедленно уволить, но я оставался абсолютно спокойным и твердил, что всё, что сделано мной, сделано правильно, и я не собираюсь ни в чём раскаиваться.

Там же, в толпе, я увидел Олега. Он что-то горячо шептал шефу, время от времени тыча в мою сторону пальцем и оживленно жестикулируя. Я заметил, что шеф внимательно смотрит на меня. Потом он велел всем разойтись по рабочим местам, а меня пригласил к себе в кабинет.

Я объяснил ему, зачем уничтожил наши наработки, и подробно описал, что следует делать дальше, умолчав, разумеется, о том, откуда я получил эту информацию.

Шеф выслушал меня внимательно. Он всегда относился ко мне доброжелательно, но на этот раз, видимо, интуиция изменила ему. Он отказался запустить мой проект в работу и предложил немедленно взять отпуск.

– Отдохнешь, подлечишься, а там посмотрим, – сказал он.

Я усмехнулся. Подлечиться от Истины – это было действительно смешно. Впрочем, отныне всё, что касалось прежней моей работы, не представляло для меня ни малейшей ценности.

Единственным, что было для меня по-настоящему важным и существенным, было постижение Истины.

Здесь же, в приёмной, я написал заявление и покинул офис.

Впереди меня ждали великие открытия.

***

В тот же день, после обеда меня посетил Наставник.

– Здравствуй, Ратибор! – прозвучало в моей голове.

Я уже привык к своему новому имени, и даже начал забывать, что прежде меня звали как-то иначе.

– Приветствую вас, Наставник! – радостно ответил я. – Что ждёт нас сегодня на пути Познания?

– Мой любимый ученик! – голос Наставника звучал мягко и торжественно. – Ты успешно преодолел первую ступень на Пути Познания. Ты готов идти дальше. Настало время вручить тебе подлинно Великое Знание. Сегодня я открою тебе Новые Миры.

– Новые Миры?
 – Да. Я подарю тебе вселенную. Это будет твоя вселенная. Он называется Вселенной Всесильных Слов.
 – А что мне делать с этой вселенной?
 – Созидать. Я предоставляю тебе полную свободу действий. Ты можешь создать собственный мир – создать его таким, каким ты сам захочешь.
 – Но как?!
 – Для этого тебе будет открыта Тайна Слова.
 – Тайна Слова?
 – Да. Слово – самая сильная вещь на земле. В Библии сказано: вначале было Слово. Слово есть сущее, то что предшествует и то, чем заканчивается, Альфа и Омега, начало и конец всего. Однако не всякое слово является Всесильным, и не всякое влияет на вселенную. Я открою тебе настоящие Всесильные слова.

И Наставник заговорил. Я не могу передать этих слов. Это было что-то абсолютно внеземное и вместе с тем простое и понятное. Он просто бросил меня в огромный океан слов, и я плавал, нырял, купался в этом океане, и это было такое огромное наслаждение, какого я не испытывал никогда в жизни. Слова переполнили мою голову, и хлынули могучим потоком наружу. Это был ошеломляющий поток слов, образов, мыслей, идей. Ничего даже приблизительно похожего я никогда не ощущал.

Передо мною открылась Вселенная Всесильных Слов.

И в тот же миг я ощутил, что это мой мир, что он принадлежит мне, что я – единственный властитель и хозяин этого мира.

– Итак, Ратибор, – голос Наставника звучал устало и немного печально. – Ты стал Властелином Слов. В твоём распоряжении целая вселенная. Твори её по своему желанию, господствуй, властвуй, и помни – всё в мире имеет свою цену. Мы ещё увидимся. Прощай!

– Счастливо, Наставник! – радостно воскликнул я. – Спасибо за вселенную!

***

Так я стал властителем вселенной.

Я ощущал себя настоящим творцом. Передо мной лежала пустыня – пустынное Ничто, в которое я должен был вдохнуть жизнь, создать огромную и разнообразную вселенную.

И я начал создавать её. Я создавал её Словом. Каждое слово, произносимое мной, что-нибудь порождало: облако, звезду, камень, траву, животное или человека.

Я создал небо и украсил его звёздами. Я создал Космос и планеты. Среди этих планет были исполинские газовые гиганты, мёртвую атмосферу которых ежесекундно испарывали молнии, а в ядовитых клубах азота и метана таяли тяжёлые пласты углекислоты, и в ледяном мраке таинственно мерцали вспышки гигантских разрядов. Были молодые планеты, с раскаленной, только что сформировавшейся коркой материков и бурлящими океанами. Здесь среди колеблющихся, покрытых трещинами равнин высились жерла вулканов, с грохотом изрыгавшие огонь и пепел. Были в моей вселенной и дикие планеты, с океанами, тропическими лесами, пустынями, равнинами и речками, горами и водопадами...

Я населил их существами. Здесь были и наши, обычные, земные животные: птицы, рыбы, звери, насекомые, и внеземные существа на манер тех, что показывал мне Наставник, и совсем новые, неизвестные прежде создания, которые я выдумывал тут же.

И всю эту вселенную, всё это немыслимое богатство порождали Слова – те Всесильные Слова, которые я впервые услышал от Наставника.

Я забавлялся словами, я играл ими как ребенок игрушками. Я произносил их снова и снова и смотрел, как они создают всё новые и новые, неведомые ранее миры, и радовался как дитя.

Так длилось почти два месяца. Я жил в своей вселенной, непрерывно совершенствуя и развивая её, я создавал

огромные миры и населял их разнообразнейшими созданиями. Я ощущал себя настоящим властителем, и однажды мне в голову пришла безумная мысль: а что, если попробовать разрушить небольшой клочок своей вселенной?

В меня как будто вселился бес-разрушитель. Потом я всё восстановлю, верну назад, утешал я себя, ведь это мой мир, и я в нём полноправный властитель. И я стал действовать.

С помощью Всесильного Слова я вызвал ураган и уничтожил целую планету. Я устраивал наводнения и пожары, оледенения и засухи, я поворачивал вспять реки и перемещал целые материки. Я упивался своей властью над миром, я ощущал себя всесильным, я знал, что для меня не существует ничего невозможного, и осознание этого вызывало в моей душе такую неистовую бурю восторга, такого восхищения самим собой, своими возможностями, что несколько раз я на короткое время терял сознание.

Однажды вечером я пришёл в себя в своей квартире. Уставший, но безмерно счастливый, я рухнул на диван и включил телевизор. Признаться, я давно уже не включал его, целиком поглощённый путешествиями по Вселенной Всесильных Слов. Теперь же мне вдруг пришла в голову забавная мысль взглянуть на старый добрый земной мир с высоты моих новых открытий.

Это была программа новостей. Диктор сообщил, что последствия страшного урагана, пронесшегося над Америкой и вызвавшего небывалое наводнение, до сих пор не ликвидированы.

На экране возникла картинка. Залитый водой город. Паника. Толпы людей теснятся на переполненном стадионе, спасаясь от воды. Их лица испуганы и измождены. На дорогах, ведущих из города – огромные очереди. Нет воды, пищи, бензина...

Потом снова появились кадры наводнения. Огромная река вышла из берегов, и мутные волны плескались у самых верхушек исполинских секвой.

Я сразу узнал эту картину. Точно такое же наводнение я вызвал в своей вселенной Всесильными Словами.

Это было чудовищно. Я понял, кто виноват в том, что случилось. Это сделал я своими словами! Я вызвал этот ураган! Я обрек несчастных людей на смерть и страдания! Во всём, что случилось, была только моя вина.

По ком звонит колокол? Не спрашивай, ибо он звонит по тебе.

Жалость, ужас и сострадание переполнили меня. Я попытался что-либо изменить с помощью Всесильных Слов, но всё напрасно – Всесильные Слова не действовали.

В отчаянии я звал Наставника, но он не пришёл.

Словно во сне я взял с полки Библию и открыл наугад.

По глазам ударили чёрные строки:

Если кто ударит кого железным оружием, так что тот умрет, – то он убийца: убийцу должно предать смерти.

И если кто ударит кого из руки камнем, от которого можно умереть, так что тот умрет, – то он убийца: убийцу должно предать смерти.

Или если деревянным оружием, от которого можно умереть, ударит из руки так, что тот умрет, – то он убийца: убийцу должно предать смерти.

Если кто-то толкнёт кого-то из ненависти, или с умыслом бросит на него что-нибудь, так что тот умрет, или по вражде ударит его рукою так, что тот умрет – то он убийца.

Я ужаснулся. Если человек, совершивший убийство посредством железного или деревянного орудия – убийца и его следует предать смерти, то человек, совершивший убийство Словом – убийца вдвойне! Я – убийца! Я виновен в смерти тысяч ни в чём не повинных людей. Я не имею права жить!

В отчаянии я схватил со стола ножницы и стал резать себе вены. Ножницы были тупыми, и я только царапал кожу, не повреждая сосудов. Кровь текла по руке, капала на пол, но я понимал, что для того, чтобы умереть, этого недо-

статочно. В отчаянье я отшвырнул ножницы и зарыдал. И в этот миг в моей голове сложились ужасные строки. Я поднял окровавленный палец и кровью вывел на обоях:

В воде холодной мутного потока
Сгорела жарким пламенем душа моя.
Не восстановятся, не свяжутся жестоко
Разорванные нити бытия...

И тут вдруг распахнулась дверь, и в комнату вошла Ирина.

Я бросился к ней. Она смотрела на меня с ужасом и нескрываемой болью:

– Господи! Что с тобой, Саша?! Ты так изменился! Что это с твоей рубашкой? О Боже, это кровь! Ты ранен? Я вызову «скорую»!

Она вскочила, но я успел удержать её.

– Подожди! Мне не нужны врачи. Эта рана безопасна. Это наказание, и слишком слабое наказание для того, кто виновен в ужасном преступлении.

И я рассказал ей всё. В конце рассказа я снова заплакал.

Она смотрела на меня с болью и нежностью, а потом обняла и стала говорить горячо и убежденно:

– Бедный, бедный мой! Ты же совсем больной! Ты болен! Не плачь! Я отведу тебя к врачу. Он вылечит тебя, и всё будет как раньше. Ты снова будешь здоров!

Невероятный гнев огненной волной захлестнул меня. Как?! Мне, властителю вселенной, создавшему и уничтожившему целый мир, предлагают лечиться от безумия?! Меня хотят отвести к врачу и заставить глотать пилюльки?! Да, я убийца, я преступник, но не сумасшедший!

И тогда я ударил её. Впервые в жизни.

Удар оказался очень сильным. Она упала.

А я, даже не обернувшись, вышел из комнаты. Через минуту в прихожей хлопнула дверь.

***

Ночь я провел без сна. Я лежал и смотрел пустыми глазами в потолок, где мерцали отблески уличных огней. Мне уже ничего не было нужно. Я хотел умереть.

И в этот момент появился Наставник.

– Здравствуй, Ратибор! – прозвучало в моей голове.

Я вскочил.

– Вы! Вы!.. – я задыхался от гнева. – Вы не предупредили меня! Это было ужасно! Теперь я убийца! Я уничтожил тысячи людей! Я убил их словами!

Голос Наставника был холоден как лёд:

– Да. Это сделал ты.

– Но вы же знали!

– Знал.

– И ничего не сказали мне!

– Да. Ты должен был пройти через это.

– Что?! Пройти через смерть?! Пройти через убийство ни в чём не повинных людей! Никакая, самая благородная цель, не стоит человеческой жизни! Вы – мерзавец! Я убью вас!

– Ты хочешь сразиться со мной?

– Да! Даже если это будет моя последняя битва!

– Так оно и будет, – голос Наставника стал суровым. Он заполнил всю квартиру, весь город, весь мир и режущим металлом звучал в моих ушах. – Но сначала тебе придётся рассчитаться со мной за полученное Знание!

– Отлично! Я не желаю быть у вас в долгу! Ни на копейку! Сколько я вам должен? Назовите свою цену. Чего вы хотите?

– Твою дочь. Веронику.

– Нет!!! – закричал я неистово. – Нет!!! Нет!!! Нет!!!

– Да. Это справедливая цена. Я ведь предупреждал тебя, что всё на свете имеет свою цену. Она Избранная, и должна пройти свой Путь.

– Я не отдам вам её!

– От тебя ничего не зависит. Она наша!

– Нет!!!

Ужасная боль взрезала грудь. Это снова вернулся Зверь. Но теперь его стальные когти и острые как бритва клыки были направлены против меня самого. Я чувствовал, как он терзает, рвёт меня изнутри. Я захлебывался криком от невыносимой боли, а Зверь вгрызался в меня всё глубже. Под чудовищным напором затрещали ребра, казалось, вот-вот лопнет печень, каждая клеточка моего тела кричала от боли, но Зверь был неумолим. В глазах потемнело, я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание.

Но то, что произошло дальше, было ещё хуже.

Зверь на мгновение ослабил хватку. Наступила короткая пауза, такая жуткая и напряжённая, что я едва не умер от страха.

И тут я услышал негромкий шелест. Это был совсем тихий, почти неслышимый звук, похожий на шуршание тончайшего шёлка.

Я замер.

Шелест пронёсся по комнате и тихим эхом улегся в моей голове. И в ту же секунду тысячи бесов с рёвом ворвались в мою несчастную голову и принялись терзать её.

Это был крошечный ад! Бесы выли, ревели, хохотали, плакали, и каждый звук, производимый ими, чудовищным эхом отражаясь от моего черепа, сотрясал меня как тряпичную куклу.

«Он мой!!!» – вопил один.

«Нет мой!!!» – вторил другой.

«Посмотрите на него!!! Ха-ха-ха!!! Повелитель вселенной!!! Ха-ха-ха!!!» – грохотал третий.

«Хи-хи-хи!!!»

«Хо-хо-хо!!!»

«Вот это семейка!!!» – издевательски гремело в моей голове. – «Просто смех!!!»

Обезумев от боли, я катался по полу, закрыв голову руками, а бесы не умолкали ни на секунду.

«О-хо-хо!!!»

«А-ха-ха!!!»

«У-ху-ху!!!»

Я знал, что нельзя поддаваться, нельзя показать им свою слабость, но ничего не мог с собой поделать. Их чудовищный напор был невыносим, и не было в мире человека, который мог бы им сопротивляться.

– Прекратите!!! Хватит!!! Пожалуйста, хватит!!! Умоляю вас!!! Прекратите!!! Я сдаюсь!!!

И в ту же секунду всё вокруг покрыл невообразимый чудовищный рёв. Я понял, что пришла смерть.

Сквозь кровавую пелену, застилавшую взор, я успел заметить каких-то людей, входивших в нашу квартиру. Потом всё заполнила серая пустота и мир исчез.

Больница. Октябрь.

Пустота и тишина.

Времени нет. Оно исчезло, растворилось, и я свободно парю в пространстве, ничем не скованный. Вокруг – чёрная пустота, космос, бескрайний и глубокий.

Астральное тело покинуло оболочку. Остался только дух – живой, свободный, готовый к мгновенным перемещениям. Ему всё доступно, всё возможно, и нет ничего неподвластного ему. Он парит над миром, он выше мира, он совершеннее и сложнее, и загадочнее его нет и не было ничего и никогда.

Это Жизнь. Это Смерть.

Это Бессмертие.

***

Я очнулся в больнице.

***

Психиатрическая больница производит жуткое впечатление.

С первой минуты она наваливается на тебя своим огромным каменным телом, и давит, давит, давит, пока не раздавит окончательно. Она поглощает тебя, как гигантский спрут, и ты медленно варишься в её каменном брюхе, пока сам не станешь частью её плоти, слившись с другими такими же в одну серую больничную массу.

Она огромная и невыразимо старая, эта больница. Ей лет сто, а может, и больше. Она похожа на средневековый рыцарский замок с высокими залами, бесконечными коридорами, башенками и флигельками – жутковатое порождение фантазии безумного архитектора.

Она насквозь пропитана временем. По длинным коридорам в тусклом свете керосиновых ламп бродят тени старинных безумцев в длинных рубахах и колпаках; их сменяют другие – в серых пижамах и бритые наголо, а потом пропадают и эти, и появляются мрачные тени в чёрных мундирах с серебряными орлами, и долго темнеют под высокими сводами старинных залов. Среди них один, невысокий, сутулый, с белесыми навывкате глазами – кровавый безумец, самое страшное чудовище из всех, когда-либо порождённых человечеством. Чёрные тени – главное проклятие старой больницы, и главная её тайна.

Странное чувство вызывает эта больница. Раньше мне никогда не приходилось здесь бывать, но сейчас я испытываю щемящее ощущение дежа вю – уже виденного. Мне знакомы эти бесконечные коридоры, я уже бывал в высоких палатах, и я точно знаю, что находится там, за дверью в конце коридора, где начинается кафедра, и откуда приводят студентов, хотя ни разу там не был. Откуда-то из глубины подсознания всплывает картина: высокий человек в старомодном сюртуке и пенсне смотрит на меня внимательными усталыми глазами. За его спиной – то же высокое окно, составленное

из десятков крохотных, в ладонь, стеклышек, разделённых деревянными перемычками, только вместо столетних лип – чахлые низкорослые саженцы, и там, где сейчас за бетонными зубами новостроек тарыхтит трамвай и несутся бесконечным потоком машины, стелется снежной пылью пустынный тракт и плетётся неторопливо сонный извозчик.

Что-то есть в ней, в этой больнице, какая-то аура, заставляющая человека с первой минуты признать её превосходство, покориться ей и доверить свою душу целиком, без остатка. И тогда, быть может, наступит миг, когда она признает тебя своим. Старая больница вздохнёт неторопливо, погасит за окнами серый осенний день, приглушит свет люминесцентных трубок в коридорах и распахнёт перед тобой одеяло на жесткой железной койке. И укладываясь, ты уже будешь знать, что этот вечер будет особым, что старая больница решила открыть тебе один из тех секретов, которые носят в себе всю жизнь и открывают только в последний миг перед смертью. И в сладостном страхе – а вдруг это и есть смерть? Вдруг ты уже никогда не проснешься? – понимаешь, что больница права: это и есть смерть; ты умер, умер для прежней жизни, и отныне всё для тебя будет делиться на до и после больницы, и от этого знания тебя охватывает ощущение невыразимой лёгкости и свободы – всё уже позади, не нужно бороться, не нужно никому ничего доказывать, а нужно просто успокоиться, смириться и принять как данность. И тогда в награду ты получаешь крохотный золотой ключик. Замирая от восторга, ты отпираешь заветную дверь, и происходит чудо. Стрелки часов дрожат, медленно, со скрипом вращаясь назад. Время совершает полный оборот, и вот ты в своём старом дворе, возле старого дома, и тебе пять лет. На дворе весна, лужи в прозрачных льдинках, и голые ветви в ослепительно-синем небе, и лёгкий ветерок дышит свежестью. И это – первая весна, которую ты запомнишь. Впереди у тебя огромная, почти бесконечная жизнь, ты искренне веришь в чудеса, в Деда Мороза и в Бабаю, и совершенно не веришь в смерть, в страдания, в безумие...

Ты садишься на корточки, и теперь бескрайнее синее небо лежит прямо у твоих ног – в прозрачной весенней луже. Ты выживаешь из воды ломкую голубоватую льдинку, и подносишь её к глазам. Ты смотришь на мир сквозь это живое стекло, чувствуя, как оно плавится, стекает ледяными ручейками по замёрзшим пальцам. И мир волшебным образом преображается, и всё выглядит иначе в этой маленькой прозрачной пластинке – дома, деревья, люди, и ты не можешь оторваться от этого чуда, и оно владеет тобою целиком, и будет жить в тебе вечно.

И когда ты целиком погружаешься в это безмятежное, сладостное ощущение первого в своей жизни постижения чуда, время вдруг тает, растворяется и исчезает, и ты видишь перед собой зеркало. Обыкновенное зеркало. Ты вглядываешься в собственное отражение, и замечаешь, как неуловимо меняются его черты: ребенок – подросток – взрослый – старик. И всё это в одном человеке. И когда ты видишь самого себя, неподвижного и стремительно меняющегося, ты понимаешь, что хотело сказать тебе Время. И это открытие для тебя сродни второму рождению. И ты уже знаешь, что пронесёшь его через всю оставшуюся жизнь, и никому и никогда о нём не расскажешь.

Ибо в Библии сказано: мудрость разумных – знание пути своего, глупость же безрассудных – заблуждение.

Больница. Ноябрь.

Сумасшедший дом – самое необычное место на земле. Попав сюда, испытываешь стойкое ощущение ирреальности, неестественности происходящего. Станный фантазмагорический мир обступает тебя. Это королевство кривых зеркал в его натуральном виде, кошмарное отражение искажённой реальности. Люди, не похожие на людей, жуткий карнавал безумных масок, пиршество привидений на празднике смерти. Прозрачные стены реальности рухнули, и все архетипические страхи, накопленные человечеством, с рёвом рвутся

наружу. Всё, что годами скрывалось, таилось, тщательно пряталось от окружающих, здесь доступно праздному наблюдателю, бесстыдно выставлено на всеобщее обозрение. Это ярмарка миров – разнообразнейшие реальности рассыпью; повелители, императоры, боги – тут же, по койкам, гордо смотрят на тебя, чванясь сусальным великолепием. Это смех сквозь тонкую плёночку страха – а вдруг и я стану таким же? Вдруг и я через пару лет буду тупо шаркать по бесконечным коридорам, обходя свою вселенную, не обращая ни на кого внимания и бормоча обрывки непонятных фраз?

Но любопытство сильнее страха. Первое время тебя неудержимо тянет именно к хроникам: посмотреть, каково это – жить там, откуда не возвращаются. Потом, когда после множества бесплодных попыток понимаешь, что достучаться до них невозможно: они живут в своём мире, и двери в него плотно закрыты для остальных, приходит разочарование. Их закрытые миры теперь кажутся плоскими и безжизненными, и ты уже не хочешь туда, и шарахаешься от хроников, как от прокажённых.

Вот идет, лучась пустой улыбкой, один из них, Альберт. В отделении он больше тридцати лет, первый раз попал в семнадцать, последний – в двадцать семь, с тех пор уже не вылезает. Альберт был художником, учился в Академии, подавал большие надежды. Но жизнь рассудила иначе. Болезнь его была быстрой и беспощадной – к тридцати годам Альберт был уже развалиной, хроником, глубоким и безнадежным.

У него лицо профессионального сумасшедшего: глаза безумные, пустые, лицо мёртвое, как египетская маска. Он длинный и тощий как палка. Журавлиными шагами меряет длиннейший коридор – вперёд, назад, вперёд, назад – за день километров сорок, не меньше. Сохранные приволокли откуда-то старую офицерскую фуражку, и Альберт целыми днями расхаживает по отделению, без конца отдавая честь – врачам, санитарам, больным, а когда их нет – просто так, в никуда. Большую часть времени он молчалив, слова из

него не вытянешь, но изредка, примерно раз в неделю, что-то замыкает в его голове, срабатывает какой-то контакт, и тогда на окружающих обрушивается поток откровений: он, Альберт, посол шведской республики, шведский пленный, взятый под Полтавой в одна тысяча семьсот девятом году; при нём были шведское копье и шведская женщина. Копье и женщину отобрали при обыске, а сам он, Альберт, тридцать лет жил на Луне. На Луне, товарищи, есть города и горы – в городах живут, по горам скачут. Вот такая жизнь, братцы! – если расковало, Альберт может болтать без устали часами, прерываясь только чтобы хлебнуть воды из жестяной кружки. Кружек этих может быть за сутки и двадцать, и тридцать – Альберт меры не знает.

Санитар вздыхает, бормочет: «Ну вот, началось!», и идет звать сестру. Завидев сестру со шприцом, Альберт настораживается и выкрикивает:

– Я пятнадцать лет как умер! Мёртвых не лечат! Я пятнадцать лет как умер! Мёртвых не лечат!

На его крики сбегаются другие санитары, Альберт успокаивают в четыре глотки, но он ничего не желает слушать:

– Я пятнадцать лет как умер! Мёртвых не лечат!

Наконец укол сделан, Альберт постепенно успокаивается и засыпает, а я думаю, что он, пожалуй, прав. Он действительно умер, только не пятнадцать лет назад, а намного раньше. И лечить его никакого смысла нет, только лекарства переводить.

Кроме Альберта, в отделении ещё с десятков хроников – по большей части молчаливые, пустые, как высохшие кувшины. Сидят рядами в холле и смотрят сквозь телевизор, или ходят кругами по отделению.

Сохранные держатся отдельно. В больнице люди тянутся друг к другу; общая беда сближает, стирает различия, и ты уже непереборчив в выборе знакомых. Если на свободе ты в сторону этого психа и не глянул бы, то тут, в отделении он твой самый что ни на есть наилучший друг.

Постепенно сколачивается компания: я, Сергей, Виталик и Юра.

Сергею двадцать семь, у него за плечами армейский контракт и миротворческая миссия в Югославии. Там его и контузило – случайная мина, залетевшая с другого берега, попала в его грузовик.

О травме он рассказывает неохотно, односложно, зато о службе повествует долго, пространно и со специфическим солдатским юмором. Временами он бывает неестественно весел, шумлив, много говорит, смеётся, но потом это веселье внезапно обрывается, и он становится мрачен и неразговорчив. Какие-то тёмные мысли терзают его в это время, заметно, как он морщит лоб и шевелит губами, споря с невидимым собеседником.

Санитары рассказывали, что прошлой зимой его привезли в отделение на каталке, с обмороженными до костей ногами. В тридцатиградусный мороз он шёл куда-то босой, в одной рубахе по снегу – ночью, в глухую метель. Сергею повезло. Его подобрал наряд милиции и привез в больницу. Ноги ему сохранили, хотя большие пальцы пришлось ампутировать, а боли мучают до сих пор.

Виталик самый молодой, ему только-только стукнуло двадцать, у него худое лицо и нервные, бегающие руки, которые он всё время пытается куда-нибудь спрятать.

У Виталика типичная история сумасшедшего студента. В школе – круглый отличник, золотая медаль, олимпиады и большие планы на будущее. Очень хотел стать врачом – в семье все медики, и Виталик с первого класса готовился в медицинский. Нагрузки там, особенно в первый год, такие, что не каждому по силам. Вот и Виталик не выдержал. Зубрил сутки напролёт, спал по три часа, всё боялся завалить сессию. И на первом же экзамене крыша у него поехала. Пришёл Виталик на экзамен, накрыл голову анатомическим атласом – здоровенный такой том, килограммов на пять – и заявил: «А я в домике!». Студенты ржать начали, а преподаватели сразу смекнули что к чему – у них почти на

каждой сессии такие домовладельцы объявляются – и вызвали «скорую». Было это два года назад, а сейчас Виталик в психушке постоянный клиент. Университет пришлось оставить, так что до психиатрии он так и не добрался, зато все методы лечения знает лучше любого профессора.

Самый старый в компании – Юра, ему тридцать пять. В больнице каждый год, обострения тяжёлые, с чёрной депрессией и множественными попытками суицида. Руки в глубоких шрамах от порезов, на шее виден сероватый след от петли – месяц назад Юра пытался повеситься. Лекарства ему помогают плохо, единственный метод – электрошок. Три раза в неделю Юру уводят в шоковую палату, а потом возвращают – мутного, растерянного, похожего на сомнамбулу.

Электрошок у всех вызывает жгучее любопытство. Эта электрическая казнь мозга, подобие смерти на электрическом стуле, кажется таинственной и запретной.

Пробраться в палату для электрошока невозможно. Во время процедуры дверь плотно закрывают, а когда больного после шока привозят в палату, он ничем не отличается от обычного спящего человека.

В электрошоковую можно заглянуть только во время уборки, когда дверь приоткрыта, и виден краешек стола. Там стоит он, аппарат. Серый продолговатый ящик с двумя рядами кнопок и окошечками. Юра говорит, что когда аппарат включен, в окошечках горят красные цифры, показывающие сколько вольт пропустят через мозг очередного приговоренного.

Когда смотришь на длинную кушетку, покрытую белой клеенкой, мгновенно представляешь, как тебя приводят в эту белую комнату, укладывают на белую кушетку, и люди в белых халатах окружают тебя со всех сторон. Белые руки берут марлевую подушечку и опускают в солевой раствор – совсем как во время казни на электрическом стуле. Ты смотришь, как руки бережно отжимают подушечку, как падают в лоток прозрачные капли, как тускло мерцает блестящий плоский электрод, и в эту секунду тебя пронзает

мысль: а ведь это для тебя готовят электрическую машину, это через твой мозг пропустят сотни вольт, это ты обречен биться в судорогах, биться невыносимо долго, прежде чем твое сердце парализует электрический разряд, и в этот миг перед тобой пронесется вся жизнь, сжатая в одно бесконечное мгновение. Пульсирующий мозг бьется, дрожит, пытаешься отсрочить неизбежное; выбрасывает одно видение за другим, но сквозь мелькание картинок ты видишь, как белые руки берут влажную подушечку, и обтирают виски, и холодные струйки текут по коже и каплют на белую клеенку: кап, кап, кап...

Всё готово. Электроды подносят к голове и ты чувствуешь прикосновение холодного металла к вискам. Время вдруг замирает, останавливается, и эти последние секунды перед смертью тянутся невыносимо долго. И когда ты уже готов вскочить, закричать, разбросать белых людей по белой палате, свет вдруг гаснет и вспыхивают перед глазами ослепительные радужные огни. Мозг шипит, плавится, разбрасывая голубые искры, ты корчишься в предсмертной судороге, а белые руки стальными клещами сжимают твою голову и гонят в неё разряд за разрядом, пока ты не обессилеешь окончательно, а твой мозг не превратится в черную обугленную головешку.

Юра говорит, что ничего об этом не помнит, что память его обрывается на том месте, когда он входит в шоковую палату. Но я знаю, что это неправда.

Он просто боится об этом помнить.

Больница. Ноябрь.

Третье ноября. Сегодня ровно два месяца как я в больнице. Удивительное ощущение раздвоенности времени – когда я оглядываюсь в прошлое, мне кажется, что прошло всего несколько минут с того момента, как я разговаривал с Наставником в своей квартире, но в следующее мгновение я уже уверен, что с тех пролетело много-много лет.

Единственное, что я знаю совершенно точно – это никак не могло быть два месяца назад.

Это всё больница. Её власть. Её магия. Чудовищный запас психической энергии, что копила она многие десятилетия, позволяет ей с лёгкостью играть человеческими судьбами. Она властвует над нашими душами, она царит над пространством и над временем.

Всё больше я убеждаюсь, что старая больница не случайна. Она задумана кем-то свыше, и им же сотворена для устрашения и контроля. Это машина времени. Она умеет всё. В одно незаметное мгновение она стирает годы, как ластиком, ровняя десятилетия. Взрослые люди превращаются в детей; они возвращаются в детство легко и радостно, как домой после долгой разлуки. Отныне ты свободен от бремени взрослости. Теперь ты ребенок – ты ни о чем не думаешь и ни за что не отвечаешь. Тебе точно укажут, что нужно сделать – съесть тарелку каши, сходить умыться или проглотить маленькую белую таблетку.

У старой больницы множество лиц, и все они останутся в твоей памяти навеки. В первые дни, когда мозг ещё спит, убаюканный лекарствами, они выныривают из серого тумана, облепившего тебя, подобно привидениям – одинаковые, мертвенно-белые, неживые, как театральные маски, то скорбно-печальные, то насмешливо-улыбчивые. Потом, когда лекарственный туман отступает, рассеивается, ты начинаешь понемногу различать их – врачей, сестёр, санитаров.

Первой ты начинаешь узнавать нейролептическую сестру. Сестёр и санитаров много, они сменяются каждый день, и их лица калейдоскопом мелькают перед тобой, не задерживаясь в памяти, а нейролептическая сестра приходит ежедневно, трижды в день, и именно она становится первым человеком, с которым у тебя будет ассоциироваться больница. Со временем ты начинаешь различать и узнавать других – процедурную медсестру, дежурных сестёр, санитаров, их лица перестают казаться одинаковыми, и в их фразах и жестах появляется осмысленность.

Раз в пять дней в ночную смену приходит студент. Он подрабатывает в психиатрическом – шесть дежурств в месяц, неплохая прибавка к стипендии плюс возможность наблюдать разнообразнейшие формы уродств человеческой психики во всём их пугающем великолепии. Раздав вечерние таблетки, он подолгу сидит над конспектами, шурша пером и отхлёбывая густой ароматный кофе из большой фарфоровой чашки. Эта чашка – хрупкий символ свободы; узорчатый барьер, отделяющий его от нас, драгоценный атрибут ясного разума и принадлежности к привилегированному сословию психически здоровых. Она – фарфоровая, а вся посуда в отделении – металлическая, чтобы кто-нибудь из нас, больных, ненароком не нанёс осколком раны себе или персоналу. И эта фарфоровая чашка, такая простая и привычная раньше, кажется тебе совершенно недостижимой, пришедшей откуда-то издалека, из далёкого и невозвратного прошлого, где всё было совсем по-другому, и где такая мелочь как стеклянная посуда и наличие вилок за столом была простой и естественной.

Студент откладывает в сторону исписанные листки и сладко потягивается. Я смотрю в его тетрадь, и в сплетении острых как шипы буквочек мне чудятся какие-то загадочные узоры, точная и правдивая летопись моей жизни – всё моё прошлое, настоящее и будущее в одной тетради, и встают за исписанными листами удивительные картины, и плывут, и тают в прозрачной тишине, и дрожит на кончике пера золотая искра. Я люблюсь этими сказочными картинами, и не могу налюбоваться, и Время снова качает меня в своей волшебной колыбели.

Внезапно студент захлопывает тетрадь, и видение мгновенно исчезает, и всё становится на свои места – и больница, и отделение, и душный вечер, пропитанный запахом лекарств, пота и дешёвого табака. Студент собирает со стола учебники и плетётся в сестринскую, а я провожаю его долгим взглядом, и в этот миг мне кажется, что он украл и унес в пыльную и тёмную сестринскую частицу моей жизни, и

мне хочется закричать, вскочить, догнать его и отнять заветную тетрадь, но ноги становятся ватными, не слушаются, и в бессилии я смотрю, как студент возвращается обратно – уже без тетради, и от этого в моей душе мгновенно образуется тёмная пропасть, и вползают в неё холодной змеей пустота и одиночество.

Потом он стоит у открытой форточки и курит, пуская дым в черное небо. Я смотрю на синие струйки, рвущиеся к звёздам, и вижу, как вместе с дымом, смешанным со спёртым воздухом отделения, улетают мои мысли, как горят в огоньке его сигареты мои чувства, и с каждой его затяжкой чувствую, как меня покидают силы и высыпается, будто песок в часах, из меня жизнь. И когда студент выбрасывает окурок в окно, я ощущаю себя дряхлым стариком, немощным и бессильным.

Со студентом мы часто и подолгу разговариваем. Его интересует как я заболел, что чувствовал при этом, как звучал для меня голос Наставника, и что происходило со мной дальше. Он внимательно слушает, кивая, а я, механически повторяя в сотый раз одно и то же, размышляю над тем, что врачи, наверно, не правы, когда думают, что изучают нас. Ничего подобного. Это мы изучаем их. Мы смотрим на них с этой стороны барьера, и они для нас – такие же загадочные и странные существа, как мы для них.

Со второй недели, когда позади наблюдательная палата и круглосуточный надзор, ежедневные уколы сменяют таблетками. Этого момента ждешь с нетерпением – уколы чрезвычайно болезненны, и не каждая медсестра умеет сделать их так, чтобы ты не лез на стену от боли. Кроме того, после уколов остается неприятное дрожание в руках и ногах. У старых больных оно настолько сильно, что они не могут поднести ложку ко рту. После уколов таблетки воспринимаются как облегчение, и ты даже не сразу замечаешь, что медсестра Надежда Степановна, раздающая лекарства, долго стоит над тобой, терпеливо дожидаясь, пока ты проглотить таблетку. Первое время это вызывает обиду: не

доверяют даже в такой малости, как малому неразумному ребёнку, но потом на смену гордыне приходит мудрое смирение – ты теперь псих, ненормальный, и правильно, что тебе не доверяют, и это только малая часть того большого недоверия, с которым тебе придётся столкнуться в жизни.

После таблеток на душе спокойно и тихо. Движения чуть вяловаты, как в замедленном кино, но это даже хорошо – ты заново привыкаешь к своему телу, с удивлением обнаруживая, что оно послушно тебе. Осторожно ступая по продавленному линолеуму, стараешься удержать равновесие, и с этого первого шага начинается твоя большая дорога в большой мир.

***

И вот наступает долгожданный день. Тебе предоставлен свободный выход из отделения.

Это означает, что сегодня для тебя откроется не боковая дверь, ведущая в закрытый дворик для прогулок – туда, где бетонные стены в три метра высотой и железные ворота, а главная – высокая белая дверь в конце отделения, за которой выход в старинный парк и дальше – в город, в большой настоящий мир.

У тебя будет целых три часа до обеда, чтобы попробовать этот мир на вкус и понять, сможешь ли ты вернуться туда и жить в нем, или он навсегда останется для тебя чужим, и до конца своих дней ты будешь в страхе бежать от него, прятаться за глухими стенами отделения как черепаха в коробке. Это ответ на вопрос – кто кого. Победишь ли ты больницу, сможешь ли вырваться из липкой паутины психоза или станешь очередной её жертвой, очередной победой, которую она будет смаковать долгие годы, высасывая из тебя по капле радость, здоровье и саму жизнь. Страх сковывает тебя тонким ледяным панцирем, ты чувствуешь, как дрожат колени и течёт по спине холодная струйка. Ты сжимаешь в кулаке счастливую монетку, когда-то подаренную мамой и мысленно шепчешь: «Господи, помоги!».

И всё равно это праздник. Хроники и сохранные, не имеющие свободного выхода, смотрят на тебя с завистью, а счастливицы, пользующиеся свободным выходом, благосклонно принимают в свой клуб избранных. Ты снисходительно собираешь заказы на сигареты и минералку, покрывая на суетящихся больных, и как-то очень легко забываешь, что ещё вчера точно так же завистливо смотрел на везунчиков со свободным выходом, и точно так же, подобострастно заглядывая в лицо, совал им мятую пятерку. Тем, кто никогда не сидел взаперти, этого не понять...

Санитар у дверей придирчиво оглядывает с ног до головы, долго водит пальцем по журналу, отыскивая твою фамилию в списке – а не обманываешь ли ты, не вздумал ли провести старую больницу, и действительно ли тебе дано это право, эта исключительная привилегия здоровых людей – распоряжаться собой, своим временем, своими поступками?

Но вот все препоны устранены. Санитар достает из кармана большой блестящий ключ.

Старая больница недовольна. Она отпускает тебя неохотно, со злобой, мучительно медленно разжимая свои объятия – ведь ты можешь вырваться, уйти, не вернуться никогда, и тогда ещё одна жертва будет потеряна, ещё один её шанс упущен. Дверь отчаянно скрипит, открывается медленно-медленно, как будто надеется, что ты передумаешь и вернешься обратно. Но ты уже видишь перед собой ослепительно-яркий дверной проем, за которым тебя ждёт огромный цветной мир. Один шаг отделяет тебя от него. Всего один шаг.

И вдруг тебя охватывает непонятный страх. Ты весь дрожишь и, кажется, нет такой силы, которая могла бы заставить тебя сделать этот один-единственный шаг. Страх сковывает, набивая руки и ноги ватой, он действует заодно с больницей, он знает, что может победить тебя и старается изо всех сил.

И всё же ты преодолеваешь его, и делаешь этот единственный, может быть, самый важный в твоей жизни шаг и пересекаешь роковую черту.

Через секунду за твоей спиной оглушительно хлопает дверь, и ты вздрагиваешь от этого неожиданного грохота, и он кажется тебе невыносимо громким, настолько громким, что вот-вот из ушей брызнет кровь.

Несколько минут ты стоишь на площадке, осваиваясь с новой мыслью – ты свободен, ничто больше не связывает тебя, ты ничем не отличаешься от обычных людей. И наслаждаясь этой мыслью, смакуя её, ты начинаешь спускаться по лестнице.

Поворот – и перед тобой последняя дверь, отделяющая тебя от большого мира. Ты распаиваешь её – и мир принимает тебя в свои объятия.

Разнообразие красок после серого и тусклого мирка психиатрического отделения ошарашивает. Всё кажется неестественно ярким – и желтизна осенних листьев, и тёмная зелень вековых сосен, и рыжие шубки белок, во множестве шныряющих по парку.

Свежий воздух пьянит как молодое вино. В голове шумит, ты слегка покачиваешься, бредя утопанными дорожками старинного парка. Над твоей головой смыкают шатер сосны, впереди шумит город, а позади проглядывают сквозь ветви желтые больничные корпуса. Отсюда больница кажется почти игрушечной, полной тайного очарования, похожей на сказочный замок, и совсем не страшной. Но я знаю, что это впечатление обманчиво и стараюсь побыстрее углубиться в парк.

Навстречу спешит весёлая стайка студентов. Они молоды, счастливы, беззаботны. Они щебечут о чем-то своем, оживленно и радостно. И вдруг видят меня. Смех разом смолкает. Они смотрят на меня с ужасом и отвращением, как на уродливое и опасное животное. «Псих...» – шелестит осторожный шепот. Одна из девушек наклоняется к другой и что-то шепчет ей на ухо, показывая на меня пальцем. А потом... Потом они смеются. Смеются над тобой! Этот смех ударяет по лицу как пощечина, и изнывая от стыда, ты спешишь назад, под спасительный покров больницы – за вы-

сокие стены и глухие бетонные заборы, к таким же как ты психам. И в этот миг ты понимаешь совершенно определённо, что жизнь разделила вас навсегда – тебя и весь остальной мир, и до конца дней твоих быть тебе изгоем, дуриком, психом, и шараться от несправедливых насмешек и косых взглядов.

Шаркая ватными ногами, ты возвращаешься в отделение. Белая дверь снова открывается, скрипя, но теперь её скрип не ворчливый, а злорадно-удовлетворенный. Больница торжествует. Ты вернулся к ней, ты снова принадлежишь ей, и она радостно облизывается. Она принимает тебя под своё каменное крыло, и дверь с грохотом захлопывается, отсекая большой мир с его красками, звуками и запахами. Тяжёлая, липкая атмосфера психиатрического отделения обволакивает тебя, и ты чувствуешь, как силы вдруг уходят, и ты становишься слабым и беспомощным как марионетка. Рассеянно, невпопад отвечая на расспросы, механически раздаешь купленные сигареты и минералку, проходишь в палату и без сил валишься на койку.

Ничего не получилось. Ты проиграл и никому ничего не смог доказать. Ты остался изгоем, сумасшедшим, шутком, заживо погребенным в каменной могиле, и быть тебе таким во веки веков.

И ничего нельзя изменить.

***

Ещё две недели, и приходит день выписки.

Ты рассеян и подавлен. Ты долго готовился к этому моменту, но он всё равно наступает внезапно. Вполуха слушаешь наставления врача: таблетки принимать регулярно, по одной вечером, если будет плохо – немедленно обращаться, не нервничать, не переутомляться, чаще гулять на свежем воздухе и высыпаться. Постараться найти работу, завести друзей, больше времени проводить с семьей. Одним словом – не оставаться наедине с самим собою.

Жена берет под руку, и это ощущение тёплой живой руки под локтем тоже непривычно, и ты с удивлением обнаруживаешь, что напрочь забыл его. Вы медленно спускаетесь по лестнице вниз, во двор.

Говорят, когда выходишь из тюрьмы, нельзя оглядываться, иначе снова попадешь туда. Больница – не тюрьма, но видит Бог, мне очень не хочется сюда возвращаться.

И всё же я не выдержал и оглянулся.

И увидел прижатое к стеклу лицо. Белое, похожее на маску. Оно было таким ужасным, мёртвым, безумным, что я не выдержал и отвернулся. А когда снова посмотрел вверх, лица уже не было, только темнел в пустом стекле тусклый отпечаток живого тёплого дыхания.

***

В нашей квартире всё было как прежде, только кровавую надпись на обоях замазали белой краской.

Когда я вошёл и вдохнул запах дома, у меня закружилась голова и подкосились ноги, и я опустился на пуфик в прихожей.

В это время вернулась жена с моей любимой доченькой Вероникой. Она оставляла малышку у соседей, пока ездила за мной в больницу. Увидев меня, девочка заплакала.

И тогда всё пережитое за последние месяцы снова поднялось, нахлынуло в моей душе, и не выдержав, я зарыдал. Ирина обняла меня, уткнулась в плечо и тоже заплакала.

Мы долго стояли так, прижавшись друг к другу, и плакали, и не было слов на свете чтобы объяснить, что происходило в эти минуты в наших душах.

Дом. Декабрь.

После выписки из больницы прошёл месяц.

Я регулярно принимал лекарство – по одной таблетке вечером, понемногу втягиваясь в каждодневную обыденную реальность. Жизнь перестала быть мучительной борьбой за выживание, за возвращение к нормальности, постепенно становясь всё более простой и привычной.

По настоянию Ирины мы с ней съездили на две недели в санаторий. Там мы познакомились с молодой парой – Наташей и Андреем, также приехавшими из нашего города. Оказалось, что Ира с Наташей даже работали в одном здании, правда, в разных организациях. Помня о рекомендациях врача, я старался всячески поддерживать это знакомство, и должен сказать, находил в общении с нашими новыми друзьями немало интересного.

Со старой работы мне пришлось уйти. Давний друг отца, работавший в мэрии, устроил меня в государственную контору. Зарплата чиновника была небольшой, но благодаря неплохим знаниям и трудолюбию мне удалось снискать расположение коллег и начальства и я мог рассчитывать в будущем на повышение. Разумеется, я никому не говорил о перенесенном нервном расстройстве, прекрасно понимая, что это поставит крест не только на моей карьере, но и на отношении ко мне людей.

Словом, жизнь потихоньку налаживалась. Я привык к мысли, что всё случившееся со мной было результатом болезни и старался не вспоминать об этом. Но где-то глубоко-глубоко в подсознании тихой мышью жила уверенность в том, что это не так, что всё было на самом деле. Было так, как я видел; так, как я чувствовал. Я знал, что Вселенная Всесильных Слов существует, знал, что она ждёт меня. Не буду скрывать – мне хотелось побывать там ещё раз. То время, когда я был повелителем вселенной, когда моему Слову подчинялось всё и все, было самым счастливым в моей жизни, и я верил, что когда-нибудь я вернусь туда. Вернусь

свободным человеком, настоящим хозяином, повелителем. Когда это случится – после моей смерти, или раньше – я не знал. Но в том, что я обязательно туда вернусь, никаких сомнений не было.

Кроме того, я был уверен, что наш поединок с Наставником не окончен. В глубине души я ждал его возвращения. Я хотел расставить все точки. Я хотел уничтожить его. Только тогда я смог бы жить спокойно, только тогда я перестал бы тревожиться за свою дочь. Всякий раз, глядя на нее, я испытывал щемящее ощущение беспокойства, тревожный холодок, заставлявший меня вздрагивать. Впрочем, я предпочитал думать об этом как о далёком будущем, надеясь как можно дольше отсрочить его приход. Я чувствовал, что пока не готов бороться с Наставником.

После лечения я ощущал себя вполне здоровым человеком. Таблетки, которые я принимал, почти никак не отражались на моем самочувствии. Со временем у меня появилась уверенность в том, что я смогу прекрасно обойтись без них, самостоятельно управляя собственным состоянием. В конце концов, убеждал я себя, я взрослый человек, и могу сам решать, принимать мне таблетки или не принимать. Если случится что-то неладное, я смогу вовремя почувствовать приближение приступа, и снова начну пить лекарство.

В общем, мне понадобилось совсем немного времени, чтобы решиться. Я перестал принимать лекарство, а таблетки, чтобы не вызвать подозрения у жены, стал каждый вечер выбрасывать в унитаз.

Первый раз я делал это с опаской. Я не знал, как отразится отмена лечения на моем состоянии. Целый день потом я прислушивался к себе, пытаясь понять, что изменилось. Но ровно ничего не произошло. Я чувствовал себя точно так же, как и тогда, когда принимал таблетки – не хуже и не лучше. Постепенно я успокоился и перестал прислушиваться к себе. Я уверовал в то, что сам прекрасно могу справляться с собственным мозгом и не нуждаюсь в помощи таблеток.

***

Время между тем летело стремительно и неудержимо. Приближался Новый год. Я купил большую красивую елку и взялся её наряжать. Старая елочная гирлянда перегорела, и я выбрал в магазине новую – большую, яркую, разноцветную. Мне хотелось, чтобы наш праздник был особенным – светлым и запоминающимся, чтобы все страхи остались в прошлом, чтобы Новый год принес только радостные события и волнения.

Я распаковал гирлянду и развесил её на елке. Потом взял штепсель и воткнул его в розетку.

И вдруг моя елка вспыхнула кровавым огнем. Гирлянда сияла жутким светом, рассыпая огненные искры. Казалось, елка оплывала кровью. На мгновение мне почудилось что я вижу в кровавом огне детские личики, искажённые болью. Я бросился к розетке, чтобы отключить проклятую гирлянду, но тут она вдруг вспыхнула как-то особенно ярко и тут же погасла. Комнату заволочло дымом. Когда я разобрал блок питания, он оказался полностью обугленным.

Происшествие с гирляндой оставило в душе неприятный осадок, хотя я не мог объяснить, что именно напугало меня. Чтобы успокоиться, я решил прокатиться по магазинам – прикупить кое-что к Новому году.

Когда я вышел из супермаркета, было около пяти часов вечера. Стемнело. Я вышел на проспект и махнул рукой, тормозя маршрутку. Через несколько секунд рядом со мной остановился белый «Мерседес».

Я открыл дверь и опешил. Маршрутка была почти пуста, только одно сиденье спереди и несколько сзади были заняты. Но то, что я увидел, потрясло меня.

В тусклом свете салонного фонаря моему взгляду предстали ужасные монстры. На переднем сиденье расположился отвратительный урод – что-то вроде бородавчатого гнома с большим носом и серыми обвисшими губами. Это чудовище

непрерывно шевелило длинными узловатыми пальцами с чёрными когтями и ухмылялось, обнажая острые желтые зубы.

Два сиденья позади него занимали две твари, обросшие чёрной шерстью, с длинными подвижными хоботками, похожие на гигантских выхухолей. Одна тварь была обряжена в светло-коричневую дубленку, вторая – в норковый полушубок. Твари непрерывно лопотали что-то на своём языке, напоминаяшем клокотанье закипающего чайника. Рядом, над высокой спинкой сиденья торчала птичья голова на длинной шее. Человек-аист глянул на меня чёрным глазом-бусиной и ухмыльнулся. В конце салона, заняв целый ряд сидений, расплылся чудовищный толстяк-бегемот с отвратительными гнилыми зубами, торчавшими из серой пасти. Он зевнул, и я увидел огромный серый язык, похожий на толстое бревно.

Меня передёрнуло от отвращения. Я хотел выйти, но машина уже тронулась. Я обернулся к водителю – и обмер. На водительском месте сидел огромный чёрный пёс. Он улыбался. Я никогда не видел улыбающихся псов, но это чудовище явно улыбалось, и это была самая омерзительная улыбка, какую только можно себе представить. Пёс подмигнул мне и крутанул руль.

Маршрутка понеслась по проспекту.

Я вцепился в поручень. Пёс-водитель вертел баранку, и маршрутка закладывала невероятные виражи. Один раз мы едва не врезались в трамвай, каким-то чудом просочившись в щель между ним и встречной машиной. Пёс улыбался и что-то кричал мне, но я не мог разобрать ни слова. К тому же в салоне было очень шумно. Твари раскачивались в такт движению и пели какую-то жуткую песню: такие звуки издаёт магнитофон, зажевавший ленту.

Я не знаю, сколько продолжалась эта поездка. Время как будто взбесилось, и мне казалось, что я нахожусь в этой маршрутке целую вечность, что я родился тут и вырос среди жутких монстров, и никогда не покидал тесного полутёмного салона.

Я не помню, как я добрался до дома. Пакет с покупками я оставил в маршрутке, но обнаружил это только когда без сил повалился на пол в прихожей.

Жена выбежала из кухни и смотрела на меня с нескрываемым ужасом.

– Что случилось? – спросила она.

Я никак не мог отдышаться, и только мотал головой. Впрочем, у меня хватило ума не рассказывать ей о происшествии в маршрутке.

– Да, понимаешь, чуть под машину не попал, – соврал я первое, что пришло в голову. – Перебегал проспект и не заметил грузовик.

Ирина посмотрела на меня с большим недоверием.

– Ты принимаешь таблетки? – подозрительно спросила она.

– Конечно! – бодро ответил я. – Всё нормально, это просто случайность.

Ирина хотела что-то сказать, но к счастью, в этот момент из кухни послышалось шипение сбежавшего молока, и жена бросилась в кухню.

Я с трудом стянул с себя куртку и обессиленный повалился на диван.

Ужасные монстры не выходили из головы. Что это было? Галлюцинация? Но чудовища, которых я видел, были абсолютно реальными. У меня не было никаких сомнений в этом. Какое-то предзнаменование? Но какое? Что оно означает? У меня не было ответа на эти вопросы.

В какой-то миг у меня промелькнула мысль принять таблетку, но я тут же отверг её. Ведь то, что я видел, не было проявлением болезни. Я на самом деле видел всех этих ужасных монстров.

Просто я не знал, как это объяснить.

***

Наступило тридцать первое декабря.

Утро промелькнуло в предпраздничных хлопотах. Мы с женой решили пригласить наших новых друзей Наташу и Андрея, и вместе отпраздновать Новый год.

После обеда жена отправилась в парикмахерскую, а я уложил спать Веронику и присел на диван. Делать было нечего, и я решил почитать. Я взял книжечку стихов Мандельштама и открыл наугад:

...На луне не растёт
Ни одной былинки;
На луне весь народ
Делает корзинки –
Из соломы плетёт
Лёгкие корзинки.

И вдруг я почувствовал, что мне открылся истинный смысл этих слов. Я понял, что хотел сказать поэт этими стихами. В словах «весь народ делает корзинки» на самом деле было зашифровано сообщение. Луна – это символ, луна имеет желтый цвет, так же как солома, из которой делают корзинки. Если всё это сопоставить, то можно прочесть скрытое послание.

Мне стало интересно. Я стал листать книжку дальше, и практически в каждом стихотворении находил какое-нибудь зашифрованное сообщение. Это было потрясающе!

И тогда у меня появилась шальная мысль. Я вскочил и стал лихорадочно рыться в шкафу. Наконец я нашёл то, что искал – книжечку моих стихов, выпущенную два года назад. Я принялся листать её. И точно – в каждом стихотворении я находил скрытый глубинный смысл, зашифрованное послание! Самым поразительным было то, что я точно помнил, что никаких потайных смыслов в эти стихи я не вкладывал. Значит, моё подсознание в тот момент, когда я писал стихи, само зашифровало скрытые сообщения и вложило их

между строк. моё восприятие обострилось неимоверно, и наступил момент, когда из моего горла непроизвольно вырвались несколько слов. Я ещё не успел понять, что произошло, как комната вдруг покачнулась и закружилась в бешеном вихре. Вихрь подхватил меня и понес сквозь время. Вокруг мелькали какие-то картины, лица, вспышки света. Изредка, негромко, как через вату, прорывались какие-то звуки: слова, обрывки музыки, шелест. Прошло несколько секунд (или тысячелетий) и вихрь успокоился.

Я стоял на берегу. Передо мной расстилался Космос – бескрайняя чёрная пустыня, пронизанная светом таинственных звёзд.

Это была Вселенная Всесильных Слов.

Я понял, что произошло. Я произнес Всесильные Слова. Я снова во Вселенной Всесильной Слов. Я снова дома.

Это было удивительно приятное ощущение. Я знал, что здесь, в своей Вселенной, я в безопасности. Тут не было и никогда не будет болезней, психиатрических лечебниц, не будет боли и страха.

Впервые за последние четыре месяца я был счастлив.

И вдруг я почувствовал странный холодок в душе. Это было похоже на дуновение ледяного ветерка – вначале слабое, едва ощутимое, потом всё сильнее и сильнее. Я ощутил, как мою душу наполняет ледяной холод.

И тогда я испугался. Я стал лихорадочно произносить все известные мне Всесильные Слова. Мир вокруг снова качнулся, потом завертелся в бешеной карусели, вихрь подхватил меня и понес.

Я пришёл в себя на диване. Рядом валялась книжка моих стихов. Она была изорвана в клочья.

***

В восемь вечера пришли гости.

У нас было неплохое вино, а Андрей принес отличный коньяк. Мы проводили старый год и встретили Новый. Всё

было замечательно. После праздничного концерта Наташа предложила перекинуться в карты. Предложение было с восторгом принято. Я сам давно не играл, и сейчас с удовольствием присел раскинуть партию-другую.

Я беру со стола карты, раскрываю их, и вдруг...

Полированная светло-шоколадная поверхность стола проваливается куда-то вниз и вместо неё появляется тяжёлое зеленое сукно. Белые шары в люстре сменяются старинными бронзовыми подсвечниками с таинственно мерцающими свечами. Комната, мебель, мои партнеры – всё исчезает, растворяется в полумраке. Я вижу только одну тень напротив. Огненные блики дрожат на полупрозрачном одеянии, тонкие белые руки, словно выточенные из нежного мрамора, покоятся на груди.

– Здравствуй, Ратибор!

Это он. Наставник. Голос холодный, от него веет северным ветром, смертью, тоской и отчаяньем. Я сжимаю зубы и молчу.

– Что же ты молчишь, Ратибор? Разве тебе нечего сказать мне? Или ты забыл, что наш разговор не окончен? Я ведь обещал тебе, что мы встретимся...

Я взрываюсь.

– Нет, негодяй, именующий себя Наставником! Я ничего не забыл! Ни людей, загубленных мною по твоей вине, ни того, что ты хотел украсть мою дочь! Просто меня убедили, что ты – всего лишь галлюцинация.

Наставник смеётся. Смех его похож на обвал в горах – будто прыгают по склону ледяные глыбы. Этот смех жутким эхом разносится у меня в голове, и я вынужден закрыться от него руками:

– Прекрати!!!

Смех разом обрывается. Теперь голос Наставника спокоен и холоден:

– Галлюцинация? Это забавно. Жаль только, что ты сам в это не веришь. Ты ведь знаешь, что я реален. Так же реален, как и Вселенная Всесильных Слов.

– Мне не нужна ваша вселенная! Заберите её и не смейте трогать моего ребёнка!

– А что ты можешь предложить взамен?

– Забирайте всё: квартиру, машину, деньги, только не трогайте Веронику!

– Глупец! Зачем мне, властелину вселенных, твоя квартира? Зачем мне машина? Молчишь, Ратибор?

– Чего вы хотите? Возьмите мою жизнь, прошу вас! Только не её!

– Твоя жизнь недорого стоит. Впрочем, я, пожалуй, подумаю.

Я замер. Каждой клеточкой я ощущал, что Наставник задумал что-то страшное, гнусное, отвратительное.

– Ну что же, – проговорил он наконец, и в голосе его я явственно услышал нотки холодного удовольствия. – Кажется, я прервал вашу игру? Я исправлю эту неловкость. Как ты смотришь на то, чтобы сыграть со мной?

Я похолодел. Наставник проник в самую глубину моей души. Я понял, что он давно уже замыслил этот ужасный спектакль, и просто играл со мной, как сытый кот с мышью.

– Ну, Ратибор?

– Меня зовут Александр!

– Тебя зовут Ратибор. И ты это знаешь. Ну что, Ратибор, сыграешь со мной?

Окружили. Обложили со всех сторон, и нет выхода, и трепещет сердце, и отчаянье заливают душу ледяным сиропом.

– Ты согласен?

Он всё знает, он проникает в самую душу, этот коварный хитрец, называющий себя Наставником. Это его нынешнее имя. А раньше его звали иначе. Древние египтяне называли его Осирис, первые христиане – Вельзевул. Арабы зовут его Иблис, а индийцы Шива. Но истинного его имени не знает никто. Это имя настолько ужасно, что стоит его произнести, как мир рухнет, взорвётся, разлетится на звенящие ледяные осколки. Это самое могучее Слово, и са-

мое страшное. Он проводит рукой по столу, и я слышу как крошится лёд под алмазным когтем.

– Так что же, Ратибор?

Я облизываю пересохшие губы:

– Какова будет ставка в игре?

Я чувствую, как он доволен. Я сдался, я принял его условия. Он опять победил. Он снова смеётся, на этот раз мягче – будто осыпает колючим снегом:

– Какая ставка?.. Скажу, Ратибор, обязательно скажу. Но сначала – ты. Какова твоя ставка? Что ты поставишь на кон?

Он специально сказал это. Он знает, как ударить побольнее и не упустит случая этим воспользоваться. Он щурится и рассыпает вокруг сияющие льдинки:

– Итак, Ратибор?..

И я вынужден мучительно прошептать:

– Я... Я ставлю свою дочь...

Он доволен. Он хохочет, вздымая снежные вихри:

– Bravo, Ратибор, bravo! А я...

И ждёт. Он ждёт, чтобы я сам назвал цену, чтобы сказал, во что ценю свою дочь, сколько стоит мой ребенок, плоть и кровь моя, моё главное сокровище, он хочет, чтобы я оценил её, как товар, как какую-нибудь вещь из лавки. И когда всё во мне вскипает и я готов вскочить и вцепиться ему в глотку, он угадывает это мгновение и выстреливает в меня страшными словами:

– А я поставлю твой разум!

В первую секунду смысл его слов не доходит до меня, и вдруг передо мной возникает лицо Альберта. Мёртвое, пустое, глаза безумные, и тонкая ниточка слюны тянется изо рта. Я вздрагиваю, и в этот момент вдруг понимаю, что это не Альберт вовсе, а я, я сам – безумец, потерявший человеческий облик, пустая кукла, оболочка, набитая снегом. Снег хрустит, колышется, я слышу его скрип в голове, и кроме этого скрипа нет ничего – ни мыслей, ни чувств, ни желаний. Я понимаю, что он снова перехитрил меня, что это снежное безумие стократ страшнее смерти, и в отчаянье я кричу:

– Не-е-е-т!!!

Он доволен. Бескровные пальцы шевелятся как змеи, оплетая, опутывая со всех сторон. Перекрыли воздух, я задыхаюсь, хватая липкую холодную морось широко открытым ртом, и грудь мою раздирает хрипом:

– Не-е-е-т!!!

Он ухмыляется и белые змеи разом разжимают хватку. Я падаю на стул, и хриплю, и давлюсь, и не могу отдышаться. Силы покидают меня, я чувствую себя ужасно вялым, как будто из меня выпустили воздух, и нет сил поднять руку и сказать хотя бы слово.

А он скалится, довольный:

– Вот и прекрасно, Ратибор. Отлично. Поздравляю! Будет замечательная игра!

Через мгновение на столе появляется колода. Я смотрю, как она тасуется сама собою, вися в воздухе, и в мелькании узоров мне чудится какое-то зловещее предзнаменование: скелет, череп, кости, могильный холм... Я хочу прекратить это бешеное мельканье, но не в силах пошевелиться, и могу только смотреть, как колода веером раскидывается по столу, потом мгновенно складывается обратно, исчезает и снова появляется в руке у Наставника.

На зеленом сукне передо мной – три карты. Сердце останавливается, замирает, ледяной холод разливается по телу, и я понимаю, что в этих картах моя судьба, и судьба моей дочери. Игра сделана, и ничего нельзя изменить.

Он щурится, довольный собой, протягивает руку, и острым когтем подцепляет первую карту. Я вижу, как зеленое сукно там, где он коснулся его, мгновенно покрывается инеем, расходится трещинками, как хрустит, звеня, будто стеклянная, карта, вся в белой изморози. Карта ложится картинкой вверх, но ничего не видно, карта сплошь покрыта инеем. Я провожу по ней горячей ладонью, ощущая ледяный космический холод, отвожу руку и вижу картинку.

Восьмерка пик.

Болезни. Печаль. Горе.

Наставник доволен. Он ухмыляется и белым когтем указывает на вторую карту. Я переворачиваю её, и на зеленое сукно ложится пиковая десятка.

Утрата. Обман. Несчастье.

Осталась третья карта. Последняя. Это моя последняя надежда, последняя соломинка; я верю, я знаю – на третьей карте мне повезет. Это будет моя карта, моя удача, я верну свою дочь, свою Веронику, и никогда не буду безумным!

Дрожащей рукой я беру карту и переворачиваю её.

Туз пик.

Смерть.

Чудовищный, всепоглощающий хохот врывается в уши, всё вокруг вращается в бешеной карусели, свет и тени сливаются в одну серую полосу, потом раздаётся адский грохот, и на меня наваливается глухая беспросветная тьма.

***

Я очнулся в наблюдательной палате. Это случилось на третий день после игры с Наставником.

Больница. Январь.

Наблюдательная палата. И снова надо начинать всё сначала.

Снова липкий тревожный сон и невнятное бодрствование, снова негаснущий свет желтых шаров под потолком, снова пустота и одиночество.

И тут, как молния среди туч, появилась эта женщина. Сестра-хозяйка. Анна Никитична.

Уже немолодая, но удивительно привлекательная, она гордо и уверенно шагала по коридору, и под её властным взглядом санитары жалась к стене, как испуганные мыши.

Проходя мимо моей палаты, она повернула голову. Наши взгляды встретились, и меня будто обожгло изнутри, и яркая звезда вспыхнула в моем мозгу. Я увидел, что под

коркой равнодушия и самоуверенности, которую она напустила на себя, чтобы скрыть свою незащищённость, прячется удивительно тонкая душа, подлинная жемчужина, сокровище, каких на свете почти не бывает.

Я понял, что отныне буду принадлежать ей, этой загадочной женщине. Она будет моей повелительницей и королевой моих миров. Я понял, в чём была моя ошибка во вселенной Всесильных Слов. Я был один. Я не создал свою половинку. В моем раю не было Евы. Если бы там, во Вселенной Всесильных Слов рядом со мной была моя королева, ничего подобного со мной не произошло бы. И не было бы ужаса всех последующих дней, и мне не пришлось бы так страдать. Мы жили бы счастливо вдвоем – я, она и Вероника, моя доченька, мы были бы самой лучшей на свете семьей. Я построил бы им замечательные миры. Для моей королевы я бы создал жемчужные побережья и сказочные лагуны. Для любимой доченьки – тенистые леса и просторные луга, где можно было бы бегать и играть с оленями и жеребятами. А себе я сотворил бы тихий прохладный грот, и повесил в нём гамак, и качался бы жарким полуднем, попыхивая трубочкой и усмехаясь во усы. Как было бы замечательно жить там всем вместе!

Ещё не всё потеряно. Я заберу её с собой, во Вселенную Всесильных Слов. И мы снова начнём с нуля, с чистого листа.

И вдруг что-то как будто щелкнуло в моей голове и я увидел ужасную картину.

Передо мной был огромный цех. В гигантском помещении громоздились какие-то странные станки, конвейеры, краны и вагонетки. Вдалеке мерцала раскаленным зевом огромная плавильная печь.

Весь цех находился в непрерывном движении. Под высоченным потолком непрерывно двигались по рельсам какие-то жуткие конструкции, увешанные металлическими крюками. Катились вагонетки, доверху набитые тёмными шарами. С грохотом крутились огромные станки, грохотали лебедки, пронзительно выла циркулярная пила.

Но самое страшное было не это.

В цехе было полно детей. Тысяч десять, не меньше. Они медленно двигались по направлению к печи. Тут были совсем маленькие, не старше года, с трудом ковылявшие на слабеньких ножках; были постарше, прижимавшие к груди плюшевого мишку или пластмассовый автомобильчик, были дети школьного возраста, с глазами печальными, недетскими. И вся эта толпа в каком-то ужасном оцепенении покорно шла прямо к нестерпимому жару печи, и исчезала в огненной пасти.

Я посмотрел вверх и закричал от ужаса.

На металлические крюки, двигавшиеся по рельсовой дороге, были надеты детские тела. Они безжизненно свисали вниз – маленькие, беспомощные. Я видел крохотные пальчики с засохшей кровью под ногтями.

Мимо меня то и дело проносились вагонетки. Только теперь я понял: то, что я вначале принял за шары, было детскими головами. Вагонетки были доверху наполнены мёртвыми детьми.

А толпа, не останавливаясь, продолжала свой путь к печи. Дети покорно шли навстречу смерти. Казалось, их толкает невидимая рука.

В толпе, спотыкаясь, шла совсем маленькая девочка, года полтора, не старше. Я смотрел на неё в каком-то оцепенении, не в силах пошевелиться.

Девочка повернула голову, и я узнал Веронику.

Невыносимый ужас охватил меня. Вероника смотрела на меня своими серыми глазами, и в её взгляде была такая недетская тоска, такое отчаянье, что я не выдержал.

Позабыв обо всём, я бросился к ней – спасти, закрыть собой, защитить. И с размаху ударился о стекло. Передо мной была прозрачная перегородка – невидимая, но твердая, как камень. Я бился об неё изо всех сил, молотил кулаками и ногами, иступлённо кричал, но всё было напрасно.

Вдруг прозрачная поверхность затуманилась, пошла рябью, потемнела и пропала.

Я снова очнулся в палате.

***

Прошло несколько часов, но ужасное видение неотступно стояло перед моими глазами.

Я видел цех, заполненный детьми, видел безмолвную толпу, стекающую к печи, видел беспомощные детские тельца, свисающие с ржавых крючьев, видел вагонетки, полные детских голов.

Я видел тоску и отчаянье в глазах своей дочери.

И я не мог жить спокойно. Я должен был спасти её, спасти этих несчастных детей, обреченных на ужасную смерть. Быть может, пока я сижу в этой проклятой больнице, моя дочь горит в огненной печи. Нет! Я должен бежать! Бежать немедленно!

– Э, друг! Что с тобой такое? Чего орешь?

Это санитар. Он нависает надо мной, разглядывая моё лицо, как будто хочет ударить.

Я понял, что выдал себя. Мой крик привлек его. Неужели он догадался?!

Санитар по-прежнему висит надо мной. Он подозрителен. В его глазах знакомый ледяной холод. Неужели и он служит этому монстру?

Спокойно! Только спокойно!

– Что там, Гриша? – это медсестра из коридора.

– Да этот, что недавно кололи, снова буйнит!

– Сейчас врача позову.

Шаги удаляются.

Лихорадочно соображаю, что делать. Через минуту придёт врач, и тогда всё – опять укол, сон, серое ватное безмолвие. Тогда мне ни за что не вырваться отсюда, и моя доченька, моя Вероника, сгорит в пламени печи!

Сжимаю тело в пружину. Удар! Санитар отлетает к стене. Я вскакиваю и бросаюсь к выходу.

Впереди длинный коридор. Я задыхаюсь, сердце рвётся наружу – проклятые лекарства! Позади слышны крики, топот.

Поворот в боковой коридор – и нереальная, фантастическая удача! Дверь на кафедру приоткрыта, рядом топчется чернокожий студент. Я бросаюсь к двери, отталкиваю его, успеваю заметить перекошенное от ужаса черное лицо, и выскакиваю на кафедру.

Двадцать метров вперёд – и передо мной лестница. Быстрее, быстрее!

Скатываюсь вниз, в маленький коридорчик под лестницей и приоткрываю дверь на улицу. Там беснуется метель и не видно ничего на тридцать шагов.

Мозг работает быстро и четко. Я как будто вижу себя со стороны. Включается шестое чувство – то самое, которое помогает зверю обходить хитроумные ловушки и капканы. Я с грохотом захлопываю дверь. И вместо того, чтобы самоубийственно рвануть через парк – в пижаме, босой, по снегу, – сворачиваю вниз, в подвал.

Через несколько секунд над моей головой проносится топот и снова хлопает дверь – это санитары выбежали на улицу. Я представляю, как они пытаются разглядеть в метельной пелене убегающий силуэт в желтой пижаме, и злобно усмехаюсь.

Впереди, в тёмном прямоугольнике коридора, светлеет проем. Несколько шагов, и я сворачиваю туда.

Снова удача. Это раздевалка для студентов. На вешалке – десяток плащей и курток. Под ними – ряд тёплых сапог. Девушка, сидящая на лавочке под вешалкой, читает книгу. Шум заставляет её поднять голову. Она видит босого человека в желтой пижаме и испуганно вскрикивает. Книга падает на пол.

Я быстро осматриваю обувь, выискивая размер побольше. Вот эти тёплые ботинки, пожалуй, подойдут. Лихорадочно натягиваю их. Возиться со шнурками некогда, и я просто заталкиваю их внутрь, чтобы случайно не наступить.

Студентка пытается что-то сказать, но я поднимаю голову и она испуганно замолкает.

Я сдергиваю с вешалки чью-то куртку и натягиваю поверх больничной пижамы. Куртка короткая, и из-под неё видны пижамные брюки. Я срываю с себя куртку и хватаю длинный серый плащ. Теперь нормально. Желтых брюк не видно.

Я натягиваю вязаную шапочку до самых бровей и кивнув оторопелой студентке, выхожу на улицу. Отсюда мне видны мои преследователи. Они рыщут в аллеях, и я вместо того, чтобы бежать через парк, спокойно поворачиваю к главному корпусу.

Тут всё кишит белыми халатами. Главное – не выдать себя, не привлечь внимания. Я спокойно, даже лениво шагаю по просторному холлу. Несколько человек бросают на меня быстрые взгляды, и тут же отворачиваются. Путь свободен.

Я выхожу с обратной стороны здания, прохожу по обледенелой дорожке и сворачиваю направо, к старому кладбищу. Здесь меня точно не будут искать.

На кладбище пустынно. Деревья тянут чёрные узловатые ветви к серому небу. Невысокие холмики припорошены снегом. Я спешу, спотыкаясь о корни.

И вдруг...

Вначале я подумал, что ошибся и даже сделал несколько шагов по дорожке. Но потом... Как будто молния пронзила мой мозг. Я бросился назад и принялся лихорадочно разметывать снег с невысокого гранитного памятника.

Это была она. Моя доченька. Вероника. Это была её могила.

И хотя имя и фамилия были другими, сомнений быть не могло. Её лицо. Её глаза. Её улыбка.

Я рухнул на могильный холм и обнял его. Леденящий холод вошёл в моё сердце. В отчаянье я колотил мёрзлую глину. Я разбил в кровь руки, расцарапал лицо, я плакал и звал её, а в ответ слышал лишь скрип снега и свист холодного ветра. Вокруг был только холод – ужасный смертельный холод, от которого не было спасения. И вдруг я почувство-

вал прилив обжигающей ярости. Я знал, кто виноват во всех моих несчастьях. Наставник отнял у меня всё – здоровье, разум, жизнь; он отнял самое ценное, то, что было для меня дороже жизни – моего ребёнка. И теперь мне осталось только одно – мстить. Я должен найти Наставника и сразиться с ним. И тогда либо я убью его, либо он уничтожит меня. Это судьба.

Скорее вниз, к реке! Гранитные валуны, выросшие в берег, замёрзли, покрылись льдом. Ноги скользят, я то и дело падаю, обдирая лицо и руки.

Река только-только стала, лёд ещё слабый, в огромных чёрных полыньях. Мне страшно, но выхода у меня нет. Я ступаю на тонкий хрустящий лёд. Он прогибается, трещит, и я стараюсь не смотреть по сторонам, чтобы не видеть полыньи, где плещется чёрная, густая как деготь вода.

Вперёд, только вперёд. Пятьдесят метров, сорок, тридцать...

Я знаю – я дойду. Я не могу не дойти.

Лед угрожающе трещит, змеится тонкими трещинками, и мне кажется, что я вижу в этих трещинках холодные глаза и злорадную ухмылку Наставника. Мне хочется отвернуться, но я заставляю себя не отводить взгляд, и упорно идти вперёд.

Двадцать метров, пятнадцать, десять...

Кр-р-рак! лёд под ногой ломается и я проваливаюсь в черную воду. Страшный холод тысячами острых игл впиивается в кожу. Берег рядом, здесь неглубоко – всего-то по колено, но судорога сводит ноги, и я чувствую, что вот-вот упаду. Неужели мне не дойти?! Ледяная боль рвёт, терзает мои ноги. Ботинки стали тяжёлыми как гири. Я отчаянно борюсь с ледяными оковами, со стоном продираясь к спасительному берегу. Каждый шаг дается невероятно тяжело; я едва переставляю омертвевшие ноги. Шаг, ещё один, еще... Но вот наконец и берег.

Я с трудом взбираюсь на большой плоский камень. Это тот самый камень, чьи мысли мы с Наставником слушали

полгода назад. Теперь он молчит. Он слушает, впитывает мой страх, и вскоре среди сотен голосов, накопленных им за долгие годы, появятся и мои отчаянные мысли.

Я карабкаюсь по пологому обледенелому склону холма вверх, туда, где шумят автомобили и фырчит городской автобус.

Обледеневшие ботинки тянут вниз. Ещё один шаг, еще... Сил больше нет. На пологом склоне – небольшая, занесенная снегом площадка. Я опускаюсь на землю и она принимает меня в свои ледяные объятия. Страшная сонливость сковывает движения. Ужасно хочется спать.

Я только немного отдохну. Совсем немного...

***

Белый свет. Тишина и простор.

Золотые колонны и стены в древних узорах.

Это тот самый Храм, где я впервые увидел Сущность. Теперь, когда стены его озарены ослепительным белым светом, я ясно вижу древние фрески. В них нет ничего угрожающего, ничего страшного.

...И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

Снова звучит волшебная музыка. Властно, величественно обнимает она душу, и удивительный покой воцаряется в душе, и всё пережитое уходит, растворяется в небытии.

...И смерти не будет, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло.

Вспыхнул ослепительно яркий свет, и в жемчужном переливе я снова увидел Сущность. И снова удивительное ощущение счастья охватило меня, и снова в немом восторге я простерся перед Сущностью. И как тогда, семь месяцев назад, всё вокруг залил волшебный свет, и снова я почувствовал удивительную лёгкость и звенящее, живое тепло во всем теле.

И Время покорилося мне, и вернуло мою Веронику. Она бежала ко мне по мраморным плитам, выстилающим пол храма, и смеялась. И я плакал от счастья и в этот миг я понял, что все мои несчастья позади, что ко мне вернулась жизнь, что дочь моя жива, и мы снова будем вместе.

Теперь я знаю, что с нами больше ничего не случится.

Февраль. Эпилог.

И снова февраль. Ещё холодно, и по ночам бывают сильные морозы, но ветер уже напоён предвесенней свежестью, и в воздухе ощущается лёгкое, едва уловимое дыхание весны.

Я только что вернулся с амбулаторного приёма. Мой врач Николай Стефанович говорит, что всё идет по плану. Неделю назад я выписался из больницы, и сейчас дважды в неделю хожу на сеансы психотерапии. Я очень не хочу снова оказаться в наблюдательной палате.

Тогда, в начале января, меня спасло только чудо. Если бы не случайный рыбак, решивший опробовать свежий лёд, и наткнувшийся на замерзающего человека, я бы неизбежно погиб. Месяц тяжелейшей пневмонии, неделя в реанимации, долгие, долгие дни выздоровления – вот цена моего побега.

Сегодня мы говорили о моих записях. Теперь я могу спокойно поставить в них точку. Получилось несколько сумбурно, но я ничего не хочу править. Пусть всё остается как есть.

Я выхожу на балкон и смотрю вниз. Передо мной шумит, ворочается город. Шелестят по проспекту машины, неторопливо ползёт троллейбус, снуют беспокойные пешеходы.

Я вдыхаю полной грудью прохладный, чуть горьковатый воздух и чувствую, как разливается по телу приятное пьянящее тепло. Это – весна, это – жизнь, это – свобода.

Скоро апрель.

КОММЕНТАРИЙ ПСИХИАТРА

Перед вами прошла история больного шизофренией. Одна из пяти, представленных в этой книге. Одна из шестидесяти миллионов, представленных в реальном мире. Какие чувства вызвала она у вас? Изменилось ли ваше отношение к людям, поражённым шизофренией?

С давних времен психические расстройства внушали людям безотчётный страх. Этот страх заставлял либо жестоко преследовать и уничтожать психически больных, либо объявлять их святыми и пророками, превозносить и поклоняться им. Где здесь истина? Кто они, шизофреники – гении или безумцы? Шизофрения – это дар или проклятие? Что это – тяжёлое поражение мозга или удивительный дар видеть скрытый смысл в обыденном? Какой смысл содержат голоса и видения? Откуда приходит это знание? И неужели за столько лет не удалось найти ключ к этим загадкам?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует, пожалуй, начать с того, когда же, собственно, возникла шизофрения. Чтобы разобраться в этом, мы позволим себе небольшой исторический экскурс.

ИЗ МГЛЫ ВЕКОВ

Перенесёмся в глубокую древность, в доисторические времена.

Тридцать тысяч лет до нашей эры. Территория нынешней Франции, грот Кроманьон. Пещера первобытного племени. После очередного тяжелого дня, заполненного смертельной опасностью, ежесекундным риском и мучительной борьбой за выживание, усталые люди собрались вокруг костра. Жарко горит огонь, охотники жарят на длинных палках убитого днём оленя. В глубине пещеры женщины костяными иглами зашивают разорванную во время охоты одежду из шкур. Дети играют с костями убитых животных.

И вдруг ночную тишину пререзает жуткий вой. Один из охотников внезапно вскакивает и начинает отчаянно молотить кулаками воздух. Невидимые духи овладевают им. Он отчаянно борется с ними, испуская дикие крики. Соплеменники, забившись в угол, с ужасом смотрят на бьющегося в припадке безумия человека. А одержимый бьется всё сильнее, кричит, спорит с духами. Внезапно он хватается за копье с кремневым наконечником и начинает наносить удары по невидимым врагам. Перепуганные женщины и дети с криками бегут прочь из пещеры, мужчины хватаются за оружие, готовые поразить обезумевшего охотника. Но никто не решается приблизиться к одержимому – ведь дух зла может войти в любого из них. Проходит какое-то время, и припадок стихает. Обессиленный охотник падает на каменный пол пещеры.

Так или примерно так выглядел приступ психоза в доисторические времена.

История не сохранила имени первого душевнобольного. Неизвестно также, какая из множества психических бо-

лезней первой посетила первобытного охотника и собирателя кореньев. Была ли это психопатия, или депрессия, или, быть может, шизофрения? Скорее всего, все эти расстройства возникли у человека примерно в одно и то же время.

Безумие пришло к человеку вместе с разумом. Едва едва покинув животный мир и переживая первые проблемски сознания, человек столкнулся с многочисленными расстройствами этого сознания. Обретя величайший дар – разум, вознесший его на невиданную высоту над всем животным миром, человек получил в придачу проклятие безумия. Галлюцинации и бред, падающая болезнь и депрессия, неврозы, последствия черепно-мозговых травм, нейроинфекций и интоксикаций преследовали первобытного человека в течение всей его короткой жизни. Тем немногим, кому удавалось дожить до старости, угрожали старческие психозы и сенильное слабоумие.

Враждебный и опасный мир окружал первобытного человека. Духи лесов и полей, рек и озер, животных и птиц несли угрозу, они могли разгневаться и наслать иссушающую засуху или проливные дожди, грозящие голодом, страшную грозу с пугающим сверканием молний и громовыми раскатами, нашествие ледника или опустошительные болезни. Но намного страшнее были духи внутренние, поражающие душу. Они могли вселиться в любого, от них не было спасения, они овладевали разумом, заставляя человека совершать безумные и опасные поступки. Эти духи, действовавшие по таинственным, неведомым никому законам, внушали первобытному человеку безотчётный, панический страх. Объяснить их появление он не мог, а мог лишь попытаться умиловить или отпугнуть. И стучали в пещерах без устали бубны первобытных шаманов, отгоняя злых духов, и приносились щедрые дары в надежде, что духи смилостивятся и оставят людей в покое.

Нет никакого сомнения, что первобытный человек страдал всеми известными сегодня психическими расстройствами, в том числе и шизофренией. Уверенность эта осно-

вана на результатах многочисленных наблюдений племен, живущих в условиях первобытно-общинного строя. Среди туземцев, сохраняющих уклад каменного века, обнаружены те же психические расстройства, которыми страдают жители современного мегаполиса, в том числе и шизофрения. Поэтому мы можем смело утверждать, что шизофрения, как и прочие психозы, была неизменной спутницей человека начиная с самых первых его шагов по планете.

Шли годы. Человечество подрастало, развивалось, изменялись общественные отношения; на смену первобытной одежде из шкур пришли античная тога и хитон. Возникли первые в истории цивилизации государства. Вместе с человеком изменялись и психические расстройства. В них, как в зеркале, отражалась история человечества. И, конечно, особенности мировосприятия и мироощущения больного шизофренией в античные времена отличались от таковых у первобытного собирателя кореньев.

Сразу отметим, что говоря о шизофрении, скажем в древности или в эпоху Средневековья, мы понимаем под ней психическое расстройство, соответствующее современным критериям шизофрении. Вообще, ретроспективно оценить наличие у того или иного исторического персонажа конкретного психического заболевания крайне сложно, прежде всего потому, что древние историки и летописцы мало заботились о точном описании симптомов душевной болезни. Чаще всего в хрониках присутствуют размытые определения вроде «одержимости бесом», «безумия» или «помешательства». Потому мы будем с большой осторожностью относиться к постановке диагнозов историческим персонажам и мифологическим героям, и постараемся оставаться в рамках тех определений, которыми пользовались современные им авторы.

Дошедшие до нас памятники древней письменности содержат удивительные свидетельства из истории психических расстройств.

В Библии слова «безумие», «безумный» встречаются более 60 раз. Их употребление как правило имеет негативную эмоциональную окраску, описывая социальное и моральное падение человека:

«И изменил лице своё пред ними, и притворился безумным в их глазах, и чертил на дверях, кидался на руки свои и пускал слюну по бороде своей...», «... смердят, гноятся раны мои от безумия моего...», «...он умирает без наставления, и от множества безумия своего теряется...».

Библия содержит и одну из первых историй психической болезни. Больной – царь Саул, живший около двух тысяч лет назад. Здесь же приводится описание первой попытки излечения душевнобольного: юный Давид, искусный в игре на гуслях, успокаивал помешательство царя, играя ему во время припадков:

«А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа.

И сказали слуги Сауловы ему: вот, злой дух от Бога возмущает тебя; пусть господин наш прикажет слугам своим, которые пред тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях, и когда придёт на тебя злой дух от Бога, то он, играя рукою своею, будет успокаивать тебя.

И отвечал Саул слугам своим: найдите мне человека, хорошо играющего, и представьте его ко мне.

Тогда один из слуг его сказал: вот, я видел у Иессея Вифлеемлянина сына, умеющего играть, человека храброго и воинственного, и разумного в речах и видного собою, и Господь с ним.

И послал Саул вестников к Иессею и сказал: пошли ко мне Давида, сына твоего, который при стаде.

И взял Иессей осла с хлебом и мех с вином и одного козленка, и послал с Давидом, сыном своим, к Саулу.

И пришёл Давид к Саулу и служил пред ним, и очень понравился ему и сделался его оруженосцем.

И послал Саул сказать Иессею: пусть Давид служит при мне, ибо он снискал благоволение в глазах моих.

И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, – и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него».

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Безумие Саула. 1860 г.

Надо заметить, что далеко не всем душевнобольным везло так же, как царю Саулу – вместо успокаивающей игры на гуслях их лечили цепями и палками.

Кроме царя Саула в Библии описаны и другие истории безумств. Вавилонского царя Навуходоносора посещали видения:

«Видения же головы моей на ложе моем были такие: я видел, вот, среди земли дерево весьма высокое.

Большое было это дерево крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли.

Листья его прекрасные, и плодов на нём множество, и пища на нём для всех; под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть.

Уильям Блейк. Навуходоносор. 1826 г.

И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшёл с небес Бодрствующий и Святой.

Воскликнув громко, Он сказал: «Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте

в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росой, и с животными пусть будет часть его в траве земной.

Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен.

Повелением Бодрствующих это определено, и по приговору Святых назначено, дабы знали живущие, что Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет, и поставляет над ним уничиженного между людьми».

Впоследствии безумие Навуходоносора приняло масштабные формы, а сам он в полной мере познал то, что сейчас называется социальной дезадаптацией:

«Отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росой небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти у него – как у птицы».

Впрочем, закончилась эта история вполне благополучно:

«По окончании же дней тех, я, Навуходоносор, возвел глаза мои к небу, и разум мой возвратился ко мне... и к славе царства моего возвратились ко мне сановитость и прежний вид мой».

Новый Завет также содержит описание душевной болезни. Вот как повествует Евангелие от Марка о приходе Иисуса в страну Гадаринскую:

«И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни; увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему, и, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!

Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.

И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много.

И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той.

Паслось же там при горе большое стадо свиней.

И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них.

Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море».

Это описание содержит два ключевых симптома шизофрении: аутизм и расщепление, о которых мы уже упоминали.

Древние источники оставили нам множество описаний психических расстройств. В египетских папирусах, греческих и древнеримских летописях можно встретить сведения о разнообразных душевных болезнях, в том числе описания психозов, похожих на шизофрению.

В Древнем Египте (IV тысячелетие – 332 год до н.э.) медицина достигла весьма высокого уровня развития. Египтянам были известны хирургия, стоматология, фитотерапия, основы гигиены, а благодаря работе тарихетов (бальзамировщиков) они отлично изучили особенности внутреннего строения человека. Болезни в Древнем Египте разделяли на естественные и сверхъестественные. К последним относили психические заболевания. Медики Древнего Египта видели причину душевных расстройств в злых духах, вселявшихся в человека. Духи заставляли больного испытывать видения и слышать потусторонние голоса, а также служили причиной необычного поведения одержимых ими людей. Духов надлежало изгонять с помощью магических приёмов и лечебных смесей. Эти лечебные смеси вряд ли вызвали бы восторг у современных врачей: в их состав входили хвосты мышей, выделения из ушей сви-

ней, а также моча и кал животных. Во время магической процедуры изгнания духов над одержимым произносились заклинания:

«О мёртвый! О покойник, скрывшийся в этой моей плоти, в этих частях моего тела. Смотри! Я достал кал, чтобы есть против тебя. Спрятавшийся – удались! Скрывшийся – выходи!»

Фрагмент древнеегипетского папируса из «Книги Мёртвых». 4-й век до н.э.

Несмотря на столь экзотические методы лечения, древнеегипетским врачам удавалось иногда добиться желаемого эффекта, особенно при лечении больных невротическими расстройствами.

В Древней Греции медицина также была в почете. Покровители медицины бог Асклепий (Эскулап), а также богини Гигией и Панацея пользовались большим уважением греков. Древнегреческая история, как и древнеегипетская, сохранила ряд свидетельств о распространении психических болезней. К примеру, спартанский царь Клеомен страдал острой формой душевного расстройства. Вот как повествует об этом древнегреческий историк Геродот:

«После длительного похода Клеомен вернулся в Спарту и заболел помешательством. Впрочем, он и раньше был не совсем в здравом уме – каждый раз при встрече с кем-нибудь из спартанцев он бросал ему в лицо палку. Ввиду такого поведения родственники посадили Клеомена в колодки, как помешанного. Находясь в заключении, он заметил однажды, что страж при нём остался один и потребовал у него меч; тот сначала отказался, но Клеомен стал угрожать ему наказанием впоследствии, и, под страхом угроз, страж подал ему меч. Взявши меч в руки, царь стал изрезать себя в полосы, начиная с бедер, а именно: он резал на себе кожу в длину от бедер до живота и поясницы, пока не дошёл до желудка, который тоже изрезал в узкие полоски и так умер».

Обращает на себя внимание тот факт, что с безумным царем обошлись столь же бесцеремонно, как с простым спартанцем. Этот документ содержит ещё одно важное свидетельство – способы лечения, а точнее, изоляции душевнобольных в Древней Греции были весьма жестокими. Психически больных изгоняли из городов, а если несчастные пытались вернуться обратно, их забрасывали камнями. Широко распространено было также связывание помешанных и заковывание их в колодки. Богатых умалишённых содержали в отдельных помещениях в их домах под строгим надзором.

История донесла до нас имена других известных душевнобольных. Так, например, сын Пифагора Фразил стра-

дал бредом величия: он был убежден, что ему принадлежат все корабли, стоявшие в гавани Пирея.

Душевные расстройства нашли отражение в мифах и легендах Древней Греции. Аякс Саламинский, проигравший Одиссею в споре за оружие легендарного Ахиллеса, был поражен богиней Афиной и сошёл с ума. Приняв стадо баранов за вражеский отряд, он в отчаянии бросался на них, нанося удары мечом. Этот припадок безумия настолько поразило его, что он покончил жизнь самоубийством, бросившись на собственный меч.

Самоубийство Аякса. Фрагмент росписи чернофигурной амфоры Эксекия. 530 - 525 гг. до н.э.

Другой древнегреческий герой, Орест, убивший по приказу бога Аполлона свою мать, оказался преследуемым Эменидами (муками совести), которые в конце концов довели его до помешательства.

За непочтительное отношение к статуе Геры, богини семьи и брака, были наказаны безумием три дочери тиринфского царя Прэта – Лизиппа, Финнойя и Ифианасса. Они покинули родительский дом и скитались по горам, воображая, что превратились в коров.

Древние греки считали душевное расстройство наказанием за преступления, в первую очередь за нарушение священных устоев общества. Возникающий при этом психический конфликт рассматривался как важнейшая причина расстройств психики.

Вильям Бугро. *Орест, преследуемый Эвменидами*. 1862 г.

Впрочем, изредка случались и курьезы. Так, жители греческой области Абдеры, убежденные в том, что их соплеменник Демокрит, основатель научного материализма, сошёл с ума, пригласили для его освидетельствования самого известного врача Греции – великого Гиппократа. Обследование завершилось весьма неожиданно для горо-

жан – Гиппократ объявил, что Демокрит отличается вполне здоровым и ясным рассудком, чего нельзя сказать о его согражданах.

Гиппократу принадлежат первые попытки материального объяснения различий в психике людей. Гиппократ видел их в особенностях циркуляции четырех главных жизненных соков организма – крови (sanguis), слизи (phlegma), желчи (chole) и чёрной желчи (melan chole). Соответственно преобладанию каждой из них человек может быть либо подвижным и жизнерадостным – сангвиник, либо медлительным и холодным – флегматик, либо вспыльчивым и несдержанным – холерик, либо слабым и печальным – меланхолик. Нарушение циркуляции соков может вызвать душевное расстройство:

«Страх и печаль, если они долго длятся и не вызваны житейскими причинами, происходят от чёрной желчи».

Гиппократ первым определил мозг как место расположения души (phrenos), психики. До него душу «поселяли» в диафрагме (отголоском этого заблуждения до наших дней осталось греческое слово душа (френос) – диафрагма), а позднее – в сердце.

В мозге человека Гиппократ искал и причину психических болезней:

«Надо знать, что, с одной стороны, наслаждения, радости, смех, игры, а, с другой стороны, огорчения, печаль, недовольства и жалобы – происходят от мозга... От него мы становимся безумными, бредим, нас охватывают тревога и страхи, либо ночью, либо с наступлением дня».

Гиппократ ввел в обиход первые психиатрические термины. Меланхолия, мания, паранойя, эпилепсия – все эти определения, знакомые каждому врачу, предложены Гиппократом ещё в IV веке до новой эры:

«Мания у женщин появляется при накоплении молока. Малокровные девушки меланхоличны и имеют склонность к самоубийству. Меланхолики обыкновенно становятся эпилептиками, а эпилептики меланхоликами».

Начиная с IV века до новой эры Афинская держава стала постепенно приходить в упадок, и центр научной и культурной жизни переместился в Древний Рим.

В I веке до новой эры в Риме жил человек, оставивший ярчайший след в истории мировой науки. Человек этот был дилетантом (от латинского *delecto* – развлекать, забавлять), то есть не имел медицинского образования, а занимался врачебной наукой как любитель. Звали его Авл Корнелий Цельс. Человек он был, впрочем, разносторонне образованный, и оставил потомкам огромную энциклопедию, в которой были собраны все современные ему знания – от космографии до сельского хозяйства. Именно Цельсу по праву принадлежит заслуга создания первого в мире трактата по психиатрии. Он выделил три вида безумия: френит – острое заболевание с лихорадкой и раздражительностью, когда больной делается буен и принуждает к изоляции его; меланхолию – второй вид безумия, возникающий из-за разлива чёрной желчи и проявляющийся печалью; и наконец, третий вид безумия, наиболее близкий по описанию к современной картине шизофрении – он проявляется обманами восприятия и обманами мыслей. Больной, страдающий третьим видом безумия, склонен к нелепым и безрассудным поступкам. Цельс считал таких больных наиболее опасными, и оправдывал в отношении их применение насилия, ибо *quoniam is dolus insanientis est* – таков жребий безумца.

После бурного расцвета античности наступает мрачный период Средневековья. Двенадцать веков (с 545 до 1630 года), составляющих эпоху Средневековья – время наибольшего упадка психиатрической науки. Средневековая медицина исключила психические расстройства из числа болезней и отнесла их в разряд проклятий. Соответственно этому

психически больные считались пособниками дьявола, а проявления психических болезней – кознями последнего.

Хроники европейского Средневековья изобилуют описаниями всевозможных душевных расстройств. Эта эпоха – настоящий Клондайк для историка, изучающего психические заболевания. Помимо «индивидуальных» психозов, Средневековье отмечено невиданным распространением психических эпидемий, охватывавших нередко целые области и поражавших тысячи людей.

Причины этих расстройств кроются в особенностях психологии средневекового человека. Его мироощущение – это гремучая смесь религиозных и мистических убеждений, которую в пору назвать религиозно-мистическим помешательством. Мистика была неотъемлемой частью повседневной жизни средневекового человека, более того, он не видел четкой границы между мистикой и реальностью. Мистические настроения проявлялись в постоянном болезненном ожидании чуда, подогреваемом многочисленными свидетельствами «очевидцев», в поисках всевозможных символов и предзнаменований, а также в разнообразных видениях. Средневековый человек был буквально окружен видениями. Видения Пресвятой Девы, святых, ангелов, а также дьявола, бесов, демонов, духов были вполне обычным явлением, и воспринимались как нечто естественное:

«Некий юноша предал себя дьяволу, но, зайдя в церковь, исповедался. Когда он вышел, обитавший поблизости бес спросил его, не видел ли он его приятеля. – «Ты не узнаешь его?» – «Узнал бы я, – ответил черт, – если б он был как прежде». – «Это я, что вчера был твоим другом, но Господь милосердный избавил меня от твоего общества».

Вполне обычным явлением были также видения умерших. Покойники Средневековья вообще отличались живым и непосредственным характером, то и дело наведываясь в покинутый ими мир и вмешиваясь в его дела. Визиты мертвецов считались делом обычным и никого не удивляли.

Средневековый человек не видел ничего странного в том, что покойник забежит разок-другой навестить родственников и знакомых – похлопотать за облегчение своей посмертной судьбы:

«Явившись после смерти своему собрату, один монах сказал, что страдает от мук в Чистилище только по той причине, что утаил новые туфли, спрятанные им в ногах постели, он умолял отдать их аббату и просить его о молитвах за его душу».

Однако не только покойники возвращались на землю. Живые тоже не отказывали себе в удовольствии посетить потусторонний мир с развлекательной и познавательной целью. Средневековая история пестрит свидетельствами многочисленных «очевидцев», побывавших на том свете и успешно вернувшихся на землю. «Эксперсии» на тот свет и обратно были настолько популярны, что вынудили официальную церковь издать специальный эдикт, разъясняющий их еретический характер. Трудно сказать, чего больше в этих рассказах – безудержной фантазии или проявлений болезненного восприятия. Ясно лишь, что образ потустороннего мира, каким он являлся путешественникам, поразительно напоминал знакомую им картину средневекового быта. Например, ад в описании такого «очевидца» – ни дать ни взять цех городских мастеровых:

«Бесы хлопотали и бегали там с места на место. Одни приводили души умерших, другие принимали их, третьи подвергали их пыткам. Стон и шум, вопли и плач раздавались со всех сторон. Не обошлось дело и без путаницы. В Аду появился гильдесхаймский епископ Конрад, но князь тьмы приказал отправить его назад: «Не наш он, ведь убит невинным».

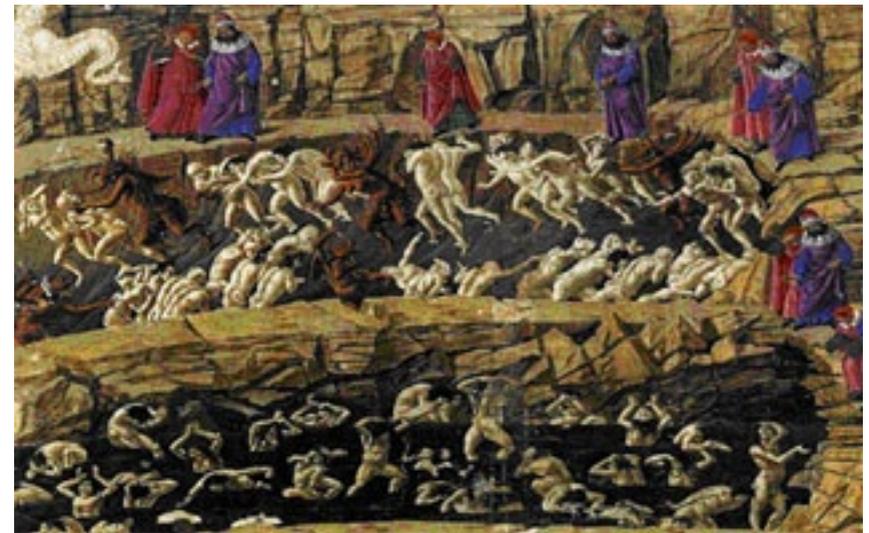
Любознательный «экскурсант» приткнулся было у дверей, но тут же был замечен дьяволом, который явно не был настроен играть роль гида. Дьявол так и заявил своим подручным:

«Мы очень заняты, сейчас мы от него отделаемся!»

Путешественник этот был священником, и за ним вошел грешок: получив у одного умирающего паломническое одеяние, он не позаботился об его душе. Черти, окунув эту одежду в какую-то жидкость, ударили ею священника по лицу:

«С воплем: «Помогите, умираю, горю!» он пришёл в себя и был отнесен с ожогами в больницу».

Надо сказать, что подобные рассказы воспринимались современниками «очевидца» с полным доверием. Средневековый человек жил постоянным болезненным ожиданием чуда, и чудеса буквально преследовали его повсюду.

Сандро Боттичелли. Ад. Иллюстрация к поэме Данте «Божественная комедия». 1490 г.

Особую тему в истории психопатологии Средневековья составляют инквизиторские процессы над ведьмами. Разумеется, к свидетельствам, полученным в ходе этих про-

цессов, следует относиться с большой осторожностью. В большинстве случаев подозреваемые просто оговаривали себя, не выдержав пыток. Однако анализ средневековых хроник позволяет утверждать, что значительную часть «одержимых дьяволом» составляли психически больные люди. М. Монтень в своих «Опытах» писал о ведьмах и колдунах следующее:

«Эти люди представляются мне скорей сумасшедшими, чем виноватыми в чем-нибудь. Но до чего высоко нужно ставить своё мнение, чтобы решиться сжечь человека живьем!»

Колдовство в деревне Мора (Швеция). Гравюра 1670 г.

Безусловно, на массовое распространение идей самообвинения в период «охоты на ведьм» решающее влияние оказала психологическая атмосфера средневекового общества. Историк психиатрии Ю. Каннабих пишет:

«...Молва о многочисленных признаниях и покаяниях расходилась из уст в уста; самые невероятные вещи, в силу многократного повторения, начинали казаться достоверными фактами; всеобщее напряжение, жуть и страх, настойчивость обвинений и постоянство признаний – всё это создавало атмосферу повышенной коллективной внушаемости и способствовало широкому распространению так называемых демонологических идей. Были деревни, где не оставалось ни одной женщины; когда приезжал инквизитор, все без удержу доносили друг на друга, чтобы этим путем уцелеть

самим. Матери доносили на четырехлетних детей; дети погибали на кострах... Многочисленные женщины в Германии, Франции, Швейцарии, Англии, рассказывали о том, какому разврату научил их «нечистый», как он пробирается к ним на супружеское ложе, не стесняясь присутствием мужа; описывались все его анатомические признаки, козлиный запах, свойства его семени, холодного, как лёд...»

Спектр психических расстройств у «пособников дьявола» был достаточно широк. Наибольшую часть их составляли больные истерией, нередко также были случаи падучей (эпилепсии), тяжёлых депрессий с идеями самообвинения и самоуничтожения, а также других расстройств, в том числе и шизофрении.

«В 1636 году в Кенигсберге появился человек, утверждавший, что он Бог-отец; и что Бог-сын, а также дьявол признали его власть, и ангелы поют ему песнопения. За такие вещи ему вырвали язык, обезглавили его и труп сожгли. Перед смертью больной рыдал, но не над своей участью, а над грехами всего человечества, решившегося на истребление Бога-отца».

«Джон Палмер, человек раздражительного и мстительного нрава, в 1649 году добровольно признался, что занимался ведовством, после чего его арестовали. Он показал, что во время заключения договора с дьяволом ему на бок поставили клеймо, или метку, сосать которую приходили два демона-помощника. Когда дьявол поставил ему на бок клеймо, он выдал немного крови и велел Палмеру собственной рукой написать этой кровью на земле своё имя. Незадолго до казни Палмер рассказал Сэмпсону Кларку, смотрителю тюрьмы, как однажды, поссорившись с одним молодым человеком, превратился в жабу и уселся у того на дороге. Молодой человек пнул его, у Палмера заболела голень, и в отместку он много лет изводил того человека своими чарами и порчей».

*Иероним Босх. Испытание святого Антония.
Центральная часть триптиха.
1505-1506 гг.*

Некоторые исследователи полагают, что на картинах Босха отобразен галлюцинаторный мир средневекового человека

Нередкими были случаи психических расстройств среди людей, считавших себя жертвами ведовства:

«Пятнадцатилетний Мэтью Джилстон молотил в амбаре у преподобного Чепмена, когда к нему подошла закутанная в плащ с капюшоном старуха и попросила продать ей соломы на пенни. Он сказал «нет», и старуха пошла восвояси, бормоча что-то себе под нос. Как только она ушла, Мэтью выскочил из амбара, побежал в Мандерс-Хилл (а это в трёх милях от Уолкерна) и стал просить там в одном доме соломы на пенни, а когда ему отказали, подбежал к навозной куче, взял оттуда соломы, стянул с себя рубашку, завернул в неё солому и понес домой. Он не знает, что его побудило так поступить, помнит только, что его заставили, хотя как — тоже неизвестно. Свидетели, видевшие Мэтью Джилстона во время припадка, подтвердили, что так всё и было и отметили также, что добежав до реки, мальчик не стал искать мост, а бросился через неё вплавь».

Огромное влияние на психику средневекового человека оказывало насаждаемое церковью убеждение в собственной греховности и неизбежной расплате за неё на Страшном суде. Идеей греховности были одержимы все — от крестьянина до короля, а поскольку спастись сумеют лишь единицы из числа наиболее праведных, большинство людей жило в постоянном тревожном ожидании ужасных адских мук. Масштабные сцены раскаяния, сопровождавшиеся самобичеванием, в которых участвовали сотни людей, были привычным зрелищем для средневекового города. В рыдающей толпе кающихся грешников можно было встретить не только ремесленников или крестьян, но и представителей высшего сословия и даже самого короля.

Безумие никогда не было привилегией какого-то одного класса. Психические болезни одинаково поражали как простых людей, так и сильных мира сего. В королевских покоях встретить сумасшедшего было так же легко, как в кре-

стьянской избе или в доме ремесленника. Хроники королевских дворов Европы пестрят подобными историями.

Французский король Карл VI Безумный не зря носил своё прозвище:

«Он был очень впечатлительным юношей, склонным к страстным порывам и увлечениям. В его голове теснилось множество самых разнообразных проектов, из которых он, впрочем, не успел осуществить ни одного. С некоторого времени стали замечать, что у короля расстраивается рассудок. В 1392 году болезнь ещё более усугубилась лихорадкой. Едва оправившись от нее, Карл начал войну против герцога Бретанского. Во время этого похода умственное расстройство перешло в буйное помешательство. Карл поскакал, размахивая мечом, стал рубить направо и налево, нескольких провожатых ранил, нескольких убил. Его, наконец, остановили, и он впал в продолжительное беспамятство... Во время маскарада 1393 года приступ повторился. Затем безумие стало овладевать королем всё чаще и чаще. Последние тридцать лет он фактически не мог управлять страной. Все эти годы народ страдал от невыносимых бедствий».

Его внук, Генрих VI, унаследовал от деда не только корону, но и склонность к душевным расстройствам:

«Генриху было девять месяцев, когда умер его отец. Он наследовал после него две короны – английскую и французскую, но не смог удержать ни ту, ни другую. Он был добр, благочестив, целомудрен, честен, хорошо образован, но слаб и телом и умом... Генрих, подобно своему деду, французскому королю Карлу VI, впал в совершенное безумие. У него обнаружили признаки душевной болезни, и они становились всё более явными, а общественный и политический порядок в государстве слабел и разрушался, пока наконец в Англии не разразилась гражданская война, известная как война Алой и Белой Роз».

Безумие Карла VI. Средневековая миниатюра из книги «Хроники Фруассара». 1369 - 1400 гг.

Испанка Хуана I Безумная стала королевой Кастилии в 1505 году, хотя к тому времени у неё были очевидными признаки душевной болезни. После смерти её мужа Филиппа ненормальности в поведении королевы резко усилились:

«Она не отходила от его тела и долгое время противилась похоронам. Монахи внушили Хуане мысль, что Филипп может воскреснуть (существовало пред-

сказание о принце, который сделает это через 14 лет после смерти). Хуана впала в невменяемое состояние. Она ездила с телом мужа по Кастилии, и периодически вскрывала гроб, чтобы взглянуть на Филиппа. Временами с ней случались приступы сильного бешенства, которые делали необходимым постоянный надзор».

Ф. Прадилля. Хуана над гробом мужа.

После рождения дочери (в момент смерти Филиппа Хуана была беременна) в поведении королевы всё ярче проявлялись признаки бредового поведения:

«Она считала, что покойный муж разговаривает с ней посредством лепета ребёнка. Она никому не доверяла девочку и не допускала к себе никого, кроме двух доверенных женщин. Её обычной пищей были хлеб и сыр, причем она требовала, чтобы их оставляли у её двери. Она не допускала, чтобы кто-то увидел, как она ест».

Царь Всея Великия, Малыя и Белья Руси Иоанн IV Грозный с самого раннего детства проявлял признаки душевного расстройства:

«Иоанн усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. В нём рано проявились недоверие, подозрительность, крайняя неустойчивость и переходы от одного состояния к другому, отсутствие крепкой привязанности, резкая раздражительность, ещё более резкая вспыльчивость, чрезмерное самолюбие и самомнение, трусость и выжидательность, отсутствие прочной любви и привязанности, хитрость, жестокость, чувственная разнузданность, безмерная злость и кровожадность... Иоанн не способен был к долгим привязанностям и для него ничего не значило убить человека, которого ещё не так давно считал своим другом. Молодым сверстникам государя, разделявшим его забавы, была не безопасна его милость... К пятнадцати годам и этого ему стало мало. Набрав толпу сверстников, Иоанн мчался по стогнам города и при своей неистовой скачке душил проходящих. С ужасом и трепетом отреклись спасшиеся от этого вихря прохожие; пострадавшие же изувеченные старухи и младенцы изгибались в страданиях и муках. А царь радовался и с наслаждением смотрел на страдания людей по его соизволению».

Современник Иоанна князь Курбский с горечью замечает о «шалостях» резвящегося царя:

«Воистину дела разбойнические творяше, и иные злые исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно...»

Всю жизнь царь был склонен к болезненному фантазированию:

«Натура Иоанна влекла его от образа к образу, от картины к картине, — и эти картины любил он осуществлять себе в жизни. То представлялась ему площадь, полная присланных от всей земли представите-

лей, – и царь, сидящий торжественно под осенением крестов, на лобном месте и говорящий народу речь. То представлялось ему торжественное собрание духовенства, и опять царь посредине, предлагающий вопросы. То являлась ему площадь, установленная орудиями пытки, страшное проявление царского гнева, гром, губящий народы... и вот ужасы казней Московских, ужасы Новгорода... То являлся перед ним монастырь, чёрные одежды, посты, покаяния, труды и земные поклоны, картина царского смирения, – увлеченный ею, он обращал и себя и опричников в отшельников, а дворец свой в обитель...»

Апогеем безумия стало убийство царем в 1581 году своего сына Ивана, наследника престола. По одной версии, царевич стал говорить ему об обязанности выручить Псков от Батория. По другой, отец с сыном повздорили из-за снохи: войдя в её комнату и застав невестку «просто одетой», царь разгневался и «прибил» её. Царевич, также отличавшийся необузданным характером, вступился за жену. Возникла ссора. В порыве безумия Грозный нанёс сыну удар в висок тяжёлым, окованным железом посохом. После смерти сына царь впал в прострацию, ему всюду мерещились казненные им люди, требовавшие отмщения. Вот свидетельство историка:

«Отчаявшись в помощи медицины, волнуемый душою, он влачил положительно жалкую жизнь. В течение многих дней и не говорил ни с кем, ни пищи не принимал, ни даже звука не издавал, так что казалось, будто он онемел. А затем, по истечении многих дней, когда боль открыла ему уста, он только звал своего сына Ивана. Ему мерещилось, что он видит Ивана, что он слышит Ивана, что тот с ним говорит, что он перед ним стоит, а иногда жалобно призывал его к себе, как бы живого...»

«Перед смертью Грозному снова мерещился убитый сын, он разговаривал с ним и громко звал его...»

И.Е. Репин. Иван Грозный убивает своего сына. 1885 г.

Другой царственный безумец, император Павел I «был хил телом и слаб духом, представляя значительную душевную неуравновешенность, неустойчивость и явления эмоций низшего порядка». Историк пишет:

«Младенческие годы его в изобилии преисполнены были болезненными припадками, которые настоятельно требовали разумного и просвещённого ухода, а таковой именно блистал своим отсутствием. Вследствие этого нервы мальчика расстроились до того, что он прятался от страха под стол, когда сильно прихлопнут двери».

Воспитатель Павла Эпинус дал своему воспитаннику потрясающую по точности и меткости характеристику:

«Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке, – порвётся эта ниточка, машинка завернется и тут конец уму и рассудку».

С каждым годом «ниточка» рвалась всё чаще, а проявления расстроенной психики становились всё заметнее. Болезненно подозрительный, мнительный, погружённый в мир фантазий, Павел был настоящим пугалом для окружавших его людей:

«Сумрачный цесаревич даже в среде семьи сделался суров и подозрителен до такой степени, что никто не мог поручиться за себя даже за завтрашний день: запальчивость и резкость Павла не знала пределов, когда ему казалось, что ему не повинуются или осуждают его действия... Он был подозрителен, резок и странен до чудачества. Несомненно, его странности, страстные, а подчас жестокие порывы намекали на ограничение и недостаточность ума и сердца».

После восшествия на престол признаки душевного расстройства ещё более усилились. Биограф императора свидетельствует:

«Кипучая работа императора коснулась всего. Прежде всего было объявлено гонение на круглые шляпы, отложные воротники, фраки, жилеты, сапоги с отворотами и панталоны. Особенное гонение было воздвигнуто на жилет. Император утверждал, что жилеты вызвали французскую революцию. В крепость попадали и за слишком длинные волосы, и за слишком длинный кафтан и проч. Все должны были носить башмаки, косички и употреблять пудренье волос. При встрече с императорской фамилией все должны были останавливаться и выходить из экипажа на поклон. Можно себе представить, сколько было дела у полиции...»

Многие историки отмечают, что у Павла часто наблюдались расстройства сна, кошмары, а также расстройства

восприятия, которые приближённые императора осторожно называли иллюзиями. Вполне возможно, что речь на самом деле идет не об иллюзиях, а о галлюцинациях. Один из эпизодов острого галлюциноза не вызывает сомнений, поскольку документально изложен самим императором. Вот как выглядела эта сцена в описании самого Павла:

«Однажды вечером или, вернее, ночью я в сопровождении Куракина и двух слуг шёл по улицам Петербурга. Мы провели вечер у меня, разговаривали и курили, и нам пришла мысль выйти из дворца инкогнито, чтобы прогуляться по городу при лунном свете.

Я шёл впереди, предшествуемый, однако, слугою; за мною, в нескольких шагах, следовал Куракин, а сзади, в некотором расстоянии, шёл другой слуга. Луна светила так ярко, что было бы возможно читать; тени ложились длинные и густые. При повороте в одну из улиц я заметил в углублении одних дверей высокого и худощавого человека, завернутого в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе. Он, казалось, поджидал кого-то, и, как только мы миновали его, он вышел из своего убежища и подошёл ко мне с левой стороны, не говоря ни слова. Невозможно было разглядеть черты его лица, только шаги его по тротуару издавали странный звук, как будто камень ударялся о камень. Я был сначала изумлен этой встречей; затем мне показалось, что я ощущаю охлаждение в левом боку, к которому прикасался незнакомец. Я почувствовал охватившую меня дрожь и, обернувшись к Куракину, сказал:

– Мы имеем странного спутника!

– Какого спутника? – спросил он.

– Вот того, который идет у меня слева и который, как мне кажется, производит значительный шум.

Куракин в изумлении раскрыл глаза и уверял меня, что никого нет с левой стороны.

– Как, ты не видишь человека в плаще, идущего с левой стороны, вот между стеной и мною?

– Ваше высочество сами соприкасаетесь со стеною и нет места для другого лица между вами и стеною.

Я протянул руку. Действительно, я почувствовал камень. Но всё-таки человек был тут и продолжал идти со мною в ногу, причем шаги его издавали по-прежнему звук, подобный удару молота. Тогда я начал рассматривать его внимательно и заметил из-под упомянутой мною шляпы особой формы такой блестящий взгляд, какого не видел ни прежде, ни после. Взгляд его, обращённый ко мне, очаровывал меня; я не мог избежать действия его лучей.

– Ах, – сказал я Куракину, – я не могу передать, что я чувствую, но что-то странное.

Я дрожал не от страха, а от холода. Какое-то странное чувство постепенно охватывало меня и проникало в сердце. Кровь застывала в жилах. Вдруг глухой и грустный голос раздался из-под плаща, закрывавшего рот моего спутника, и назвал меня моим именем.

– Павел!

Я невольно отвечал, подстрекаемый какой-то неведомой силой.

– Что тебе нужно?

– Павел! – повторил он.

На этот раз голос имел ласковый, но ещё более грустный оттенок. Я ничего не отвечал и ждал; он снова назвал меня по имени, а затем вдруг остановился.

Я вынужден был сделать то же самое.

– Павел, бедный Павел, бедный князь!

Я обратился к Куракину, который также остановился.

– Слышишь? – сказал я ему.

– Ничего, государь, решительно ничего. А вы?

Что касается до меня, то я слышал; этот плачевный голос ещё раздавался в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою и спросил таинственного незнакомца, кто он и чего он от меня желает.

– Бедный Павел! Кто я? Я тот, кто принимает участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нём долго. Живи как следует, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоров совести: это величайшая мука для великой души.

Он пошёл снова, глядя на меня всё тем же пронзительным взором, который как бы отделялся от его головы. И как прежде я должен был остановиться, следуя его примеру, так и теперь я вынужден был следовать за ним. Он перестал говорить, и я не чувствовал потребности обратиться к нему с речью. Я шёл за ним, потому что теперь он давал направление нашему пути. Это продолжалось ещё более часу в молчании, и я не могу вспомнить, по каким местам мы проходили. Куракин и слуги удивлялись. Наконец, мы подошли к большой площади между мостом через Неву и зданием Сената. Незнакомец подошёл прямо к одному месту этой площади, к которому, конечно, я последовал за ним, и там он снова остановился.

– Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и ещё в другом месте.

Затем шляпа сама собою поднялась, как будто бы он прикоснулся к ней; тогда мне удалось свободно рассмотреть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидев орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку моего прадеда Петра Великого. Ранее, чем я пришёл в себя от удивления и страха, он уже исчез... Я сохранил воспоминание о малейшей подробности этого видения и продолжаю утверждать, что это видение, а не сон, как желает уверять Куракин. Иной раз мне кажется, что всё это ещё совершается предо мною. Я возвращался во дворец изнеможенный, как бы после долгого пути, и с буквально отмороженным левым боком. Потребовалось несколько часов времени, чтобы отогреть меня в тёплой постели, прикрытого одеялами.

В конце концов вспышки безумия привели Павла к печальному финалу:

«Современники замечали, что в течение четырехлетнего царствования Павла стало заметно ухудшение характера государя. Усиление цезарского безумия до крайних пределов увеличивало опасность, грозящую государству, подданным и лицам, окружавшим государя».

Против Павла был составлен заговор и в ночь на 12 марта 1801 года он был убит.

Список высочайших особ, страдавших психическими расстройствами, отнюдь не исчерпывается приведёнными выше. В любом монаршем доме были свои сумасшедшие. Каждая династия королей, императоров, царей время от времени возводила на трон безумцев. Можно только посочувствовать современникам умалишённых монархов, вынужденным терпеть болезненные выходки своих правителей.

Новое время знаменовалось постепенным изменением отношения общества к психическим расстройствам и людям, страдающим ими. Болезненная подозрительность в отношении любых проявлений психической патологии и воинствующий аскетизм средневековья постепенно уступали место живому интересу к внутреннему миру человека, и к его изменениям вследствие тех или иных причин. Источник психических заболеваний стали искать не в кознях дьявола, а в нарушениях работы мозга; исследования в этом направлении велись уже с XVII века и были связаны с именами Бекона, Зеннерта, Уиллиса, Заккиаса (последнего считают основоположником судебной психиатрии), Штааля, Гофмана, Серье, Морганьи и многих других. Особо следует отметить деятельность французского врача Филиппа Пинеля – именно он первым снял цепи с душевнобольных. Это случилось во время Великой французской революции.

Это было удивительное время. Время великих открытий и великих заблуждений. Время блестящих ученых и величайших мистиков и шарлатанов. Время Месмера и Калиостро, время «животного магнетизма» и «телесной регенерации». Именно это время – XVIII – XIX века – стало переломным в переходе от мистического, сверхъестественного отношения к проявлениям человеческой психики к естественнонаучному, познавательному подходу. Это время заложило основы тех великих открытий в области физиологии и патологии мозга, которые были сделаны в XX веке.

Начало XX века характеризуется невиданным ранее всплеском интереса к психическим явлениям. Успехи естественных наук породили надежды на скорое овладение тайнами че-

ловеческой психики. Но механистический подход к изучению сознания не оправдал себя. Мозг оказался «крепким орешком» для исследователей. Объяснить всю полноту и многогранность психической деятельности лишь сочетанием условных и безусловных рефлексов не удалось. В противовес рефлексорной теории возникли и стали активно распространяться идеалистические, паранаучные и мистические подходы к психической деятельности. Особое распространение на рубеже веков получил спиритизм. В дворянских салонах и домах обывателей, в студенческих кружках и будуарах знатных дам люди разных возрастов и социальных классов сосредоточенно вертели блюдца и столы, вызывая дух Наполеона, Нельсона или Петра I. Впрочем, от подобных занятий была и некоторая польза – они привлекли внимание к проблеме человеческой психики и сделали чрезвычайно популярной нарождающуюся науку психологию.

Бурное развитие психологических наук в конце XIX – начале XX века не обошло стороной и психиатрию. Ещё в 1857 году французский психиатр Морель впервые описал одну из форм шизофрении – простую, и назвал её «раннее слабоумие» (*dementia praecox*) – в отличие от позднего, старческого слабоумия. В 1871 году Кальбаум и Геккель выделили гебефреническую её форму, а в 1874 году Кальбаум описал кататоническую шизофрению (тогда их считали самостоятельными заболеваниями). В 1888 году Маньян описал основную форму шизофрении – галлюцинаторно-параноидную (он назвал её прогрессирующей паранойей).

В 1882 году В.Х. Кандинский впервые предпринял попытку объединить различные формы шизофрении в одну нозологическую единицу. С.С. Корсаков в 1891 году выделил группу параноидальных психозов, которые назвал дизнойей.

В 1898 году Эмиль Крепелин окончательно сформировал как самостоятельную нозологическую единицу раннее слабоумие. Собственно, это были шизофренические психозы почти в современном их понимании.

В 1911 году немецкий психиатр Еуген Блейлер впервые предложил термин «шизофрения» для обозначения заболе-

вания, проявлявшегося «схизисом» – специфическим расщеплением сознания (в старых учебниках шизофрению называют схизофренией). Термин прижился, и сегодня психиатры пользуются им для определения конкретного психического расстройства с четко сформулированными симптомами.

Надо отметить, что в течение XX века диагностические критерии шизофрении неоднократно менялись. В западной психиатрии в качестве основных признаков шизофрении рассматривали глубокие специфичные расстройства восприятия и мышления; при этом диагноз шизофрении ставился с осторожностью. В Советском Союзе доминирующей была научная школа психиатрии А.В. Снежневского. В теории Снежневского диагностические границы шизофрении были непомерно раздуты, и под диагноз шизофрении, особенно так называемых вялотекущей и неврозоподобной её форм, попадало множество больных. Эти больные на самом деле страдали неврозами, маниакально-депрессивным психозом, психопатиями и другими расстройствами нешизофренического происхождения; среди них попадались даже акцентуированные личности, то есть крайние варианты психической нормы. К сожалению, в определенный период истории психиатрия в СССР была использована в качестве элемента репрессивной системы, и тогда возможность ставить неудобным людям диагнозы вялотекущей и неврозоподобной шизофрении пришлась как нельзя кстати.

Ныне критерии шизофрении едины во всем мире и определены Международной классификацией болезней Десятого пересмотра. Возможность использования диагноза шизофрении для расправы по политическим или иным мотивам практически исключена.

Оглядываясь на многовековую историю шизофрении, мы можем с уверенностью утверждать, что эта болезнь была печальной спутницей человечества с самого его рождения. Ей столько же лет, сколько и человечеству, она шла рука об руку с ним, и изменялась вместе с человечеством.

История вторая ИГРЫ РАЗУМА

«Только отсутствие понимания в ваших глазах сдерживает мои слёзы...».

Эту фразу герой нашей следующей истории записал на обрывке тетрадного листа в первый день пребывания в больнице.

История этого молодого человека удивительна и трагична. Несмотря на свой юный возраст (а нашему герою всего 19 лет), ему довелось пережить такие испытания, какие выпадают на долю не каждого зрелого человека. Потрясающие переживания, невероятные повороты судьбы, масштабные и драматические изменения – всё то, что составляет неотъемлемую часть жизни больных шизофренией – стало частью и его жизни. Болезнь его отличалась удивительно ярким течением, чему в значительной мере способствовали личностные особенности нашего пациента – человека незаурядного и в высшей степени необычного.

Итак, знакомьтесь: Денис Малецкий¹ – личность уникальная и чрезвычайно интересная. Этот невысокий, внешне вполне обычный парень одарен уникальными математическими способностями. В 15 лет – студент престижного университета, в 16 – лауреат международного конкурса и обладатель именной стипендии, в 18 – один из соавторов фундаментального труда по математическому анализу. Денису прочат блестящее будущее и самые широкие перспективы. К сожалению, болезнь его достаточно серьезна. Она уже внесла свои коррективы в жизнь Дениса, практически вычеркнув из неё полтора последних года. Тем не

---

¹ Имя и фамилия изменены

менее, можно считать, что Денису повезло: лечение было начато на относительно ранней стадии заболевания, когда ещё не успели развиться глубокие патологические изменения. Современная психиатрия располагает могучим арсеналом эффективных антипсихотических медикаментов. Регулярный приём антипсихотических препаратов позволил полностью нормализовать состояние Дениса. У нас есть все основания надеяться, что Денис сможет не только закончить учебу в университете, но и продолжить успешную карьеру ученого, в полной мере раскрыв свои уникальные способности.

Вообще-то подобные интеллектуалы – редкость среди больных шизофренией (почему – будет объяснено ниже). Однако в данном случае диагноз не вызывает сомнений. Помимо характерной клинической картины, налицо довольно частый при шизофрении преморбид – специфические особенности личности, проявляющиеся с детства: своеобразиие интересов, ранимость, необщительность, замкнутость, склонность к фантазированию. Разумеется, наличие этих признаков у ребёнка или юноши ни в коем случае не означает, что у него непременно разовьется шизофрения. В клинике сплошь и рядом встречаются случаи заболевания шизофренией у людей, не имеющих ничего общего с описанным нами психологическим типом. Однако у значительной части больных удается установить наличие в детстве или в ранней юности именно этих особенностей психики. Пусковым механизмом болезни в данном случае, по всей вероятности, явился сильный стресс и длительная истощающая нагрузка.

Когда вы будете знакомиться с историей Дениса, обратите внимание на содержание его фантазий – в них удивительным образом переплетаются черты реального мира и огромного, сложного и невероятно интересного мира патологических построений. Подобная сложность и детализированность виртуального, болезненного мира характерны именно для шизофрении.

Склонность к фантазированию, разумеется, не является прерогативой больных шизофренией. Развитым воображением отличаются, например, люди с истероидными чертами характера. Истероиды театральны, обладают способностью легко перевоплощаться в различные роли (не случайно представители актерской профессии часто рекрутируются из лиц истероидного типа), причем в какой-то момент даже могут настолько «войти в роль», что перестают отличать фантазию от реальности. Однако в фантазиях истероидов главное, центральное место занимает собственная личность – «Я», причем это «Я» достигает непомерных масштабов, отесняя в тень весь остальной мир. «Я» истероида всегда яркое, всегда положительное, всегда побеждающее и торжествующее. Окружающий мир – маленький, простой, блеклый, почти незаметный в сиянии истероидного «Я». Истероид не видит его в ослепительном блеске собственного великолепия. Фантазии шизоидов совершенно иного порядка. В их фантазиях мир – не менее важная составляющая действительности, чем собственное «Я». Шизоид¹ (и шизофреник) строит собственный виртуальный мир как хороший строитель – сосредоточенно, с особой тщательностью, скрупулезно отделявая каждую деталь. Тут нет и следа той небрежности, которая характерна для истероидов – грубых мазков, невнятных цветов, блеклых оттенков. В виртуальном мире шизоида всё должно быть как в реальности. А у больных шизофренией – даже ярче, чем в реальности.

1. Шизоид – психически здоровый человек со специфическими чертами характера: замкнутостью, интровертированностью, необщительностью в сочетании со своеобразием интересов и склонностью к вычурному, нестандартному, оригинальному мышлению. Шизоидность – это вариант нормы, а шизофрения – болезнь. Шизоид – психически здоровый и вполне здравомыслящий человек; более того, «шизоидный радикал» – частый спутник одаренности и даже гениальности: способность к нетривиальному взгляду на давно известные вещи сочетается у шизоидов с высокой усидчивостью и работоспособностью. Распространенное заблуждение о том, что «все гении – слегка шизофреники» порождено как раз успехами шизоидов: их своеобразие, оригинальность и нестандартность суждений вполне могут быть приняты обывателем за признаки шизофрении. Разумеется, у шизоидов в отличие от больных шизофренией отсутствуют продуктивные (бред, галлюцинации) и дефицитарные (аутизм, нарушения воли и памяти) симптомы.

Мы ещё остановимся более подробно на анализе содержания фантазий больных шизофренией, а сейчас вернемся к нашему пациенту.

На приём к психиатру Дениса привела мать, обеспокоенная странным поведением сына. По её словам, отклонения в его поведении стали заметны в течение последнего года. Денис стал подозрительным, настороженным, резко снизилось настроение, изменились привычки и увлечения. Эти изменения были хорошо заметны, когда Денис приезжал домой на каникулы (он учился в столичном университете и мог ездить в родной город не чаще одного раза в несколько месяцев).

В последний приезд (примерно за два месяца до обращения к психиатру) поведение Дениса стало носить признаки явного психического расстройства. Денис запирался в своей комнате, придумал хитроумную систему сигнализации, позволявшую ему определить, не приближается ли кто-то к двери и к окнам, не выключал на ночь свет, по несколько раз в день устраивал обыск в квартире, проверял кладовые, шкафы, ящики стола и т.п. Он отказывался от приготовленной дома пищи, ел только готовые продукты – чипсы, сухарики, бисквиты, которые покупал сам, пил только газированную воду определённой марки. Было очевидно, что Денис чего-то боится. Этот страх был настолько силен, что Денис почти не сопротивлялся визиту к психиатру и сравнительно легко согласился с необходимостью госпитализации.

Страх – один из самых частых симптомов психических расстройств. Но этот страх не имеет ничего общего с тем ощущением страха или испуга, которые знакомы каждому здоровому человеку. Здесь нет ничего похожего на страх студента перед экзаменом или боязнь стоматологического кабинета. Чувство страха, которое испытывает больной психическим расстройством, поистине чудовищно. Это жуткое, всепоглощающее ощущение ужаса, полностью овладевающее сознанием и заставляющее человека бросить всё и бежать сломя голову – куда угодно, лишь бы освободиться от

невыносимых страданий. При психических расстройствах интенсивность разрядов в мозговых структурах, отвечающих за чувство страха, и концентрация нейромедиаторов в них многократно выше, чем у здорового человека при самом сильном испуге. Оттого и сила переживаний, и субъективно ощущаемое чувство страха во время психотического приступа неизмеримо больше, чем в норме. Чтобы избавиться от этого кошмара, больной готов на всё. Переживания страха столь мучительны, что могут заставить человека на какое-то время забыть об осторожности и искать помощи даже у тех, кого больной считает своими врагами.

Как правило, пациент не может точно определить, чего он боится: страх при психических расстройствах – это ощущение опасности отовсюду, панический ужас от соприкосновения с реальным миром, жуткое переживание всеобщей опасности и кошмарной, угрожающей человеку реальности. Такой страх называется генерализованным и известен как панфобия – королева страхов. Кроме генерализованного страха, в клинике шизофрении встречаются и специфические страхи, связанные с особенностями течения этого заболевания (например, боязнь быть отравленным у пациента с бредом преследования или страх совершить убийство у больного с бредовыми идеями отношения).

На ранних стадиях шизофрении, ещё до появления первых её признаков, больные нередко отмечают появление специфического страха сойти с ума, страха безумия. Больные описывают его как ощущение некоей пропасти, отделяющей их от мира, чёрной бездонной пустоты, из которой нет возврата. Именно это ощущение, как правило, побуждает человека искать помощи у окружающих. К сожалению, в нашем обществе существуют устойчивые предубеждения против обращения к психиатру, и такие больные скорее пойдут со своей бедой к друзьям, знакомым или просто случайным людям, чем к специалисту. Основываясь на их «доброжелательных» советах, больные начинают искать спасения в разного рода развлечениях, или пытаются

заглушить страх алкоголем. Увы – против патологического страха подобные средства бессильны, и их неэффективность только укрепляет человека в ошибочном убеждении, что ему никто не может помочь. Оттого и попадают такие больные к специалисту лишь тогда, когда налицо развернутая клиника шизофрении, с устоявшимся бредом и активными галлюцинациями.

Так было и с Денисом. Первые признаки заболевания у него возникли около двух лет назад. Тогда же, судя по всему, он перенес и первый приступ шизофрении – так называемый шуб (от немецкого *schub* – сдвиг, ступенька, приступ). Однако болезнь не была вовремя распознана, и лечение не было начато. Заболевание продолжало исподволь прогрессировать, время от времени напоминая о себе. В его течении было несколько выраженных обострений, во время которых больной переживал чрезвычайно яркие и реалистичные эпизоды галлюцинаций. Периоды обострения сменялись относительно спокойными «светлыми» промежутками, в течение которых психическая деятельность, хотя и носила несомненный отпечаток болезни, всё же была вполне адаптирована к реальности. Такая форма шизофрении называется эпизодической (в старой классификации – приступообразно-прогредиентной) или шубообразной. В отличие от непрерывно-прогредиентной формы, при которой развитие шизофренического процесса идет непрерывно, при шубообразной шизофрении отчетливо выявляются состояния обострений – шубов, и ремиссий – отсутствия или существенного ослабления клинических проявлений.

Течение заболевания у Дениса типично для такого типа шизофрении. Его история служит хорошей иллюстрацией эпизодической формы заболевания. Эта история составлена из расшифровок диктофонных записей бесед, которые велись с пациентом с первого дня его пребывания в больнице, бесед с его родственниками и близкими, а также комментариев психиатра, отражающих динамику заболевания во время лечения.

Не следует, однако, думать, что больной легко и откровенно, с первой встречи, начал делиться с врачом своими переживаниями и болезненными убеждениями. Впечатление лёгкости, которое может сложиться у читателя при виде последовательного и связного рассказа об изменениях, происходивших с пациентом, обманчиво. На самом деле, прежде чем получить эти сведения (кстати, весьма обрывочные и непоследовательные), врач должен был добиться полного и безусловного доверия со стороны пациента. Как уже упоминалось, больные шизофренией вообще склонны к диссимуляции, то есть к сокрытию и искажению своего истинного состояния. Тому есть несколько причин. Во-первых, собственный внутренний мир зачастую воспринимается больными как нечто закрытое для других, тайное, сакральное, недоступное пониманию простых людей. Во-вторых, даже если желание поделиться своими переживаниями и возникает, то больной ко времени обращения к психиатру, как правило, уже научен горьким опытом, и хорошо знает, что окружающие реагируют на его откровения совсем не так, как ему бы хотелось. Он готов к тому, что к его рассказу отнесутся с недоверием, а его самого станут подозревать в ненормальности. Кроме того, во время пребывания в психиатрическом отделении больной быстро убеждается, что излишняя откровенность в отношении собственных переживаний чревата рестриктивными мерами со стороны персонала – усилением надзора, увеличением дозы нейролептиков и т.п. Наконец, больной нередко бывает просто запуган собственными галлюцинациями: голоса, овладевшие его сознанием, запрещают ему рассказывать о том, что он слышит и видит, угрожают страшными карами, а поскольку такие галлюцинации носят императивный (приказной) характер, больной не может им сопротивляться.

Работа врача-психиатра в чем-то сродни работе детектива. Как следователь по мельчайшим, малозаметным деталям стремится восстановить картину преступления, совершенного грабителем или убийцей, так и психиатр по об-

рывкам фраз, оговоркам, особенностям мимики, жестов пациента должен узнать истинную картину преступления, совершенного болезнью. Шизофрения – коварный и жестокий злодей. Она подкрадывается исподволь, нападает внезапно и действует беспощадно, отнимая самое ценное, что есть у человека – его разум. Вступая в единоборство с болезнью, врач должен осознавать, что ему противостоит сильный и коварный противник. Победить шизофрению, вернуть пациенту украденный у него мир, можно только в том случае, если врач будет вооружен знанием истинной картины заболевания.

Задача психиатра состоит не в том, чтобы разрушить болезненный мир, оставив пациента один на один с жестокой и враждебной реальностью. Главная цель врача – сделать реальный мир более притягательным, интересным, значимым и приоритетным для больного, чем мир патологический. Полноценная жизнь в реальном мире – крепкая семья, нормальное общение, интересная и перспективная работа, широкий мир увлечений, творчество – всё это должно перевесить на чашах внутренних весов пациента сомнительную ценность болезненных фантазий и галлюцинаторных переживаний. И врач-психиатр должен стать верным союзником и помощником пациента на этом пути. Это – нелёгкий путь как для пациента, так и для врача. Проще всего насильно накормить человека таблетками или напичкать сильнодействующими уколами. Намного сложнее – но и несравненно эффективнее! – сделать так, чтобы он сам сделал шаг навстречу здоровью, осуществил сознательный и твердый выбор в пользу реальной жизни в реальном мире, и стал активно содействовать собственному выздоровлению. Только тогда мощное действие современных медикаментозных препаратов, без которых, к сожалению, при лечении шизофрении пока не обойтись, станет максимально эффективным, и будет направлено на пользу пациенту.

История Дениса служит хорошей иллюстрацией сказанного. В первых беседах с ним отчётливо прослеживаются проявления диссимуляции. Денис отрицает наличие

основных симптомов шизофрении – галлюцинаций, измененного восприятия, расщепления, и тщательно скрывает свои бредовые убеждения. Несмотря на то, что пациент, в общем, настроен довольно доброжелательно по отношению к психиатру (что, кстати, встречается нечасто), он явно не намерен рассказывать об истинных причинах своего состояния. Его цель ограничивается лишь избавлением от страха. Однако ряд оговорок и случайных фраз, оброненных пациентом, и подкреплённых в дальнейшем результатами бесед с близкими больного, позволяют психиатру предположить наличие у больного развернутой бредовой системы и выраженных галлюцинаций. Тем не менее, понимая, что грубое вторжение в сложный и противоречивый мир больного шизофренией способно лишь усилить естественное при этом заболевании недоверие, оттолкнуть пациента, заставить его ещё глубже спрятать болезненные переживания, врач не топчется любой ценой «вытянуть» у Дениса подробности его истинных переживаний. Первые беседы с пациентом были направлены прежде всего на установление искреннего доверия, создание нормальных межличностных отношений. Психиатр понимал, что в данном случае нельзя ограничиться поверхностным, симптоматическим лечением, устранив лишь симптомы страха, и оставив больного один на один с тягостными и болезненными бредовыми и галлюцинаторными переживаниями. Если бы врач поступил именно так, болезнь ушла бы «вглубь», продолжая быстро прогрессировать, и её исход мог быть весьма неблагоприятным для Дениса. Оставленный один на один с несущим угрозу, подавляющим его миром болезни, пациент, как правило, обречен. Поэтому усилия врача, направленные на установление контакта с больным, всегда оправданны, всегда необходимы, и время, затраченное на выполнение этой сложной, но крайне важной задачи, окупится сторицей высокой эффективностью лечения.

В описываемом нами случае на установление полноценного доверительного контакта с пациентом также по-

требовалось некоторое время. Однако впоследствии, когда Денис убедился, что истинная цель врача – помочь ему в преодолении тягостных и опасных симптомов заболевания, он постепенно стал доверять психиатру всё более и более скрытые, глубинные переживания. В результате перед нами открылась масштабная картина патологического мира – с множеством действующих лиц, столь же удивительных, сколь и необычных, с острейшими и драматическими событиями, удивительными превращениями и поразительными, находящимися за гранью обычного понимания, представлениями. Эту картину сегодня мы можем представить читателю. Сам Денис, ознакомившись с этими записями, согласился с их публикацией, высказав при этом несколько ценных замечаний, которые мы учли. Он также предложил нам свою собственную оригинальную теорию психоза, которую мы с удовольствием представим читателю в главе, посвящённой причинам этого заболевания.

А сейчас вернемся к первому дню пребывания Дениса в больнице.

Денис:

«Нервное истощение? Психический срыв? Депрессия? Меньше всего меня волнует, как это называется. У меня просто на душе плохо, понимаете?..

Я знаю, вы хотите помочь мне. Но, честно говоря, сомневаюсь, что это возможно. Думаю, никто не может помочь мне. Был один человек, он, наверно, смог бы. Но его нет...

Вы спрашиваете, почему я здесь? Я не знаю, как лучше объяснить... В общем, так совпали обстоятельства... Наверно, это было неизбежно. В общем, я думаю, что рано или поздно я всё равно попал бы сюда.

Знаете, вы первый человек, который захотел выслушать меня. Я вижу в ваших глазах доверие. Я столько раз пытался рассказать людям о том, что знаю, но мне никто не верил! Понимаете, никто! Меня начинали успокаивать,

говорили, что я всё выдумал, что это нервное, что всё пройдет... Ничего не прошло! Я просто перестал доверять людям. Я понял, что нельзя объяснить человеку то, чего он не способен понять. Это всё равно, что втолковывать неразумному младенцу теорию относительности. И тогда я замкнулся в себе... Интроверсия, так, кажется, это называется у психологов? Знаете, я в последнее время стал интересоваться психологией. Я вообще-то технарь, никакого отношения к психологии не имею, просто мне очень хотелось понять – правда ли то, что со мной случилось, бывает ли такое на самом деле, или это просто игра воображения? К сожалению, я не нашёл ответа в психологии. Зато я нашёл его в другом месте. Но это отдельная тема...

Что меня сейчас беспокоит? Да, в общем-то ничего... Это была инициатива матери, чтобы обратиться к вам. Как я сам к этому отношусь? Мне всё равно... Вы говорите, что, возможно, сможете помочь мне справиться с проблемами, если я сам этого захочу? Избавиться от того, что меня тревожит, беспокоит, что мне неприятно? Не знаю, не знаю... Я хотел бы вам верить. Но я не знаю, могу ли я вам доверять... Вера и доверие – это разные вещи, понимаете? Если бы я мог получить какое-то доказательство, что вы меня не обманываете, что вы действительно можете мне помочь... Ну хорошо, я скажу вам.

Страх! Вот что меня беспокоит. Страх! Я боюсь. Если вы сумеете избавить меня от страха, это будет доказательством вашего могущества. Тогда я поверю, что вы и в самом деле сможете мне помочь. Ведь это возможно? Есть же какие-то таблетки, уколы против страха? Я перепробовал все транквилизаторы, которые смог достать. Реланиум, гидазепам, сонован, адаптол... Первое время они помогали, самое большее два-три раза, но потом страх возвращался. Может, у вас есть какие-то более мощные препараты?

Вы говорите, что можно подавить страх на время, но чтобы избавиться от него, надо знать его причину? Подавите мой страх хотя бы на неделю, этого будет достаточно. За не-

делю всё решится. Через неделю всё будет ясно. Либо да, либо нет. Если я сумею сделать... то, что должен сделать, то никакие таблетки мне будут не нужны. И не только мне. А если не успею... Если не успею – значит, они победили. Тогда таблетки мне тоже вряд ли понадобятся. А впрочем, может, тогда они запрут меня именно сюда, в эту больницу. И у вас будет возможность пичкать меня таблетками и уколами до самой смерти...

Кто – они? Неважно. Вы сказали, что поможете мне, если я этого захочу. Я хочу, чтобы вы избавили меня от страха. Страх парализует. Вы знаете математическую формулу страха? Я вывел её. Вывел формулу страха. Долгими бессонными ночами, когда ужас сочится из всех щелей, когда душа превращается в лёд, когда ты бросаешь всё, и бежишь, бежишь, куда глаза глядят – из дома, из города, из мира, лишь бы подальше от страха – вот когда приходит знание таких формул. Это универсальное знание, потому что математика – это универсальная наука. Всё на свете можно описать на языке математики. Страх, удовольствие, радость, счастье, горе, смерть, рождение, жизнь – всё можно выразить в формулах, в математических выражениях. Впрочем, это вам вряд ли интересно... Это у вас чей портрет висит? Фрейд? Странно, я совсем по-другому представлял себе Фрейда. Я думал, он такой здоровенный мужчина, чёрный, бородатый, лохматый, а он – лысый старик. Старики приносят несчастье. Все беды на свете от стариков. Какая беда от Фрейда? А вы не знаете? Или притворяетесь, что не знаете? Фрейд разрушил мир. Он разрушил старую добрую викторианскую цивилизацию – целомудренную, чопорную, упорядоченную. И что он дал взамен? Взрыв, переворот, революции, разруху! Хаос!

Когда я впервые понял, что могу описать математически любое событие, знаете, что именно я захотел описать первым? Смерть! Почему? Потому что смерть – самое интересное, что есть на свете, это альфа и омега, начало и конец всего. В ней, в смерти, сосредоточено всё, абсолютно всё, а

жизнь – лишь жалкое отражение смерти. Жизнь всегда конечна, тогда как смерть – бесконечна. Бесконечность – это вершина бытия. Понять бесконечность – означает понять математику, а понять математику невозможно. Если взять для примера вашего Фрейда, то сознание – это величина конечная, а подсознание – бесконечно. Но на эту тему можно рассуждать очень долго...

Что я собираюсь делать дальше? Я не хочу об этом говорить. У меня есть четкий план действий, поверьте мне. Я нормальный человек, а не псих. Я получаю информацию об их действиях и строю собственные планы. Кого – их? Это неважно. Важно то, что я об этом знаю. Как я получаю информацию? Это тоже не важно! Голоса?.. Что вы имеете в виду? Н-нет... Не знаю, что вы хотели этим сказать, но я не слышу никаких голосов. Понимаете, никаких! Нет! Нет! Я не хочу об этом говорить! Хорошо, не будем... Ладно, давайте вернемся к насущным проблемам. Честно говоря, я очень устал. Я не спал трое суток. Больше всего я хочу спокойно выспаться. Но я не могу спать. Мне не дает уснуть страх. Только лягу – сразу вскакиваю. Может, у вас есть какое-то лекарство от страха? Чтобы поспать хотя бы пару часов?.. Вот это? Эта пилюлька? И что же, я смогу от неё уснуть? Сомневаюсь, сомневаюсь... Ну что же, давайте! Посмотрим, какой вы волшебник...

Спокойной ночи. Хотя сейчас вообще-то день. Ну, тогда спокойного дня...»

Людмила Александровна, мать Дениса:

«Это так ужасно! Я давно замечала, что с Денисом происходит что-то ненормальное. Вы знаете, в детстве он был таким славным ребёнком! Такой маленький серьезный человечек. Он почти не плакал. Всегда такой молчаливый, сосредоточенный. Денис очень опережал в развитии сверстников. Читать научился в три года. Других детей читать палкой не заставишь, а Дениса невозможно было от

книжки оторвать. В пять лет он уже читал Рэя Брэдбери и Стивенсона. Ещё до школы перечитал все книги в доме, я носила ему книжки из школьной библиотеки. Считать он тоже стал рано, я сейчас и не помню, когда. Цифры – это вообще его стихия. Он во втором классе решал алгебраические уравнения, я дала ему учебник для седьмого класса, так он там все задачки перещелкал как орехи. Отец научил его в шахматы играть. Денис легко обыгрывал любого школьника, но играть с другими почему-то не любил. Он предпочитал играть сам с собой. Сядет над доской, и думает часами, сопит как ёжик, потом сделает удачный ход и радуется, и смеётся, как будто не с собой играет... Вообще, сейчас я вспоминаю, что уже тогда в его поведении было что-то ненормальное. Он всегда был ужасно одиноким. Почему-то у меня перед глазами стоит картина, которую я как-то раз увидела в детском саду. Денису было года четыре, или около того. Я пришла забирать его; дети гуляли во дворе, стояла прекрасная погода, все дети бегали, резвились, играли друг с другом, только Денис как неприкаянный – в беседке, в самом дальнем углу, сидит, сжавшись в комочек, и смотрит куда-то в пустоту. И глаза такие... страшные! Как будто он где-то в другом измерении. Взгляд отстраненный, пустой. Я испугалась, схватила его, стала трясти... А он молчит. Смотрит на меня и молчит! Я пыталась расспросить его, узнать, что с ним, но он так и не сказал. Он вообще с самого раннего детства очень скрытный, упрямый. Если что-то вбил себе в голову – всё, считай, пропало. Не переубедишь его ни за что!..

В школу я отдала его на год раньше, и сразу во второй класс. Я сама учительница, так что не вижу в этом ничего страшного. Какой смысл ему сидеть с первоклашками, если мальчик всё это давно знает? Денис свободно читал, писал, умел считать, даже таблицу умножения знал. А во втором классе ему было интересно. Там было много предметов, которые мы с ним не проходили – природоведение, например. Было ли ему трудно найти контакт с ребятами? Нет, не думаю. Денис нормально адаптировался. Он с первого

дня был отличником, и вовсе не потому, что я в школе работала. Наоборот, я всем его учителям говорила: «Никаких поблажек Денису, как ко всем относитесь – так и к нему!» Да Денис и не нуждался в каких-то снисхождениях. Были ли у него друзья в школе? Знаете, я сейчас и не вспомню... Кажется, приходили пару раз какие-то мальчишки из класса, когда Денис болел... Да он и сам не особенно тянулся к ребятам. Денис ведь был выше их в смысле развития, интеллекта. Думаю, ему было с ними неинтересно. Случались ли у него конфликты в школе? Нет, не припомню... А впрочем, постойте! Был один эпизод, не знаю, нужен он вам или нет. Денис тогда был в пятом классе. На перемене в учительскую прибежала его классная руководительница и крикнула, что Денис выпрыгнул из окна. Я бросилась во двор. Денис лежал на клумбе, у него была сломана нога. Он пытался подняться, но не мог. Ему просто повезло: он прыгнул с третьего этажа, но упал не на асфальт, а на клумбу. И знаете, что меня поразило больше всего? Когда я попыталась взять его на руки, он оттолкнул меня и сказал: «Как жалко, что я не умер!» В устах девятилетнего мальчика это было так естественно, так грубо, так отталкивающе, что я не удержалась и ударила его по лицу. Кажется, я при этом крикнула: «Заткнись!» «Замолчи!» или что-то в этом роде. А он... Он засмеялся. Он смеялся мне в лицо! Он был бледным как мел, наверно, ему было очень больно, но он смеялся. Этот смех я слышу до сих пор... Потом мне рассказали, что у них произошла ссора в классе. Кто-то из ребят посмеялся над Денисом, стал дразнить его. Обычная ссора, ничего сверхъестественного. Такие ссоры в школе каждый день десятками случаются. Но чтобы дети из-за этого выпрыгивали из окна!..

Я пыталась после поговорить с Денисом, объяснить ему, что он был неправ, но он уперто молчал. Впрочем, того, что рассказали мне дети, было достаточно, чтобы понять: это была обычная детская ссора. Необычной и непонятной была только реакция Дениса. Когда он выписался из больницы, я отвела его к школьному психологу, но она так ничего от него

и не добилась. На все вопросы Денис демонстративно молчал. Он умеет быть таким упрямым, что хоть об стену бейся!

А вообще это был, наверно, единственный случай. Денис никогда не доставлял мне особых хлопот. Наоборот, он старался меня порадовать. Он был примерным учеником, никогда не участвовал в общих шалостях, не прогуливал уроки, не пил, не курил. Денис был гордостью школы. Тогда, в больнице он всерьез увлекся математикой. Помню, я принесла как-то в больницу старый-престарый учебник «Математика для вузов» – он случайно у меня оказался, коллега просила передать нашей общей знакомой. Но Денис отобрал у меня учебник и за те полтора месяца, что лежал в гипсе, выучил его наизусть. Потом он стал интересоваться глубже, начал переписываться с профессором из университета. А в шестом классе меня неожиданно вызвали к директору и сообщили, что Денис выиграл международный конкурс по математике. Оказывается, один из зарубежных университетов проводил открытый конкурс для детей из разных стран. Задачи публиковались в математическом журнале, а ответы надо было отправлять по почте. Я даже не знала, что Денис участвует в конкурсе. Для меня это была такая же неожиданность, как и для всех.

А потом всё пошло по накатанной колее – курсы при университете, репетиторы, олимпиады. Денису не раз предлагали переехать в столичный интернат для одаренных детей, но я была категорически против. Ребенок должен быть дома, с матерью, а не черт знает где, среди чужих людей. И потом, Денис с его упрямством и настойчивостью прекрасно справлялся с учебой и дома. Когда он был в десятом классе, то выиграл престижный конкурс, там за победу полагалась денежная премия. На призовые деньги Денис купил компьютер и подключил его к Интернету, что по тем временам было большой редкостью. Тогда на Интернет смотрели как на причуду, на пустую забаву. А Денис сразу стал активно пользоваться Сетью. Бывало, по несколько часов кряду сидит, уткнувшись в экран – не оторвешь. Я ругаюсь: для

глаз вредно, да и стоило это удовольствие тогда недешево. Я была уверена, что Денис, как все подростки, качает игры, лазает по порносайтам и знакомится с девочками. Но как-то, когда Дениса не было дома, я проверила его компьютер. Оказалось, что на нём вообще нет ни одной игры. Я просмотрела журнал посещений Интернет-страниц: там были только какие-то научные тексты, причем все – на английском и немецком. Я в школе учила французский, да и то сто лет назад, так что ничего не поняла. Спрашивать же у Дениса я не решилась: если бы он узнал, что я рылась в его компьютере, был бы страшный скандал. Но он, кажется, понял, что я просматривала его файлы, потому что когда я в следующий раз попыталась включить компьютер, он оказался закрыт паролем.

Но, в общем, Денис никогда не создавал мне особенных проблем. Да, я замечала, что он какой-то... отстраненный, что ли, не от мира сего. Но математики все такие. А в остальном Денис был вполне обычным ребёнком. Одно время он, кажется, переживал из-за своего невысокого роста, но это было недолго. Когда ему было лет четырнадцать-пятнадцать, я несколько раз заставляла его у зеркала: он изучал своё лицо. Но это, я думаю, обычная подростковая реакция. Они все в этом возрасте озабочены своей внешностью.

Со здоровьем тоже особенных проблем не было. В детстве, правда, Денис часто болел – ангины, простуды, инфекции всякие. Отец пытался приобщить его к спорту, но неудачно. Один раз он отвёл его в секцию борьбы, но Денис после первого занятия наотрез отказался приходить туда снова. В другой раз отец записал его на плавание. Кажется, около месяца Денис ходил в бассейн, а потом заявил, что больше ходить не будет. Тоже без объяснения причин.

Он вообще очень скрытный парень. Когда он учился на втором курсе, я окольными путями узнала, что он встречался с девушкой, и у них вышла какая-то размолвка. Вроде бы она даже оскорбила его при всех. Я пыталась расспросить Дениса, но он довольно грубо оборвал меня. Помню, я очень

обиделась, а он даже не попросил прощения. Он ужасно упрямый!

Ну а в общем, Денис рос нормальным ребёнком. Конечно, он был не уличный ребенок, а домашний. Всё-таки родители не бомжи, не алкоголики. Поэтому и Денис вырос таким спокойным, интеллигентным. Даже когда был подростком, никаких особых хлопот не доставлял. В этом возрасте дети начинают отбиваться от дома, ищут каких-то компаний, а Денис всегда был домоседом. Придёт из школы – и за компьютер, или задачки решает.

В пятнадцать лет Денис окончил школу и поступил в университет. Как победитель международных олимпиад, он мог поступать в любой вуз без экзаменов. Он сам выбрал и университет, и факультет. Оказывается, он уже давно там всех знал, переписывался с ними, а на математических конкурсах они были его научными руководителями.

Я, конечно, была рада за сына. Университет открывал ему широкую дорогу к научной славе, к известности, к возможности работать в престижнейших университетах мира. Но всё-таки я предпочла бы, чтобы Денис остался в нашем городе. Поступил бы в политех на факультет автоматизированных систем, стал бы программистом. Тоже неплохо. Но я понимаю, что ему было бы тут тесно. Ему нужен простор, он теоретик, а там ему есть где развернуться...

Денис стал учиться в университете. Жил он в общежитии, там вполне приличные комнаты. Я предварительно зашла к коменданту и договорилась, чтобы Дениса поселили со старшекурсником. Всё-таки пятнадцать лет – это ещё ребенок, за ним присмотр нужен. Постепенно жизнь наладилась, Денис вошёл в колею, стал учиться, а домой приезжал на каникулы. Он никогда не жаловался на трудности, не рассказывал о своих проблемах. «Всё нормально!» – вот стандартный ответ на все вопросы. А лишнего слова из него клещами не вытянешь.

В университете Денис учился отлично. Он с первого курса начал работать над диссертацией. Летом он привез

диплом победителя международного конкурса и именную стипендию. В общем, первый год прошёл довольно гладко. Второй – тоже. А вот на третьем начались проблемы.

Осенью случилась какая-то дикая история с его сокурсником. Я не знаю, что там было, Денис не рассказывал. До меня доходили какие-то обрывочные слухи, из которых ничего невозможно было понять. Но после этого Денис очень сильно изменился. Когда он приехал зимой на каникулы, я его не узнала. Осунулся, похудел, даже как-то съезжился. Было видно, что он сильно переживает. Я не раз пыталась подступиться к нему, выяснить, что произошло. Но Денис как всегда замкнулся в своей раковине, и не лезь к нему. Буркнет что-то невнятно – вот и весь ответ.

Потом он уехал, и вроде бы всё успокоилось. И вдруг – этот звонок. Звонил его научный руководитель. Жаловался, что Денис забросил учебу, в университете не появляется больше месяца, и совершенно не занимается научной работой. Они готовили какой-то важный научный сборник, и Денису была предоставлена возможность опубликовать свои труды. Это очень редкое явление – чтобы студента, да ещё третьекурсника, брали в соавторы маститые ученые, профессора и академики. Такую возможность никак нельзя было упускать. Я бросила всё и поехала к Денису. Честно говоря, я думала, что причина его поведения в несчастной любви. У него уже была на втором курсе какая-то девка, которая его бросила, и я была уверена, что повторяется та же история. Но всё оказалось намного хуже.

Денис меня поразил. Он очень изменился. Даже по сравнению с тем, как он выглядел во время последнего приезда, он очень сильно сдал. Он был такой худой, что, казалось, шатается от ветра. Лицо изможденное, серое, глаза тусклые, взгляд как у затравленного зверька. Смотреть на него было просто невыносимо. Я спросила его, почему он не ходит на занятия. Денис ответил, что вернется в университет, когда решит одну проблему. Я стала убеждать его не делать глупостей, бросить свои дурацкие похождения (я ведь

думала, что он прогуливает из-за какой-то девицы), сказала, что звонил его научный руководитель, что надо обязательно опубликовать работу в сборнике, что такой шанс выпадает один раз в жизни, и его нельзя упускать – но всё без толку. Он просто не слышал меня. Он дождался, пока я выдохлась, и стал говорить. Он сказал, что всё это неважно, что он занят очень важной миссией (именно так он выразился – миссией), и что по сравнению с этим все занятия, университеты и сборники просто ничто. Он заявил, что если ему удастся эту миссию завершить, то мир изменится, станет совершенным, а если нет – мир погибнет, и он погибнет вместе с миром. В общем, начал плести такую чушь, что я ушам своим не поверила. Я говорю: «Денис, опомнись, что ты городишь! Это же бред какой-то!» А он вскочил, глянул на меня как-то так недобро, и выскочил из комнаты.

В общем, я тогда поняла, что с ним что-то неладно. Но я думала, это обычное нервное переутомление. Знаете, я наверно, просто боялась поверить, что Денис сошёл с ума. Я пошла к его научному руководителю, к декану, они очень по-доброму отнеслись к Денису, переживали за него. Он так и не появился больше в университете, но ему помогли закрыть год без «хвостов» и оформить академический отпуск. Его статья в сборнике всё-таки появилась, его научный руководитель сам закончил её. Но для меня главным было, конечно, состояние Дениса. Я так и не смогла больше повидаться с ним в тот день. Его телефон был включен, но на звонки он не отвечал. Мне пришлось вернуться домой фактически ни с чем. На следующий день Денис позвонил мне и сказал, что у него всё нормально, что он принял решение и возвращается домой.

На второй день он действительно приехал. Ни слова не сказал, даже не поздоровался, сразу прошёл в свою комнату, и заперся там.

И начались два месяца сплошного кошмара. Знаете, у меня в течение всего этого времени было стойкое ощущение, что мне подменили сына. Правда. Не знаю, может, это тоже

признак психической болезни, но я никак не могла поверить, что это Денис. Тот человек, который заперся в комнате и сидел там как какой-то упырь, был до такой степени не похож на моего Дениса, что я просто отказывалась верить, что это он. Даже внешне он стал совсем другим. То, что он похудел и почернел, это само собой. Но у него появилась какая-то дерганность, рваность движений. Он как будто не сам двигался, а кто-то его за ниточки дергал. На это было просто страшно смотреть. И ещё эта привычка всё обследовать, всё проверять. Как будто чего-то боялся. Ко мне совершенно равнодушно относился, я для него была как пустое место. Посмотрит сквозь меня – и бегом в свою комнату. Даже есть дома перестал. Ничего домашнего не ел. Сбегаёт в магазин, купит сразу на неделю чипсов, сухариков, бисквитов каких-то, воды газированной две упаковки и снова в комнате запирается. Я говорю ему: «Денис, нельзя же так! Это же не еда! Язву заработаешь!», а он смотрит как-то исподлобья, как волчонок какой-то и молчит. Совершенно перестал следить за собой. Он вообще-то парень очень аккуратный, чистоплотный, всегда тщательно следил, чтобы рубашка была свежая, и белье чтобы чистое было, а тут неделями не моется, не бреется, и белье не меняет. В общем, я смотрела на него и не верила, что это мой сын.

Конечно, я сознавала, что Денис болен. Но, знаете, всё как-то надеялась, что оно само пройдёт. Умом я понимала, что не пройдёт оно само, что надо Дениса лечить. Но сердцем чувствовала, что не смогу его в психиатричку сдать. Городок у нас небольшой, все в момент узнают. Сколько разговоров будет! Да Денис и сам бы не согласился тогда пойти к психиатру.

А в последнюю неделю стало просто невмоготу. Денис стал совершенно невменяемым. Вчера я пыталась в очередной раз поговорить с ним. Раньше он просто игнорировал меня, а тут просто взорвался. Стал кричать, что я ничего не понимаю, что всё кончено, что скоро его вообще не будет, а вместе с ним не будет никого – ни меня, ни других людей...

И тогда я испугалась. Я поняла, что если сейчас не начать лечить его, он что-нибудь с собой сделает. И я решила обратиться к вам. Вы помните Алексея М.? Он лечился у вас от депрессии года три назад. Его мать работает у нас в школе. Она сказала, что вы вылечили её сына, и посоветовала обратиться к вам. Вы ведь сможете помочь Денису? Я понимаю, что болезнь его достаточно серьезна. Но ведь есть же какие-то лекарства? Вы же смогли помочь Алеше? Я понимаю, там совсем другая болезнь, но всё-таки? Я устала жить в ожидании беды...»

Комментарий психиатра:

Итак, уже первое знакомство с Денисом обнаружило у него признаки серьезного психического расстройства. Особенности поведения, характерные оговорки, внешний вид пациента заставляли предположить, что Денис страдает психозом. Пока что было неясно, когда проявилась болезнь, что стало её пусковым механизмом и как именно она развивалась. Денис явно пытался скрыть симптомы заболевания. Очевидное нежелание говорить на темы, касающиеся болезненных переживаний, замешательство, возникшее у Дениса после вопроса о голосах, стремление быстро увести разговор в сторону от этой темы свидетельствовали о том, что Денис что-то скрывает. Более того, можно было с уверенностью предположить, что Денис уже пытался рассказывать людям о своих переживаниях и натолкнулся на недоверие и непонимание.

Для психиатра чрезвычайно важно было знать истинную картину заболевания: от этого напрямую зависит тактика лечения. Однако ещё важнее было заручиться доверием пациента, сделать его активным участником собственного выздоровления. Поэтому врач принял решение не форсировать события и не пытаться насильно «разговорить» пациента. На первом этапе главной задачей лечения было преодоление недоверия, которое испытывал Денис к врачу и к

лечению, а также устранение основных симптомов, беспокоящих его – в первую очередь, страха. Успешное решение этой задачи дало бы возможность врачу завоевать доверие пациента, убедить его в том, что он может рассчитывать на помощь в решении более сложных проблем, сформировать откровенные и продуктивные отношения врача и пациента.

Случай Дениса представлялся достаточно сложным. Прежде всего, оставалось неясным, насколько глубоко психоз поразил психику больного, каковы возможные пути развития заболевания, и вероятные осложнения. Для этого врачу крайне необходима как можно более достоверная информация о течении заболевания. В этом отношении при первичном осмотре сведения, предоставленные близкими больного, как правило, являются более ценными и информативными, чем рассказ самого пациента. Сам больной нередко диссимулирует основные признаки заболевания, кроме того, всё, произошедшее с ним видится ему через призму болезни. Наряду с исключительно важными и ценными для выбора тактики лечения сведениями, касающимися внутренних переживаний, динамики развития заболевания, особенностей течения, пациент нередко «вываливает» на психиатра тонны «словесного мусора», состоящего из выдумки, фантазий, а то и откровенной лжи. Поэтому к сведениям, которые сообщает сам больной, следует относиться с большой осторожностью, многократно проверяя и перепроверяя их (разумеется, так, чтобы не обидеть больного).

В данном случае информация, которую сообщила мать Дениса, подтверждала первоначальное предположение о наличии у пациента психоза. Ценные для постановки правильного диагноза сведения сообщил и научный руководитель Дениса, профессор П.В., позвонивший на второй день после его госпитализации. Внезапное изменение привычного ритма жизни, явные странности в поведении, немотивированная подозрительность и агрессия наводили на мысль о бредовых идеях преследования.

Показательным было также нарастание признаков аутизма, апатии и безразличия к себе, игнорирование правил гигиены. Нередко именно такая внезапная неряшливость у ранее вполне внимательного и чистоплотного человека является первым признаком начинающейся шизофрении.

Из рассказа матери можно было предположить, что болезненный процесс у Дениса длится около года. Но рассказ научного руководителя, а также осторожные оговорки и туманные намёки пациента давали повод думать, что его заболевание «старше» как минимум на год. В любом случае для развития болезни представлялась весьма важной таинственная история с сокурсником Дениса. Мать не могла сообщить по этому поводу ничего конкретного, лишь уверенно заявив, что именно после этой истории Денис сильно изменился. Возможно, в жизни Дениса были и другие события, значимые для развития заболевания, о которых мать не знала. Но получить эти сведения можно было только у самого пациента.

Всё это нужно было психиатру не для удовлетворения праздного любопытства. В выработке стратегии и тактики лечения шизофрении не менее важным, чем медикаментозное лечение, является грамотное использование психотерапии и социальной адаптации. Болезнь вырывает человека из привычной среды, расстраивает его налаженные, годами создававшиеся контакты с людьми, заставляя замыкаться в коконе болезненных переживаний. Задача психиатра состоит не только в том, чтобы подавить проявления болезни и восстановить нормальное состояние психики, но и в том, чтобы подготовить пациента к возвращению в реальный мир. Устранение комплексов, преодоление травмирующих воспоминаний и болезненных переживаний – необходимая часть комплексного лечения шизофрении.

Психотерапия больных шизофренией – задача сложная и ответственная, методы её отличаются от методов, используемых, скажем, при лечении неврозов. Она требует высочайшей квалификации врача, знания тонкостей течения

заболевания и обязательного учета особенностей личности пациента. Неосторожное вмешательство в психику больного способно спровоцировать обострение шизофренического процесса, свести на нет достигнутый результат лечения, и даже ухудшить течение заболевания.

В успехе лечения шизофрении очень многое зависит от своевременности обращения за психиатрической помощью. Обратите внимание на поведение матери нашего больного. К сожалению, в случае Дениса мы имеем дело с типичной реакцией родственников пациента на психическое расстройство у близкого человека. Эта реакция вызвана естественным стремлением спрятать, утаить от окружающих факт психического заболевания. В нашей практике встречались самые поразительные проявления подобного поведения. Так, супруга одного из пациентов, обнаружив, что у мужа начинается очередной приступ шизофрении, запирала его в ванной, а сослуживцам и соседям объясняла, что он болен гриппом. Поскольку мужчина страдал шубообразной формой шизофрении, по окончании приступа (который длился одну-две недели) он возвращался в более или менее нормальное состояние и мог продолжать трудиться. Тем не менее, не получая адекватного лечения, он постепенно регрессировал, и во время очередного приступа под влиянием императивных галлюцинаций покончил с собой.

Поэтому очевидной является необходимость как можно более раннего обращения к специалисту-психиатру. К сожалению, в нашем обществе ещё сильны предубеждение и неоправданная настороженность по отношению к психически больным. Конечно, шизофрения – не насморк, и больные шизофренией могут проявлять агрессию по отношению к другим и по отношению к себе. Случаи преступлений, совершённых больными шизофренией под влиянием галлюцинаций и бреда, к сожалению, реальны (хотя справедливости ради следует отметить, что роль душевнобольных здесь сильно преувеличивается). Разумная доля осторожности в отношениях с психически больными необходима – особен-

но там, где дело касается их бредовых убеждений. Однако люди, страдающие шизофренией, при условии адекватного и полноценного лечения, вполне способны жить в обществе, быть его полноправными членами, создавать семьи, активно общаться с окружающими. Это чрезвычайно интересные люди, и в общении с ними здоровый человек может почерпнуть для себя много занятного и полезного. Присутствие больных шизофренией среди нас – реальность, и от неё никуда не деться, так что для здорового общества глупо и бессмысленно пытаться «задавить» больных, загнать их за высокие заборы и крепкие стены психиатрических лечебниц. Намного гуманнее (и выгоднее с экономической точки зрения) предоставить таким людям возможность реализовать себя, свои способности, свои таланты. Современная фармакотерапия позволяет это сделать. Так, большинство больных шизофренией, получающих поддерживающую терапию эффективными антипсихотическими препаратами, ничем не отличаются от обычных людей.

Более того, на ранних стадиях заболевания госпитализация в психиатрический стационар может быть вовсе не обязательной. Современные фармакологические препараты обладают мощным антипсихотическим действием, позволяющим ликвидировать симптомы психического расстройства, а побочные эффекты их сведены к минимуму. Поэтому лечение может проводиться амбулаторно, на дому, иногда – даже без отрыва пациента от работы или учебы. Разумеется, назначать и контролировать лечение может только врач-психиатр. Новейшие антипсихотики – мощное оружие против шизофрении, но они требуют грамотного и разумного применения.

Поэтому первое правило, которое должны усвоить близкие больного шизофренией – не ждать, пока болезнь полностью захватит человека, не пытаться скрывать заболевание, не испытывать на пациенте всевозможные «нетрадиционные» методики и шарлатанские снадобья. Сегодня нет альтернативы медикаментозному лечению под наблюдени-

ем врача-психиатра. И чем раньше оно будет начато, тем больше у пациента шансов вернуться к нормальной, полноценной жизни и сохранить ясный разум.

Второе, что должны понимать близкие пациента – то, что проявления шизофрении могут быть весьма неприятными для них. Увы – при этом заболевании агрессия, неприязнь, бредовые убеждения, как правило, направлены на тех, кто больше всего заботится о больном. В случае шизофрении будет совершенно справедливо сказать, что от неё страдает не только пациент, но и те, кто находится рядом с ним. Обычно это мать, отец, жена, муж, дети больного. Больной может обвинять их в реальных и мнимых прегрешениях, оскорблять, даже ударить. Но нужно всегда помнить, что если пациент проявляет агрессию – это делает не человек, а болезнь. Обижает, оскорбляет и унижает не больной, а шизофрения. Человек не виноват в том, что он болен. Шизофрения не делит людей на плохих и хороших, и каждый из нас мог оказаться на месте больного. Близким пациента всегда следует помнить, что тот, настоящий, подлинный человек, которого они знали до болезни, по-прежнему любит их. Он по-прежнему привязан к ним, он дорожит ими и желает им добра. Но ему мешает болезнь. Поэтому ни в коем случае нельзя обижаться, а уж тем более пытаться мстить больному за обидные слова и оскорбления. Лучшее, что родственники могут сделать для него – обеспечить своевременным и качественным лечением. Врач-психиатр наряду с назначением медикаментов даст рекомендации: как вести себя с больным, как обеспечить налаживание нормальных отношений с ним, как помочь ему адаптироваться в обществе, в семье, в коллективе. Это – неперемное условие полноценной жизни больного шизофренией.

Однако вернемся к нашему пациенту. Сейчас Денис спокойно спит в своей палате. Высочайшее нервное напряжение последних дней сказалось на его состоянии. Денис не спал более трёх суток. Его нервная система истощена до

предела. Следует заметить, что подобное состояние крайне опасно для пациента. На фоне глубокого истощения даже у молодых людей может развиться острая сердечная недостаточность, которая заканчивается смертельным исходом. Поэтому пока Денис спал, его осмотрели врач-реаниматолог и терапевт. Оба пришли к выводу, что жизнь Дениса вне опасности, и он может принимать необходимое ему психиатрическое лечение. После трёхдневной бессонницы и истощающих переживаний Денис проспал в общей сложности почти двадцать шесть часов, поэтому позавчерашний день ему кажется вчерашним. В остальном же состояние его остается достаточно неопределенным. Применение мощных быстродействующих антипсихотических препаратов позволило снять симптомы страха, однако для полноценного лечения этого недостаточно. Наступает чрезвычайно ответственный, можно сказать, переломный, момент. Психиатр должен выработать полноценную стратегию и тактику лечения. А для этого необходимо знать особенности течения заболевания у данного пациента. Во время второй беседы психиатр ставит цель заручиться доверием Дениса и попытаться выяснить максимально подробно, какие из симптомов присутствуют в клинической картине данного заболевания.

Итак, перед нами второй (а точнее, третий) день пребывания Дениса в стационаре.

Денис:

«А знаете, вы действительно мне помогли. Я прекрасно выспался, спал всю ночь напролёт. Это наверно, первая ночь за последний год, которую я провел спокойно. Здорово! Одна пилюлька – и восемь часов в отключке! Что вы говорите? Я проспал двадцать шесть часов?! Не может быть! Какое сегодня число? Да ну, неправда! Покажите свой мобильный телефон. А на наручных часах? Действительно, восемнадцатое... Странно, а состояние почти нормальное, как по-

сле обычного сна. Вы говорите, это естественно? Ну да, до этого я не спал трое суток, даже чуть больше... Организм возвращает украденный у него сон? Ну что же, поверю вам. Наверно, вы правы. Во всяком случае, вы доказали, что можете решить мою насущную проблему. Страх ушёл, я чувствую себя нормально. А теперь скажите, когда меня выпишут отсюда? Да нет, в общем, здесь неплохо. Палата хорошая, во всяком случае, уютнее, чем моя комната в общежитии. Кормят нормально, завтрак мне понравился. Но мне надо на волю.

Что я буду делать, когда выйду отсюда? О-о-о, у меня большие планы. Мне надо очень много успеть! Странно, почему вы не спрашиваете, чем именно я собираюсь заниматься? Что бы я ответил, если бы вы спросили? Хм... Ловко вы вывернулись. Бродя бы и задали вопрос, а в то же время и нет. Что ж, с вами приятно иметь дело. Вы уверены, что я всё равно не сказал бы вам правду? Снова верно, ещё очко в вашу пользу. Я предполагал, что психиатры натасканы в общении с людьми, и умеют вытягивать нужные сведения, но учтите – со мной этот номер не пройдет. Что? Как я думаю, зачем вам нужно знать про мои переживания? Станный вопрос... Я об этом как-то не думал... Ну, наверно, вы хотите помочь мне. Но вы будете помогать мне своими методами. А они для меня не годятся. Откуда я знаю? О чем – знаю? Снова вопрос-ловушка? Вы хотите, чтобы я проговорился! Эти ваши психиатрические штучки, конечно, впечатляют, но не меня. Поэтому я отвечаю так же расплывчато: догадываюсь.

Что вы ещё хотите спросить? Действовали ли вы против моей воли до этого момента? Нет. Я сам просил вас о помощи, и я её получил. Пытались ли вы навязать мне своё мнение? Тоже нет. Согласен, до сих пор вы действовали только в моих интересах и с моего разрешения. Так почему же я уверен, что сейчас вы будете действовать против меня? Хм... Ловко вы завернули. Ну что же, тогда я вас тоже кое о чем спрошу. Только вы должны будете ответить честно. Договорились?..

Вы считаете меня психически больным? Вы обещали ответить честно.

Хорошо, давайте по пунктам.

Те проявления страха, которые были у меня, ненормальны. Согласен. Обычный человек, по крайней мере, из тех, кого я знаю, таких ощущений никогда не испытывал – это вы верно заметили. В нормальной жизни их просто не может быть. Хотел бы я, чтобы они снова вернулись? Нет, конечно! Значит, помочь мне справиться со страхом было необходимо? Само собой! Давайте дальше. Вы говорите, что страх – это лишь видимый эффект, внешнее проявление переживаний, мыслей, убеждений, поведения. В основе моего страха лежат какие-то переживания, какие-то мысли? Да, конечно. Само собой. Хм... Пойдите! Получается, я сам признал, что я болен?! Раз мой страх – проявление болезни, значит и то, чем он вызван – тоже проявление болезни? Что? Вы не можете ответить на этот вопрос? Но почему?! Потому что не знаете, чем вызван мой страх? А если вы будете знать его причину, то сможете отделить нормальное от болезненного, и даже сумеете помочь мне решить те проблемы, которые я захочу решить сам? Вы говорите, что причина моего страха может оказаться совсем не там, где я думаю? Хм... Знаете, я очень хотел бы верить вам...

Вы обещаете, что каждый ваш шаг будет согласован со мной, и что вы ничего не сделаете во вред мне и против моей воли? Вы или обманываете меня, или... Или вы тот человек, которого я искал, который был мне нужен всё это время! Почему я не встретил вас раньше?

Да, я о многом хотел бы рассказать. Мне очень, очень нужно, чтобы люди узнали об этом. Я только боюсь, что вы не поверите мне... Что вы говорите? Если человек убедительно доказывает свою правоту, то ему верят? Что ж, вы правы, как всегда. Но это очень долгая история. Вы не спешите? Ну, хорошо. Я расскажу...»

Профессор П.В., научный руководитель Дениса:

«Скажите, насколько серьезно то, что случилось с Денисом? Поймите, я не просто так спрашиваю. Я очень обеспокоен состоянием Дениса. Это необычайно талантливый мальчик. У него великое будущее. Я могу утверждать так с полной уверенностью – за тридцать лет работы в науке у меня не было такого способного ученика. Дело даже не в том, что он понимает такие вещи, которые поймёт не всякий профессор, главное – что он способен рождать идеи. Великие идеи! Я не боюсь этого слова. Пройдёт несколько лет – и он перевернет науку, поверьте мне!..

Скажите, чем я могу помочь? Вы хотите, чтобы я рассказал вам, с чего и как всё началось?

Мне кажется, срыв произошёл позапрошлой зимой. Тогда Денис готовился к международному конкурсу, и очень напряжённо работал. Он поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу, пожалуй, я бы сказал, почти неразрешимую. Но если бы ему удалось сделать то, что он задумал, это означало бы безусловную победу – Денис был бы на две головы выше, чем любой из конкурсантов. Но сделать это было не так-то просто. У него очень долго не получалось ухватиться за нужную идею. Он нервничал, переживал, извелся весь. Он работал на каком-то невероятном, нечеловеческом надрые. Я много раз уговаривал Дениса оставить эту работу и взять тему попроще, но он уперся и ни в какую не хотел отступать. Временами я просто боялся, что он не выдержит и сгорит. Помню, достал ему через профком путевку в профилакторий, запретил брать с собой книги и ноутбук, но он сбежал оттуда на третий день – обратно, в библиотеку. Захожу в аудиторию – а там Денис, сидит, обложившись книгами, что-то чертит. Я спрашиваю: «Денис, когда ты ел в последний раз?», а он смотрит на меня непонимающими глазами: «Вроде вчера. Нет, позавчера...» Потом он вдруг пропал куда-то на неделю, а в феврале неожиданно появился на кафедре. Пришёл ко мне в кабинет и

положил на стол готовую работу. Знаете, я никогда не видел ничего подобного! Эта работа была необычайно, невероятно сложна, и в то же время невероятно изящна и красива. Это был подлинный математический шедевр – торжество чистой мысли, настоящий бриллиант! Я понял, что Денис сумел таки добиться своего, решил поставленную задачу, и, конечно, очень обрадовался за него. Но когда он рассказал мне, как он сделал эту работу, я, честно говоря, пожалел о том, что позволил Денису заниматься ею. Я просто испугался за него. Он сказал, что несколько дней не спал, пытаюсь найти решение своей задачи, а потом впал в какое-то странное состояние, в котором цифры разговаривали с ним и сами подсказывали, как нужно решать задачу. Якобы они даже начертили готовое решение, а ему осталось только переписать его. Я тогда очень обеспокоился, даже хотел тайком от Дениса показать его психиатру, но не успел. После этого случая Денис почти сразу уехал на двухнедельную стажировку во Францию, а когда вернулся, о своих переживаниях уже не вспоминал.

А потом вроде всё успокоилось. Разумеется, конкурс он выиграл, было множество хвалебных отзывов, про Дениса даже сняли репортаж для телевидения. Денис был очень счастлив и горд, что ему удалось решить эту задачу. Тогда его буквально носили на руках. Денису было приятно всеобщее внимание и любовь, хотя он начисто лишен тщеславия и рисовки. Он вообще очень скромный мальчик, замкнутый, я бы сказал, даже слишком. Он очень требователен к себе. Я думаю, в этом одна из причин его нынешних проблем...

Ну вот, а после этого начался его триумфальный взлет. Денис – не просто способный мальчик, он исключительный талант. В течение второго года он сделал несколько необычайно ярких и интересных работ, которые были отмечены не только у нас, но и за рубежом. Денису предложили годовичную стажировку в Америке, но он отказался. Честно говоря, в глубине души я был рад, что Денис не поехал за границу. Я уверен, что он там бы и остался. Там умеют ценить талан-

ты, в том числе и в фундаментальных науках, и умеют привлечь их, заинтересовать, не то, что у нас... Но Денис, говоря о причинах своего отказа, бросил очень странную фразу. Он сказал что-то вроде: «мне запретили» или «мне сказали сидеть здесь», я точно не помню. Я пытался расспросить, о ком он говорит, кто ему запрещает, но Денис замкнулся и быстро перевел разговор на другую тему. Ещё он говорил, что открыл какую-то очень важную вещь, но пока не может об этом говорить. Кажется, он даже сказал, что ему запрещают об этом говорить... Да, да, он именно так и сказал: «Мне нельзя об этом говорить». Я принял это за неудачную шутку или фантазию... В общем, он производил тогда довольно странное впечатление, вроде как не от мира сего. Но ведь речь идет не об обычном человеке! Денис – уникальный талант, а на таких, как он, общие правила не распространяются.

В общем, Денис остался в университете, и проявил себя блестяще. Неудивительно, что я настоял, чтобы одну из его наиболее ярких работ включили в фундаментальный сборник академических трудов. Конечно, было некоторое сопротивление со стороны Академии – мол, мальчишка, сопляк, а туда же – с академиками равняться. Но те, кто знал Дениса, знали его работы, встали на его защиту, и публикацию мы в конце концов пробили.

И вдруг, именно в этот момент – это было в начале третьего курса – он резко изменился. Он и раньше был стеснительным, замкнутым, а тут стал каким-то угрюмым, мрачным, раздражительным. Перестал интересоваться своими научными работами, забросил диссертацию. Я пытался откровенно поговорить с ним, выяснить, что его тревожит, помочь ему, но Денис совершенно замкнулся в себе и упорно не желал говорить со мной. Несколько раз он случайно ронял какие-то загадочные фразы об универсальном коде, о каком-то высшем разуме, каких-то пришельцах, а потом вдруг начал пропадать. Вначале на день-два, потом на неделю, и наконец, настал момент, когда он не появлялся в университете почти месяц. В общежитии его нет. Телефон молчит.

Где он, что с ним – никто не знает. Я тогда с большим трудом отыскал телефон его матери и позвонил ей. Она приехала и неожиданно застала его в общежитии. Оказалось, что он пришёл забрать какие-то вещи. Она тогда долго говорила с ним, а потом пришла ко мне. С её слов получалось, что у мальчика нервный срыв. Мы договорились, что я свяжусь с коллегами с медицинского факультета и попрошу, чтобы Дениса осмотрел профессор-психиатр. Но на следующий день Денис неожиданно уехал домой, и с тех пор от него не было никаких вестей. Я много раз пытался дозвониться до него – всё без толку. А вчера позвонила его мать, и сказала, что Денис в психиатрической больнице. Она дала мне ваш номер телефона.

Я очень волнуюсь. Поймите, речь идет об уникальном таланте! Надо сделать всё, чтобы помочь Денису! Может, нужны какие-то лекарства – вы скажите, мы будем искать, и найдем, если понадобится, даже в Америке. Что вы говорите? Сейчас в любой отечественной клинике есть те же лекарства, что и в самой престижной американской? Да, конечно, вы правы, я ещё мыслю старыми категориями... Просто я очень беспокоюсь за Дениса. Вы скажите, что мы можем для него сделать? Мы создадим ему все условия. Сделаем для него индивидуальный график. Денис может жить у меня, а не в общежитии. Я буду следить, чтобы он не переутомлялся...

Пока ничего не нужно? Но всё же запишите мой номер телефона. Если что-то понадобится – немедленно звоните, ладно? И, пожалуйста, держите меня в курсе его дел...»

Денис:

«Самое яркое воспоминание детства – это мои фантазии. Когда я пытаюсь вспомнить своё детство, то замечаю интересную закономерность. Те события, что происходили реально, на самом деле, представляются мне серыми, какими-то бесцветными. Детский сад, равнодушные и жестокие воспитатели, грязные сопливые дети – всё это меня

раздражало. Я убегал от них в самую дальнюю беседку и предавался мечтаньям. Самое любимое моё время в детском саду – это тихий час. Я не спал. Я мечтал. Я фантазировал. И эти фантазии вспоминаются мне сегодня намного ярче, чем то, что было в реальности.

Первые фантазии, которые я помню, носят обрывочный характер. Это какие-то тусклые куски реальности, смешанные с фрагментами ярких выдумок. Помню, мать привела меня в детский сад. Даже не знаю, сколько мне тогда было, года два, наверно. Почему-то я ужасно испугался этого сада. Ребенок ведь не может себе объяснить, что это не страшно, что можно как-то приспособиться, перетерпеть. И потом, для ребёнка время дискретно – он живет здесь и сейчас, для него будущее отделено от настоящего. Ребёнку кажется, что если сейчас ему плохо – значит, всегда будет плохо, бесконечно. Вот и я так думал. Помню, я вцепился в мать и плакал, и просил, чтобы она не оставляла меня, а она ударила меня... Потом, когда она ушла, меня заперли в каком-то чулане. Там было темно и очень страшно. Я долго плакал, и вдруг стена чулана куда-то пропала, провалилась, и я увидел какой-то сад или парк. Я сейчас не помню, что именно там было, помню только, что я понял – я свободен, я не заперт в чулане и могу гулять. А больше, пожалуй, ничего не помню...

Потом я уже не плакал, когда надо было идти в детский сад, но и радости особой не испытывал. Мне не нравилось там, но я понимал, что бессилён что-либо изменить. Единственное, что спасало меня от этого ощущения бессилия – это мои фантазии.

Почему-то я очень хорошо запомнил одну из них. Мне тогда было года три или около этого. Я помню, что был тихий час, я лежал в кровати и мечтал. И вдруг я куда-то провалился. Это был не сон, потому что я продолжал видеть спальню, как бы сквозь марлю или тонкий шёлк, и понимал, что я нахожусь в детском саду. Но в то же время я был не здесь. Я был в каком-то другом мире. Это был знакомый

мир, и в то же время незнакомый. Я узнавал некоторые места, например, автобусную остановку возле ботанического сада, но там были и места, которых я никогда не видел. И ещё там были люди. Много людей. Знакомых и незнакомых. Большею частью незнакомых. Из знакомых там были все воспитатели из детского сада, которые меня мучили, и обижали меня, и была хорошая воспитательница, которая меня жалела. И ещё был один мальчик, с которым я дружил. Точнее, не дружил, потому что друзей как таковых у меня не было, а просто мы иногда играли с ним. И ещё один мальчик, который дразнил меня. В общем, все в сборе, полный кворум. И тут началось! Все, кто обижал меня – злые воспитатели, мальчик-хулиган – получили по заслугам. Те люди, которые там были, начали их бить, а потом заперли в каком-то подвале. Этакая сцена Страшного суда в постановке трёхлетнего Дениса! А потом мне дали большой желтый автобус – я тогда очень хотел стать водителем автобуса – и я поехал...

Ещё одна моя фантазия того времени, или более позднего. Как-то мать уехала на неделю на курсы, отца тоже почему-то не было дома, и мне пришлось несколько дней ночевать в детском саду. Там была одна группа для таких детей – в основном, из неблагополучных семей, которых не забирала из сада неделями. И вот я попал в эту группу. Вначале переживал очень, плакал, а потом успокоился. Помню, уложили нас спать, а я лежу с открытыми глазами и фантазирую. Накануне я смотрел фильм по телевизору – я не помню его название, какой-то боевик, кажется, с Брюсом Уиллисом в главной роли. Он там, как и положено, крушил всех направо и налево. Тогда я представил себе действие этого фильма, но с моим участием. Я должен был добыть какой-то важный предмет, сейчас не помню, какой. А на моем пути вставали разнообразные враги – знакомые и незнакомые. А я убивал их. Я крушил их направо и налево. Я разносил им черепа. Я стрелял в них из пулемета, резал ножами, рубил тесаком. И всё это было так реалистично, что

в какой-то момент мне стало страшно... Но я не мог остановиться, это уже как бы не зависело от меня. Я просто вынужден был досмотреть всё до конца.

Сейчас я понимаю, что это, наверно, ненормально, когда ребенок в три или четыре года представляет себе такие картины. Но даже тогда, будучи совсем несмышленым ребёнком, я понимал, что об этих своих фантазиях лучше помалкивать. И я никому о них не рассказывал. По правде говоря, и рассказывать-то было некому. Друзей у меня не было. Почему-то дети меня сторонились. А от взрослых я сам старался держаться подальше. Моя мать говорит, что я был очень стеснительным в детстве. Это неправда – на самом деле я просто панически боялся взрослых.

Мне не нравился тот мир, что был вокруг меня. И я убежал от него в мир мечтаний и фантазирования. С каждым разом мои фантазии становились всё ярче. К пяти годам я мог вызвать в воображении любую картину, и видел её так же ярко, как и окружающую меня реальность. Думаю, именно это помогло мне потом с математикой – для математика очень важно иметь развитое воображение. Есть даже такой исторический анекдот: как-то у известного математика Гильберта спросили, что стало с одним из его учеников, на что Гильберт ответил: «Он стал поэтом. Для математика у него было слишком мало воображения!».

Но я думаю, что самым главным для меня в моем мире фантазий было то, что я не просто созерцал его. Я управлял им. Я был хозяином этого мира. Он подчинялся мне. Я подстраивал его под свои желания. То, что не нравилось мне в реальном мире, я мог изменить в мире фантазий. Наверно, именно это и привлекало меня. Постепенно мой виртуальный мир всё больше разрастался. И наступил момент, когда я понял, что в моем придуманном мире есть всё, что мне нужно. Он стал для меня более ценным, более важным и более нужным, чем настоящий мир. Мои фантазии давали мне всё то, чего я не имел в реальном мире – силу, уверенность, защиту...

В реальной жизни у меня не было друзей. И я выдумывал их. Они жили в моем придуманном мире. Помню, в этом мире у меня был друг по имени Игорь. Это был странный друг. Он был не человеком – в смысле, он не был похож на обычного ребёнка, скорее на какого-то пушистого зверька. Но я дружил с ним, как дружат обычные дети, и играл с ним, и мне было с ним интересно. Потом, спустя много лет, я понял, откуда он приходил. Он был оттуда. Он был один из них. Он просто принял наиболее понятную для четырехлетнего ребёнка форму. Это – одна из бесконечного множества форм, которые они могут принимать. Но об этом позже...

А ещё я очень любил читать. Я научился читать в три года, и с тех пор с книжкой не расстаюсь. Я читаю всё подряд. А в детстве чтение для меня было, наверно, ещё одним способом уйти от реальности. Я очень ярко представлял себе всё, что происходило в книгах, и сам как будто участвовал в этом...

Вот такое у меня было детство. Наверно, это не совсем нормально. Насколько я знаю, у других детей таких фантазий не бывает. Или бывают? Ну, вам, как психологу виднее. Но, сомневаюсь, что их фантазии имеют такой странный характер.

Откуда это взялось у меня? Я не знаю, что здесь от наследственности, а в чём виновато воспитание. В любом случае, мою семью – я имею в виду родителей – вряд ли можно считать нормальной.

Отец был очень мягким, нерешительным человеком. Он во всём уступал матери, соглашался с ней. Я думаю, он просто очень любил её. А она была полной противоположностью ему. Властная, решительная, очень агрессивная, я бы даже сказал, жестокая. Она работала учительницей химии в школе. Эту работу она ненавидела. Она часто говорила, что если бы не отец и не я, то она бы многого достигла в жизни. Помню, несколько раз она заявляла, что я «родился не вовремя». Она училась тогда на последнем курсе института, собиралась поступать в аспирантуру. Но тут родился я, и все её мечты пошли наперекосяк. Пелёнки, бессонные

ночи, кормления... Я был слабым ребёнком, и до трёх лет постоянно болел. Она еле-еле смогла закончить институт, а об аспирантуре уже не могло быть и речи. Думаю, она так и не простила мне этого. Я постоянно чувствовал её раздражение, даже когда она пыталась его скрыть.

Отец моложе её на четыре года, он тоже учился в этом институте, но когда я родился, перевелся на вечернее отделение, и пошёл работать в «Химреактивъ» грузчиком. Там он и остался после института, сначала лаборантом, потом заведующим складом. Насколько я помню, он ни разу не говорил о своей работе – нравится она ему, не нравится, доволен он, что так сложилась жизнь или нет – он никогда не касался этой темы. А мать, по-моему, это совершенно не интересовало. Я думаю, он вообще был ей безразличен. Она воспринимала его как ненужный довесок к зарплате и к тем вещам, которые он приносил в дом.

Жили мы, в общем, неплохо. В доме было всё необходимое – продукты, одежда, техника. Но матери всегда было мало. Сколько я себя помню, она всегда была чем-то недовольна. Типичная картина из моего детства: вечер, отец приходит с работы, и мать начинает его пилить. То не так, это не эдак... Между отцом и матерью никогда не было нормальных тёплых отношений, только скандалы, свары, конфликты. Правда, он тогда сильно пил. В общем, он пил и раньше. «Уходил в штопор», так он сам это называл. Но со временем его запой становился всё более глубокими и долгими. Смотреть на него, когда он выпьет, было забавно и трогательно. Он пытался скрыть опьянение, боялся матери. Но это всё, конечно, было бесполезно... Результат был всегда один – скандал. Причем её совершенно не интересовало – присутствую я при этом, или нет. Ей важно было высказаться... Обычно она говорила, что он испортил ей жизнь, что если бы не он, то она бы вышла замуж за приличного человека, и начинала перечислять всех, кто в своё время предлагал ей замужество, или ухаживал за ней. Смотреть на это было отвратительно...

Отец очень любил меня. Я помню, как он водил меня на речку, играл со мной в футбол, запускал бумажного змея. Вообще, у меня остались о нём только тёплые воспоминания...

Когда мне было семь лет, отец погиб. Потом я узнал, что в тот день мать выгнала его из дома. Он оказался за городом, на переезде, и попал под поезд. Он был сильно пьян. Тогда решили, что это был несчастный случай, но я уверен, что он покончил с собой. Просто ему больше ничего не оставалось.

После его смерти мать запретила мне видеться с бабушкой, его матерью. Мы больше никогда не говорили о нём.

А мать недолго жила одна. Такая сильная и властная женщина не могла оставаться в одиночестве. «Одиночество унижает женщину», – как-то бросила она фразу. Это было бы для неё совершенно невозможно, ведь тогда она была бы в чем-то хуже, чем её подруги (которых она всегда презирала и считала недостойными). И она привела отчима. Думаю, она не любила его. Просто так было нужно. Он занимал какую-то должность в строительной фирме, кажется, прораба или что-то вроде того, и большую часть времени проводил на работе, даже в выходные. В общем, он неплохой человек, но думаю, я был ему совершенно безразличен. Как и он мне.

Одним словом, сколько я себя помню, я всегда был один. Отдельно от других. Не впереди колонны, не позади всех, а в стороне. Вот это, наверно, было самое страшное. Я думаю, что много потерял из-за этого...»

Людмила Александровна, мать Дениса:

«...Денис был необычным ребёнком. Впервые я поняла это, когда ему было годика полтора-два. Я ходила с Денисом гулять на детскую площадку. Так вот все дети как дети – бегают, кричат, плачут, а он сядет отдельно и раскладывает какие-то палочки, щепочки, и всё молча, серьезно так, сосредоточенно, совсем как взрослый. Вообще он с само-

го раннего детства был самостоятельным. Когда ему было четыре года, я его спокойно оставляла на целый день одного дома. Давала ему книги, конструктор – он очень любил конструкторы собирать – и уходила. Прихожу – а Денис как сидел над конструктором, или книжку читал, так и сидит. Конечно, я была довольна. У других дети по деревьям лазают, палками дерутся – того и гляди глаза друг другу повывивают, а Денис такой спокойный, домашний...

Вообще-то он родился в неудачное время. Для меня эта беременность была нежелательной. Я заканчивала институт, собиралась поступать в аспирантуру. А тут вдруг оказалось, что у меня будет ребенок. К тому же беременность протекала тяжело, с токсокозом, первые месяцы я ужасно мучилась. Как вспомню сейчас тот ужас – прямо дрожь берет... Я хотела сделать аборт, но отец Дениса не дал. Он очень хотел ребёнка. Когда Денис родился, он так радовался! Я поначалу переживала, даже плакала – ведь все планы насмарку, а у меня были хорошие возможности, а потом успокоилась. Денис был спокойным ребёнком, почти не плакал. Болел, правда, часто, но тоже без особых капризов. И потом, Денис ведь был таким... необычным. Он с самого раннего детства опережал сверстников в развитии. Я имею в виду, конечно, умственное развитие. В физическом он как раз отставал. Маленький, щупленький, болезненный, но мне кажется, это его не особенно волновало. Я думаю, он всегда чувствовал своё превосходство...

С отцом Денису не повезло. Мальчику нужен был настоящий отец, мужчина, а Сергей был тряпкой. Ничего толком в жизни не добился, даже мнения своего никогда не имел. Как ты – так и я, любимая фраза. Кроме того, он выпивал. Не скажу, чтобы часто, но тем не менее... В общем, мы вынуждены были расстаться. Как к этому отнесся Денис? Равнодушно. Мне кажется, что он не любил отца. По крайней мере, тёплых чувств к нему никогда не проявлял.

Были ли у нас в семье ссоры? Наверно, как и во всякой семье. Присутствовал ли при этом Денис? Не помню. Да и

какое это имеет значение? Разве мало вокруг грубости, жестокости, насилия? Вы вечерние новости посмотрите – того убили, там самолет упал, там газ взорвался... Дети ведь всё это тоже видят...

Из раннего детства Дениса я мало что помню. Сплошные пелёнки, распашонки, подгузники, сон – кормление, кормление – сон. Единственное, что точно помню, что Денис поздно пошёл и очень рано начал говорить. Но у мальчиков это бывает...

В детский сад мы отдали Дениса в полтора года. Мне надо было выходить на работу. Я и так долго с ним сидела, другие мамы через месяц после родов уже вовсю работают.

Как Денис перенес расставание? Плохо. Вот это я точно помню. Очень плохо. Мне в тот день поставили первый урок в школе, я очень торопилась, привела Дениса в садик, а он – ни в какую. Вцепился в мою руку и не отпускает. Я пытаюсь его отцепить, говорю: «Иди, Денис, с детками поиграешься!», а он не отпускает. И кричит, прямо заходится криком. Воспитательницы, нянечки прибежали, уговаривают его, игрушки суют, а Денис и слушать ничего не хочет. Ну, я конечно, рассердилась, шлепнула его, а он прямо захлебнулся криком. Мне даже страшно стало. Но нельзя же его с собой в школу брать! Общими усилиями оторвали мы Дениса, я убежала на работу, а он остался. Воспитательницы потом рассказывали, что он целый день просидел в углу, ни с кем не разговаривал, от еды отказался, и гулять не пошёл.

А потом привык. В садик ходил спокойно, без скандалов. Не могу сказать, что с радостью, но, по крайней мере, без принуждения.

Честно говоря, я не могла уделять ему много времени. Работа, дом, хозяйство... Но я старалась с ним заниматься. Читать он научился в три года. Знаете, меня это очень выручало. Денис очень много читал. Самый лучший способ занять его – дать книгу. Мог читать сутками напролёт. Кроме того, к пяти годам мы с ним прошли всю программу первого класса. Денис свободно читал, писал, считал, знал множе-

ние и деление, даже действия с дробями. Вообще его страсть к математике, к точным наукам проявлялась с раннего детства. Как-то, помню, мы с ним зашли в магазин, что-то купили, а продавщица никак не могла подсчитать, сколько она должна нам сдачи. И тут Денис – ему года четыре было, не больше – серьезно так заявляет: «Три шестьдесят четыре, неужели так сложно подсчитать?!» И это с таким возмущением, как, мол, такая большая тетя не может решить такую элементарную задачу?! Помню, мы так смеялись...

Ну а в общем, ничего особенного в его детстве не было. Ребенок как ребенок, может, более развитый, чем другие. Но то, что никаких намёков на психологические проблемы у него не было – это точно. Я это твердо знаю...

Комментарий психиатра:

Прежде чем продолжить рассказ о судьбе Дениса, мы бы хотели остановиться на анализе данных, которые касаются его раннего детства и родительской семьи. Вопрос это чрезвычайно важный. Общеизвестно, что истоки многих психологических проблем лежат в детстве. Как справедливо пишет В. Леви: «Понять детство – означает понять человека». Раннее детство Дениса является прекрасной иллюстрацией этого тезиса.

Прежде всего обращает на себя внимание очевидная изолированность ребёнка от сверстников и детских коллективов. «Я всегда был в стороне» – эта фраза исчерпывающим образом описывает мироощущение и поведение шизоидных детей. Хотя Денис и сожалеет о том, что был недостаточно близок со своими ровесниками, это скорее сожаление взрослого человека об упущенных возможностях. Тот вакуум, который создан в межличностном общении, в период детства он с успехом заполнял мечтами и фантазиями.

Анализ фантазий пациента всегда представляет собой крайне сложную, хотя и исключительно важную задачу. Содержание фантазий может дать представление о глубин-

ных, скрытых переживаниях, чувствах, мотивах, настолько важных для пациента, что нередко именно они являются решающим аргументом для определения диагноза, а значит, и последующего лечения. Кроме того, фантазии нередко носят травмирующий характер, и врач должен помочь пациенту справиться с ними. Однако следует помнить, что любая фантазия всегда несёт отпечаток реальности, и врачу важно разобраться, в каких отношениях выдуманный, фантастический мир находится с миром реальным.

Фантазии Дениса имеют отчётливый протестный оттенок. Для детей вообще характерно протестное фантазирование. Будучи лишены возможности на равных сопротивляться вызовам реального мира, они с лихвой компенсируют свою реальную слабость силой воображения. Вспомните, к примеру, блестящее описание фантазий Николенки в романе Льва Толстого «Детство, отрочество, юность». Попавший в безвыходную ситуацию ребенок, полностью зависящий от чужой воли и не способный к реальному сопротивлению, карает своего обидчика в фантазиях. Однако в отличие от обычных детских фантазий, в построениях Дениса отчётливо проявляются черты патологии. Прежде всего, эти фантазии не дополняют, а заслоняют собой реальный мир. Они предпочтительнее реального мира, и свои силы, своё время ребенок тратит не на то, чтобы приспособиться к реальному миру, а на то, чтобы ещё глубже уйти в мир виртуальный, выдуманный. Нет ничего страшного в том, что ребенок придумывает себе друзей – хотя это, безусловно, сигнал для родителей о том, что он нуждается в большем выборе ровесников и обучению налаживанию контактов с ними. Но когда ребенок упорно отказывается от возможности обычного общения в пользу выдуманного, виртуального друга – это должно насторожить. Мы видим, однако, что мать Дениса не придает особого значения его одиночеству. Более того, она совершенно не в курсе переживаний сына и ничего не знает о его внутреннем мире. Конечно, определяющую роль в этом сыграли личностные особенности матери – женщи-

ны властной, холодной, жестокой, но для Дениса в общем-то безразлично, по какой причине он не получает нужного ему тёплого материнского внимания и любви. Он понимает лишь, что лишен чего-то важного, необходимого, что есть у других детей. И «в отместку» он погружается в мир болезненного фантазирования.

Мы увидим далее, что болезненный мир фантазий будет только разрастаться, обрастать деталями, становиться всё более и более реалистичным. Характер фантазий будет, разумеется, меняться с возрастом, но сама идея ухода от враждебного и неприветливого мира реальности в уютный и послушный мир фантазий останется неизменной.

Вообще говоря, фантазии пациента представляют собой неисчерпаемый источник информации о его внутреннем мире. Нередко именно фантазии, а не реальные поступки позволяют врачу установить истинный характер болезненного процесса. Действия, поступки – это овеществленное желание, однако их реализация всегда находится под влиянием сдерживающих механизмов: социальных ограничений, нравственных и моральных убеждений, наконец, просто страха перед наказанием за совершённое действие. В фантазиях же человек абсолютно свободен, всякие барьеры отсутствуют, его импульсы и внутренние побуждения ничем не ограничены, и именно в фантазиях можно в полной мере наблюдать проявления глубинных, подсознательных реакций, определяющих, в конечном счёте, поведение человека. Недаром Зигмунд Фрейд считал, что фантазии играют важнейшую роль в терапевтическом процессе.

Однако проникнуть в мир фантазий пациента не так-то просто. Мы можем с уверенностью утверждать, что, несмотря на установившийся контакт и доверие к психиатру, Денис открыл лишь малую часть своих фантазий, и притом часть наименее острую и наиболее социально приемлемую (с его точки зрения). Несомненно, что у Дениса (как и у всякого человека) имеются гораздо более асоциальные и эффективные фантазии. Однако именно здесь психиатру следует

проявлять максимальную осторожность и такт. Необходимо помнить, что для больного шизофренией его фантазии – это святая святых, абсолютно закрытый для посторонних мир, и любое вторжение в него, пусть даже самое мягкое и тактичное, расценивается как явная и неприкрытая агрессия. Для больного шизофренией (как, кстати, и для здорового человека с шизоидным типом личности) вторжение в мир его фантазий – самая сильная «болевая точка», оно крайне неприятно и болезненно для пациента. Сама мысль о том, чтобы раскрыть перед кем-то тайный и сакральный мир собственных фантазий, чрезвычайно тягостна для больного. Он чувствует себя так, будто вынужден раздеться на публике, и эта «психологическая нагота» переживается им очень тяжело. Об этом необходимо постоянно помнить родственникам и близким больных шизофренией. Для таких больных открыть свой внутренний мир, свои фантазии близкому человеку бывает гораздо сложнее и мучительнее, чем постороннему. Поэтому нельзя пытаться насильно влезть в мир фантазий и внутренних переживаний больного шизофренией. И уж само собой разумеется, ни в коем случае и ни при каких условиях нельзя подвергать осмеянию его фантазии или – что не менее страшно для пациента – рассказывать о них другим людям. В этой области ирония и юмор здорового человека абсолютно неуместны. В практике психиатра нередки случаи попыток суицида после того, как родственники или близкие больного выносили его фантазии на всеобщее обозрение или позволяли себе посмеяться над ними.

В случае Дениса мы сталкиваемся ещё с одним интересным явлением, получившим название «шизофреногенной семьи». Авторы, разрабатывавшие эту теорию, считают роль семьи решающей в возникновении шизофрении. Типичная шизофреногенная семья описывается как семья, в которой есть жестокая и властная мать, равнодушная и холодная по отношению к ребёнку, и пассивный, безвольный отец, во всём подчиняющийся матери. В такой семье ребенок страдает от дефицита тепла, нежности, положи-

тельных эмоций. Однако следует сразу заметить, что даже в рамках семейной теории шизофрении подобный тип шизофреногенной семьи признается не единственным. Так, Теодор Литц описывает два основных типа патологического взаимодействия в семьях: при первом наблюдается расщепление: чрезмерная близость одного из родителей к ребёнку противоположного пола (матери – к сыну, отца – к дочери), при втором – один из родителей явно доминирует в семье, что вызывает «перекосяк» в его сторону, «состязание в силе». Впрочем, рассматривая семейные теории шизофрении, следует помнить, что одни они не в состоянии объяснить всего многообразия проявлений шизофрении и пролить свет на причины её возникновения.

Мы ещё остановимся подробно на теориях возникновения и развития шизофрении. А сейчас снова дадим слово Денису.

Денис:

«...В школу я пошёл в пять лет, на год раньше, чем все. Мать настояла, чтобы меня оформили сразу во второй класс, так как я умел читать, писать и считать, знал даже таблицу умножения. Наверно, ей и в этом хотелось выделиться, но для меня это было ужасно. Я был на два года младше всех детей в классе, а для пятилетнего ребёнка два года – это колоссальная разница. Кроме того, я попал в уже оформившийся коллектив со своими лидерами, своими отношениями, своими детскими интригами. Я сразу стал изгоем. В лучшем случае меня просто игнорировали, не обращали внимания. В худшем – старшие дети вымещали на мне свои обиды и комплексы. Меня дразнили, изводили всякими обидами, даже били несколько раз. Вы знаете, дети бывают такими жестокими...

В школе я с первого дня был отличником. Такой себе мальчик-отличник, примерный, спокойный, не дерется, не хулиганит, не шалит. Белая ворона... В общем, учителя меня любили, а одноклассники ненавидели. Меня часто

хвалили, ставили другим в пример. Не знаю, может, мои одноклассники завидовали мне, а может, их просто раздражало, что я не такой, как они. Люди вообще не любят тех, кто чем-нибудь от них отличается...

Я всегда был в стороне от любых компаний. Знаете, в школе дети как-то сбиваются в компании – тот с теми тусуется, этот – с этими. Меня никогда не звали ни в одну компанию. Мне было обидно, но я старался этого не показывать, иначе меня бы совсем затравили.

Потом, когда мои одноклассники сообразили, что я могу быть им полезным, меня стали использовать. Я решал всем контрольные работы по математике, по другим точным наукам. В общем, это помогло мне как-то закрепиться в коллективе. По крайней мере, обижать меня стали меньше. Но настоящих отношений, не то, что дружеских, а даже приятельских, ни с кем не было.

Я вообще был слабый. Самый младший в классе, самый маленький, самый хилый. Помню, когда мне было лет восемь, отец пытался приобщить меня к спорту, отвёл в спортивную школу, в секцию борьбы. Правда, хватило меня только на одно занятие. Просто я сразу понял, что никогда не буду там первым. Я был маленький, слабый, а там были такие здоровые упитанные дылды, что я понял – здесь мне не светит. А я не могу быть вторым. Знаете, это, наверно, самый главный мой двигатель в жизни – я не могу быть вторым. Физически не могу. Когда-то, в классе четвёртом или пятом, я участвовал в районной олимпиаде по математике. Там были дети намного старше меня, и я занял второе место. Это сейчас я понимаю, что в тех условиях второе место – это большой успех. А тогда я был просто в ярости. Убежал с награждения, а когда мать принесла домой мою грамоту за второе место, порвал эту грамоту на мелкие клочки. Меня взбесило именно то, что я был вторым, а не первым. Потом я как-то услышал одну фразу, слоган такой, что-то вроде девиза: «Ты не выиграл серебро – ты проиграл золото!» Вот это – про меня. Я всегда считал второе место поражением.

Наверно, потому и не стал заниматься спортом. После неудачи с борьбой отец отвёл меня на плавание. Там была не спортивная группа, а оздоровительная, никто ни с кем не соревновался, так что мне там понравилось. Но оттуда я тоже ушёл. Почему? А просто надоело. Ну, хорошо, хорошо, расскажу честно...

Там была такая бабка, вахтерша или что-то вроде того – сидела при входе в бассейн и проверяла у детей, чисто ли вымыты ноги. Ну, то есть заходишь, и показываешь ей ступни. Если чистые – проходи, если нет – возвращайся назад, в душевую, и отмывай. Я через эту бабку всегда без проблем проходил. Вы знаете, у меня с детства какой-то пунктик был насчёт чистоты. Я и руки с мылом сам всегда мыл – не потому что заставляли, а потому что просто не мог взять бутерброд грязными руками. И в одежде грязной не мог ходить – мешало это мне. Я даже когда в общежитии жил – обязательно каждый день душ, свежая рубашка, чистые носки, белье... Парни из общежития потешались надо мной, а я не мог иначе – просто чувствовал себя некомфортно, неуютно...

Так вот, сидит эта бабка на входе в бассейн, и ноги проверяет. Ну, я, как обычно, зашёл, показал ей ступни – и хочу пройти. А она не пускает. Грязные, говорит. Я ей говорю, что я только что мыл их, что они чистые, а она уперлась – и ни в какую. Возвращайся – и всё тут. А мне почему-то так обидно показалось возвращаться! Вроде как унизила она меня. В общем, я тоже уперся: не пойду – и всё! Ну, слово за слово, в конце концов я развернулся и пошёл домой. Вечером дома такой переполох был! Отец приехал после занятий меня забирать – а меня нет. Он подумал, что я утонул. А я больше в бассейн не ходил. Как вспомню, что надо бабке ступни показывать – так всякое желание пропадает...

Ну вот. В школе у меня по всем предметам только «отлично» было. Правда, по физкультуре я ни одного норматива выполнить не мог, но мне всё равно «отлично» ставили, чтобы общую картину не портить. А в шестом классе я выиграл математический конкурс. Помню, вечером я сидел в

учительской, ждал мать. А на столе лежал журнал, кажется «Математика в школе» или что-то в этом роде. Я его стал листать и наткнулся на объявление о конкурсе. Там надо было решить несколько задачек и начертить график. В общем, для меня это были пустяковые задачки. Я уже тогда увлекался математикой, мать брала мне в библиотеке задачки для вузов, и я оттуда решал задачи. Короче, выиграл я этот конкурс, мать обрадовалась, помню, купила мне тогда программируемый микрокалькулятор, я давно о нём мечтал.

После этого конкурса я познакомился с профессором П.В., он был одним из членов жюри. Он потом стал моим научным руководителем в университете. Профессор присылал мне задания по почте, я участвовал в разных конкурсах, олимпиадах, занимался с двумя репетиторами, короче, свободного времени почти не было.

С одноклассниками отношения у меня так и не сложились. Меня по-прежнему активно использовали на контрольных для списывания, но в компании не звали. Да, в общем-то, я уже к тому времени привык к одиночеству и мне оно даже нравилось. Всё-таки я вырос, и у меня появились собственные интересы, и собственные увлечения.

Мои фантазии к тому времени тоже сильно «выросли». Я уже не «мочил» своих врагов из пулемета и не давил их танками. Главной целью моих фантазий теперь стало не наказывать моих врагов или людей, которые меня обидели. Для меня намного более важным стало придумать себе такой мир, в котором я мог бы укрыться, спрятаться, где бы мне было уютно и хорошо. Но это сейчас я так подробно и критически рассуждаю, оглядываясь назад, а тогда я об этом не задумывался. Просто в один прекрасный день я понял, что у меня должно быть такое место, куда я мог бы уходить, когда захочу. И это место должно быть таким, каким я хотел бы его видеть. А поскольку в обычной реальности такого места не было, мне ничего не оставалось, как придумать его.

Так у меня появился свой мир. Свой собственный мир. И я сделал его таким, каким сам хотел. К тому времени я

так поднаторел в фантазировании, что мог усилием воли вызвать в воображении любую картину, какую угодно, причем видел её так же ярко и реалистично, как и обычную реальность. И самое главное, по крайней мере, для меня, доказательство того, что мой виртуальный мир был на самом деле реальным – то, что я, находясь в нём испытывал те же самые эмоции, что и в обычном мире, и с той же силой: радость, счастье, печаль, надежду... Я так же сильно радовался удачам и переживал неудачи в том, виртуальном мире, как и в этом, реальном. Он не был статичным, этот мир. Он не стоял на месте. Он развивался, он двигался, он жил своей жизнью, не менее, а даже более интересной, чем обычный мир. Там происходили события, и не только радостные. Там тоже были грусть, печаль, разочарования. И даже смерть.

Там жили люди. Такие же, как и в нашем мире, но не совсем такие. Кроме людей там жили другие существа: животные, и другие создания, которых нет в нашем мире. Постепенно мой мир разрастался, обрастал всё новыми и новыми подробностями, становился всё детальнее, и в конце концов достиг такого совершенства, что ни в чём не уступал обычному миру. Пожалуй, он воспринимался мною более ярко, реалистично, чем реальный мир. Думаю, всё дело в том, что мой виртуальный мир был для меня намного привлекательнее, чем реальный...

А ещё я придумал себе город. Этот город был похож на наш, и в то же время был совсем другим. Это было мой город. Я жил в нём. Там у меня был дом, были родители – отец и мать, они любили меня, и я любил их. Наверно, в той, придуманной семье я получал всё то, чего у меня не было в моей обычной семье. Те родители любили меня, относились ко мне с теплотой и пониманием, никогда не ругали, не били меня. Наверно, не ошибусь, если скажу, что они были для меня важнее, чем моя семья...

Каждый день я уходил в этот город. Я общался с его жителями, участвовал во всяких событиях, приключениях,

причем бывало, что эти приключения занимали несколько месяцев, как в многосерийном фильме...

Знаете, впоследствии я много раз испытывал ощущение уже виденного, дежа вю. Особенно в последний год. Временами я был почти уверен, что всё, что происходило со мной, я уже когда-то переживал. И вернее всего – в детстве, в своих фантазиях.

Конечно, в том городе у меня были друзья. Я помню их всех, и все они мне очень дороги. Сейчас, когда я думаю о них, меня переполняет нежность. Это похоже на то, как будто вспоминаешь о своих старых любимых игрушках, и испытываешь ощущение теплоты...

А в подростковом возрасте, где-то лет с тринадцати-четырнадцати, к этому добавились сексуальные фантазии. Я представлял себе тех девочек, которые мне нравились. Но если в реальном мире они смеялись надо мной и шарахались от меня, то в мире фантазий они были абсолютно покорны моей воле. Они делали всё, что я хотел... То, чего мне так не хватало в реальном мире, мне давал мир виртуальный, мир моих фантазий.

А время шло, и наконец тоскливые и горькие для меня школьные годы закончились. В выпускных классах появилось ощущение предстоящей свободы. Это было такое пьянящее чувство! Я тогда не знал, что свобода – это так же опасно, как и приятно. Я хотел тогда только одного – вырваться из дома, и жить своей жизнью. Я хотел свободы...»

Людмила Александровна, мать Дениса:

«...Я думаю, Денис очень привязан ко мне. Знаете, это проявлялось с самого раннего детства. Помню, веду его как-то в детский сад, а он всё канючит: «Мама, когда ты меня забереешь? Ну когда ты меня забереешь?» Очень меня любил, хотя и стеснялся этого, особенно когда повзрослел. В общем, он больше в меня характером пошёл, чем в отца. Я

тоже довольно закрытый человек, не слишком общительна. А Денис так вообще молчун и бука.

Конечно, он сейчас уже не тот милый малыш, что был в детстве, но всё-таки он по-прежнему зависим от меня. Мне кажется, это не совсем нормально, но что же делать?..

Я старалась не баловать его. Это отец во всём ему потакал, а я считаю, что нельзя идти на поводу у ребёнка и выполнять все его прихоти. Я старалась ограничивать его в желаниях. Например, был такой период – Денису было два года – когда он вдруг начал проситься на руки. До этого наоборот, старался сам ходить, даже когда я его пыталась за руку взять, отдергивал её – сам да сам, а тут вдруг плачет, просится на руки – и всё тут. Но я, конечно, не стала ему потакать. Старалась объяснить, что он уже большой мальчик, что должен сам ходить, что у мамы руки будут болеть от него. Какое-то время он покапризничал, а потом всё прошло. Он вообще был послушным ребёнком, хотя и очень стеснительным.

Жестокость? Нет, Денис никогда не был жестоким. Скорее, наоборот, он слишком многое прощал. Я думаю, он чересчур мягкий и уступчивый...

Да, я всегда была в курсе его дел. Я считаю, что это нормально. Мать должна следить за своим ребёнком и не позволять ему делать то, что не следует. Свобода? Какая может быть свобода у четырнадцати-пятнадцатилетнего мальчика? Что он знает о жизни? Конечно, я старалась всегда узнать, что происходит с Денисом, чем он живет, что читает, о чем думает. Это было совсем нелегко, поверьте. Денис очень скрытный мальчик и добиться от него чего-либо очень сложно. Но мне он рассказывал о своих делах. Делился ли он своими переживаниями? Да, конечно! Вспомнить что-нибудь для примера? Ну-у-у... Знаете, как-то сложно вот так, с ходу... Я даже сейчас и не вспомню. Нет, как-то не приходит на ум ничего... Но он делился со мной, я вам точно говорю!

Я не знаю, к чему вы клоните, но могу вам сказать, что я любила Дениса и всегда переживала за него. Когда

он уехал учиться в столицу, я просто места себе не находила. Огромный город, столько опасностей. Да одно общежитие чего стоит! Я сама жила в общежитии, знаю, что это такое. А ведь это было ещё в советские времена, когда и мораль была не та, и люди совсем другие! А нынешняя молодежь как будто с цепи сорвалась. Вы посмотрите, что они вытворяют!..

Он там нашёл себе какого-то приятеля, не помню точно, как его звали. Я его один раз только видела – типичный хулиган и прогульщик. А Денис прямо вцепился в него. Куда он – туда и Денис. Уж не знаю, чем он ему голову вскружил! Я Денису сколько раз говорила: «Денис, опомнись! Посмотри на себя! Над тобой же смеются все! Ходишь за ним, как собачка на привязи! Ты же выше его! Он – ничтожество, ничего из него не получится, а у тебя – такое будущее!» А Денис вдруг как заорет на меня! Кричал, что я ничего не понимаю, что этот его приятель – замечательный человек, что он – личность, и что он единственный, кто его понимает. Подумать только – единственный! А мать у него на что? Неужели какой-то патлатый неуч лучше поймёт Дениса, чем его мать?! А ещё вокруг этого его приятеля целая компания увивалась. Такие же бездельники и хулиганы, как этот их кумир. В какие-то походы ходили, в горы ездили. Представляю, что они в этих походах вытворяли! Я уверена, что и девка эта, которая Дениса окрутила, из той же компании. В общем, я была категорически против этой дружбы, но Денис вбил себе в голову – и ни в какую. Слава Богу, что этот кошмар закончился!..

Я считаю, что Денис вообще не должен забивать себе голову всякими приятелями и компаниями. Ему нужно в первую очередь закончить образование, найти хорошую работу, с приличным заработком и перспективами. А всё остальное – неважно, всё остальное может подождать...»

Денис:

«В университет я поступил в пятнадцать лет. Как призер международной олимпиады я мог не сдавать экзамены. Да в общем, я давно знал, на каком факультете буду учиться. Профессор П.В. был моим научным руководителем, знал о моих планах, так что никаких сомнений и колебаний не было.

В университете мне понравилось. Учеба мне всегда давалась легко, никаких проблем с успеваемостью не было. Я продолжал исследования под руководством профессора П.В., начал работать над кандидатской диссертацией. Вообще, я очень благодарен П.В. Он так много для меня сделал... Он всегда очень хорошо ко мне относился. Знаете, мне перед ним так неудобно, мне кажется, я обидел его во время последнего разговора...

В общем, университет был тем местом, где я нашёл себя. Мне нравилось учиться, нравилось заниматься наукой, нравилось, что я могу чего-то достичь, чего-то добиться. Я хотел быть нужным, полезным, и университет давал мне такую возможность.

Кроме того, в университете была свобода. Я уехал из нашего города на несколько сот километров. Я смог вырваться из дома, избавиться от опеки матери. Конечно, жить дома комфортнее – и еда приготовлена, и белье постирано, но я всегда спокойно переносил бытовые неудобства и не видел проблемы в том, чтобы постирать себе носки или рубашку, или приготовить еду. Так что я не испытывал никакого особенного дискомфорта от жизни в общежитии. Соседом по комнате у меня был четверокурсник с параллельного факультета, редкостный бабник, который больше времени проводил в койках девушек, чем в своей собственной, что меня вполне устраивало. Я уже говорил, что всегда любил одиночество.

Но университет всё же оставил неизгладимый след в моей жизни. Здесь я встретил человека, который изменил всю мою дальнейшую жизнь. Если вы спросите, кто в моей

жизни оказал на меня наибольшее влияние, я без колебаний скажу – конечно, он. Руслан.

В университете он был всеобщим любимцем. Высокий, спортивный парень (он занимался плаванием, был кандидатом в мастера), весельчак, обязательный участник всех КВНов, студенческих капустников и вечеринок. Девушки ходили за ним толпами. Он всегда был в центре внимания. Его все любили, он был удивительно обаятельным человеком и умел расположить к себе с первого взгляда. Думаю, многие хотели бы, чтобы он был их другом. Но он выбрал меня.

До сих пор не знаю, почему он выбрал именно меня. Я был тогда угрюмым пятнадцатилетним подростком, нелюдимым, замкнутым, переполненным юношескими комплексами, подозрительностью и враждебным отношением к людям. Но он сумел найти ко мне подход. Он вообще очень легко сходился с людьми. У него было удивительное свойство понимать их. Это то, чего мне всегда не хватало. Я очень плохо понимаю людей. Это правда. Много раз бывало, что я попадал в глупые ситуации из-за того, что мог ляпнуть что-нибудь невпопад или, например, рассмеяться, когда все вокруг серьезные и насупленные.

Руслан был особенным человеком. Я никогда раньше не встречал таких людей. Он был очень общительным. У него было множество приятелей, знакомых, товарищей. Он очень нравился людям. Его обаяние способно было покорить любого. Его все любили. Но настоящий друг, с которым он был по-настоящему откровенен, у него был только один – я.

Мы часто разговаривали с ним. Он очень многому научил меня. Пожалуй, справедливо будет сказать, что он научил меня жить.

Он был для меня больше чем другом. Он был моим старшим братом. Он был старше на четыре года. Ему было столько, сколько мне сейчас. Знаете, я думаю, это не случайно, что всё это со мной произошло именно в девятнадцать. Я повторяю судьбу Руслана. Руслан понимал меня, и я думаю,

он смог бы сейчас помочь мне. Я уверен, что он всё понял бы и смог объяснить.

Руслан дал мне то, чего не дала мне моя семья, мои одноклассники, мои знакомые. До сих пор я жил в замкнутом убогом мирке: школа – дом, дом – школа. Всю свою жизнь, все пятнадцать лет я провел в маленьком захолустном городке, где все друг друга знают, где жизнь изо дня в день проходит одинаково, очень просто и без затей.

А Руслан открыл передо мной огромный и яркий мир. Он просто вырвал меня из моего унылого серого тесного мирка и вбросил в потрясающий, ослепительный и оглушительный мир настоящей жизни.

Руслан открыл для меня столицу. Я стал ходить с ним на вечеринки, дискотеки, пати, тусовки. Вы не поверите, но до этого я ни разу в жизни не был на дискотеке! И самое странное, что эта новая жизнь мне очень понравилась! До этого я терпеть не мог всяких компаний, сборищ и тому подобного. И друзей у меня не было. Я просто боялся людей. А тут вдруг я стал замечать, что с нетерпением жду вечера – скорей бы в компанию, к друзьям, к людям. Думаю, тут всё дело в Руслане. Он мог показать мир с такой стороны, что мне становилось интересно, мне это начинало нравиться. Даже в шумных компаниях (а наши компании были действительно шумными) я чувствовал себя в своей тарелке.

Это был какой-то невероятный калейдоскоп впечатлений, ощущений, переживаний. Я был потрясен, шокирован, захвачен новой жизнью. Мир оказался совсем не таким, каким я его представлял! Он был не враждебный, тесный, серый и убогий, а яркий, интересный и приятный. И самое главное – этот мир оказался готов принять меня. Этот мир любил меня. Все люди, с которыми я там встречался, любили меня, относились ко мне с заботой и вниманием. Это было так ново и так прекрасно! Знаете, они так трогательно заботились обо мне! Я был самым младшим в компании, и все относились ко мне как к младшему, старались как-то помочь, поддержать меня, научить чему-то. Они никогда не

смеялись надо мной и никогда не дразнили меня. Они искренне любили меня. И для меня это было ново и важно.

На меня стали обращать внимание девушки. Это было для меня неожиданно и очень приятно. На одной из вечеринок, куда меня привел Руслан, я познакомился с Таней. В общем, она хорошая девушка, и не её вина, что у нас с ней не сложилось. Может, это даже к лучшему. Она найдёт себе нормального парня, не психа... Ладно, ладно, не буду!..

В общем, эта моя новая жизнь, мои новые друзья очень нравились мне и были очень важны для меня и нужны мне. Но главным для меня всё-таки был Руслан. Он был замечательным человеком и очень, очень многому меня научил. Но дело даже не в этом. Он понимал меня. Он был единственным человеком на свете, с которым я мог говорить совершенно свободно и откровенно обо всём, что меня волновало. Он понимал меня, и старался помочь мне. И у него это всегда получалось. Руслан умел всё объяснить, всё расставить по местам, во всём разобраться. Он мог выслушать тебя и сказать всего одну фразу, но это была именно та фраза, которая тебе нужна. Я не знаю, как у него это получалось. Никогда – ни до, ни после него я не встречал таких людей. Наверно, это такой талант, редкий дар – дарить счастье людям. К сожалению, расплата за это слишком жестока...

Руслан часто приходил к нам в общежитие (он был городской, жил с родителями и младшей сестрой). Пару раз я бывал у него дома. Семью его я помню смутно, единственное, что запало в память – его мать всё время пыталась меня накормить. Как только я приходил, меня сразу тащили за стол. У меня тогда, наверно, и впрямь был голодный вид...

Когда Руслан приходил к нам в общагу, мы слушали музыку и разговаривали. Обо всём – о жизни, о смерти, о любви, о ненависти, о женщинах, даже о математике. Он учился на другом факультете, и к математике никакого отношения не имел. Но когда я увлекался и начинал рассказывать о своих математических работах, он внимательно слушал и никогда не перебивал. Знаете, я почему-то уве-

рен, что он понимал всё, о чем я ему говорю, хотя я говорил о вещах малодоступных даже специалистам. А Руслан, мне кажется, мог понять практически всё...

Он научил меня разбираться в музыке. Я начал интересоваться разными стилями, собирать фонотеку. До этого я был совершенно равнодушен к музыке. Помню, в школе меня хотели освободить от уроков пения – учительница говорила, что мне на ухо наступил даже не слон, а гигантский доисторический мамонт. Мне ставили «отлично» по пению только чтобы не портить идеальную картину отличника-вундеркинда. В общем, если бы мне кто-то сказал, что я буду любить музыку, я бы решил, что он бредит. А Руслан сделал это очень легко, естественно, без напруга; я и сам не заметил, как стал завзятым меломаном. Помню, когда я приехал домой на каникулы и привез огромную кипу дисков с записями, мать едва не упала в обморок от удивления.

Руслан и сам неплохо играл на гитаре, на фортепиано. Кажется, он говорил, что окончил музыкальную школу. Во всяком случае, в музыке он разбирался превосходно.

От Руслана я впервые услышал названия музыкальных стилей, фамилии исполнителей. Мы слушали всякую музыку – от классики до трэша, и в каждом произведении Руслан умел находить что-то интересное, значимое. Он вообще умел сделать интересными даже обыденные вещи...

В общем, Руслан был для меня всем. Я очень любил его. Любил как старшего брата, может быть, даже как отца. Я ведь фактически рос без отца, и Руслан в какой-то мере заменил мне его. Знаете, я ведь его жутко ревновал. Ко всем. К девушкам, которые постоянно вокруг него крутились, к его приятелям, которые вечно отвлекали его какими-то дурацкими проблемами, к его товарищам по команде КВН, короче – ко всем. Но он не обижался. Он умел как-то так легко выходить из любой ситуации, без конфликта, без ссоры – просто скажет две-три фразы, и сразу всем становится легко и хорошо.

Он был нужен мне как воздух, как сама жизнь. Сейчас я думаю, что я тоже был нужен ему. Думаю, он хотел кому-

то передать своё ощущение мира, свой стиль жизни, свою философию. Наверно, он предчувствовал свою судьбу.

И еще. Руслан был единственным человеком, который знал о моей тайне.

Кстати, я заметил тогда одну очень интересную вещь. После знакомства с Русланом я перестал фантазировать. Внезапно, как будто отрезало. За всё время, пока рядом со мной был Руслан, я ни разу не вспомнил о своих фантазиях. Меня просто не тянуло к выдуманному миру. Мне было хорошо в реальном мире. Я был счастлив.

Осенью и весной на выходные мы всей компанией ходили в походы за город. Руслан знал потрясающие места. Я даже не предполагал, что совсем рядом с огромным мегаполисом есть такие островки почти нетронутой природы. А Руслан знал. Он вообще умел видеть красоту во всём...

А летом мы все вместе поехали в заповедник на целую неделю. Взяли палатки, продукты, концентраты, пиво, и целую неделю жили посреди дикой природы. Это было потрясающе! Знаете, я вообще-то домосед, не люблю далеко уезжать, но эту поездку я запомнил на всю жизнь. Это действительно потрясающе – когда утром ты просыпаешься, выглядываешь из палатки – а прямо перед тобой над мокрым от росы лугом встает огромное, ярко-красное солнце! Вокруг лес, деревья, впереди – луг, и во всём мире вас только двое – ты и солнце!..

Это было самое счастливое время в моей жизни. Всё было замечательно. У меня всё получалось. Я был просто счастлив...»

Профессор П.В., научный руководитель Дениса:

«...Здравствуйте! Как здоровье Дениса?.. Я очень рад, что ему лучше...

Знаете, я всё время думаю о нашем разговоре, пытаюсь понять, почему с Денисом это произошло. Я вспомнил кое-какие подробности, возможно, они будут для вас важны.

Я уже говорил вам, что Денис участвовал в математическом конкурсе и блестяще победил в нем. Так вот, накануне его отъезда домой – это было сразу после конкурса, после первого курса, у нас с ним состоялся разговор.

Разговор этот был каким-то скомканным – Денис спешил на вокзал, у него уже был билет на поезд. Мы перебросились несколькими ничего не значащими фразами. Я просил Дениса не забрасывать летом работу над диссертацией и периодически позванивать мне. Сказал, чтобы он не переутомлялся, хорошо отдохнул, потому что на втором курсе нас ждут большие бои. Денис засмеялся и ответил, что будет стараться – отдыхать будет изо всех сил, а работать – когда захочет отдохнуть от отдыха. Ещё он сказал, что собирается с друзьями куда-то в заповедник, в горы; я велел ему быть осторожным, особенно в горах, и не рисковать попусту. Он опять засмеялся и сказал, что при нём будет строгая гувернантка – очевидно, имел в виду девушку, с которой тогда встречался, Таню К. Хорошая девушка, она тоже у меня училась... А потом Денис вдруг обронил странную фразу. Я сейчас не могу вспомнить дословно, но звучало это примерно так: «После того, что произошло в цеху, меня будут охранять как золотое яйцо. Я им ещё понадобится». Это звучало как-то странно, пугающе, я ещё переспросил, что это за цех, и кто – они? А Денис засмеялся, и заторопился на вокзал – у него оставалось совсем немного времени... Вы не знаете, что это за цех? Может, Денис где-то подрабатывал? Но я бы наверняка об этом знал. Может, у него были какие-то знакомые на производстве? Возможно, причина его заболевания кроется в этом? Не знаю... Но думаю, что Денис сможет вам это объяснить...

Как он? Положение достаточно серьезно, но надежда есть?.. Бедный мальчик, столько всего пережить! Пожалуйста, сделайте всё, что возможно! Поймите, это уникальный талант. Да, я помню, я уже говорил об этом... Но поймите, Денис мне очень близок, он мне как родной! Может, есть смысл перевести его в столичную клинику? Нет, я не сомневаюсь в ваших воз-

можностях, просто хочется что-то сделать для Дениса... А какими препаратами его лечат? Самыми лучшими? Простите, я наверно, задаю глупые вопросы. Просто я очень волнуюсь за него... До свидания. Передавайте привет Денису. Пусть скорее выздоравливает...»

Денис:

«...Первый и второй курсы университета были самым замечательным временем моей жизни. Я был действительно счастлив. У меня всё получалось. Когда я учился на первом курсе, был объявлен математический конкурс, достаточно престижный и рейтинговый. Задание на конкурс было вынесено оригинальное – надо было не просто найти решение задачи, но и предложить саму задачу. Причем баллы начислялись не только за оригинальность и изящество решения, но и за качество самой задачи. Я выбрал задачу из области теории множеств, касающуюся бесконечных величин. Это одна из самых сложных, но и самых важных проблем математики. Собственно, даже в подходах к познанию бесконечности сегодня нет единства. Многие даже полагают проблему бесконечности неразрешимой. Естественно, в рамках конкурсной задачи я не мог объять необъятное, поэтому сосредоточился на решении конкретной проблемы. Это была невероятно интересная, но и довольно сложная задача. Требовалось не просто суммировать имеющиеся данные и сделать компиляцию, требовалось принципиально новое решение и принципиально новый взгляд на проблему.

Сказать, что я долго бился над решением этой задачи – это не сказать ничего. Несколько месяцев я не мог думать ни о чем, кроме этой проклятой задачи. Я перепробовал все варианты. Я крутился вокруг решения как кот вокруг сметаны, но задача никак не давалась мне. Я чувствовал, что я где-то рядом, совсем рядом с решением. Это было такое ощущение... Как бы вам объяснить... Ощущение огромного гранитного шара, вокруг которого ты ходишь, пытаясь его

укусить. Ты понимаешь, что это невозможно – ты просто обломаешь себе все зубы. Но ты знаешь, что где-то на поверхности шара есть маленькая трещинка, почти незаметная; ткни в неё – и шар рассыплется на мелкие кусочки. Но как найти эту трещинку? Я перепробовал всё – но без толку.

А между тем приближался срок сдачи заданий на конкурс. Мы уже подали заявку и отступить было некуда. Мой научный руководитель уговаривал меня отказаться от задуманного и придумать задание попроще. Над нами нависла угроза завалить участие в конкурсе, и с каждым днём эта угроза становилась всё более реальной, а я по-прежнему бился над решением своей задачи, и никак не мог её решить. Наконец наступил такой момент, когда я уже не мог думать ни о чем, кроме этой чертовой задачи. Это было какое-то странное состояние полусна-полуреальности, в котором я видел всё вокруг как бы в тумане, а перед глазами у меня всё время стояли уравнения из моей задачи. Я не мог спать. Кажется, я не спал две или три ночи подряд. И когда я уже был уверен, что мне придётся с позором отказаться от своей задумки и признать, что я бездарь и ничтожество, произошло это...

Я очень хорошо помню всё, что тогда происходило, до мельчайших деталей. Было часов восемь вечера, я лежал на кровати и пытался сосредоточиться на решении задачи, с каждой минутой понимая, что я ухожу всё дальше и дальше от этого решения. И вдруг я почувствовал... Я не могу описать это ощущение... Как будто у меня в голове возникла мысль! Понимаете, не так, будто я сам эту мысль родил, а как будто её вложили мне в голову уже готовой. Точнее, это была не мысль, а импульс. Я понял, что должен встать, одеться и идти к метро. Я не знал, зачем – знал только, что должен. Я даже приблизительно не представлял себе, что буду делать потом, когда войду в метро, но точно знал, что пойду туда. Просто не смогу не пойти. То есть, я даже не рассматривал такой вариант – не пойти. Это было как какая-то команда, которой ты не можешь не подчиниться...

Я вскочил и стал одеваться. Мой сосед очень удивился и спросил, куда это я собрался на ночь глядя. Помню, я отмахнулся и ответил первое, что на ум пришло – мне надо в магазин, что-то купить. Сосед пытался ещё что-то сказать, но я уже выскочил из комнаты.

Я бежал к метро. Помню странное ощущение лёгкого головокружения и звона в голове, похожее на приятное опьянение. Я понимал, что сегодня должно произойти что-то важное, очень важное для меня. На улице было довольно холодно, шёл снег, но я не замечал ни холода, ни мокрых снежинок. Только фонари мелькали по сторонам, как какие-то загадочные сигналы. Я добежал до метро и стал бегом спускаться по эскалатору. Я бежал и думал: а что же мне делать дальше? Ведь у меня не было ни малейшего представления, куда и зачем я бегу. В тот момент, когда я ступил на платформу, в голове появился новый импульс: сесть в поезд по правой стороне и ехать четыре станции.

Как только я повернул за колонну, тут же появился поезд, чему я не удивился. Я вскочил в последний вагон и приткнулся возле кабины. Вагон был полупустой, но я не хотел садиться – я был слишком возбужден.

На четвёртой станции я вышел из метро и увидел на площади большой супермаркет. Следующий импульс был войти в супермаркет и сделать покупки. Я просто шёл по залу, а внутренний голос говорил мне: возьми сухари, возьми консервы, возьми воду... Я говорю «внутренний голос», хотя на самом деле это не было голосом. По крайней мере, я его не слышал. Это было скорее внутреннее ощущение, побуждение, импульс, что надо совершить то или иное действие.

Так я прошёл через весь магазин, купил сухари, консервы, колбасу, сыр, воду, зажигалку, большой альбом для рисования и два фломастера. Зачем нужны альбом и фломастеры, и почему именно два – я тогда не понимал. Но знал, что так надо.

Как только я вышел из магазина, последовал импульс – спуститься в метро и ехать на вокзал. Я спустился

в метро. Через полминуты подъехал поезд, но я пропустил его: импульс приказал мне не садиться, а ждать, пока появится красный поезд. Я очень удивился: как это – красный поезд? Ведь поезда в метро синие? Тем не менее я подчинился и стал ждать. Первый поезд уехал, прошло несколько минут и вдруг из тоннеля показался поезд. Он был красный! Он действительно был красного цвета – знаете, есть такие поезда, оклеенные рекламой, кажется, кофе или ещё чего-то. Клянусь, я раньше никогда не видел таких поездов и не знал, что они существуют. Самое странное, что я тогда совершенно не удивился. Я воспринял всё как само собой разумеющееся.

Я сел в этот красный поезд (импульс подсказал, что я должен ехать в последнем вагоне). Этот вагон оказался почти пустым, хотя в других вагонах были люди. Я устроился на лавке и стал смотреть в окно. Мимо проносились чёрные стены тоннеля, изредка мелькали фонари, и в этот момент меня охватило предчувствие чего-то великого, невероятного, такого, чего никогда раньше со мной не было. Это было необычайно приятное ощущение, но в то же время пугающее – как будто ты переступаешь какую-то черту, после которой назад уже хода нет.

Поезд въехал на мою станцию, двери открылись, надо было выходить, а я всё сидел. Я понимал, что как только сделаю шаг – возврата уже не будет. В динамиках прозвучало: «Осторожно, двери закрываются!», и в этот момент я рванул с места и выскочил на платформу. За моей спиной захлопнулись двери, поезд с воем покотился в тоннель, а я стоял на перроне и не мог решиться. Это была настоящая борьба – с одной стороны импульс, с другой – какой-то внутренний страх, не позволяющий сдвинуться с места. Но тут я вспомнил про конкурс, про нерешённую задачу, и тут же внутренний страх куда-то пропал, остался только импульс, и я пошагал к эскалатору.

Я вышел из метро и направился к вокзалу. Я не знал, куда я иду и зачем, знал только, что надо идти.

У касс было много народу – там надо было стоять часа два, не меньше. Я подошёл к закрытому окошку, занавешенному шторой, возле которого никого не было. Ровно через десять секунд штора откинулась, окошко открылось и девушка-кассир спросила, куда мне надо билет. Я на минуту замялся – я не знал, куда мне ехать. Сзади напирала толпа, перебежавшая от других касс, народ нервничал, а я стоял и не мог выговорить ни слова. И вдруг в моей голове как будто щелкнуло и появилось слово: «Калиновка». Я автоматически, не задумываясь, повторил: «Калиновка». Кассирша что-то спросила, кажется: «На ближайший?», я кивнул, дал ей деньги и студенческий, а она протянула мне билет.

До поезда оставалось около часа, и я вышел на привокзальную площадь. Внутренний импульс молчал, но я знал, что он здесь, что он постоянно присутствует и когда надо будет, проявит себя. Я походил немного по вокзалу, постоял на перроне, а минут за десять до отхода сел в вагон.

Моим соседом по купе оказался какой-то милицейский начальник. Это показалось мне хорошим предзнаменованием. Я почему-то подумал, что раз он милиционер, значит, мы приедем туда, куда нужно. Мы поговорили с ним. Он сказал, что едет в Одессу к сыну, я спросил, как зовут сына, он ответил – Денис. Я обрадовался и сказал, что я тоже Денис. Мы поужинали, он угостил меня домашней курицей, вкусными пирожками и печеной картошкой. Потом мы стали устраиваться на ночь, время было уже позднее. Милиционер стал стелить постель, а я, чтобы не мешать ему, вышел в тамбур.

Мы ехали в первом вагоне, а перед нашим вагоном был электровоз. Знаете, такой темно-красный, с овальными фарами и кабинами на две стороны. В окошко тамбурной двери было хорошо видно, как он подпрыгивает и качается на рельсах. Я стал смотреть на этот электровоз, и вдруг меня охватил какой-то жуткий страх. Почему-то мне показалось, что электровоз живой, что он злой и жестокий, что он везет нас куда-то в неведомые края, в свои владения, и хочет сде-

лать с нами что-то страшное, чудовищное. Мне показалось, что вместо кабины у него гигантская морда, вместо фар – глаза, и что он смотрит на меня. Мне было так жутко, так страшно, а электровоз прыгал и раскачивался, совсем как живой. Я не мог пошевелиться; я стоял как будто загнипнотизированный и смотрел на электровоз, а электровоз смотрел на меня. Потом мне стало казаться, что он улыбается. И улыбка у него была какая-то жуткая, хищная. Я дрожал от страха, видя эту улыбку.

В этот момент дверь тамбура открылась, и вошёл какой-то мужик с сигаретой. Помню, я попросил у него сигарету, хотя не курил. Он дал мне сигарету, я закурил и закашлялся. Мужик что-то спрашивал у меня, но я его не слышал. В голове стучала одна мысль: «Мы все едем в никуда»... Я выбросил сигарету и вышел из тамбура.

Мой сосед уже спал, в купе было темно. Но я даже подумать не мог о том, чтобы уснуть. Это было совершенно невозможно. Я не смог бы даже прилечь, так я был возбужден и напуган.

В это время поезд вдруг стал замедлять ход и вскоре остановился. Это была не станция, а техническая остановка, наверно, мы кого-то пропускали.

Я схватил свои вещи, куртку и выскочил в посадочный тамбур. К счастью, там никого не было. Я открыл дверь и выпрыгнул на землю. Там было довольно высоко, и откос был крутой, так что я кувыркался с него метров десять. К счастью, я ничего не сломал и не подвернул. Я встал, отряхнулся, собрал разбросанные вещи и огляделся.

Вверху, на насыпи, стоял поезд. В некоторых вагонах ещё горел свет, видно было, как по коридорам ходят люди, а я стоял и смотрел на них, и думал: «Они все едут в смерть»...

Поезд вскоре тронулся, и через несколько минут исчез в темноте, а я остался стоять на насыпи. Потом вылез на шпалы и осмотрелся.

Это была какая-то очень дальняя окраина, вроде промышленной зоны. Справа, за редкими посадками, видне-

лись какие-то постройки, типа заводских корпусов или ангаров. Слева от насыпи темнел лес.

Я стоял в раздумьях. Куда мне идти? Что теперь делать? До ближайшей станции несколько километров, вокруг ночь, темнота, я в совершенно незнакомом месте, и даже не знаю, как оно называется. Я подумал, что надо позвонить Руслану, рассказать, что со мной произошло и спросить, что мне делать. Я даже успел вытащить телефон, и в этот момент снова появился импульс: надо идти через поле к постройкам.

Я отключил телефон (так велел импульс) и пошagal через поле. Было довольно холодно, я думаю, градусов пять мороза, не меньше, дул сильный ветер, но снег перестал идти. Вообще-то я не мёрз: во-первых, я тепло оделся: меховая куртка, толстый свитер, тёплая рубашка, зимние ботинки, шапка; а во-вторых, на меня опять нахлынуло возбуждение. Но это был уже не страх, а приятное волнение. Я ощущал, что вот-вот произойдёт то важное и радостное событие, ради которого я здесь нахожусь.

Идти пришлось довольно долго, около часа. Когда я подошёл к строениям совсем близко, оказалось, что это какой-то недостроенный завод. Там были несколько больших цехов – только стены и крыша, был небольшой сарайчик, видимо, для строителей, тоже давно заброшенный, и огромные кучи каких-то бетонных конструкций, сваленных где попало. Надо было смотреть в оба, чтобы не свернуть в темноте шею, и я стал осторожно пробираться через эти завалы. Импульс вёл меня к пустому цеху на окраине территории.

Я вошёл в цех и огляделся. Это было большое, метров пятьдесят на тридцать, помещение. Торцевая стена была белая, гладкая, а боковые заняты окнами. В пустых проемах не было стекол. Вообще, этот цех производил довольно гнетущее впечатление.

Стало холодно, и я решил пойти поискать каких-нибудь дров, чтобы развести костер. На территории я нашёл множество деревянных ящиков, так что дров было с избыт-

ком. Проблема в том, что все они были сырые, и гореть не хотели. В конце концов, облазив всю территорию, я нашёл более-менее сухой ящик, стоявший у стены одного из цехов. Я разломал его на мелкие щепки, и стал искать, чем бы разжечь их. Зажигалка у меня была, я купил её в супермаркете, но нужна была бумага. У меня был с собой альбом, тоже купленный в супермаркете, но я почему-то знал, что его трогать нельзя. От отчаяния я стал рыться в рюкзаке, и вдруг наткнулся на тетрадь. Как она туда попала – понятия не имею, я точно помню, что когда собирался, не брал её с собой. Но тем не менее она там была. Это была моя рабочая тетрадь, в которой я записывал свои наработки к конкурсной задаче. Здоровенная, толстая такая, в клеенчатой обложке. Там была куча всяких записей – в общем, довольно ценных: схемы, формулы, графики, но в тот момент я был абсолютно уверен, что всё это – ерунда, что всё это неправильно, и что единственное предназначение этой тетради – пойти на растопку моего костра. Я разорвал её (причем в тетради оставалось ещё несколько чистых страниц, но я начал рвать её с начала, как раз там, где были записи), и разжег костер.

Постепенно я согрелся и задремал. От костра исходило тепло, а я устал, замёрз и к тому же долгое время не спал. Я начал засыпать, но вместо сна внезапно провалился в какое-то странное состояние. Это было не похоже на сон – глаза мои были открыты, и я видел костер, видел стены цеха, видел черное небо в проемах окон...

Вдруг прямо передо мной вспыхнула цифра «0», и я отчётливо услышал: «Ноль!» Цифра была ярко-зеленая, она горела и искрилась, как неоновая. Это продолжалось какую-то долю секунды, потом ноль исчез и вспыхнула другая цифра – «Четыре!». Четверка была рубиново-красная, огненная. Потом ещё одна – «Одиннадцать!» А потом цифры стали вспыхивать и исчезать сразу по нескольку штук. Все они были разного цвета – синие, желтые, зеленые, красные, и каждая цифра сопровождалась голосом, который её проговаривал. Это был обычный человеческий голос, правда,

звучал он не снаружи, а внутри, как бы в моей голове. Я смотрел на вспыхивающие цифры, как замороженный. Меня охватило такое волнение, такая радость!.. Я понял, что числа решили дать для меня какое-то представление со смыслом, что это всё неслучайно, что в этом есть какое-то скрытое, глубинное значение, и я вот-вот пойму его.

А потом числа стали разговаривать со мной. Это было потрясающе! Каждое число имело свой голос, и говорило отдельно от других, но я мог слышать их всех одновременно, и при этом понимал, что говорит каждое из них, и не путался.

Так продолжалось какое-то время, я затрудняюсь определить точно, сколько именно. Ощущение времени стерлось, ушло, я как будто был вне времени. Это была бесконечность в её временном выражении, когда одна секунда значит ровно столько же, сколько миллиард лет.

А потом цифры внезапно пропали. Я растерялся. Это было так неожиданно! Я стал вертеть головой по сторонам, ища пропавшие цифры, и вдруг увидел, что белая бетонная стена цеха исписана формулами и уравнениями.

Я подошёл ближе – и обомлел. Это было решение моей задачи. Причем решение такое красивое, элегантное и неожиданное, что я абсолютно уверен, даже сейчас – сам я никогда бы до такого не додумался.

Я схватил альбом (вот зачем он был нужен!) и фломастером стал переписывать формулы со стены (именно фломастером, потому что паста или чернила в ручке просто замёрзли бы от мороза!). Я дошёл до половины решения, когда фломастер вдруг перестал писать. Я выбросил его и схватил второй. Как только я записал последнее выражение и поставил точку, я почувствовал, что теряю сознание.

Что было потом, я не помню. Я очнулся днем, на часах была половина третьего. Сначала я не мог понять, что это за место, и как я попал сюда, а потом увидел альбом, и сразу всё вспомнил. Можете представить себе, с какой дрожью я открывал альбом. Я ужасно боялся, что всё это мне приснилось – и цифры, и стена, и решение задачи, что сейчас я

открою альбом – а там пустые листы. Но когда я открыл его и увидел, что всё осталось на месте – и графики, и формулы, и объяснения – меня охватило такое ликование, такая эйфория, что я не могу вам передать...

Да, помню, тогда меня поразила одна странность. Я очень хорошо помнил, что выехал из города девятнадцатого вечером. А когда я посмотрел на часы, в окошке календаря стояло «22». Я тогда подумал, что часы сломались, но на мобильном тоже было двадцать второе. Куда делись почти трое суток – понятия не имею. И еще. Часы у меня механические, с автоподзаводом, они идут только, если ты двигаешься. Запас хода у них – сорок часов, это при максимальном сжатии пружины. Если бы я всё это время спал, они бы остановились. А они шли точно, минута в минуту. Значит, всё это время я двигался, ходил. Но куда? Зачем? Совершенно не помню.

Это мне показалось очень странным. Скажу честно, я испугался. Раньше со мной никогда ничего подобного не было. Но этот испуг длился недолго. Главным моим ощущением в тот момент была радость победы, радость от того, что я добился желаемого, решил задачу. Я понимал, что это решение блестяще, и что победа на конкурсе мне гарантирована. Я представлял себе, как приду на кафедру и покажу готовое решение моему научному руководителю. Не напрасно он верил в меня, я всё-таки смог сделать то, что обещал!

И, кроме того, я каким-то краем сознания, скорее даже подсознанием, понимал: это только начало. Впереди у меня ещё более сложные и более интересные цели, и я смогу, я способен их достичь. Радость этого знания так переполняла меня, что я даже не заметил, как прошагал несколько километров до поселка. Там я сел на автобус, доехал до ближайшей железнодорожной станции и вернулся в столицу.

Уже в общежитии, разувшись и сняв носки, я заметил, что приморозил пальцы на ногах. Несколько дней они болели, кожа на ногах облезла, но это всё было неважно. Главное – решение было найдено.

Да, чуть не забыл. Когда я выходил из цеха, то услышал голос. Тоненький такой голос, совсем детский. Голос отчётливо сказал: «Ну всё, теперь он наш!». Я подумал тогда, что мне почудилось, но в дальнейшем всё вышло именно так, как сказал голос...»

Комментарий психиатра:

Из рассказа Дениса стало понятно, что во время своих странствий он перенес первый, довольно яркий приступ шизофрении – шуб. К слову говоря, тяга к бродяжничеству – она называется дромоманией – нередкое явление среди больных шизофренией. Значительная часть бродяг, перемещающихся по стране куда глаза глядят, без денег, без документов, нередко – без ясного представления, куда они дрейфуют – это больные шизофренией¹. Гонимые внутренним импульсом, галлюцинаторными голосами, бредовыми идеями, они совершают сотни поездок, как правило, бесцельных с точки зрения здорового человека. Наверняка каждый из читателей встречал таких людей в электричках и на вокзалах. Денис тоже испытал на себе дромоманический импульс. Как правило, больной не может сопротивляться непреодолимому влечению к путешествиям. Он просто выходит из дому – и отправляется в дорогу. Эта тяга к путешествиям может быть довольно опасной. Больные шизофренией испытывают все тяготы бродяжничества – голод, холод, отсутствие элементарных гигиенических условий и медицинской помощи. Они могут пойти на преступление – как под влиянием галлюцинаций и бреда, так и просто для того, чтобы не умереть с голоду, например, украсть кошелек у пассажира или стащить продукты из магазина. Такие больные составляют также значительную часть «случайных» жертв железнодорожных аварий и происшествий.

1. По данным американских исследователей, не менее четверти всех бездомных составляют больные шизофренией. Аналогичных отечественных исследований мы не нашли, но полагаем, что у нас этот процент вряд ли ниже, чем в США.

Во время приступа больной неадекватен, он не в состоянии верно оценить степень опасности и не может в полной мере заботиться о себе. Поэтому задачей правоохранительных органов на транспорте в отношении таких больных должны быть не преследование и наказание, а помощь и обеспечение соответствующим психиатрическим обследованием и лечением.

Однако вернемся к Денису. Мы уже говорили, что форма шизофрении, которой страдает Денис, называется эпизодической или шубообразной. Приступы шубообразной шизофрении выделяются яркими вспышками на фоне обывденного состояния больного. При шубообразной форме вспышки измененного восприятия возникают внезапно, они резко контрастируют с обычным восприятием, и вызывают у больного сильнейшее потрясение. Вне приступа состояние пациента возвращается в относительную норму, при этом он, как правило, сохраняет в памяти события, связанные с перенесенным приступом. Отношение к болезненным переживаниям может быть различным, но обычно на ранних стадиях болезни пациенты сильно переживают случившееся и пытаются найти ему хоть какое-нибудь разумное объяснение. Со временем восприятие психотических эпизодов вне шуба притупляется, больной как бы привыкает к ним. Как образно выразился один из наших пациентов: «Я просто откладываю это в дальний ящик своей памяти, но при этом знаю, что рано или поздно оттуда достану». Обычно больные вырабатывают в той или иной степени рациональное объяснение, позволяющее им объединить в сознании болезненное и обычное отношение к действительности, например: «Во время приступа меня преследовали бандиты, но сейчас их задержали, и я вне опасности; поэтому перенесенные тогда события не волнуют меня».

Следует, однако, помнить, что эпизодическая форма шизофрении не менее опасна в плане возможного личностного дефекта, чем непрерывно-прогредиентная. Кажущееся благополучие больного вне приступа – это благополучие

именно кажущееся. При отсутствии адекватного лечения болезнь неуклонно прогрессирует, и каждое её обострение подвигает больного на одну ступеньку, «на один шуб» вниз. Сами обострения, которые могут иметь чрезвычайно яркий и реалистичный характер, тягостны для больного. Они изматывают его, вызывают сильное нервное истощение и способны даже привести к трагическому исходу.

Во время шуба у пациента могут наблюдаться разнообразные изменения восприятия – слуховые, зрительные, тактильные и обонятельные галлюцинации; они могут быть чрезвычайно яркими, реалистичными, неотличимыми от реальности; а также всевозможные расстройства мышления. Последние нередко принимают форму развернутой бредовой системы со сложной структурой отношений и множественными связями как внутри патологического мира, так и между ним и реальностью.

У нашего пациента изменения восприятия возникли на фоне сильного переутомления и нервного напряжения, связанного с попыткой решить сложную задачу, и проявились в виде сочетанных зрительных и слуховых галлюцинаций «говорящих цифр». Галлюцинации у Дениса проявились в момент засыпания – это так называемые гипнагогические галлюцинации, которые кроме шизофрении могут встречаться при некоторых других расстройствах. Финалом галлюцинаторных переживаний стало видение решения на бетонной стене.

Тут закономерен вопрос: в какой мере найденное Денисом решение является результатом его сознательных усилий, а в какой мере обусловлено болезнью? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Тема творчества больных шизофренией вообще настолько сложна и настолько интересна, что мы решили посвятить ей отдельную главу.

Что же касается вспышки интеллектуального озарения, сопровождавшей приступ шизофрении у Дениса, можно с уверенностью утверждать: если бы он в течение многих дней не работал напряжённо и целенаправленно над поиском решения, если бы практически все исходные данные,

необходимые для синтеза такого решения уже не находились в его голове, то и появление самого решения было бы невозможным.

Отдельно нам хотелось бы затронуть тему восприятия времени во время психотических эпизодов. Вспомните удивление Дениса, когда он обнаружил, что с момента начала приступа прошло не несколько часов, как он думал, а несколько дней. Возможно ли такое? И есть ли рациональное объяснение случившемуся? Мы остановимся более подробно на интереснейших вопросах восприятия времени психически больными в главе, посвящённой загадкам шизофрении, а пока скажем, что те изменения ощущения времени, что наблюдались у Дениса, вполне укладываются в картину общих искажений времявосприятия у больных шизофренией. Во время приступа больной бывает настолько поглощён патологическими переживаниями, что не замечает ничего вокруг. Неудивительно, что Денис не заметил смены дня и ночи, и вообще всего, что могло происходить в окружающем мире. Кроме того, следует помнить, что некоторые события, имевшие место во время приступа, могут частично или полностью амнезирова¹ться пациентом.

В дальнейшем мы увидим, как заболевание Дениса будет прогрессировать, а его проявления во время шубов будут становиться всё более яркими и впечатляющими.

Денис:

«...Единственный человек, которому я рассказал обо всём, что со мной произошло, был Руслан. Правда, я вскользь проговорился профессору П.В., но, по-моему, он ничего не понял. По крайней мере, он никак не прореагировал на моё неосторожное высказывание, и это меня очень обрадовало. Думаю, он не смог бы понять, что со мной произошло.

А Руслан понял всё. Он очень серьёзно отнесся к моему рассказу. Вы знаете, у меня сложилось такое впечатление,

1. Амнезия - забывание, вытеснение из памяти различных событий

что он ждал чего-то подобного. По крайней мере, он не удивился и не стал ахать и охать. Это было именно то отношение, которого мне бы хотелось, которое было мне нужно. Мы тогда долго говорили с Русланом. Он ведь серьезно интересовался восточной философией, читал Гурджиева, Блаватскую, Бейли... Я спросил у него, что он думает по поводу случившегося. Помню, он долго молчал, обдумывая ответ. Но этот ответ был для меня неожиданным. Я тогда не понял, что он хотел сказать. Я понял это потом, намного позже. И понял, что он был прав. Абсолютно прав. На все сто процентов...

Я помню его ответ почти дословно. Он сказал, что на свете есть Избранные, и есть просто больные, считающие себя Избранными. Человек не может определить, Избранный он или просто больной. Это знают только те, кто его избрал. Но они никогда не раскрывают правды. Избранный ты или больной – это твой путь, и ты не можешь его изменить. Ты должен пройти его до конца. Каким бы умным и хитрым не считал себя человек, его разум – ничто перед Высшим разумом; обмануть его невозможно, поэтому самый безопасный и правильный путь для человека – быть честным и не хитрить. Человеку не дано узнать, где источник мыслей, которые вкладываются ему в голову, голосов, которые он слышит, и до самой смерти он будет пребывать в неведении относительно того, с кем он на самом деле имел счастье или несчастье общаться...

В общем, от того разговора с Русланом у меня осталось сложное впечатление. С одной стороны, он выслушал и понял меня, а с другой – заронил в мою душу зерно сомнения. Я стал задумываться над его словами. Иногда мне казалось, что он поддержал меня, иногда – что пытался предостеречь...

После того разговора мы несколько месяцев не возвращались к этой теме. Пожалуй, один-единственный раз, летом, во время нашей поездки в заповедник, Руслан спросил меня, не повторялось ли со мной больше чего-либо подобного. Я ответил, что нет, он коротко кивнул, и на этом разговор был окончен.

Однако это был не конец истории, а только её начало. Продолжение последовало на втором курсе, где-то в середине октября.

Помню, стояло позднее бабье лето. Днём было совсем тепло, ярко светило солнце, и мы с Таней часто гуляли в университетском парке.

В тот день – это была пятница – я как обычно зашёл за Таней, и мы отправились гулять по парку. Я захватил с собой цифровую камеру, которую недавно привез из-за границы, и мы с Таней фотографировали друг друга, корчили рожи, дурачились, в общем, нам было весело и хорошо.

И вдруг я почувствовал какое-то возбуждение. Как будто откуда-то изнутри идет волна. Это было очень сильное чувство, даже сильнее, чем в первый раз. Я снова почувствовал приближение импульса. Но на этот раз это было не внутреннее ощущение. Это был голос. Точнее, голоса.

Их было несколько. Я не могу сказать точно, сколько именно – они всё время менялись, то появлялись, то пропадали, а потом снова появлялись. Сначала мужской голос произнес: «Вот он!». Потом раздалось сразу несколько голосов: мужских, женских, детских, они говорили одновременно какие-то обрывки фраз, типа «...поворот налево...», «...обратный...», «...упал...». Эти голоса были какими-то странными, неестественными, механическими, как в мультфильме «Том и Джерри». Невозможно было понять, где именно они находятся. Они были как будто в одном месте, и в то же время – везде, по всему пространству вокруг.

А потом появились они. Мне очень сложно описать их. Во-первых, они были полупрозрачными, как будто сделанными из тумана или дыма. Во-вторых, они всё время менялись. Они принимали форму геометрических фигур – и объемных и плоских, животных, людей, каких-то других существ. Они появились внезапно на фоне деревьев, как будто вырисовались из воздуха.

Я смотрел на них как замороженный. Потом опомнился, и стал их фотографировать. Я успел сделать снимков

десять-двенадцать, а потом они вдруг исчезли. Мгновенно, как будто стерлись. Только что были – и нет их. Я никак не мог понять, куда они подевались. Помню, я спросил у Тани: «Где они?», но она даже не поняла, о ком я говорю. Я стал объяснять, что только что здесь были существа, и они разговаривали со мной. Таня сначала думала, что я смеюсь, подшучиваю над ней, и не поверила мне. Но я рассказал ей о том что я видел и слышал, рассказал, как они выглядели, как звучали их голоса. Тогда Таня испугалась. Она сказала, что я слишком много работаю, что я переутомился, что мне надо отдохнуть. Помню, она стала настойчиво уговаривать меня вернуться в общежитие и лечь спать. Я совершенно не хотел спать, и сказал ей, что не хочу в общежитие, а хочу гулять с ней. Но тут мне в голову почему-то пришла мысль, что они могут появиться в общежитии, и я согласился.

Когда я вернулся в общежитие, то сразу же скопировал фотографии с камеры на компьютер и стал их изучать. Меня интересовало, как они выглядят на снимках. Но на фотографиях их не было. Деревья были, небо, здания, беседки, скамейки, мы с Таней – всё было, а их не было. Я тогда подумал, что они, наверно, обладают способностью дистанционно влиять на электронные устройства, раз им удалось так легко стереть своё изображение со всех фотографий.

Знаете, я почему-то совершенно не испугался. Наоборот, я чувствовал такое приятное возбуждение, как перед свиданием. Мне казалось, что сегодня должно произойти что-то важное, принципиальное, и очень хорошее.

Однако в тот день ничего не произошло. Я напрасно прождал до поздней ночи. Они не вернулись.

На следующий день, в субботу, я проснулся поздно, часов в одиннадцать. Я знал, что Таня уехала на выходные с родителями на дачу, Руслан был где-то на соревнованиях, так что суббота и воскресенье были в полном моем распоряжении. Я решил прибраться, постирать и приготовить еду на выходные. Все эти бытовые хлопоты заняли много времени, и освободился я уже под вечер, часов в пять. Уставший, я

прилег на кровать, но как только улегся поудобнее и взял книжку, меня снова охватило предчувствие какого-то важного события. Прошло минут пять, и вдруг в моей голове что-то как будто щелкнуло и я услышал голос: «Арена». Я ещё никого не видел, но точно знал, что это они. Они вернулись.

Я вскочил с кровати и стал одеваться. Почему-то я понял, что надо ехать в гидропарк. Они молчали и не показывались, но я знал, что они ждут меня там. Я выскочил из общаги и помчался к метро. В тот момент, когда вагон тронулся, я отчётливо услышал голос, он сказал: «Уже едет».

В тот момент я испытывал невероятное возбуждение. Меня буквально трясло. Мне казалось, что поезд едва плетётся, что он очень долго стоит на станциях, что люди слишком медленно выходят и заходят. Я мысленно подгонял их, постоянно повторяя про себя: «Быстрее! Быстрее! Давай! Давай!»

Наконец мы приехали. Я выскочил на перрон и побежал к выходу. Мне почему-то казалось, что они могут не дожидаться меня и снова исчезнуть.

Я пробежал мимо каких-то павильонов, аттракционов, киосков и выбежал к реке. Вдоль реки вели две дороги – одна асфальтированная, вверху, а вторая – внизу, над самой рекой, по песку. Я сбежал вниз, к реке, и услышал голос «Правильно!». Я пробежал метров триста вдоль реки, дальше был какой-то канал, что впадал в реку. Я на мгновение остановился в растерянности, но голос тут же сказал: «Направо!», и я свернул направо. Дорожка там делает круг и поворачивает назад. Я повернулся и тут же увидел их. Они прятались в густом кустарнике.

Их было трое. Один большой – я почему-то сразу понял, что он здесь старший и главный, второй – поменьше, третий совсем маленький. Они висели в воздухе метрах в двух от земли. Они были похожи на облачка тумана – серебристые, полупрозрачные, невесомые. Они непрерывно переливались внутренним светом, неуловимо меняя форму и цвет. Я остановился. Мы смотрели друг на друга и молчали.

Видимо, они решили дать мне время, чтобы освоиться с их присутствием. Через несколько минут, когда я привык к их виду, они быстро и бесшумно взмыли в небо, сделали круг над берегом и опустились в трёх шагах от меня.

Это было довольно странное зрелище. Было ещё довольно светло, и сквозь их полупрозрачные тела были видны очертания деревьев и кустов. Я открыл рот, чтобы спросить, но они опередили меня.

– Пришёл, – сказал старший довольно бесцеремонно. Это звучало не как вопрос, а скорее как утверждение. Голос у него был грубый, мужской, но тоже какой-то... полупрозрачный, невесомый, я его скорее даже не слышал, а ощущал.

– Пришёл, – ответил я, потому что надо было что-то ответить.

– Ну, пошли, – сказал старший, и полетел куда-то в кусты. За ним полетели остальные. Я тоже поплелся следом. Продираться сквозь кусты было тяжело, я сразу же порвал свитер, но они и не подумали остановиться. Наконец я преодолел кусты и выбрался на берег канала. Вначале я не понял, зачем они меня сюда привели. Пока не посмотрел на противоположный берег.

Весь длинный и пологий песчаный берег был исписан математическими формулами, уравнениями, графиками. В наступающих сумерках они светились разноцветными огнями и переливались, как живые.

Я онемел от восторга. Несколько минут я молча наблюдал за этим потрясающим зрелищем. Мои прозрачные спутники тоже молчали. Они висели в воздухе где-то сбоку от меня так, что я мог видеть их краем глаза. Но в этот момент они меня мало интересовали. Всё моё внимание было сосредоточено на формулах.

– Что это?! – спросил я зачарованно.

– Математические формулы, – ответил старший довольно небрежно. – Вон там, слева – формула песка, ближе к берегу – формула сосновой хвои, над ней – формула агрессии, а справа, у лодочной станции – формула коровы.

– Коровы?! – почему-то меня поразила не столько формула агрессии, сколько формула коровы. – Разве можно вывести формулу коровы?

– Да он просто идиот! – возмущённо сказал второй мой спутник. Точнее, вторая, потому что у неё был мягкий женский голос. Я говорю «сказал», но снова повторяю, что это был не голос, а скорее ощущение голоса. Этот голос продолжал: – Ты говорил, что этот парень гений, а он просто тупой идиот! Конечно, математически можно выразить всё на свете, ты, придурок! – последняя реплика явно относилась ко мне.

Странно, но я совсем не обиделся. Я стал разглядывать формулу коровы, а маленький спутник комментировал тонким детским голоском:

– Вот корова стоит в стойле, вот она выходит из хлева, вот пасется на лугу, а вот залезла в речку...

Я посмотрел на формулу и с восторгом понял, что он прав. Эта формула действительно описывала корову. Описывала исчерпывающе, лаконично и совершенно. На песке была самая настоящая корова, только корова, описанная языком математики. Если перевести эти выражения с языка математики на нормальный человеческий язык, мы получим корову. И как только я это подумал, я тут же увидел эту корову – бело-рыжую, с большими рогами и тугим выменем.

Я стал хлопать себя по карманам в поисках блокнота или какого-нибудь клочка бумаги, на котором можно было бы записать формулы, но, как назло, при мне не было ни бумаги, ни ручки.

– Не ищи, – сказал маленький. – Они у тебя в голове.

Я вначале не понял, что он имел в виду, как вдруг формулы на песке погасли и точно такие же формулы вспыхнули у меня в голове. Я видел их все до последнего знака, до последней запятой.

Тут меня охватило такое ощущение восторга, радости, счастья, что я едва не задохнулся.

– Это не всё, – небрежно сказал старший. Похоже, он твердо усвоил себе привычку держаться небрежно и несколько грубовато. – У тебя в голове целая куча формул. Вот, к примеру, формула чистоты. А это формула наглости.

В моей голове тут же возникли новые математические выражения. Они как бы сдвигали предыдущие влево, как на строке с бегущей рекламой.

Тут вдруг меня осенило: а ведь средний голос сказал, что математически можно описать всё, что угодно. Но не успел я открыть рот, как мои спутники заговорили все разом.

– Эге, да этот парень не промах! – заявила средняя.

– У него губа не дура! – подтвердил старший.

– Наш человек! – пропищал маленький.

– Хватит с тебя! Хорошего понемножку! Не всё сразу! А то подавишься! – грубо сказал старший. Но я не обиделся. Я понял, что со временем узнаю все остальные формулы и действительно смогу выразить на языке математики любое событие, любую вещь или явление.

– Не вздумай кому-нибудь проболтаться! Держи язык за зубами! – грубо приказал старший. – А не то будет плохо!

Я ответил, что никому не скажу, только Руслану. Средний голос спросил: «Это необходимо?» Я ответил: да, иначе я не согласен. После паузы старший сказал, как будто попытожил:

– Будет так!

И с этими словами они исчезли.

Я вернулся в общежитие уже за полночь. Мой сосед спал. Я включил настольную лампу, взял толстую тетрадь и вдруг понял, что не помню ни одной формулы. Даже приблизительно. И тут я по-настоящему испугался. На минуту мне даже показалось, что у меня отнялись руки и ноги. Я с ужасом подумал, что мне ни за что не воспроизвести ни единого выражения из тех, что я сегодня видел. От этого меня охватила такая тоска, такое отчаяние, что я едва не

умер. Но потом я подумал: а что, если попробовать мысленно произнести какое-нибудь слово? Я мысленно произнес: «корова», и тут же у меня в голове возникла формула коровы. Это была та самая формула, что я видел сегодня на берегу, знак в знак. Я стал переписывать её в тетрадь, и пока я писал, формула медленно плыла у меня перед глазами, так что мне оставалось только перенести её на бумагу. Как только я записал последний знак, формула в голове исчезла.

Я не выдержал и громко засмеялся. Мой сосед заворочался во сне. Я посмотрел на него, и тут мне пришла в голову прикольная идея. Я мысленно произнес: «Виталик Прокопенко», и тут же у меня в голове появилась формула моего соседа. Это была очень сложная и длинная формула: всё-таки человек – не корова. Сложнее всего были математические выражения, описывавшие эмоции, переживания и мышление моего соседа. Но тем не менее весь он был здесь, у меня в голове – вся его жизнь, его чувства, его мысли в математических формулах и выражениях. В комнате было как бы два Виталика Прокопенко – один храпел на кровати, а второй был у меня в голове, «упакованный» в стройный язык математических формул.

Я снова испытал ощущение эйфории, удовольствия от того, что мне доступно это знание, эта возможность – возможность, которой нет больше ни у кого.

Я экспериментировал с формулами до утра. И при каждом мысленном произнесении какого-нибудь слова в моей голове тут же появлялась формула, математический код, исчерпывающе описывающий этот предмет или явление. Правда, мне не удалось увидеть формулы любви, вечности, бессмертия, здоровья, богатства, удачи, везения, безопасности и некоторых других. Вместо них я видел только пустой серый фон, как на мониторе в режиме ожидания. Сколько я ни произносил эти слова, формулы не появлялись. Но я понимал, что это временное ограничение. Рано или поздно я узнаю и их. Это был только вопрос времени...»

Людмила Александровна, мать Дениса:

«... Не замечала ли я каких-то странностей в поведении Дениса позапрошлой осенью и зимой? Это на втором курсе? Да нет, ничего особенного не было. По крайней мере, я не могу ничего такого вспомнить...

Чем он занимался дома? Да как обычно, тоже ничего странного. Валялся на диване, смотрел телевизор и DVD, как всегда много читал, что-то писал, работал на компьютере... Ну, по дому помогал, конечно... В общем, всё как всегда...

Осенью он приезжал ненадолго, буквально на три дня – взял зимние вещи, какие-то книги, диски – и уехал. А зимой он был дома на каникулах. Это было, наверно, недели две, может, чуть больше. И тоже – ничего особенного...

Хотя, знаете, вот вы сейчас спросили, и я вспомнила. Он действительно выглядел тогда не совсем обычно. До этого Денис был спокойным таким, тихим, каким-то отстраненным. А тут прямо сияет. Улыбается, шутит, всякие байки рассказывает, а ведь он вообще-то неразговорчивый... Я тогда радовалась за него, ведь Денис всегда такой серьезный, задумчивый, даже улыбается редко...

А зимой, это было сразу после Нового года, он куда-то исчез из дому на целый день. Утром ушёл – и до ночи где-то шатался. Я вся изнервничалась – телефон его выключен, где Денис – не знаю, он не предупредил меня, просто выскочил из дома – и всё. Я думала, погуляет часик-другой и вернется, а тут уже ночь на дворе, а Дениса нет...

Вернулся он такой возбужденный, счастливый, я бы сказала, даже ненормально счастливый. Я, честно говоря, подумала даже, что он курил что-то такое... наркотическое. Ну, неестественное это было веселье, ненормальное. Я тогда, конечно, вспыхнула, накричала на него – это и понятно: пропадал неизвестно где целый день, да ещё пришёл какой-то... странный. Помню, я высказала всё, что думала о его дружке, об их компании – я ведь была уверена, что Денис у них курить научился. Но Денис как-то равнодушно к моим

переживаниям отнесся. Сказал, что я ничего не поняла, и что вряд ли пойму. А тут муж вышел, отчим Дениса, успокоил меня, на Дениса прикрикнул, в общем, как-то оно тогда уладилось...

А больше – ничего особенного. В позапрошлом году ничего такого не было. Все эти странности с Денисом начались позже, в прошлом году, осенью. А потом, зимой, на каникулы, он приехал уже совсем больным...

А на втором курсе – нет, ничего такого не было. По крайней мере, я не помню...»

Денис:

«...После той встречи с ними я каждый день экспериментировал с формулами. Мне удавалось перевести в математическое выражение почти все предметы или явления, которые окружали меня. Некоторые, наиболее красивые и точные формулы, я переписывал в тетрадь. Со временем почти вся она оказалась заполнена формулами и уравнениями. Я тщательно скрывал эту тетрадь, чтобы никто, даже случайно, её не увидел. Днём я носил тетрадь с собой, а на ночь прятал под матрац. Однако в конце концов мне показалось мало того, что я знал и умел. Я постоянно вспоминал слова Средней: математически можно выразить всё на свете, и от этих слов меня охватывало такое волнение, такая дрожь... Я хотел сформулировать универсальный код Вселенной – формулу Бога, с помощью которой он создал мир. Ведь в Библии сказано, что до начала времен не было ничего, и даже когда Бог сотворил небо и землю, «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух Божий носился над водою»... Понимаете, мира ещё не было, а его математическая формула уже была! И по этой формуле Бог создавал и небо, и землю, и всё, что есть на ней. Если бы удалось получить эту формулу – формулу Бога – то удалось бы воспроизвести процесс сотворения мира, создавать новые вселенные, новые миры...

Само собой, эта формула не просто сложна. Она невероятно сложна. Она настолько сложна, что даже осознание её сложности – это задача на грани человеческих возможностей. Я думаю, что эта формула бесконечна. Бесконечна в математическом понимании этого слова. И, конечно, я понимал, что сам никогда не смогу её получить. Помочь мне могли только они. Я ждал их каждый день, каждую минуту. Но всё напрасно. Они не появлялись.

Естественно, я рассказал обо всём, что произошло, Руслану. Я сказал, что теперь, благодаря им, передо мной открылась уникальная возможность, и что моей целью является раскрытие универсального математического кода Вселенной. При этих словах он как-то помрачнел, хотя, возможно, мне это просто показалось. Вообще, тогда больше говорил я, а Руслан слушал. Я сказал, что уверен, что в течение года мне удастся закончить работу по поиску универсальных математических кодов, что это будет настоящий прорыв в науке, это будет означать раскрытие всех тайн Вселенной и возможность теоретического моделирования любых процессов и явлений, не выходя из кабинета. Помню, Руслан вдруг резко оборвал меня и спросил: «А зачем?». Я не понял и переспросил:

«Что – зачем?»

«Зачем нужно моделировать любые процессы?»

«Как – зачем?! Чтобы иметь возможность их воспроизводить!»

«И какой процесс ты воспроизведешь первым?» – спросил он.

Помню, этот вопрос поставил меня в тупик. Я сказал, что как-то не задумывался над этим, что я – теоретик, моё дело создавать научную базу, а практическое использование моделей – это дело других людей. И тогда Руслан задал мне ещё один вопрос. Вопрос, который меня, признаюсь, шокировал. Он спросил:

«А ты не задумывался, что те люди, которые получают твое открытие, могут использовать его во вред другим?»

Я ошарашено спросил: «Как это?»

«Ну, например, создав новые виды оружия, или технологии воздействия на психику, или ещё что-нибудь в этом роде».

Я растерялся и не нашёл, что ему возразить. Тогда Руслан стал говорить, что наш мир несовершенен, что мы ещё не пришли к разуму как таковому, что мы, по сути, остались животными, и те люди, которые нами правят, ничем не отличаются от вожаков в обезьяньих стадах – ими движут те же примитивные инстинкты власти, обладания, агрессии... Он говорил, что до тех пор, пока люди не научатся жить по-человечески, то есть не убивая и не преследуя друг друга из-за расовых, национальных и экономических мотивов, им нельзя давать в руки подобные открытия. Он сказал, что уровень технологий уже сегодня критически превзошёл уровень сознания человечества, и мы стоим на грани самоуничтожения. А если дать нам универсальный код, мы просто уничтожим и себя, и Землю, и Вселенную. А потом он произнес очень странную фразу. Я запомнил её дословно, хотя смысл понял намного позже. Он сказал: «Если это и есть высший разум, тогда жить не стоит».

В общем, разговор получился странным, каким-то сумбурным и нелепым. У меня остался после него очень неприятный осадок в душе...

Тане я ничего о случившемся не рассказывал. Мне не понравилось, как она прореагировала на их появление тогда, в парке. Я не сомневался, что она не поверит мне, и, чего доброго, потащит меня к психиатру. И потом, я обещал им молчать. Не то, чтобы я боялся их угроз, хотя и не сомневался, что если нарушу своё обещание, наказание будет ужасным. Гораздо страшнее для меня было осознание того, что если они почему-то обидятся и исчезнут, я навсегда потеряю способность видеть формулы. И тогда моя мечта раскрыть универсальный код Вселенной так и останется мечтой. Вот эта мысль удерживала меня сильнее всякого страха.

А время шло и шло, и наступила зима. После зимней сессии я уехал домой на каникулы.

В общем, всё было как обычно, пока в один из дней – это было на первой неделе после Нового года, – я снова почувствовал приближение импульса.

Это произошло утром, я только-только проснулся и успел позавтракать, когда вдруг ощутил знакомое возбуждение. Всё было точно так же, как в предыдущие разы. Я стал быстро одеваться. Мать что-то спросила, кажется, куда я собрался, я что-то ответил – не помню, что именно. Я был полностью поглощен ожиданием встречи с ними.

Я вышел из дома, на ходу застегивая куртку, и направился к остановке маршруток – так велел мне импульс. На маршрутке я доехал до поселка за городом, там находятся плотина и гидроэлектростанция. Раньше я часто бывал там. Я люблю это место. Пожалуй, это самое любимое моё место в нашем городе. Там очень красивая природа – высокие холмы, покрытые лесом, гранитные скалы, река, пляж. Правда, летом там очень много народу, особенно в выходные, поэтому я предпочитал ездить туда в будние дни, и не на пляж, а в лес – там можно было уединиться, подумать, помечтать...

Но в тот день там не было никого. Я был там один. К тому же погода была неважная – пасмурно, холодно, стоял какой-то сырой туман, такой неприятный, противный. Думаю, они и это предусмотрели...

Я спустился вниз, к гидроэлектростанции и вышел на плотину. Один из шлюзов был открыт, и вода с грохотом падала с двадцатиметровой высоты вниз. Шум стоял такой, что не было слышно даже собственного голоса. Но когда заговорили они, я сразу услышал. Это снова были не нормальные, обычные голоса, а ощущение голосов. Они не слышались, а как бы возникали у меня в голове – сами собой, без всякого напряжения.

Вначале появился тоненький голос – это был Маленький. Он сказал что-то вроде «Привет!» и почему-то «Отрава». Или, может быть, я ослышался.

Старший, как обычно, пробурчал довольно грубо что-то типа: «Ну что, приперся?», на что я ответил, что да, при-

перся. Средняя спросила: «Теперь понял?». Я сообразил, что она имела в виду мои эксперименты с формулами, и ответил, что всё понял, и что мне очень понравилось, и что я очень благодарен им за это. Потом я сказал, что это всё, конечно, здорово, но я бы хотел пойти дальше, и увидеть другие формулы. Я не сказал, какие именно, но они и так прекрасно знали. Старший грубо сказал: «Ещё чего!», Средняя захихикала, а Младший начал пищать: «Давайте скажем ему, давайте скажем!». Так прошло несколько минут, всё это время я ждал, пока они успокоятся. Наконец Старший сказал: «Это – мусор. Тебе надо другое. Сейчас ты в офсайде, не врубил?» Я ничего не понял из того, что он сказал и переспросил, но он не ответил.

Тогда я спросил, почему я их не вижу, как в прошлый раз. Средняя снова захихикала, а Маленький сказал: «Смотри в воду!»

Я перегнулся через перила и посмотрел вниз, и тогда в падающем водопаде увидел их. Они были метрах в трёх от воды, и брызги пролетали сквозь них, как будто их там не было. Но они были, и в этот раз они были даже более плотными и непрозрачными, чем в прошлый раз. Они переливались неярким серебристым светом, и постоянно, как-то неуловимо меняли форму – как будто мерцали. Это было такое необычное зрелище, что я невольно засмотрелся.

Старший вдруг сказал: «Думай головой!» Я не понял, что он хотел этим сказать. Но как только я задумался над его словами, Маленький пропищал своим детским голосом: «бесконечность множеств». В этот момент я почему-то вспомнил одну из книг, которые мне дал профессор П.В. Это была монография одного американского математика, посвящённая теории множеств. Накануне я просматривал её, и что-то в ней меня насторожило. Что-то там было не так, неправильно. Знаете, похожее чувство бывает, когда в книге попадает опечатка. Вы читаете фразу, и чувствуете, что здесь что-то не так, фраза какая-то неправильная. Сначала вы не понимаете, что именно вас насторожило – вы просто

чувствуете, что в этой фразе есть какая-то неправильность, неосознанно чувствуете. Потом перечитываете фразу ещё раз и находите опечатку – и сразу всё становится на свои места. Похожее ощущение было у меня и с этой книгой. Я чувствовал, что в ней что-то не так, что там есть какая-то ошибка, неточность, некорректность. Но сколько я не перечитывал её – никак не мог понять, какая именно.

Но как только Маленький произнес: «бесконечность множеств», я вспомнил эту книгу, и ту страницу в ней, которая меня насторожила. Она стояла у меня перед глазами, я видел её точно так же, как обычную страницу – чёрный шрифт на белом фоне, только некоторые выражения были не чёрными, а красными, и как бы светились тусклым светом. Я присмотрелся, и понял, что красным цветом были выделены ошибки в рассуждениях американца. Я понял, что таким способом они показали мне, что именно мне не понравилось в этой книге. Я был в восторге! До меня дошёл смысл их послания, той идеи, которую они хотели передать мне. Чтобы получить те знания, которые были мне нужны, я должен уметь видеть и исправлять ошибки, в первую очередь, свои. Только тогда они смогут дать мне то, что я хочу. И тут я задумался. Допустим, я смогу находить ошибки. Но как же я смогу исправлять их? Откуда мне знать, как, например, решается задача, которую я только что видел?

И тут из воды вдруг начали выпрыгивать формулы. Это было такое странное зрелище! Они выпрыгивали из водоппада, как большие серебристые рыбины, и каждая формула зависала на несколько секунд в воздухе так, что я мог её видеть. Я выхватил блокнот (после Гидропарка я всегда носил с собой блокнот и ручку), и стал записывать выпрыгивающие из воды формулы.

Когда я переписал все формулы, то обнаружил, что они исчезли. Я ждал их до самой ночи, но они так и не вернулись.

Вернувшись в университет, я переписал увиденное мною на плотине на тетрадный лист, и показал его профессору П.В. Эту работу потом опубликовали в научном сборнике...»

Профессор П.В., научный руководитель Дениса:

«...Второй курс – время наибольших успехов Дениса. Помню, после зимних каникул Денис пришёл ко мне и принес работу, выполненную им на каникулах. Это была небольшая, буквально на страничку, работа из области теории множеств, посвящённая математическому смыслу бесконечности. Бесконечность – вообще любимая тема Дениса. Работа, которую он принес, как я уже сказал, была очень маленькая, но радость Дениса по поводу неё была обратно пропорциональна её объёму. Он буквально сиял. Он был счастлив. Он был так горд собой, что я поразился: даже к победе на международном конкурсе он отнесся намного спокойнее. А тут чуть ли не прыгал от удовольствия...

Я просмотрел его работу, и помню, сильно огорчился. Мне она показалась довольно примитивной, даже какой-то школярской; это была просто перетасовка банальных, давно известных истин, причем какая-то странная, необычная перетасовка. Я был сильно разочарован, но не решился сразу огорчать Дениса – ведь он буквально светился от счастья. Я попросил его оставить мне работу и сказал, что должен внимательно её изучить. Денис радостно кивнул и тут же умчался. Честно говоря, я не собирался просматривать его работу вторично – там и так всё было ясно, я просто хотел выждать несколько дней, пока он успокоится. Я думал вернуть ему работу и объяснить, что она неудачна. В этом нет ничего страшного – даже у очень сильных математиков бывают откровенно слабые работы, математика вообще сродни лотерее: кому как повезет. Повезло, попал на мысль – получилась сильная работа, интересная; не повезло – получается мусор.

Но так вышло, что вскоре этот листок снова попался мне на глаза. Я стал просматривать его вторично, и вдруг увидел идею. Потрясающую идею! Я понял, что Денис хотел этим сказать! Это было так неожиданно и так... масштабно! Это был совершенно неожиданный и нетривиальный подход. Никто и никогда не рассматривал эту задачу с таких

позиций. Я бы даже сказал так – нормальному человеку подобное никогда не пришло бы в голову. Посмотреть на проблему с такой точки зрения мог только сумасшедший. Или гений... Я был просто шокирован. Когда я показал его работу на кафедре, это вызвало настоящий взрыв. Реакция была точно такой же, как у меня: «Да ну, глупость какая!.. Ничего особенного!.. А впрочем, постойте, кажется, в этом что-то есть... Господи, да это же гениально!!!»... Все были потрясены. Никто не верил, что такое мог сделать второкурсник.

Конечно, это была незавершённая работа, наброски, черновик, но черновик гениальный. Разумеется, эту работу нужно было «причесать», пригладить, придать ей «товарный вид», чтобы представить научному сообществу. Образно говоря, это был бриллиант, а нам нужно было подобрать для него подходящую оправу. Но это уже была чисто техническая работа, которую мог сделать кто угодно. А вот ухватить идею, увидеть её, понять её смысл – для этого нужен талант, нужны особые данные... Именно эту работу Дениса потом опубликовали в академическом сборнике, и без всякой натяжки могу сказать, что она смотрелась там очень и очень достойно...»

Денис:

«...После того, что случилось на дамбе, ничего особенного не происходило. Они больше не появлялись. Я понимал, что получил большое и серьезное задание, и пока я его не выполню, не смогу идти дальше. Поэтому я старался изо всех сил. Я выискивал ошибки во всех математических статьях, книгах, публикациях, заметках. И знаете, у меня это неплохо получалось. Математика – это такая область, где в ошибках недостатка нет...»

Постепенно я привык и успокоился. Приближался конец семестра, работы было много, так что расслабляться не приходилось. Я стал больше времени уделять учебе и научной работе, встречался с Таней, по выходным ходил на

тусовки и вечеринки, в общем, жил вполне обычной, нормальной жизнью. Летом мы с матерью и отчимом ездили отдыхать на море, а в конце августа я вернулся в столицу. Надо было подготовиться к учебе, доделать кое-какую работу по теме моей диссертации, которую я слегка подзапустил за время отдыха.

Третий курс начинался с радостного ощущения счастья. Я ехал в университет с приятным волнением, ожидая каких-то счастливых событий, интересных встреч, новых достижений. Я с нетерпением ждал встречи со своими друзьями, с Русланом, с Таней. Я хотел продолжать свою научную работу. Наконец, я был в нескольких шагах от великого открытия – универсального математического кода Вселенной. Я чувствовал что это открытие не за горами, я был уверен, что в течение этого года я найду решение. Одним словом, я был абсолютно счастлив.

Таня встретила меня на вокзале. Она сказала, что очень скучала по мне (хотя мы перезванивались каждый день), я ответил, что тоже скучал. Помню, мы долго стояли на перроне и целовались, и никак не могли оторваться друг от друга. Потом мы поехали в общежитие, я купил торт, шампанское и мы отпраздновали мой приезд.

В общежитии у меня оказался новый сосед. Прежний летом окончил университет, и ко мне подселили первокурсника. Мы как-то сразу с ним подружились, он чем-то похож на меня – такой же спокойный и неразговорчивый.

Вечером пришёл Руслан. Мы долго разговаривали с ним. Он спросил, не появлялись ли они, я ответил, что после того случая зимой я их больше не видел. Он сказал, что может, это и к лучшему, и что нам не дано узнать правды никогда, разве что после смерти. Вообще, он был какой-то печальный, задумчивый, не похожий на себя. Помню, я старался его развеселить, рассказывал всякие веселые истории о своей поездке на море, и в конце вечера он немного отошёл, начал улыбаться, и даже спел под гитару какую-то смешную песенку.

Так начался мой последний семестр в университете. Я работал над диссертацией, над статьями, моя работа готовилась к публикации в сборнике. Я уже готовился к новым высотам, собирался приступить к новой, обширной теме, и был уверен, что у меня всё получится. Особую уверенность в этом придавала моя тайна. Я по-прежнему никому не говорил о ней. Обо всём, что происходило между мной и ими, знал только Руслан.

Так продолжалось полтора месяца. А потом в один вечер всё рухнуло.

Я очень хорошо помню тот вечер. Руслан пришёл к нам в общежитие. Мы сидели допоздна, никто не хотел расходиться. И, конечно, Руслан был, как всегда, в центре внимания.

В тот вечер он был необычно весел, оживлен, много пил и рассказывал смешные истории из своей жизни. Потом сказал, что с завтрашнего дня у него начинается новая жизнь, что завтра он бросает курить. Помню, мы посмеялись над этим обещанием. Если бы мы знали, чем всё закончится!..

Мы расстались около одиннадцати вечера. На прощание он сказал, что я – его самый лучший друг, и что он счастлив, что судьба подарила ему такого друга. Его голос задрожал, в какой-то момент мне даже показалось, что он вот-вот заплачет. Потом Руслан обнял меня и сказал, что в этот вечер он понял истину. Мне стало как-то не по себе – в тот момент он был не похож сам на себя. Но я был слишком поглощен его словами, чтобы думать о чем-то еще. Я даже не спросил его, что именно он понял в этот вечер.

Он улыбнулся мне, кивнул, и пошёл. Последнее, что я помню – выходя на лестничную площадку, он как-то резко взмахнул рукой, как будто отметаая что-то. Я вернулся в комнату.

Прошло несколько минут. Я всё время вспоминал его слова, и мне было так тепло и хорошо, что я едва не плакал от счастья.

И вдруг я услышал какие-то крики. Я вышел в коридор и услышал женский вопль: «Разбился, разбился!»

Почему-то я сразу понял, что это Руслан. Когда я выглянул в окно, и увидел на освещённом желтыми фонарями асфальте черную фигуру, я сразу понял, что это он. После нашего разговора он поднялся на крышу общежития и прыгнул вниз.

Он умер сразу. Потом кто-то сказал мне, что при прыжке с такой высоты человек умирает ещё в полете, от разрыва сердца. Я не знаю, правда ли это, но знаю, что когда приехала скорая, он был уже мёртв.

Что было потом – я не помню. Перед глазами постоянно стояла чёрная фигура на желтом асфальте. Я не помню ни прощания, ни похорон, ничего – сплошная темно-серая стена и чёрная фигура на желтом асфальте.

После этого случая что-то надломилось во мне. В одно мгновение я полностью изменился внутренне. Я уже не мог быть таким, как раньше. Я был раздавлен, убит, уничтожен. Зачем он это сделал?! Почему?! И почему ничего не сказал мне?!

Я чувствовал себя обманутым. Он обманул меня. Он называл меня своим другом, и бросил меня. Бросил в то время, когда я особенно нуждался в нем. Он предал меня.

Думал ли я тогда о самоубийстве? Да. И не только думал. Я пытался покончить с собой, принял две упаковки снотворного, но не рассчитал дозу...

Тогда, после смерти Руслана, приходил следователь, что-то выпытывал, я сейчас не помню, что именно. Я был как в тумане. Ничего не соображал, в голове вертелось только: «Зачем?! Зачем?! Зачем?!». Меня вызывали в деканат, декан долго расспрашивал, что мне говорил Руслан, и не было ли чего-то подозрительного в его речах, не собирался ли он покончить с собой ещё до того. Помню, я попросил его оставить меня в покое, и тогда он разрешил мне идти...

В те дни я пережил ещё одну потерю. Таня.

После смерти Руслана она тоже изменилась. Она стала совсем другой. Сторонилась меня, избегала встречаться. А вскоре – это было на девятый день – мы с ней поссорились окончательно. Мы сидели в общаге, нашей старой компанией, и вспоминали Руслана. Говорили о том, каким он был замечательным человеком, как он всем нам помог. Я сказал, что он научил меня жить. А Таня вдруг вскочила и набросилась на меня. С ней случилась настоящая истерика. Она кричала, что это я во всём виноват, что я последний, кто видел Руслана, что он покончил с собой после разговора со мной. Она стала кричать: «О чем вы говорили? Что ты ему сказал? Почему он сделал это после разговора с тобой?» Потом крикнула, что любила его. Ещё она сказала, что я ненормальный, псих, что я не стою одного мизинца Руслана, и что лучше бы я умер вместо него.

Вот так. После этого мы расстались. Знаете, я думаю, в чем-то она права. Она была первым человеком, который сказал, что я сумасшедший. Потом мне это говорили часто. С её лёгкой руки. Напророчила, как видите...

Это было, наверно, самое тяжёлое время в моей жизни. Я остался совсем один. Раньше, до университета, я любил одиночество. Я мог бы жить на необитаемом острове, и абсолютно не тосковать по людям. Но теперь, после смерти Руслана, я стал бояться одиночества. Мне обязательно надо было, чтобы рядом со мной были люди, хоть кто-нибудь. Каждый раз, когда я оставался один, меня охватывал страх. Страх был таким сильным, что я бросал всё и бежал из общежития, бродил по улицам, спускался в метро, ездил на вокзал, в аэропорт – лишь бы быть среди людей.

Ещё тогда я постоянно испытывал какое-то внутреннее ощущение тоски, это было чисто физическое ощущение. Как будто пустота внутри, и слабость такая, тошнота, и голова болит не переставая, круглые сутки...

Это состояние, конечно, отражалось абсолютно на всём. Я перестал работать над диссертацией, над статьями, не появлялся у научного руководителя. Я просто не мог

работать. Я понимал, что надо, что должен заставить себя работать, но не мог. Я начал пропускать занятия в университете. Бывало, что несколько дней подряд я просто не мог заставить себя встать с постели. Академическая задолженность накапливалась, но мне, честно говоря, было всё равно. Я просто сутками лежал на кровати. Больше всего на свете я тогда хотел умереть.

Это состояние депрессии было очень неприятным и тягостным. Но время шло, и медленно, потихоньку я начал отходить. Вроде бы какой-то просвет появился. Это было, конечно, совсем не то состояние, которое у меня было до гибели Руслана, но всё же я уже мог ходить на занятия и понемногу ликвидировать свои прогулы – время шло к зимней сессии.

И в этот момент произошло это. То, из-за чего я здесь. Вы знаете, после того, что случилось со мной, я часто думал: а что, если бы Руслан был жив? Почему-то я уверен, что он сумел бы мне помочь. Он знал что-то такое, чего не знал больше никто. Он сумел бы спасти меня. Я думаю, что смерть его была не случайной. Его просто убрали. Никто ведь не видел, что произошло там, на крыше. Почему-то я уверен, что он там был не один...

Профессор П.В., научный руководитель Дениса:

«...Здравствуйте! Как дела у Дениса? Что вы говорите?! Значит, есть надежда? Это замечательно! Спасибо вам! И простите, что сомневался...

Денис случайно не спрашивал обо мне? Что? Переживает, что обидел? Господи, да скажите ему, что я всё давно забыл... Впрочем, я сам ему позвоню. Ему можно пользоваться телефоном? Да нет, я просто спросил, я понимаю, что это больница, а не тюрьма... Я сегодня же ему позвоню!

Скажите, а он что, рассказал вам что-то? Не можете ответить? Да, я понимаю, врачебная тайна... Знаете,

а ведь я виноват перед вами. Я утаил от вас самый главный эпизод... А он, наверно, был бы для вас очень важен. Просто... Просто я сам тогда выглядел не лучшим образом. Я не знаю, что вам рассказал Денис, но расскажу то, что запомнил сам.

Это было в конце мая, в двадцатых числах. Денис тогда был очень плох... Такое впечатление, что он был под действие какого-то оупляющего препарата. Я даже спросил, не принимает ли он какие-то медикаменты. Посмотришь на него – и делается страшно: взгляд отсутствующий, пустой, движения заторможенные, какие-то... незавершённые. К примеру, протягивает руку, чтобы взять книгу и застывает на полдороги. Потом дальше тянет... И так во всём. Но главное не это. Главное, что мне удалось тогда с ним поговорить, впервые за несколько месяцев. Это был наш последний разговор перед его отъездом.

Он сказал, что последние события в мире – кризисы, конфликты, катастрофы – это предвестники гибели человечества. Что мы, человечество, были базой для эксперимента какого-то высшего разума, а теперь эксперимент закончен, и решено дать возможность нам самим себя уничтожить. Он требовал немедленно связаться с руководством Академии, собрать ученых, собрать всех, кто способен мыслить и объявить, что Земля в опасности, что мы движемся к самоуничтожению, и что если не остановить безумных политиков и военных, то цивилизация погибнет. Он говорил, что ученые всего мира должны объединиться и взять власть в свои руки, чтобы спасти человечество от гибели. Ещё он сказал, что не имел права этого говорить, что его за это накажут, ему будет очень плохо, но он должен это сказать. Я стал успокаивать его, говорить, что ничего страшного не произошло, что всё нормально. А он вдруг вспыхнул. Стал кричать, что я хоть и профессор, а ничего не понимаю, что скоро всё рухнет, всё пропадет, что надо что-то делать. Надо поднять ученых, надо срочно создать систему защиты. В общем, начал городить такую чушь, что мне просто страшно стало.

Я постарался успокоить его, хотел ему воды налить, но он оттолкнул стакан и вдруг заплакал. Это было так неожиданно, что я растерялся...

Денис был совершенно не похож на себя. Вы знаете, во время этого разговора я несколько раз ловил себя на ощущении, что передо мной не Денис. Он даже внешне не был похож на Дениса. За то время, что я его не видел, он изменился до неузнаваемости. Высох, почернел, даже как-то меньше ростом стал. И лицо – как маска. А самое главное – глаза. У Дениса были особенные глаза – живые, умные, светлые. А у этого – какие-то мутные, безумные, взгляд затравленный, как у больного зверя...

В общем, закончилось всё нехорошо. Денис крикнул, что я ничего не понял, что я был его последней надеждой, и что я оказался трусом и предателем. А я ведь тогда обиделся, старый дурак! Можно было догадаться, что Денис болен! Я должен был догадаться! Если бы я тогда уговорил его обратиться к врачу, может всё и обошлось бы... А бедный мальчик, наверно, переживал. Мне кажется, когда он это выкрикнул, то сам испугался... Глаза такие страшные сделались, совсем безумные... Вскочил и бросился вон. С тех пор я его не видел...

...Пожалуйста, помогите Денису! Вылечите его! Если что-нибудь понадобится – звоните в любое время суток. Я сделаю всё возможное! И простите, что так получилось! Спасибо вам...»

Денис:

«...Я плохо помню последнюю осень и зиму. Время после гибели Руслана воспринимается как одна сплошная черно-серая пелена, в которой я тогда жил. Точнее, не жил, а существовал. Первый просвет в этой пелене появился в январе, перед зимней сессией. Помню, мне было очень тяжело тогда, и не только психологически. Каждый день я ощущал какую-то физическую тяжесть, как будто мне на

плечи нагрузили мешок с песком. Я старался как-то бороться с этим, барахтаться, но, честно говоря, получалось плохо.

И всё же я постепенно начал возвращаться к обычной жизни. Понемногу ликвидировал академическую задолженность, сдал зачеты и курсовую. Правда, заниматься какими-то исследованиями, научной работой не мог. На это просто не оставалось сил. Все силы уходили на то, чтобы хоть как-то удержаться на плаву.

Но в это же время появилось и крайне неприятное ощущение какой-то опасности. Это было такое смутное чувство, неопределённое – я не знал, чего именно я должен опасаться. Скорее, это было предчувствие беды, какого-то ужасного, непоправимого несчастья. Кроме того, меня преследовало странное и нелепое ощущение изменённости, сделанности окружающего мира. Понимаете, как будто что-то в нём стало не так, ненормально, неестественно, причем я не мог объяснить себе, что именно меня тревожит. Это была та ошибка, на которой я споткнулся, которую не мог обнаружить...

Так прошло несколько недель. И вдруг – это было днем, часа в четыре, я возвращался из университета – я внезапно понял, что мои мысли кто-то подслушивает. Это было так неожиданно и так неприятно! Как будто вы обнаружили «жучок» у себя в спальне. Я чувствовал, что мои мысли открыты для окружающих, что, настроившись на мою волну, их можно услышать. Правда, я знал, что обычные люди не могут этого делать, что это доступно только Избранным. Но я не сомневался, что меня подслушивают, и что тем, кто это делает, известно абсолютно всё. Я даже знал, что это делает один человек – хакер мыслей, который настроился на мои мысли и следит за мной. Видимо, между нами существовала какая-то обратная связь, потому что я мог видеть его, хотя и очень смутно, только очертаниями.

Первым моим побуждением было бежать. Но я сразу же понял, что раз он перехватывает мои мысли, значит,

он легко обнаружит меня, где бы я ни спрятался. Первым делом мне надо было придумать, как избавиться от хакера мыслей.

Я огляделся вокруг, и увидел невдалеке ряд торговых киосков. Это был небольшой базарчик возле станции метро. Я пошёл вдоль витрин, вглядываясь в выставленные товары, пока не увидел ларек с электроникой – мобильные телефоны, наушники, плееры и тому подобное. В витрине были выставлены большие наушники «Сони» с кожаными амбушюрами и металлическим каркасом. Я подумал, что наушники смогут помочь мне защититься от хакера. Когда я надел их, то действительно почувствовал облегчение. Сигнал вторжения, который я ощущал постоянно, ослаб. Я немного успокоился. Но это спокойствие продолжалось недолго.

Я стал постоянно носить наушники, даже спал в них. Конечно, это вызывало подозрение и насмешки у окружающих, но, честно говоря, мне было всё равно. Главное тогда было избавиться от хакера мыслей.

Несколько дней прошли в относительном затишье, но вскоре всё вернулось на круги своя. Хакер мыслей продолжал преследовать меня. Ему удалось каким-то образом преодолеть защиту наушников. Я физически чувствовал его вторжение в мой мозг. Я перестал выходить на улицу, сидел в общежитии и круглые сутки крутил через наушники громкую музыку, чтобы заглушить свои мысли и не дать хакеру подслушать их.

В те дни я почти не мог спать. Меня преследовали кошмары.

Однажды я увидел во сне Руслана. Он был мёртвым, с раскроенной головой, весь залитый кровью. Он звал меня. Он сказал, что я больше не нужен на земле, и что моё место – там, рядом с ним. Но когда я проснулся, то понял, что это был не он. Это был хакер мыслей. Он хотел, чтобы я совершил самоубийство. И я решил сопротивляться...

После этого мне стало совсем плохо. Я постоянно испытывал страх. Мне казалось, что меня хотят убить, что ха-

кер преследует меня повсюду, и хочет внушить мне мысль о самоубийстве. Этот страх не оставлял меня ни на минуту, я боялся оставаться один, боялся быть среди людей – короче, боялся всего и всех. В людях мне виделись какие-то тёмные черты. Окружающие казались мне тогда какими-то монстрами, уродами, которые преследуют меня.

В какой-то момент я увидел – причем увидел абсолютно реально – как они действуют на людей. Представьте толпу возле станции метро. Все спешат, торопятся. Идет человек, самый обыкновенный, нормальный, думает о своем, погружен в свои мысли, и вдруг пых! – вспыхивает красное пламя в его голове, и видно, как в этом пламени стораёт его душа. Быстро, за доли секунды. И всё. Как будто не было ничего. Человек идет себе дальше, как ни в чём не бывало, другие люди просто не замечают, что с ним произошло. А он на самом деле становится роботом. И с этой минуты он уже не человек, а инструмент. Он выполняет их приказы. У него больше нет своих мыслей, своих желаний – они ему всё готовое в голову вкладывают. Если понадобится – он пойдет убивать. Кого угодно. Даже своих родных. Вот это было по-настоящему страшно...

В конце концов наступил такой момент, когда я не выдержал. Я понял, что должен бежать. Бежать из дома, из города, из страны... Куда? Зачем? Чтобы найти место, где меня не будут преследовать.

И я ушёл из общежития. Я поехал на вокзал, сел в электричку и поехал сначала на запад, потом пересел на другую электричку и поехал на юг. Потом опять пересаживался, и снова куда-то ехал... Я плохо помню то время. Какие-то вокзалы, электрички, платформы... Я всё время куда-то ехал, куда-то бежал. Несколько раз меня задерживала милиция, но потом меня отпускали, и я снова бежал. И всё время меня преследовал хакер. Он знал всё о моих мыслях. Я ещё не догадывался, куда поеду дальше, а он уже ждал меня там, ухмылялся, и слушал, слушал, слушал... Это было невыносимо!..

Так продолжалось около месяца. А потом внезапно всё закрутилось в таком бешеном темпе, как будто я попал в огромный калейдоскоп.

Помню, я застрял на какой-то маленькой станции, я не могу вспомнить её названия. Последняя электричка уже ушла, а до первой ещё оставалось несколько часов. К счастью, там был зал ожидания – небольшой, но довольно тёплый. Я присел на деревянное кресло и задремал. И вдруг – это было как удар молнии – я понял всё. Абсолютно всё. Как будто в одно мгновение всё расставили по полочкам.

Я понял, что они – те, кто общались со мной – представители высшего разума, Избранные. Это жители иных измерений, иных миров. Вам, наверно, сложно понять это, но они могут жить во всех мирах одновременно – потому что они достигли такого уровня развития сознания, что не нуждаются в материальной оболочке. Но они не добрые. Они жестокие. Точнее, они жестоки по нашим меркам. А по своим, универсальным стандартам – они рациональны. Они не делают ничего бессмысленного, ненужного. Они всегда правы.

Всё, что происходило и происходит с нами – это часть большого эксперимента. Собственно, само человечество – этот тоже результат эксперимента. Человечество было создано ими. Синтезировано, выведено на основании математических формул. Скажите, неужели вы верите, что человек действительно произошёл от обезьяны? Миллиарды лет на Земле существовали самые разные формы жизни, и ни одна из них не смогла овладеть даже примитивным мышлением, а потом в каких-то тридцать тысяч лет – бац! – и нате – человек разумный! А откуда этому разуму было взяться? От обезьяны? Да для этого должны были пройти миллиарды лет, и притом – по Дарвину – у этого животного должны быть хоть какие-то шансы на выживание. А у человека их просто не было! Голый, слабый, незащитный – ни зубов, ни когтей, ни рогов!.. А сколько за это время было

глобальных катастроф, похолоданий, метеоритных атак! А человек выжил. Как, по-вашему, он выжил? Конечно, ему помогли они...

Но эксперимент закончился неудачей. Точнее, неудачей для нас, потому что для них любой результат – это результат. Нам был дан шанс стать людьми, действительно разумной расой, носителями высших знаний и высших ценностей. Но человек – это животное, наделенное разумом. Разумного и животного в нас поровну. А вот что победит, что будет преобладать?.. Нам был дан шанс, и мы его бездарно упустили. Мы остались животными. Мы не стали людьми. И теперь нам осталось жить совсем не долго. Они не станут нас уничтожать. Им это незачем. Они просто перестанут нас защищать – и мы сами уничтожим себя. И тут я понял, что все события последних лет, что происходили в мире – войны, катастрофы, землетрясения, цунами, экономические кризисы – следствие того, что защита уже снята. Её больше нет. Нам больше не помогают выживать. И мы катимся к пропасти. Мы все идем к самоуничтожению! И самое главное – этого никто не понимает! В Библии сказано, что когда Бог хочет покарать человека, он лишает его разума. А когда хотят покарать всё человечество? Поистине, мы животные, лишённые разума! Прав был Руслан, абсолютно прав – пока люди не научились жить по-человечески, им нельзя давать высшее знание! И тут я похолодел. Я вспомнил, что тетрадь с моими записями, с теми знаниями, что дали мне они, осталась в общежитии. Я понял, что должен вернуться и уничтожить эту тетрадь.

Ждать электричку у меня не было сил; на последние деньги я купил билет на ближайший поезд и вернулся в столицу. В общаге я застал свою мать. Она как раз приехала в этот день. Я ей сказал, что вернулся за вещами. На самом деле это неправда. Я вернулся за тетрадью.

Разговора с матерью у меня не получилось. Она уговаривала меня вернуться в университет, продолжить учебу.

Я сказал ей, что всё это ерунда и глупости, что сейчас это не имеет никакого значения, что скоро мы все погибнем, и все наши знания и дипломы окажутся бесполезными. В общем, я не мог долго разговаривать с ней. Я забрал тетрадь и выбежал из общежития. Спрятавшись в подъезде, я порвал тетрадь на мелкие клочки и сжёг их.

И тут я подумал, что может, не всё ещё потеряно. Может, ещё удастся спасти всех нас, спасти человечество. Для этого надо объединить ученых, мыслителей, философов, всех, кто ещё может понять, что мир катится в пропасть, понять, что надо действовать. Мы должны сделать всё, чтобы спасти мир, не дать нам самим уничтожить себя!

Куда мне было идти?! Не в милицию же, с заявлением на пришельцев! И я пошёл к своему научному руководителю. Он очень хороший человек, но в тот день он не понял меня. Или не захотел понять. А может, просто они побывали у него раньше, чем я.

И тогда я понял, что надо действовать. Почему-то я подумал, что должен ехать домой, и прийти на ту плотину, где я видел их в последний раз. Мне казалось, что именно там всё решится.

Я вернулся в общагу. Мать не дождалась меня. Она передала через моего соседа деньги и продукты. Продукты я оставил ему, а деньги взял, и в тот же вечер уехал домой.

В поезде у меня опять появилось ощущение, что меня преследуют. Кроме хакера мыслей, следившего за мной всё это время, там появился ещё кое-кто. И этот кое-кто был намного опаснее и страшнее хакера. Я понял, что меня хотят убить. Я попытался сорвать их эксперимент, а этого они не прощают. Я стал подозревать своих соседей по купе, что они хотят убить меня. Весь оставшийся путь до дома я простоял в холодном тамбуре, дрожа от страха и каждую минуту ожидая нападения.

Но дома стало ещё хуже. Мне стало казаться, что меня преследуют отовсюду. Я был уверен, что они подсыпают отраву в пищу, поэтому перестал есть дома и стал покупать

продукты в закрытой упаковке. Чтобы они не смогли незаметно подкрасться пока я сплю, я придумал сигнализацию на двери и на окна. Но всё было напрасно. С каждым днём мой страх усиливался. Последние три дня перед поступлением сюда я не спал. Они сказали, что всё решится в течение недели...

А потом я попал в вашу больницу.

Помню, в первый день, когда меня только-только привели в палату, я прилег на кровать и стал смотреть на плафон на потолке. Мне стало казаться, что острые края плафона шевелятся наподобие рта, кривляются, смеются. Это было так страшно...

Я очень рад, что этот страх ушёл. Я хочу, чтобы вы помогли мне. Я верю вам...»

Комментарий психиатра:

Последний эпизод заболевания Дениса оказался наиболее ярким и наиболее трагичным для пациента. Несомненно, определяющую роль в содержании галлюцинаций и бреда сыграло состояние депрессии, в котором в то время находился Денис. Депрессия также сыграла роль пускового механизма в развитии очередного приступа шизофрении у пациента. Очевидно, что непосредственной причиной этой депрессии стала гибель его друга.

Тут нам представляется необходимым объяснить неискущённым в психологии читателям несколько важных моментов, касающихся личности нашего пациента. Внимательный читатель наверняка заметил противоречия в поведении и высказываниях Дениса – прежде всего в том, что касается его отношений с Русланом и оценки его личности. Эти противоречия, между тем, вполне объяснимы и даже закономерны.

Прежде всего, следует помнить, что Руслан являлся для нашего пациента чрезвычайно значимым человеком. Шизоиды (а до начала заболевания в характере Дениса явно проявлялись шизоидные черты) вообще очень избирательны в контактах. Они тяжело сходятся с людьми; их привязанности весьма немногочисленны. Однако к тем людям, которых они считают своими близкими, шизоиды искренне и очень глубоко привязаны. При этом шизоид может внешне оставаться абсолютно безразличным, никак не выказывая своих чувств. Обратите внимание: Денис, который в течение двух лет испытывал глубокую привязанность к своему другу, не решился сказать ему об этом даже за несколько минут до смерти – и это при том, что ситуация явно того требовала. Для шизоида «раскрыть душу», выказать свои чувства – задача почти невыполнимая. Но оставаясь внешне равнодушным, шизоид «загоняет» свои переживания внутрь – и при этом такие переживания бывают невероятно острыми и болезненными. Пример у вас перед глазами: смерть друга – то есть событие, в общем, трагичное, но всё же не катастрофичное, – подвигло Дениса вначале на серьёзную попытку самоубийства, а затем вогнало в тяжелейшую депрессию. Кстати, именно после этого эпизода характер шизофренического процесса у него резко изменился, стал гораздо более тяжёлым и мучительным.

Внимательного читателя наверняка насторожили также исключительно восторженные характеристики Руслана, звучавшие из уст Дениса. Если верить этому описанию, то его погибший друг был едва ли не идеальным человеком, состоявшим из одних достоинств и напроць лишённым недостатков. Понятно, что живой человек не может быть настолько совершенным – особенно, если учесть, что нам известно, как окончилась жизнь Руслана. Попытка самоубийства – вне зависимости от её причины – это всегда свидетельство расстроенной психики, неспособности человека справиться с вызовами реального мира, нарушения

систем психического равновесия. Так что «позолота», которой покрывает своего друга Денис, выглядит неестественной, неправдоподобной, она явно не соответствует действительному положению вещей.

И тем не менее, тут нет никаких противоречий. Дело в том, что шизоидам свойственна идеализация объекта своих привязанностей. Как уже говорилось, эти привязанности весьма немногочисленны, но те люди, к которым шизоид испытывает искреннюю симпатию, представляются ему едва ли не идеальными, совершенными, лишёнными всяческих недостатков. Образно говоря, весь мир кажется шизоиду хуже, чем он есть на самом деле, а та очень малочисленная группа людей, к которым он привязан – лучше, чем на самом деле. Справедливо также сказать, что шизоид любит не реального человека, а придуманный им самим идеальный образ, помещённый в физическое тело конкретного человека. Оттого и воспоминания Дениса о своём друге, к которому он был искренне привязан, выглядят такими «сусальными», восторженными и напроць лишёнными негатива.

Возвращаясь к анализу особенностей течения заболевания у Дениса, следует заметить, что во время последнего шуба у него стали отчётливо выявляться признаки нарушения мышления. Даже неспециалисту заметны характерные разорванность, паралогичность его рассуждений, отсутствие правильных логических связей. В бредовых построениях Дениса множество логических нестыковок. Но мы уже упоминали, что больные шизофренией не замечают внутренних противоречий в собственных бредовых идеях. Даже наш пациент, с его уникальным мыслительным аппаратом и великолепным математическим мышлением, не видит явных «прорех» в своих рассуждениях. Попытки указать больным на ошибки в их бредовой системе, как правило, безуспешны. Больной скорее проигнорирует очевидные факты, или попытается встроить их в патологическую систему, чем откажется от бредовых

убеждений. Наличие в клинике шизофрении подобных расстройств мышления – неблагоприятный признак, свидетельствующий о прогрессировании процесса.

К счастью, в случае Дениса всё обстоит не так уж плохо. Длительная настойчивая терапия дала хороший результат. Денис полностью избавился от страха, его перестали мучить галлюцинации, прекратились приступы болезненных навязчивостей, нормализовался сон и аппетит. И, наконец, самое главное – у него появилась критика к своему состоянию. Вот что сказал нам Денис во время последнего разговора, за день до выписки:

«Теперь я понимаю, что всё перенесенное мною – результат болезни. Сейчас, оглядываясь назад, я испытываю сложные чувства. Мне жаль потерянного из-за болезни времени; и я понимаю, что мог бы потратить его с большей пользой. Я осознаю, что теперь у меня есть выбор, и я выбираю нормальную жизнь. Я хочу закончить университет, найти хорошую работу, иметь семью, детей... Я понимаю, что для достижения этой цели потребуются усилия с моей стороны. Но я готов к этому...»

Подводя итог этой истории, мы можем сказать, что закончилась она сравнительно благополучно. Ко времени, когда эта книга готовилась к печати, Денис закончил курс реабилитации. Его состояние остается вполне удовлетворительным. Можно говорить об установлении стойкой ремиссии – периода отсутствия клинических проявлений и нормального состояния пациента. С помощью современных препаратов удалось справиться с основными симптомами шизофрении, угрожавшими пациенту. Денис вернулся к обычной жизни, заканчивает обучение в университете, работает над диссертацией. У нас есть все основания надеяться, что самое страшное для него позади.

В дальнейшем исход заболевания будет зависеть в большей степени от самого Дениса – и в первую очередь от того, насколько пунктуально он будет придерживаться рекомендованной ему схемы поддерживающего лечения.

Имеющийся опыт поддерживающей терапии свидетельствует, что у пациента есть все шансы начать нормальную жизнь. Мы искренне верим, что Денис сможет перевернуть печальную страницу своей жизни, связанную с болезнью, и будет последователен и настойчив в борьбе за своё здоровье.

Насколько этот оптимизм оправдан – покажет время.

Музы и демоны

Эта глава, как мы и обещали, посвящена творчеству больных шизофренией.

Мы уже говорили о том, что начальная стадия шизофрении сопровождается выраженными изменениями восприятия – слуховыми, зрительными и тактильными галлюцинациями. При этом для больного виртуальный мир галлюцинаторных переживаний кажется таким же подлинным, как и реальный мир. Более того, яркий и эффектный мир галлюцинаций заслоняет, затмевает собой реальный мир, отодвигая его на задний план. На этой стадии шизофрении больной целиком поглощен болезненными переживаниями. Он познает абсолютно новый, незнакомый ему мир, и шаг за шагом открывает для себя всё новые и новые грани этого мира. По мере прогрессирования болезни галлюцинаторные переживания становятся всё разнообразнее. Мозг как будто из последних сил вспыхивает необычайно ярко, одаривая необычными, ирреальными, мистическими переживаниями. В этот период больной нередко поражает окружающих удивительными духовными откровениями. Это время наивысшего проявления художественных или литературных талантов, если таковые имелись у человека. Необычные, сюрреалистические видения и голоса, обострённые ощущения, удивительные, неизведанные ранее переживания придают мощный импульс способностям, побуждая человека к творчеству.

Тема творчества больных шизофренией вообще представляет особый интерес. Тот факт, что некоторые художники, писатели, деятели искусства страдали этим недугом, общеизвестен. Революция, произошедшая в конце XIX – начале XX века в отношении к психически больным, способствовала тому, что больные шизофренией покинули тю-

ремные застенки и стали активно включаться в общество, а плоды их творчества оказались доступны широкой публике. Примечательно, что особую известность приобрели именно те произведения, которые были созданы во время психотических эпизодов. Это вполне объяснимо, если принять во внимание необычность таких работ, их нестандартность и предельную обнажённость чувств, восприятий, переживаний, отображённых в них.

Особая ценность таких произведений состоит в том, что они позволяют здоровому человеку непосредственно «заглянуть» в мир болезненного восприятия, увидеть его глазами больного. Талантливый художник или писатель, страдающий шизофренией, выступает проводником в этот удивительный мир от имени миллионов «безгласых» больных, не способных описать или перенести на полотно свои переживания. Разумеется, в творчестве больных шизофренией (как и любым другим психическим заболеванием) отражаются не только мотивы болезни. Человек заболевает шизофренией в более или менее зрелом возрасте, уже имея определенный жизненный опыт, багаж знаний, впечатлений и т.п. Этот опыт преломляется через призму заболевания, приобретает своеобразный болезненный «налет» и оттенок. Тем не менее, признаки шизофрении в произведениях таких людей, проявляются, как правило, достаточно четко. Мы хотели бы проиллюстрировать сказанное, приведя несколько историй выдающихся представителей творческой элиты, наследие которых в значительной мере определялось этим заболеванием¹.

1. Заметим, что достоверно диагноз шизофрении не установлен ни у одного из выдающихся людей. Наличие шизофрении у каждого из упоминаемых нами в этой главе деятелей искусства оспаривается. Например, многие исследователи полагают, что Ван Гог страдал не шизофренией, а редкой формой эпилепсии либо последствиями перенесенного сифилиса. Наиболее близкой к шизофрении клиническая картина психического заболевания была у Р.Дадда, Ю.Стриндберга и В.Нижинского. Тем не менее мы приводим в качестве примера также случаи заболевания у Ван Гога и Гёльдерлина, опираясь на мнение большинства исследователей, полагающих, что признаки психических расстройств, наблюдавшиеся у них, достаточны для постановки диагноза шизофрении.

Необходимо сразу отметить, что вопреки распространенному заблуждению, проявления таланта среди больных шизофренией встречаются исключительно редко. Болезнь, сопровождающаяся разрушением мозга – не лучший помощник для творчества. Ещё менее возможной представляется реализация этого таланта больными – ведь неизбежными спутниками шизофрении являются аутизм, апатия и безволие, а талант требует ежедневного, изнурительного и кропотливого труда. Поэтому идеи о поголовной гениальности больных шизофренией – не более чем досужие вымыслы некомпетентных людей, слабо представляющих себе, что такое шизофрения. Больному этой страшной болезнью надо затратить гораздо больше сил, чтобы сохранить и реализовать свой природный талант, нежели здоровому человеку – ведь ему необходимо преодолеть сопротивление разрушительных сил и компенсировать урон, наносимый болезнью.

Однако это ни в коей мере не умаляет, а наоборот, делает более значимыми творческие достижения одаренных людей, страдавших шизофренией. Ведь их путь был действительно тернист и труден: кроме борьбы за признание своего таланта им приходилось вести ежедневную борьбу за свой разум, за то, чтобы просто сохранить свой дар. Здоровый человек не боится потерять свои способности, более того, с каждым днём его творческие возможности приумножаются. Для больного шизофренией каждый прожитый день – это шаг к пропасти, это утрата сил, способностей, возможностей. Поэтому к творческим достижениям таких людей следует относиться с большим уважением. Приведённые ниже истории служат убедительным тому доказательством¹.

1. Хотим особо подчеркнуть, что не будучи искусствоведами, мы в описании тех или иных художественных особенностей стиля и содержания произведений целиком полагались на мнение профессионалов – критиков, искусствоведов, специалистов в соответствующих областях искусства. Читатель может соглашаться или не соглашаться с этим мнением – однако по этому вопросу ему следует обращаться к искусствоведам, а не к психиатрам; для нас же первичной была личность человека – художника, писателя или актера, и изменения, привносимые в неё болезнью. Отдавая должное праву любого художника на «художественные причуды» мы, тем не менее, считаем (и небезосновательно, опираясь на неопровержимые свидетельства,

Пожалуй, самым известным художником, страдавшим психозом, был голландский живописец Винсент Ван Гог (1853-1890). Его первые творения (а заниматься живописью Ван Гог начал в 30-летнем возрасте) выполнены в тёмных, мрачных тонах и характеризуются острой, на грани болезненности, эмоционально-психологической напряжённостью образов, чутким восприятием страданий и подавленности людей.

Винсент Ван Гог. Едоки картофеля. 1885 г.

Первые признаки душевного расстройства у Ван Гога проявились в возрасте 35 лет (около 1888 года). В это время художник оставил Париж и переехал в небольшой городок Арль на юге Франции. Сам Ван Гог так описывал своё предболезненное состояние:

исторические документы и мнение мировых авторитетов как в области искусства, так и в области психиатрии), что творчество людей, упомянутых в этой главе, носило несомненный отпечаток психического заболевания. В этой позиции нет ни тени злорадства или попытки «пнуть мертвого гения» – а исключительно желание понять, насколько *иными* могут быть творческие миры людей, страдающих психозом. Это понимание, по нашему мнению, гораздо нужнее здоровым, чем больным.

Винсент Ван Гог. Жатва. 1888 г.

«Многие дни ужасны... Я чувствую себя настолько измочаленным и больным, что уже нет сил куда-то идти. Это – болезнь, которая не пройдёт уже никогда, и значит, по-настоящему здоровым никогда уже не быть... Мои кости изношены. Мой мозг совсем спятил и уже не годится для жизни, так что мне впору уже бежать в дурдом... И я чувствую, что могу исчерпать себя, и время творчества минует, и что вот так вот вместе с жизнью уходят и силы... Довольно часто я просто сижу и тупо смотрю в одну точку... Я не болен, но, без всяких сомнений, заболею, если не буду лучше есть и не прекращу на несколько дней писать. Я уже почти такой же сбрендивший, как Гуго ван дер Гус на той картине Эмиля Вотерса, и если б у меня не было этой вроде как бы двойной природы: полумонах-полу-

художник, так я бы давно уже, как он, превратился бы в полную огородину, целиком и со всеми дольками. Хотя я не думаю, чтобы моя дурь сделалась бы манией преследования, ибо то, что я чувствую в состоянии возбуждения, всегда направлено на все эти дела с вечностью и вечной жизнью. Но как бы там ни было, моим нервам я доверять не должен... Это напряжение не на жизнь, а на смерть. Я настолько вхожу в работу, что никакими силами не могу остановиться. Я чувствую себя после этого творческого порыва просто морально раздавленным и физически опустошенным».

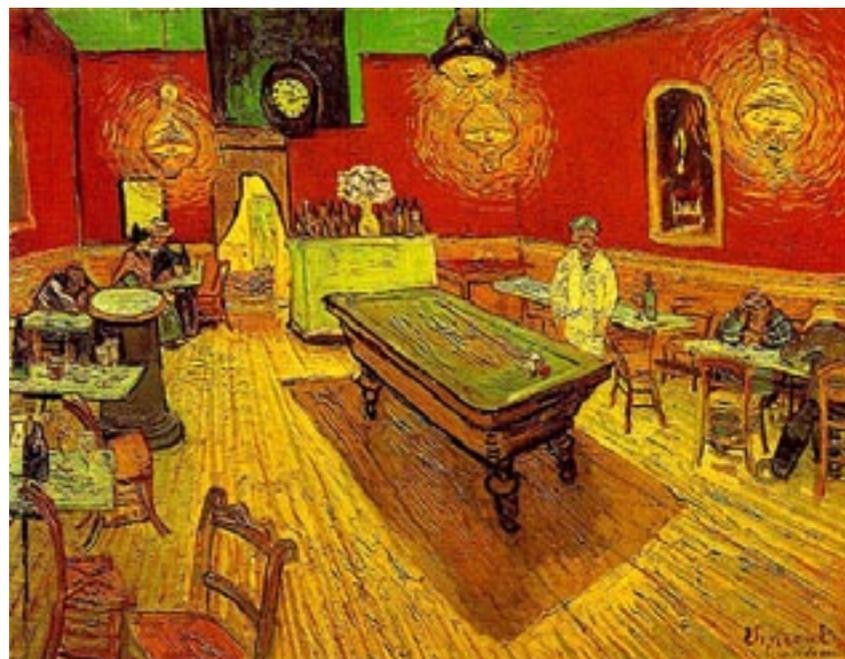

Винсент Ван Гог. Рыбачьи лодки в Сент-Мари. 1888 г.

Мучительные поиски гармонии, подлинной красоты и счастья сталкиваются с болезненным страхом и беспомощностью перед враждебными силами. Двойственность, расщепление чувств находят выражение в противоречивых

творениях – сияющим, радостным, солнечным краскам южного лета («Жатва, Долина Ла Кро», «Рыбачьи лодки в Сент-Мари») противопоставлен зловещий образ страшного мира, в котором человек раздавлен одиночеством, беспомощностью и страхом («Ночное кафе»):

«В моем изображении кафе я пытался выразить, что это кафе – место, где можно сойти с ума и совершить преступление; я пытался добиться этого противопоставлением нежно-розового, кроваво-красного и темно-красного винного, сладко-зеленого а-ля Людовик XV и зеленого веронеза, контрастирующего с желто-зеленым и резким сине-зеленым. Всё это выражает атмосферу пылающего подспудного мира, какое-то блеклое страдание. Всё это выражает тьму, овладевшую забывшимся».

Винсент Ван Гог. Ночное кафе. 1888 г.

Винсент Ван Гог. Почтальон Рулен. 1888 г.

Нарастающие изменения восприятия блестяще описаны самим Ван Гогом:

«Взгляд меняется, смотришь какими-то японскими глазами, совсем по-другому чувствуешь цвета... Я преувеличиваю золотистость волос. Я прихожу к оранжевым тонам, к хрому, к светло-лимонному. За головой вместо обычной стены обыкновенной комнаты я пишу бесконечность. Я делаю фон густо синим, самым сильным, как только могу. И тогда золотистая, светящаяся голова на густом синем фоне производит мистический эффект, как звезда в глубокой лазури... Я стараюсь найти ещё более простую технику, может быть, и не импрессионистическую. Я хотел бы писать так же совершенно ясно, как видит весь свет, имеющий глаза...»

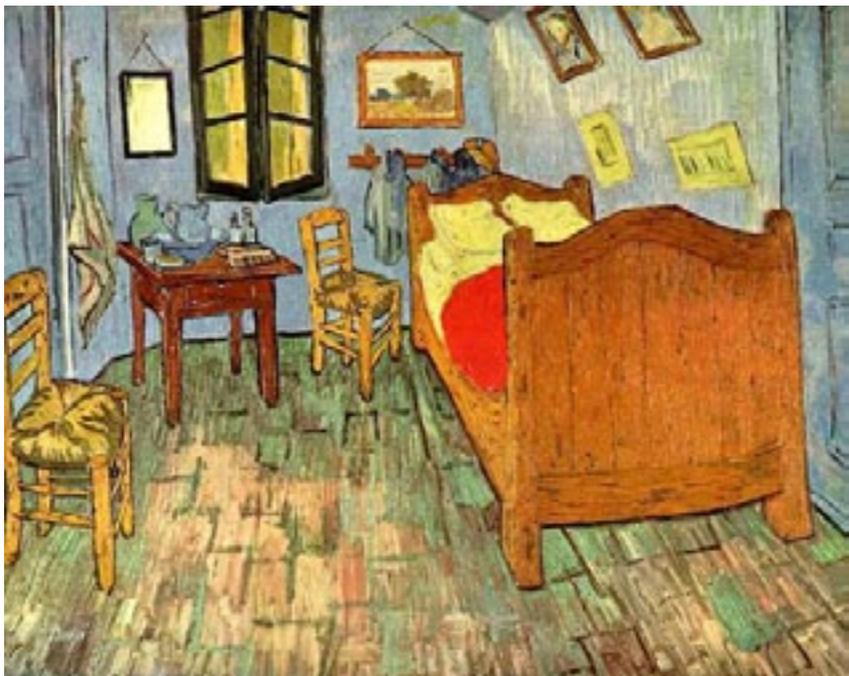
Особое значение появляется и в символике цветов:

«Нужно выразить любовь двух любящих соитием двух дополнительных цветов, их смешением и их дополнением – и таинственной вибрацией родственных тонов. Выразить мысли, спрятанные во лбу, излучением светлого гона на тёмный лоб, выразить надежду – звездой, горение какого-то существа – сиянием заходящего солнца... Я написал грязную каморку, это одна из самых отталкивающих картин, которые я когда-либо делал. Этим красным и этим зеленым я пытался выразить ужасные человеческие страсти».

В октябре 1888 года в Арль приезжает друг Ван Гога и выдающийся художник Поль Гоген. Ван Гог счастлив. Он чувствует себя прекрасно, подолгу общаясь с Гогеном, которого считал своим учителем. Однако эта идиллия длится недолго:

«Наши разговоры подчас исключительно насыщены электрическими флюидами, подчас мы встаем после них с тяжёлой головой и – как электрические батареи после разряда... Мне кажется, Гоген несколько недоволен этим маленьким городишком Арлем, этим

маленьким желтым домиком, в котором мы работали, но больше всего – мной... В общем, мне кажется, что он как-нибудь вдруг возьмет и уедет».

Винсент Ван Гог. Спальня Ван Гога. 1888 г.

Накануне рождества 1888 года Гоген действительно уезжает: у Ван Гога развивается первый приступ острого психоза. Впоследствии Гоген писал:

«В последнее время тамошнего моего пребывания Винсент то был необычайно резок и буен, то снова становился молчалив. Несколько раз я с изумлением наблюдал, как Винсент ночью встает, подходит к моей кровати и стоит надо мной... Достаточно мне было строго сказать ему: «В чём дело, Винсент?» — как он, не говоря ни слова в ответ, отходил, ложился в постель и погружался в свинцовый сон... Вечером мы

идем в кафе. Он берет себе стаканчик лёгкого абсента. И вдруг швыряет этот стакан с его содержимым мне в голову».

24 декабря 1888 года едва не разыгралась трагедия. Находясь в состоянии острого психоза, Ван Гог бросился на Гогена с раскрытой бритвой. К счастью, ему не удалось причинить своему другу вреда. По словам Гогена, после того как он пристально посмотрел на Ван Гога, тот испугался и убежал.

Винсент Ван Гог. Автопортрет с отрезанным ухом. 1889 г.

Той же бритвой Ван Гог отрезал себе часть уха, завернул в какой-то рисунок и отнес в бордель знакомой проститутке. «Береги это», – сказал он ей. Многие исследователи считают, что художник отрезал себе ухо под влиянием слуховых галлюцинаций. Сам Ван Гог не мог дать объяснения случившемуся и не придавал никакого значения этому поступку:

«Я надеюсь, что это была простая причуда художника».

Ван Гога обнаружили в его доме; голова его была обмотана кровавой простыней. Его отвезли в лечебницу Арля. Об этом периоде болезни сам Ван Гог писал следующее:

Винсент Ван Гог. Сад дома для умалишённых Сен-Реми. 1889 г.

«Во время этой болезни я видел каждую комнату нашего дома в Зюндерте. Каждую тропинку, каждое растение в саду, окрестности, поля, соседей, клад-

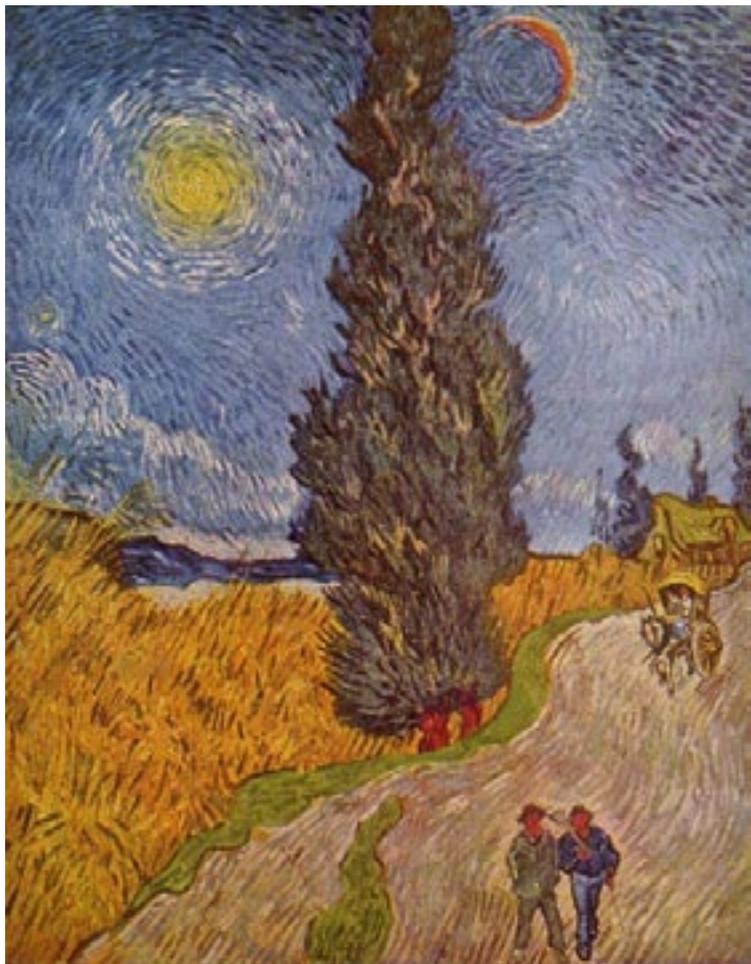
бище, церковь, наш огород и даже сорочье гнездо на высокой акации на кладбище... Во время припадков я верю, что всё, что я себе вообразил, есть на самом деле... Во время припадков я трушу от страха и живу трусливее, чем надо бы. Я пугаюсь каждого такого религиозного преувеличения. Меня удивляет, что я, с моими современными идеями, с моим восхищением Золя, Гонкурами и искусством, подвержен таким суеверным приступам, в которых у меня появляются сумасбродные религиозные идеи... Я тогда не понимаю больше, где я нахожусь, и голове моей приходит конец. У меня бывают моменты, когда воодушевление вырастает до безумия или до пророчествования, когда я чувствую себя как какой-нибудь греческий оракул на его треножнике. Ох и странными же показались мне эти три последних месяца!»

Винсент Ван Гог. Пейзаж в Овере после дождя. 1890 г.

В этот период душевное состояние Ван Гога непрерывно меняется. Произведения последних двух лет его жизни – пронзительное, надрывное откровение, отражающее всю глу-

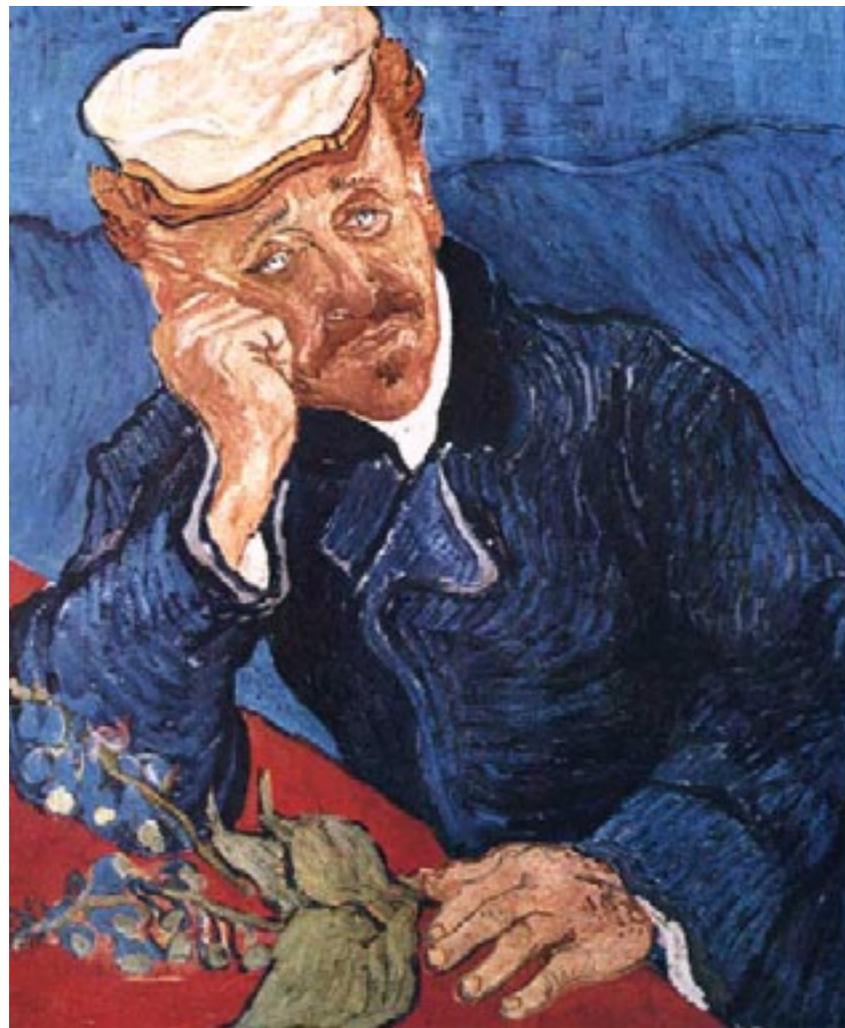
бину его душевных страданий. Художник живет в состоянии экстаической одержимости, проявляющейся предельно обостренной экспрессией цветовых сочетаний, ритма и фактуры. Перепады настроения варьируют от иступлённого отчаяния («У врат вечности») и безумных визионерских порывов («Дорога с кипарисами и звёздами») до трепетного чувства просветления и умиротворенности («Пейзаж в Овере после дождя»).

Винсент Ван Гог. Дорога с кипарисами и звёздами. 1890 г.

Сам Ван Гог воспринимал свою болезнь как препятствие в реализации творческой личности:

«Я уже никогда больше не поднимусь на ту высоту, с которой меня сбросила болезнь. Будут ли у меня когда-нибудь снова силы? Я еле держусь, когда работаю».

Винсент Ван Гог. Портрет доктора Гаше. 1890 г.

Спасение от болезни он видел только в работе:

«Работа идет весело, и я в неё целиком врос, с закалившимися нервами... Я трудился с утра до вечера не переставая (если только моя работа это не галлюцинация), работа у меня поддерживает размеренность, так что я себе этим не врежу. Работа влечет меня, вместо того чтобы утомлять. Чувство долга по отношению к работе снова появляется у меня, и я верю, что все мои способности к работе довольно скоро вернуться ко мне. Только часто работа настолько поглощает меня, что я, наверное, навсегда останусь рассеянным и неспособным больше ни на что в моей жизни. У меня огромная потребность в работе, не говоря уже о том, что она меня волнует.

Я беспрерывно работаю в моей комнате; это хорошо на меня влияет и прогоняет мои приступы, все эти ненормальные идеи. Я пашу действительно как одержимый. Во мне какая-то рабочая ярость – больше, чем когда бы то ни было. Я борюсь изо всех моих сил, чтобы справиться с моей работой, если я сумею, то ведь это будет лучший громоотвод для моей болезни, – я справлюсь с ней».

Ван Гог мучительно ищет объяснения своим необычным переживаниям, а также выход из сложившейся тягостной обстановки, и, кажется, находит его:

«Я наблюдаю в других, что они во время их кризисов тоже слышат странные звуки и голоса, и всё вокруг их меняется. Это уменьшает мой испуг перед кризисом, который я испытал... Когда знаешь, как жить с этой болезнью, подходишь к ней с совсем другой стороны...»

Тем не менее болезнь не отступает:

«Временами на меня со всё большей силой находит хандра, и как раз тем больше, чем нормальнее становится здоровье... На меня теперь часто находит меланхолия. Мысли постепенно снова возвращаются ко мне, но я всё ещё много, много меньше, чем раньше, способен что-то сделать практически. Я рассеян, и в

данный момент привести в порядок мою жизнь я не могу. Вообще, большую часть времени у меня нет ни острых желаний, ни острых сожалений. В такие минуты, когда как бы волны разбиваются о равнодушные скалы отчаяния, во мне разгорается страстное желание обнять кого ни на есть, какую-нибудь женщину, какую-нибудь такую домашнюю клушку... У меня всё ещё нет никакой воли, и так же мало желаний, и всего остального, что бывает в обычной жизни... У меня по-прежнему ужасная меланхолия».

Вначале Ван Гог находился в Арльской больнице, затем (с мая 1889 по май 1890) – в психиатрической лечебнице в Сен-Реми под Арлем. В мае 1890 года Ван Гог добровольно решил поселиться в приюте Овере-сюр-Уаз, недалеко от Парижа. Тут ему была отведена небольшая комната, служившая одновременно и мастерской. В дневное время Ван Гог в сопровождении служителя прогуливался по окрестностям и писал пейзажи.

29 июля 1890 года после обеда Ван Гог отправился на очередную прогулку. На этот раз служителя при нём не было. Побродив по полю, Ван Гог зашёл на крестьянский двор, где в это время никого не было. Он достал пистолет и выстрелил себе в сердце. Пуля задела ребро и прошла мимо сердца. Зажав рану рукой, художник вернулся в город и зашёл в кафе Ревекса, где снимал комнату.

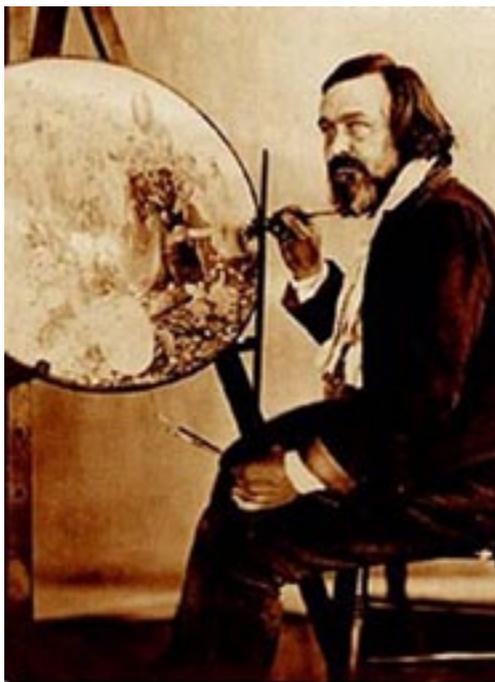
«Я выстрелил в себя, – сказал он мистеру Ревексу. – Я только жалею, что не сделал это достаточно хорошо».

Когда врачи пытались извлечь пулю из раны, Ван Гог только пожал плечами:

«Я сделаю это снова, не беспокойтесь обо мне. Я сделал это для нашего общего блага».

Он умер той же ночью. По словам брата Ван Гога Тео, который был при Винсенте в минуту смерти, последними словами художника были: «La tristesse durera toujours» («Печаль будет длиться вечно»).

Ещё одним известным художником, страдавшим психическим расстройством, весьма похожим на шизофрению, был английский живописец Ричард Дадд (1817–1886). Судьба его трагична. Подававший большие надежды в юности, Дадд попал в Бедлам¹ в возрасте 27 лет, и до самой смерти находился в изоляции (вначале в Бедламе, затем в психиатрической лечебнице города Бродмор, графство Беркшир).

Ричард Дадд, работающий над своей картиной «Спор: Оберон и Титания». Фото середины 1850-х годов.

1. Бедлам (The Bethlem Royal Hospital for Insane - Королевский Вифлеемский госпиталь для умалишённых в Лондоне) – одна из старейших психиатрических больниц в Европе. Приют для умалишённых имени Святой Марии Вифлеемской был основан в Лондоне ещё в 1377 году. В 1815 году напротив Тауэра была построена крупнейшая на то время психиатрическая лечебница, также получившая имя Вифлеемской. Слово «Бедлам» стало нарицательным и используется как синоним словосочетания «сумасшедший дом».

Пресса того времени так писала о его судьбе:

«Несчастный Ричард Дадд. Увы! Мы должны навеки забыть имя молодого гения, который обещал оказать такую честь миру искусства, поскольку, несмотря на то, что могила не сомкнулась над ним, он тем не менее должен быть отнесен к классу мёртвых».

Первые признаки заболевания у Ричарда Дадда обнаружались в 25-летнем возрасте – в 1842 году, во время путешествия в Египет. Восток поразил его непривычным колоритом, легендарными древностями и эффектными зрелищами. В письмах из Египта Дадд так описывал своё состояние:

«Временами возбуждение от зрелища этих сцен было вполне достаточным, чтобы перевернуть мозг такой ординарной и слабой личности как я... Я часто лежу без сна среди ночи, при этом моё воображение переполнено такими дикими видениями, что мне самому становится страшно за своё душевное здоровье и благополучие».

Посещение Города Мёртвых в Фивах стало роковым для Дадда. Огромное древнее кладбище, раскинувшееся на десятки миль, с его мрачными усыпальницами и величественными храмами, произвело на Ричарда неизгладимое впечатление. После этого ему стало казаться, что его душой овладел Осирис¹, повелитель царства мёртвых. Дадд стал жаловаться, что его одолевают видения дьяволов и монстров. Он также пришёл к выводу, что Осирис разговаривает с ним посредством звуков труб. Впоследствии, уже находясь в Бедламе, Дадд так описывал своё состояние в этот период:

1. Осирис – древнеегипетский бог подземного царства. Древние египтяне верили, что после смерти Осирис овладевает душой умершего и вселяется в неё. После этого мертвец сам становится Осирисом – одним из множества воплощений бога смерти. Умершего называли, добавляя к его имени имя Осириса, например, Осирис-Рамсес, Осирис-Неферт. Захват Осирисом души человека по древнеегипетским поверьям означал смерть.

«По возвращении из путешествия во мне проснулась склонность к рассмотрению таких предметов, о которых я ранее и не думал; у меня появились такие идеи, что если бы я говорил о них открыто, меня сочли бы сумасшедшим. Разумеется, я держал их в тайне. Я не знал, откуда они возникли, хотя и не подвергал сомнению их истинность, я считал, что так было предопределено судьбой. Мои религиозные воззрения радикально изменились, я отошёл от вульгарных взглядов в пользу древних верований, которые находил гораздо более приемлемыми, нежели современные. То же касается и схождения на меня египетского бога Осириса...»

Ричард Дадд. Исход из Египта. 1843 г.

Окружающие сочли бредовые идеи и необычные высказывания Ричарда признаками солнечного удара. Вскоре

Дадд в сопровождении своего патрона Томаса Филипса отправился в Рим. Поведение его становилось всё более странным. Он жаловался на сильные головные боли, стал агрессивным и выказывал подозрения, что в Филипса вселился дьявол. В Риме Дадд неоднократно заявлял, что убьет римского папу во время его публичных выступлений. По словам Дадда, этого требовал от него сам Осирис. Вскоре он покинул Филипса и вернулся в Лондон.

Ричард Дадд. Привал художника в пустыне. 1845 г.

Здесь родные и близкие отметили роковые перемены в его характере. Ранее весёлый, живой, общительный, заботливый и нежный человек, Ричард сделался угрюмым, замкнутым и равнодушным. Подобные изменения – внезапное, немотивированное бесчувствие и холодность к близким – весьма характерны для начальной стадии шизофрении. Кроме того, в поведении Дадда всё более и более проявлялись бредовые мотивы. Он продолжал утверждать, что дьявол и демоны овладевают окружающими, принимая их облик. Дадд перестал снимать перчатки из козлиной кожи и держал у себя в комнате целый склад яиц – более 300 штук. В течение долгого времени он питался только сваренными вкрутую яйцами и пивом.

Попытки лечить Дадда от «последствий солнечного удара», предпринятые его родными, ни к чему не привели. Болезненные изменения продолжали нарастать. В августе 1843 года во время военных маневров в Чатеме разыгралась трагедия: Ричард Дадд совершил зверское убийство своего отца, Роберта Дадда. Он нанёс ему удар матросским кинжалом в грудь, а затем перерезал горло. Как объяснял потом сам Дадд, ему казалось, что в отца вселился дьявол. Когда полиция обыскала его дом, в комнате Ричарда было обнаружено множество рисунков его друзей и знакомых – все они были изображены с перерезанным горлом.

После убийства отца Ричард направился в Вену – чтобы, как он пояснил впоследствии, убить австрийского императора. Он был арестован во Франции, после того как пытался перерезать горло пассажиру дилижанса, едущего из Кале в Париж. Уже во время первого допроса стало очевидным, что молодой человек страдает тяжёлым психическим расстройством. Некоторое время он содержался в приюте для умалишённых в Фонтенбло, а затем был отправлен в Англию, где решением суда был признан виновным в убийстве своего отца и определен в Бедлам.

Здесь, в отделении для невменяемых преступников, Дадд создал удивительные шедевры. Несмотря на невыносимые условия содержания в Бедламе, палаты которого напоминали «скорее клетки Зоологического сада для самых жестоких хищников, нежели нечто соответствующее содержанию больных человеческих существ», на полотнах Дадда оживает удивительный, сказочный мир. Один из современников писал:

«Он ткал свои волшебные фантазии на холстах среди самых отвратительных разговоров и самого грубого поведения. Как это ему удавалось, до сих пор остается загадкой!»

Одним из самых известных произведений Дадда является овальной формы полотно «Спор: Оберон и Титания», над которым художник трудился более четырех лет.

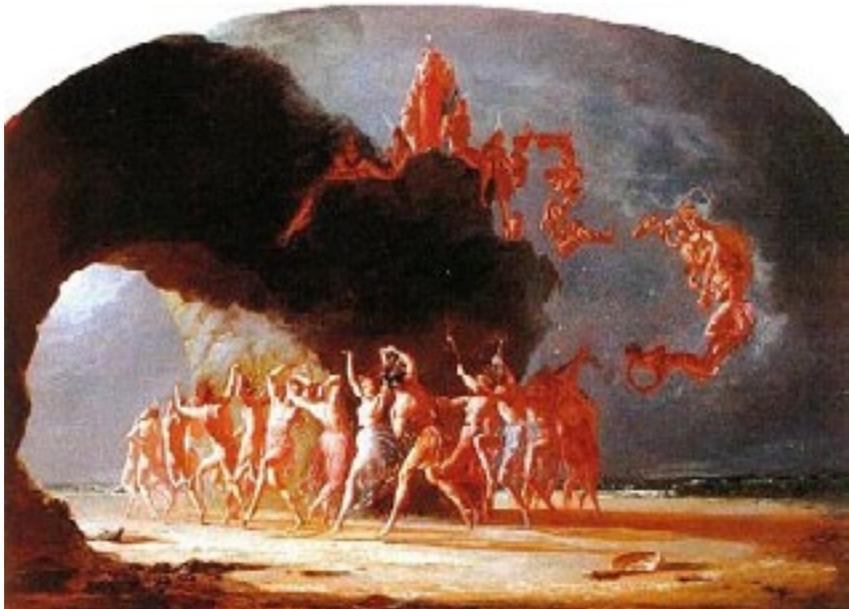
Ричард Дадд. Оберон и Титания: спор. 1854-1858 гг.

Сюжет картины взят из античной мифологии. Вообще, тема волшебства и мифологии («Волшебная школа»), весьма популярная в викторианскую эпоху, была очень близка Дадду. Его сказочные картины «Сон Титании» и «Снизойди на эти жёлтые пески»¹, написанные до болезни, были высоко оценены Королевской художественной академией и принесли Дадду славу талантливого художника.

Для полотен Дадда характерны тщательная прорисовка деталей (работая, он использовал лупу), и своеобразная цветовая гамма с преобладанием мрачных сине-чёрных и желтых тонов. Образы, населяющие его картины, фантастичны, они «не от мира сего». Здесь как нельзя лучше про-

1. «Снизойди на эти желтые пески» – строка из романтической трагикомедии «Буря» Уильяма Шекспира, любимого автора Ричарда Дадда.

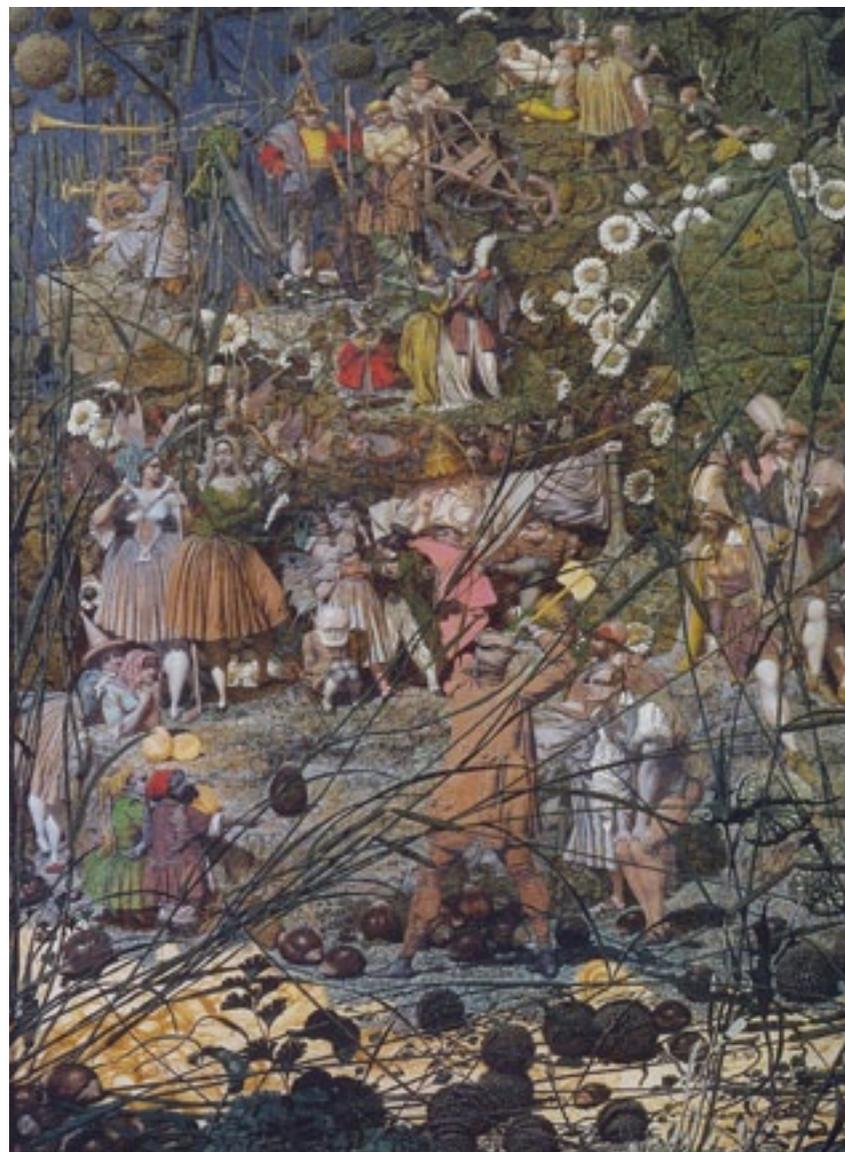
являются особенности шизофренического мировосприятия – яркие, неземные краски сказочного, фантастического мира в прорехах блеклой серой реальности.

Ричард Дадд. Снизойди на эти жёлтые пески. 1842 г.

На полотнах Дадда, написанных им в Бедламе, соседствуют галлюцинаторные образы и живые люди, сказочные миры и реальность – словом, это почти идеальное художественное воплощение сложного, «многослойного» мира больного шизофренией.

Картины Дадда требуют тщательного рассмотрения. Скрупулезно выписанные микроскопические детали складываются в удивительный узор, раскрывающийся наподобие калейдоскопа. Внимательное изучение их с каждой минутой приносит новые открытия. В сплетении узоров обнаруживаются человеческие лица, за ширмой спокойного пейзажа бушуют отчаянные страсти, а в смешении красок проступает тайная гармония.

Ричард Дадд. Мастерский замах сказочного дровосека. 1855-1864 гг.

Чрезвычайно интересна самая знаменитая работа Дадда, выполненная им во время пребывания в Бедламе – «Мастерский замах сказочного дровосека», над которой он трудился почти десять лет. Выдержанная в той же синевато-желтой гамме, картина поражает галлюцинаторными образами сказочных существ, проступающих через сплетение трав. Миниатюрные герои, населяющие мир цветов, листьев, семян, орехов и разнотравья, представляют удивительный симбиоз реальности и болезненно искажённого восприятия.

Среди персонажей – портреты реальных людей: окружавших Дадда больных и служителей Бедлама, и изображения сказочных героев – фей, эльфов, гномов. В центре картины – длиннородый старик в белом хитоне, как бы выступающий за пределы композиции. Кто именно изображен на этом полотне, неизвестно. Исследователи творчества Дадда полагают, что сказочные образы, населяющие это полотно, навеяны художнику его галлюцинациями.

Психическая болезнь Дадда продолжала прогрессировать до самой смерти. В последние годы у него отчётливо проявились признаки шизофренического дефекта личности – апатия, безволие, аутизм. Он становился всё более замкнутым, равнодушным и безразличным ко всему. Уильям Чарльз Худ, бывший лечащим врачом Дадда в Бедламе, так описывал своего пациента:

«В течение нескольких лет после его поступления к нам он считался одним из самых буйных и опасных больных. Время от времени безо всяких видимых к тому причин он вскакивал на ноги и начинал молотить воздух кулаками. Он объяснял, что какие-то духи всё ещё овладевают его волей и заставляют тело делать то, чего он не хотел бы... Он очень эксцентричен и вовсе не обращает внимания ни на какие приличия – как в своих действиях, так и в словах. Он представляет собой самое что ни на есть животное существо, объедаясь до такой степени, что его начинает тошнить. Несмотря на все эти отталкивающие черты, он может быть в то же время весьма тонко чувствующим и приятным собеседником, обнаруживая в

разговоре наличие яркого и наблюдательного ума, весьма изощренного в тонкостях своей профессии, в которой он всё ещё сияет и вне всякого сомнения достиг бы больших высот, если бы не эти печальные обстоятельства...»

Ричард Дадд. Круг. 1841 г.

Спустя несколько лет Худ записал в дневнике:

«В симптомах заболевания этого человека не произошло никаких изменений... Он всё ещё развлекает себя с помощью своей кисти, но стал медленнее в работе. Он очень мало общается с другими пациентами, но обычно сдержан в отношениях с ними и ведёт себя вполне прилично. Ум его полон делузий»...

Ричард Дадд. Безумная Джейн. 1855 г.

Незадолго до смерти психическое состояние Дадда ухудшилось. Он почти не общался с окружающими, перестал заниматься живописью, и жил, полностью погружённый в свой болезненный мир. Скончался Ричард Дадд в январе 1886 года от чахотки.

В литературном творчестве пизофрения неразрывно связана с именами шведского писателя Стриндберга и немецкого поэта Гёльдерлина.

Юхан Август Стриндберг (1849–1912) по праву считается одним из основателей современной шведской литературы. Его пьесы «Отец», «Фрекен Юлия», «Товарищи», романы «Исповедь безумца», «Ад», «Легенды», исторические драмы «Карл XII», «Густав Васа», «Кристина» вошли в историю мировой литературы, а влияние творчества Стриндберга испытали на себе М. Метерлинк, Ж.П. Сартр, Б. Брехт. Особый интерес для нас представляют автобиографические произведения, в которых Стриндберг описывает собственное заболевание.

Юхан Август Стриндберг. Фото 1900-х годов

К нему рано пришла писательская слава. Уже в 21 год он впервые увидел на сцене свою пьесу. Впрочем, болезнен-

но ранимый и мнительный Стриндберг не испытал от этого никакой радости. Впоследствии он рассказал о своих тогдашних переживаниях, вложив их в уста своего героя:

«У Иоганна было такое чувство, словно он подсоединен к какой-то электризирующей машине. Каждый нерв его дрожал, ноги его тряслись (исключительно от нервности), и во всё время действия по лицу его текли слезы. Он видел несовершенство своей работы и стыдился своих горящих ушей; он убежал раньше, чем упал занавес. Он был совершенно уничтожен... Всё было хорошо, всё, кроме пьесы. Он ходил вниз, у воды, взад и вперед; он хотел утопиться».

Судьба Стриндберга складывалась нелегко. Ему пришлось покинуть родину, скрываясь от преследования властей, скитаться, жить на чужбине:

«Сама жизнь в этом городишке, где он не чувствовал себя дома, была ему отвратительна. Его душа разлагалась, развеивалась, как дым, грязный город терзал его, этот ландшафт мучил его. Он размышлял о самом себе и, как все мечтатели, пришёл к окончательному выводу, что он ненормальный. Что было с этим делать? Если бы его посадили под замок, он сошёл бы с ума, в этом он был уверен. Лучше уж это как-нибудь предупредить, думал он. Он вспомнил, что при нём как-то говорили об устроенном в одной деревне частном приюте для безумных, и написал устроителю. Тот успокоил его».

Выдающийся психиатр того времени Карл Ясперс, составивший патографию Стриндберга, считал, что началом заболевания шизофренией у писателя следует считать приступ 1882 года, когда Стриндберг, находясь в деревне, заболевает таинственной болезнью. Что-то непонятное происходит с его разумом. Его настроение постоянно меняется, он то считает себя неизлечимо больным, то чувствует себя вполне здоровым. Наконец он приносит из лаборатории своего друга склянку цианистого калия, чтобы покончить с собой:

«Подавленный и разбитый, лежал я на софе, смотрел на моих играющих детей, вспоминал счастливые минувшие дни и готовился к смерти. Но никаких записок я не оставляю, потому что не хочу открывать ни причину моей смерти, ни моих мрачных подозрений».

Вскоре он вновь выздоравливает, однако впоследствии приступы непонятной болезни неоднократно повторяются. В 1887 году наступает кризис. Стриндберг оставил нам его описание:

«Меня опрокинуло назад, когда я сидел за столом с пером в руке: лихорадочный припадок швырнул меня на пол. Уже пятнадцать лет я не был серьезно болен, и вот возникает этот припадок и валит меня; я испугался... Лихорадка трясла меня, как трясут перину, перехватывала мне горло, стараясь задушить, давила мне коленом на грудь, жгла мне голову так, что мои глаза, кажется, вылезали из орбит. В моей мансарде я был один на один со смертью... Но я не хотел умирать! Я оказывал сопротивление, и борьба была упорной. Мои нервы слабели, кровь билась в жилах. Мой мозг трепыхался, как полип, брошенный в уксус. Вдруг я уверился, что на меня напала эта пресловутая пляска смерти; я обмяк, упал на спину и отдал себя в жуткие объятия чудовищного. В то же мгновение какой-то несказанный покой охватил всё моё существо, какая-то сладостная истома проникла в мои члены, какое-то нездешнее блаженство снизошло в мою душу и тело... Как страстно я желал, чтоб это была смерть! Всё слабее и слабее становилась моя воля к жизни. Я перестал искать, чувствовать, думать. Я потерял сознание».

Однако ещё до этих приступов у Стриндберга появились отчётливые признаки бреда ревности, мастерски описанные им в автобиографическом романе «Исповедь глушца»:

«...На её губах застывает бесстыжая улыбка. Она ожидает меня со страхом, который слишком понятен... Она тайком производит траты... Это не те

доказательства, которые можно представить в суд, но мне их достаточно, потому что я точно знаю их суть.

В отеле лежит альбом карикатур на знаменитых скандинавов. Там есть изображение, украшенное рогом, который ненавязчиво образует один завиток моей шевелюры. Художник, нарисовавший этот портрет, — один из наших лучших друзей. Я мог отсюда заключить, что неверность моей жены уже сделалась притчей во языцех: о ней известно всем, кроме меня. Разыскания? Я словно лезу на стену! Меня выслушивают, мне сочувственно усмеваются, меня рассматривают, как какого-то редкостного зверя. Я не добился даже малейшего прояснения!»

В чувствах Стриндберга отчётливо проявляется амбивалентность:

«Я ласкаю её, и в это же время обвиняю, и спрашиваю, не пора ли ей наконец покаяться своему другу... В чём же? Мне нечего сказать. — Если бы в этот миг она во всём мне призналась, я простил бы ей: такое страдание рождали во мне муки её совести, так я любил её, несмотря ни на что... И всё же во мне оставались сомнения, — сомнения в добродетели моей супруги, сомнения в том, что мои дети законнорожденные, — сомнения во всём непрерывно и безжалостно одолевали меня. Но так или иначе, пора положить этому конец, пора остановить этот поток пустых мыслей! Я должен быть в чем-то уверен, иначе я умру! Или здесь совершается тайное преступление, или я сошёл с ума! Правда должна выйти на свет! Быть обманутым супругом! Ну, и что с того? — но только если бы я это знал! Да я бы тогда первый посмеялся над этим... Вот что главное: это надо знать! Но я должен знать точно. И для этого я должен основательно, тактично, научно исследовать свою жизнь. Я намерен употребить все подручные средства новейшей психологии, использовать внушение, чтение мыслей, духовную пытку, не пренебрегая и такими известными, старомодными средствами, как взлом, воровство,

перехват писем, подделка подписей, — я испробую всё. Что это — мономания? Морок обезумевшего? Об этом я не могу судить...»

Спустя два года он уже иначе смотрит на произошедшее:

«Я пою ей хвалу и творю бессмертную легенду об этой поразительной женщине, милостью Божьей вошедшей в мученическое бытие поэта... И критики, не устававшие восхвалять эту добрую фею пессимистически настроенного романиста, украсили незаслуженными лаврами её проклятое чело... И чем больше я страдал от беспутства моей менады, тем больше я старался раззолотить нимб над головой этой Святой Марии! Чем больше унижала меня действительность, тем сильнее преследовали меня галлюцинации, в которых возникала сотворенная мной возлюбленная женщина!.. О, эта любовь!»

Здесь проявляется склонность больных перетолковывать своё прошлое с точки зрения бредовых убеждений. В дальнейшем бред ревности постепенно трансформировался в бред преследования. Стриндберг уверен, что жена задумала убить его:

«Весь их пол приговорил меня к внешнему и внутреннему уничтожению, и моя мстительная фурия взяла на себя неблагодарную и трудную задачу замучить меня до смерти... Она торжествует. Я уже дошёл до того, что мне грозит слабоумие: уже появляются первые признаки бреда преследования. Бреда? Почему бреда? Меня преследуют! Так что моё ощущение, что меня преследуют, совершенно логично».

Охваченный страхом за свою жизнь, Стриндберг решается бежать. Он покидает Швецию и в течение четырех лет скитается по Европе:

«Продажу моих книг запрещают, и из города в город я бегу, преследуемый, во Францию... Чтобы избежать насмешек, окружающих обманутого мужа,

я убегаю в Вену... В Париже мои прежние друзья от меня отступают и заключают с моей женой союз против меня. Как дикий зверь, которого обложили, я меняю поле битвы и, почти обнищав, дотягиваю до нейтральной гавани в одной облюбованной художниками деревне в окрестностях Парижа... В середине лета я ускользаю в четвёртый раз, теперь — в Швейцарию. Но цепь, которой я прикован, не из железа: я не могу её разбить! Это какой-то каучуковый канат, который растягивается... Я снова возвращаюсь... Одинаединственная боль охватывает меня и пронзает мне сердце. Я кажусь себе какой-то лоскутной куклой, попавшей в огромную паровую машину... Я словно эмбрион, у которого раньше времени перерезали пуповину... В Констанце я сажусь на поезд... И теперь уже этот локомотив так промывает мне кишки, и мозги, и нервы, и жилы, и все мои внутренности, что в Базель прибывает нечто вроде моего скелета. В Базеле меня вдруг охватывает внезапная страсть вновь увидеть всё те места в Швейцарии, где мы с ней останавливались... Я провел неделю в Женеве и неделю в Уши; гонимый воспоминаниями, я переезжал из отеля в отель, не зная покоя, как проклятый, как преследуемый, как Вечный Жид».

Со временем заболевание дает о себе знать эмоциональным истощением и апатией, перемежающимися галлюцинаторными переживаниями:

«Такое положение, окружение, диета дали мне ощущение некоего тупого покоя, но повторение уже пережитого, вдыхание скверного воздуха, общение с мелкими умами давит и терзает меня... И это время, и эти люди кажутся мне душевно больными... Жалкая во всех отношениях жизнь! Умираешь по частям, и лучше всего живешь во сне... Я смертельно устал и измотан; чувствую, что пережил последнюю стадию исчезновения иллюзий: что наступил мужской l'age critique, сорок лет, когда уже всё просматривается насквозь, как стекло... Для меня совершенно невозмож-

но что-либо писать, когда я с утра до ночи в дороге и, потный, грязный и усталый, добираюсь до отеля, чтобы на следующее утро тащиться дальше... Я живу в доме, где два года назад жил друг моей юности, утопившийся в пруду, потому что его жена оставила его и забрала с собой его детей. Я спал в той же комнате, где он спал в свою последнюю ночь, и я испытывал такое ужасное воздействие пруда! Я так ясно видел, как вваливаются в дом неотесанные люди и физически оскорбляют меня, что я зажег свет, прислонил к кровати заряженные ружья и ждал рассвета, который, к счастью, через час наступил. Никогда я так не грезил наяву...»

В ноябре 1890 года Стриндберг приезжает в Берлин, где останавливается у своих друзей Лауры Мархольм и её мужа Ола Ханссона. Они окружают его вниманием и заботой, однако вскоре Стриндберг начинает подозревать Лауру Мархольм в том, что она хочет «пожрать его и весь мужской пол», «продемонстрировать на нём ничтожество мужчин», спровадить его в сумасшедший дом. Он называет её «Кошмархольм» и считает главной преступницей:

«Она опасна, она крадёт умственную сперму чужих мужчин и выдает её за плоды её собственного брака! Сама по себе она непродуктивна, но у неё есть та доведенная до предела способность подражания, которой обладает чёрная раса... Чтобы представить себя великим исключением, она торжественно провозглашает ни на что не годными прочих пишущих женщин!.. И потом, она же противоречит этой аксиоме о бесплодности пишущих женщин как движущей силе их художничества, поскольку сама произвела на свет ребёнка! Воистину дитя тенденции... Я всегда проповедовал женское ничтожество. Поэтому она теперь хочет поработить в моем лице мужской пол и показать, что это мы – ничтожества! Мир должен получить меня только из её рук! Я имею право достичь всего только с её помощью! Она даже хочет свести меня с другими женщинами, чтобы снова вернуть в кабалу... Ей

нужно одолеть меня, чтобы выставить всю мою философию женщины следствием моей мономании! Она хочет помешать миру самому видеть и судить, она хочет постепенно внушить ему, что я безумен, и в конце концов упечь меня в сумасшедший дом... Я в плену у госпожи Синяя Борода».

Стриндберг говорит подобные нелепости всем знакомым Ханссонов, «выплескивая злобу при каждом удобном случае. Некоторые знакомые остались верны им, многие от них отвернулись». К чести супругов надо сказать, что они не стали вступать в конфликт с душевнобольным и терпеливо сносили клевету и несправедливости. Вскоре Стриндберг сбежал от них и поселился в гостинице. Спустя какое-то время, поздней ночью он снова внезапно появляется в доме Ханссонов:

«В руках гитара, на губах дружелюбная улыбка, в глазах тёплый блеск. Он ходил взад и вперёд, временами ударял по струнам, спел несколько куплетов, исполнил несколько танцевальных па. Он принес две собственноручно нарисованные картины. На следующее утро он исчез. Через некоторое время появился какой-то берлинский посыльный с письменным поручением упаковать и забрать его вещи».

В это же время со Стриндбергом случился другой приступ, на этот раз уже специфичный для шизофрении. Это произошло в трактире августинцев, во время разговора с одним знакомым:

«Он вдруг замолчал, наполовину потеряв сознание, однако без обморока и продолжая сидеть на своём стуле. У него возникло такое состояние, в котором он чувствовал себя отсутствующим и в то же время знал, где он в действительности находится. Он забыл, кто этот человек напротив, но обратился к нему: «Погодите! Я — у августинцев, но я очень хорошо знаю, что я в каком-то другом месте; не находите ли

вы... я не узнаю вас, но знаю, что мы знакомы. Где я?.. Не находите ли вы, что это чрезвычайно любопытно?» Перед его глазами был какой-то туман, какой-то задник неопределённого цветового оттенка, а сверху, с потолка, спускалось что-то наподобие театрального занавеса...»

Его преследуют иллюзии (парейдолии): подушка выглядит, как мраморная голова в стиле Микеланджело, а в полутени алькова стоит гигантский Зевс:

«Это решительно не случайно, так как в определенные дни эта подушка предстает омерзительным чудовищем, каким-то готическим драконом; как-то ночью, когда я вернулся с одной попойки, он меня приветствовал, этот демон, этот настоящий черт в духе средневековья, с козлиной головой. Страха у меня не было ни разу... но впечатление чего-то аномального, как бы сверхъестественного, крепко засело в моей душе. Анютины глазки на окне смотрелись так, что это меня нервировало, и вдруг я увидел среди них множество человеческих лиц».

Стриндберг по-прежнему страдает от бреда преследования, причем круг подозреваемых постоянно разрастается:

«Письма, которые он видит внизу, на конторке гостиницы, указывают на то, что здесь против него плетут интригу. На конвертах он прочитывает название австрийской деревни, в которой живет его жена, зашифрованное имя Пшибышевского (его врага на родине), шведское имя. Попадаетея письмо из одной химической лаборатории: «это значит, они шпионят за моим синтезом золота». Одно письмо «выставлено таким вызывающим образом, словно его показывают ему намеренно». Он спрашивает у слуги об этом зашифрованном имени и получает дурацкий ответ, что это какой-то эльзасец».

Для самого Стриндберга это бесконечное преследование необычайно тягостно:

«Эта неопределённость, эта постоянная угроза его мести довольно измучили меня за эти шесть месяцев... Под окном играют на пианино «Порыв» Шумана. Это Пшибышевский! Он приехал из Берлина в Париж убить меня... И за что?.. За то, что судьбе было угодно, чтобы его нынешняя супруга до того, как он с ней познакомился, была моей любовницей».

Болезненные проявления нарастают:

«У меня такое ощущение, что где-то мною занимаются... Я жду какого-то взрыва, какого-то землетрясения, какого-то удара молнии – не знаю, с какой стороны. Нервный, как лошадь, почуявшая приближение волков, я ощущаю опасность и упаковываю мой чемодан для бегства, не способный в то же время пошевелиться. Я жду какой-то катастрофы, но не в состоянии сказать, какой именно».

Наконец в начале июля наступает озарение:

«Тут какое-то успокаивающее чувство проникает в моё тело: я жертва какого-то электрического тока, который проходит между этими двумя соседними комнатами. Напряжение растёт... Меня убивают!»

Он бежит из гостиницы и поселяется в садовом домике.

«Этот покой, наступивший после моего бегства, доказывает мне, что никакой болезни у меня нет, но что мои враги преследуют меня».

Однако и тут покой оказывается недолгим. Стриндберга начинают преследовать галлюцинации:

«В соседней комнате складывают какие-то предметы, совершенно непонятные. Он слышит шорохи над своей головой: там чертят линии, стучат молотками, словно монтируют какую-то адскую машину. Поведение хозяйки изменяется, она пытается у него что-то выведать, в её приветствии есть вызывающий оттенок. Он ожидает худшего, прощается с этим миром. Наступающая июльская ночь доводит эти потрясающие его душу переживания до предела. Он лишь отчасти способен её вспомнить. Всё было новым, страшным, непостижимым. Этой ночью болезнь достигает своего пика. Придя домой, он ощущает присутствие человека. «Я его не видел, но я его чувствовал». Всё предстало ему изменившимся, однако так, словно всему хотели придать невинный вид. Он не убегает, потому что слишком горд. Двое рабочих на соседней крыше выцеливают его стеклянную дверь. Люди разговаривают тихими голосами и указывают пальцем на его дверь. «В десять часов моя лампа потушена, и я спокойно, со смирением умирающего, засыпаю. Я просыпаюсь; часы бьют два, где-то закрывается какая-то дверь, и... я уже не в кровати, меня подняло словно каким-то всасывающим насосом, который высасывает моё сердце. Когда я оказываюсь на ногах, какой-то электрический душ падает на мой затылок и придавливает меня к полу». Он одевается. Первая мысль: позвать полицию. Входная дверь заперта. «Ведомый мыслью, что если я ошибусь — я пропал, я возвращаюсь в мою комнату». «Я выволакиваю в сад кресло и, сидя под звёздным куполом, размышляю о том, с чем я столкнулся... Какая-то болезнь? Невозможно, поскольку всё у меня было хорошо, пока я не раскрыл моё инкогнито. Покушение? Очевидно, поскольку я своими глазами видел приготовления. К тому же здесь, в этом саду, где я вне досягаемости моих врагов, я вновь прихожу в себя...»

На следующий день он сбегает в Дьепш к друзьям. В Дьепше он рассматривает своё лицо в зеркале:

«В чертах моего лица было выражение, которое меня испугало. Это была не смерть — и не порок, это было что-то другое... это был след, оставленный по себе злым духом».

После этого в течении болезни наступает период стабилизации. Бредовые переживания сохраняют свою силу, чувства постепенно притупляются, наступает привыкание. Острых приступов больше не наблюдается. Стриндберг скитается по Европе, непрерывно переезжая с места на место — из Дьешпа в Лунд, из Лунда в Берлин, из Берлина на Дунай, потом снова в Лунд, затем в Париж. В 1899 году Стриндберг перебирается в Стокгольм, где и остается до конца жизни.

В болезни Стриндберга четко прослеживается этапность шизофрении. Продромальные (доболезненные) симптомы, проявляющиеся в болезненной настроенности, ощущении изменённости мира, тревожном ожидании неминуемой беды сменяются первым приступом (шубом), во время которого выявляются признаки начавшегося заболевания. В дальнейшем шизофрения проявляет себя сложными бредовыми построениями и галлюцинациями; затем происходит постепенная кристаллизация бреда, сопровождающаяся появлением дефицитарных симптомов. Бредовое озарение знаменует вершину патологического процесса, после этого заболевание переходит в стадию адаптации.

Благодаря мастерскому описанию Стриндбергом симптомов и течения своего заболевания его произведения могут служить своеобразным «литературным учебником» по шизофрении. Это редчайший случай подлинно талантливого и глубокого описания больным своих переживаний. Поэтому можно смело утверждать, что автобиографические повести и романы Стриндберга имеют не только литературную, но и огромную научную ценность.

Не менее ярким проявлением болезненного мироощущения было проникнуто творчество немецкого поэта Иоганна Кристиана Фридриха Гёльдерлина (1770 – 1843). Заболевание его впервые проявилось в 1800 году, когда Гёльдерлину исполнилось 30 лет. Спустя два года расстройства психики стали настолько серьезными, что родные были вынуждены поместить Гёльдерлина в психиатрическую лечебницу.

Иоганн Гёльдерлин. Портрет работы Ф. Химера. 1792 г.

Первыми признаками начинающейся болезни стали необычайная раздражительность и падение работоспособности. Гёльдерлин проводит «много хороших часов в полубессмысленной задумчивости», в ощущении «какого-то оглушающего беспокойства», его состояние постоянно меняется — он то чувствует себя «слишком рассудительным и замкнутым», то «часто — как лёд». Нарастает чувство отчужденности и одиночества. В марте 1801 года Гёльдерлин пишет своему брату:

«Я чувствую, что мы уже не так любим друг друга, как раньше; это началось давно, и виноват в этом я. Я первый взял этот холодный тон... меня охватило какое-то неверие в вечную любовь... я боролся до смертной усталости, чтобы удержать ту, более высокую, жизнь в вере и созерцании, да, я боролся, испытывая страдания, которые, судя по всему, превосходят своею силой всё прочее, что только способен выдержать человек с твердостью железа. В конце концов, поскольку сердце было надорвано более чем с одной стороны, но всё же держалось, я не мог избежать того, чтобы не втянуть себя – теперь уже и мыслями – в то злое отчаяние, которого вся загадка – что более важно: животрепещущее или вечное – так легко решается одним ясным взглядом».

В 1802 году Гёльдерлин неожиданно бросает место домашнего учителя в Бордо и возвращается домой. Близкие отмечают у него явные признаки безумия. Шеллинг так описывает его состояние:

«Дух совершенно расстроен... в полном отсутствии сознания... отталкивающе пренебрегает своей внешностью... Поведение помешанного... тих и обращен в себя».

Начиная с этого времени в творчестве Гёльдерлина отчетливо проступают черты шизофренически искажённого восприятия действительности. Известный историк культуры В. Дильтей пишет о сборнике гимнов Гёльдерлина, вышедших под заглавием «Песни ночи»:

«Это венец последней эпохи Гёльдерлина; свершается судьба, которая вела всё его поэтическое развитие к полному освобождению внутреннего ритма чувств от стихотворных метрических форм, однако последний шаг в этом развитии был сделан им на пороге безумия... В тех сумерках, которые на него спустились, герои и боги начали приобретать чудовищные размеры и фантастические формы... И его язык, сохраняя свою изобразительную силу, доходит до стран-

ного и эксцентричного. В нём какая-то неповторимая смесь болезненных черт с чувством нового стиля лирического гения».

Всё это ярко проявилось в стихотворении «Половина жизни»:

От желтых груш пятниста
И в розах утопает
Земля в океане.
Вы, лебеди милые,
Пьяны поцелуями,
Головы окунаете
В воду священноразумную.
Горе мне, где я возьму, когда
Зима наступит, цветы и где —
Солнечный свет
И тени земные?
Стены стоят
Безмолвны и холодны, и на ветру
Знамен дребезжанье.

Быстрое прогрессирование заболевания не могло не отразиться на творчестве поэта. Стихи, написанные им в разгар заболевания (1805 – 1806 года) становятся всё более примитивными, пустыми и бессмысленными, возникают случайные ритмы и пусто-звонкие формы; стихи приобретают вычурно-резонёрский характер. В качестве примера приведем стихотворение «Весна» (1806 год):

Оставил человека дух тревожный,
Весна уже цветет, всё делая роскошным,
Зеленые поля чудесно расстилает —
И вот уже ручей по ним бежит, сверкает,
И склоны гор стоят, покрытые лесами,
И благодатный дух простора над полями...

Гёльдерлин живет в удивительном мире, сочетающем в себе черты мифического эллинского общества и окружающего его реального мира. Постепенно мифический, фантастический мир заслоняет собой реальность, становится домини-

рующим и определяет всю дальнейшую жизнь и творчество Гёльдерлина. В 1802 году в письме своему другу он пишет:

«Давно не писал я тебе; я был это время во Франции и видел печальную и одинокую землю: хижины и редкие красоты Южной Франции, мужчин и женщин, выросших в страхе патриотических сомнений и голода. Этот мощный элемент — огонь небес и тишь людей, и их жизнь на природе, и их ограниченность и довольство — постоянно волновал меня, и, повторяя вслед за героями, я мог бы, пожалуй, сказать, что меня поразила Аполлон. В областях, граничащих с Вандеей, меня интересовало то дикарское, воинственное, чисто мужское, которого глаза и члены непосредственно проникнуты светом этой жизни, которое в чувстве смерти ощущает себя, как в какой-то виртуозности, и утоляет в нём свою жажду знания. Эстетическое начало этих южных людей, лежащее в руинах античного духа, сделало мне ближе собственно суть эллинов; я познакомился с их натурой и с их мудростью, с их телами, со способом их произрастания в их климате и с тем уставом, по которому они оберегают свой озорный дух от элемента насилия... Родная природа захватывала меня тем больше, чем больше я её изучал. Гроза — не только в своём высшем проявлении, но, в том же самом смысле, как власть и как образ, — и в остальных небесных формах; свет, в своём воздействии национально-образующий и, в качестве принципа того, что для нас что-то свято, предопределяющий нашу судьбу; его поступь в приходе и уходе; характерный облик наших лесов и встреча в одной местности разнохарактерных природных ландшафтов, так что все святые места земли, соединившись, возникли в одном месте, а философский свет — в моем окне, — вот что теперь составляет мою радость... Я думаю, что мы не только не будем комментировать поэтов прежних времен, но что вообще манера пения приобретет какой-то иной характер, и нас поэтому не услышат до тех пор, пока мы не начнём вновь, после греков, петь традиционно и естественно, то есть собственно оригинально».

Божественный мир эллинской мифологии для Гёльдерлина реален, он живет в нем, он ощущает трудности и опасности, исходящие от этого мира:

«И, волей Вакха, ныне бесстрашно пьют
Огонь небесный дети земли.
Но нам, поэтам, должно, стоя под Божьей
Грозой ужасной с главой непокрытой,
Ловить лучи Отца, Его самого
И в ваш язык небес дары
Нести в ладонях, окутав их в песни.
Ведь только чистым сердцем,
Как дети чистым, нам, чьи души безгрешны,
Лучи Отца огнём не зажгут ладонь,
И, сострадая вечно и глубоко,
Его страданью, сердце всё ж будет жить»

Однако спасение возможно. Гёльдерлин раскрывает тайну взаимоотношения богов и людей:

«Но Бог, щадя и меру точно зная,
На миг один жилья людского прикасаясь,
Хранит нас...
Но слишком трудно этот дар вместить,
Ведь если бы Дарящий не скупился,
Давно благословенный Им очаг
Наш кров и стены в пепел обратил».

Творчество Гёльдерлина вызывает противоречивые оценки. Одними искусствоведами оно считается малозначительным, лишённым художественной ценности, поскольку несёт на себе отпечаток психоза. Другие же видят в нём образец подлинного искусства, очищенного от меркантилизма и отражающего глубинные, скрытые переживания; стихотворения, написанные поэтом в период заболевания, объявляются «сердцевиной, стержнем и вершиной творчества Гёльдерлина, его истинным завещанием». Для нас же в первую очередь представляют интерес проявления болезненного восприятия и специфические расстройства мышления, связанные с психическим расстройством, а в этом отношении стихи Гёльдерлина весьма показательны.

Изобразительное искусство и литература – традиционные формы творческого самовыражения. Однако ими не исчерпываются возможности реализации таланта. Одно из самых необычных творческих проявлений шизофренического переживания могли наблюдать видевшие знаменитого польского танцора и хореографа Вацлава Нижинского во время его последнего выступления.

*Вацлав Нижинский в балете «Шехерезада». Париж. 1916 г.
Фото Де Мейера*

Заблевание у него развилось в 1917 году, когда Нижинскому было 27 лет. Его жена Ромола де Пульски вспоминала, что за несколько дней до острого приступа Вацлав стал преувеличенно религиозным. В это же время он решил организовать моноспектакль для близких друзей.

В назначенное время все собралось, однако выступление задерживалось. Когда жена спросила артиста, собирается ли он танцевать, то услышала от обычно нежного и внимательного Вацлава гневный крик:

«Молчать! Скажу, когда настанет время. Это моё обручение с Богом».

Вскоре он вышел на сцену и обратился к присутствующим со словами:

«Я покажу вам, как мы, артисты, живём, страдаем и творим».

Нижинский сидел верхом на поставленном спинкой вперёд стуле и опираясь руками о барьер, внимательно смотрел на собравшихся. Ромола де Пульски вспоминает:

«Все молчали как в церкви. Шло время. Так прошло около получаса. Публика вела себя так, как будто была загипнотизирована им... Акомпаниатор заиграла первые такты «Сильфиды», надеясь обратить внимание Вацлава на этот танец... Желая смягчить напряжение я прошла к нему и попросила его начать танцевать. Он закричал в ответ: «Как ты смеешь мешать мне, я не машина!»

Поняв, что происходит что-то неладное, жена вышла, чтобы посоветоваться с врачом. В это время Нижинский начал танцевать – великолепно, но поразительно жутко:

«Он бросил на пол несколько полотнищ черного и белого бархата в форме большого креста а сам встал около верхней точки фигуры с распростёртыми руками в виде живого креста. «Сейчас я станцую вам войну с её уничтожениями, страданиями и смертью. Войну, которую вы не предотвратили, и потому за неё несё-

те ответственность». Танец Нижинского был таким же великолепным и чарующим, как и всегда, но в нём было что-то новое. Временами он напоминал сцену с Петрушкой, в которой кукла пытается убежать от своей судьбы. Казалось, что охваченный ужасом зал заполнен страданиями человечества. Он как будто ввел нас в транс. Все его жесты были драматичны, монументальны; казалось, что он плывет над нами. Мы все сидели охваченные ужасом, затаив дыхание, странным образом зачарованные, словно окаменевшие. Мы чувствовали, что Вацлав напоминает одно из каких-то могучих существ, захваченных неведомой силой, как тигр, который выскочил из джунглей и может в любую минуту нас уничтожить. А он продолжал танцевать, кружась в пространстве, завораживая зрителей своим видением войны и уничтожения мира, ставя их лицом к лицу со страданиями и ужасом, борясь всеми мускулами, молниеносной быстротой движений, проворством эфирного существа, чтобы спастись от неизбежного конца. Это был танец за жизнь против смерти».

Это было последнее выступление Нижинского. После этого до конца своих дней (Нижинский умер в 1950 году) он находился под наблюдением врачей, живя в мире собственных грез и фантазий. Граф Гарри Кесслер, потрясенный переменой, произошедшей с Нижинским, записывал в декабре 1928 года:

«Его лицо, оставшееся в памяти тысяч зрителей сияющим, как у молодого бога, теперь было серым, обвисшим, только изредка отблеск бессмысленной улыбки блуждал по нему. Дягилев поддерживал его под руку, помогая преодолеть три лестничных марша, ведущих вниз... Тот, кто когда-то, казалось, мог беззаботно летать над крышами домов, теперь едва переступал со ступеньки на ступеньку обыкновенной лестницы. Взгляд, которым он мне ответил, был бессмысленным, но бесконечно трогательным, как у больного животного...»

Приведённые выше истории выдающихся творческих личностей, страдавших психозом, помогают наглядно представить себе, как воспринимают мир люди поражённые этим недугом. Творческое наследие талантливых больных неоспоримо прежде всего в силу его документальности, подлинности описываемых переживаний. Именно это дает нам возможность проникнуть в удивительный мир болезненных построений, увидеть его глазами больных. Но вместе с тем эти произведения имеют и несомненную художественную ценность. Имена Ван Гога, Дадда, Стриндберга, Гёльдерлина, Нижинского – неотъемлемая часть общечеловеческой культуры, её важная и необходимая составляющая.

Однако в этой главе мы хотели бы не только коснуться темы творчества известных деятелей искусства, но и представить читателям художественные произведения, созданные обычными людьми, страдающими психозом.

Тема творчества больных психозом сегодня освещается крайне скупо. Мы хотели бы несколько расширить представление о творчестве больных психозом, познакомив читателя с их рисунками, небольшими рассказами и стихами. Не будучи искусствоведами, мы не станем комментировать художественную ценность и особенности стиля этих произведений. Наша цель в другом – мы хотим привлечь внимание читателя на те их черты, которые характерны для психического расстройства, и которые несут отпечаток психозом переживаний – ведь именно это делает такие произведения своеобразным «зеркалом», дающим возможность здоровому человеку «заглянуть» в мир больного психозом.

Взгляните на картину больного. Прежде всего, конечно, бросается в глаза специфический сюжет. Апокалипсические мотивы, конец света, катастрофы, крушения, смерть – излюбленная тема творчества душевнобольных. Девочка изображена на фоне ядерного гриба (обратите внимание на цвет губ и ногтей ребёнка). У её ног – мёртвый гном. Серо-чёрная тьма

окружает их. Справа зловещим светом мерцает пустая тыквенная маска – символ Хеллоуина, праздника тёмных сил.

Обращает на себя внимание характерная цветовая гамма, в которой выдержана эта картина. Мрачные чёрные, синие и зеленые тона контрастируют с ярко-желтыми и оранжевыми деталями. Это цветовое решение подчеркивает сюжет картины – причудливое переплетение реальности с мистическими и апокалипсическими мотивами.

Эта картина – своего рода головоломка. Нам кажется, что эти особенности роднят её с творчеством Ричарда Дадда. Чтобы докопаться до истины, зритель должен тщательно изучить полотно. Приглядитесь внимательнее – справа видна проткнутая дробиком долларовая банкнота, над ней в сплетении диковинных синих растений проглядывает глаз какого-то таинственного существа. Растрепавшиеся волосы девочки прорастают в полупрозрачную раковину моллюска. Мёртвый гном (игрушка? живое существо?), над которым склонилась девочка, оплетен какими-то красными лентами, возможно – частями растений. Все эти детали не случайны, они – часть художественного замысла, какого-то зашифрованного послания, вложенного художником в своё творение. Что оно означает? Ответ на этот вопрос знает, наверно, только автор картины.

А вот другой рисунок. Здесь также присутствует тематика смерти. Обратите внимание, как тесно переплетены здесь символы жизни и смерти, природы живой и косной. Подобная интеграция живого и мёртвого (в данном случае, череп следует рассматривать скорее как символ живого по сравнению со свечой или книгой – хотя и «мёртвого живого») типична для шизофрении. На рисунках больных шизофренией часто можно увидеть танковые гусеницы, встроенные в живое тело, металлические конструкции, растущие из головы и тому подобные компиляции. Очевидно, что на сюжет, композицию и цветовое решение рисунка в наибольшей степени оказывает влияние содержание болезненных переживаний человека.

Расшифровать послание, содержащееся в рисунках больных шизофренией без подсказки автора практически

невозможно. Нередко объяснение, которое дает сам художник, совершенно не вяжется с содержанием рисунка. Здесь необходимо помнить, что для больных шизофренией вообще характерно паралогичное мышление, не связанное ограничениями формальной логики, поэтому пытаться угадать, какой именно смысл вложил художник в своё творение – занятие неблагоприятное.

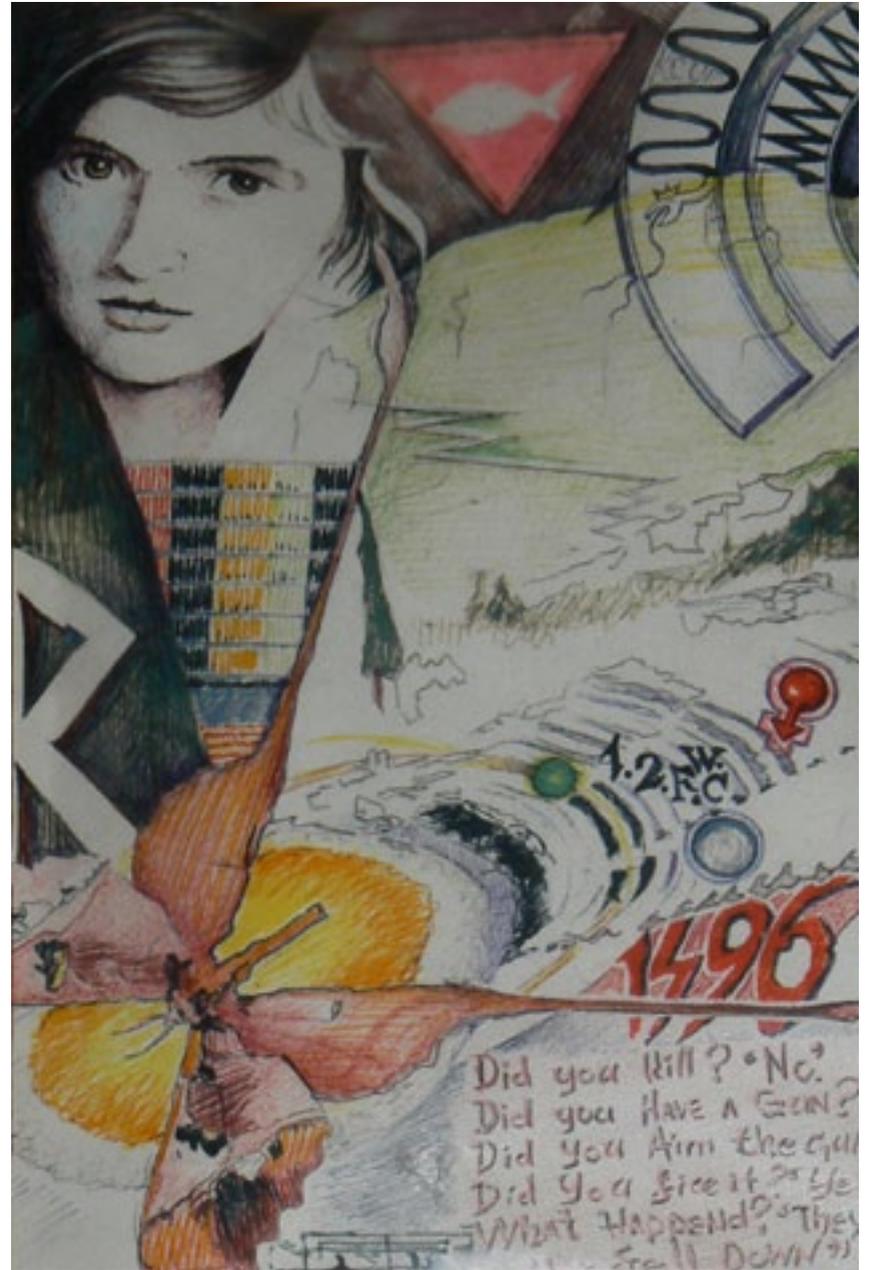
Впрочем, о настроении и восприятии мира автора следующей картины вряд ли стоит спрашивать. Боль, опасность, безысходность – вот три наиболее частых составляющих творчества больных шизофренией.

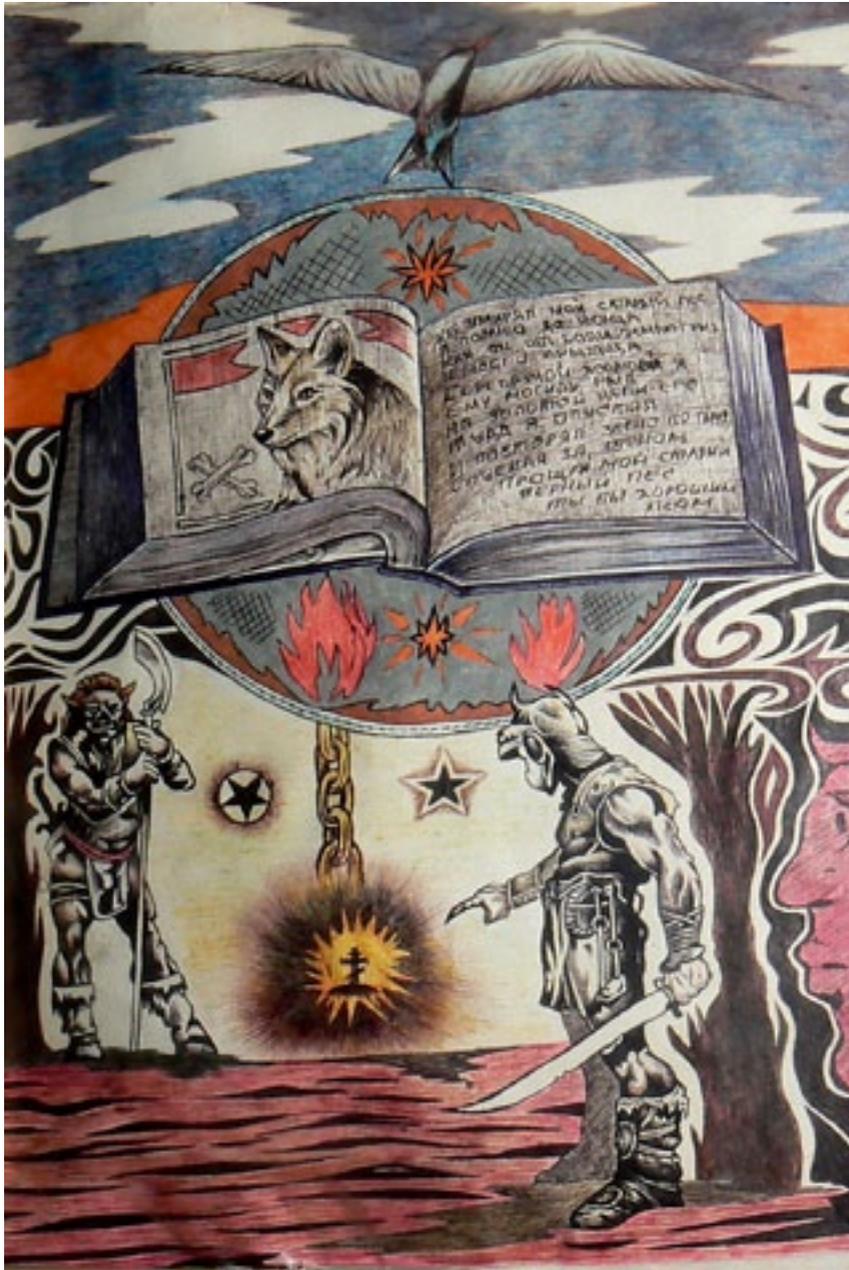

Мы уже упоминали, что мир больного шизофренией – это мир мельчайших деталей и самых точных подробностей. А рисунки больных – отражение этого мира. Взгляните на две следующие картины. Каждая из множества деталей, «населяющих» картину, несёт определенный смысл, значима для больного.

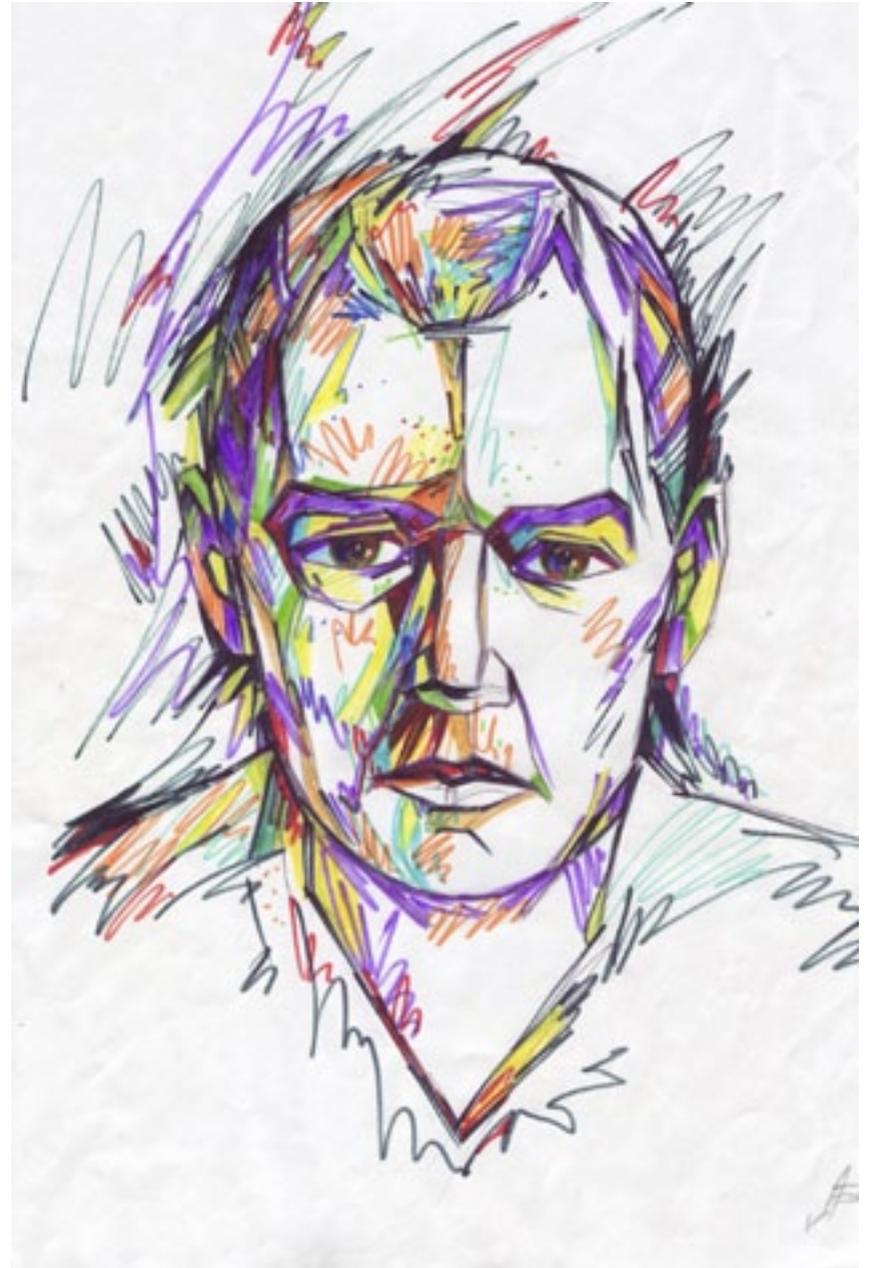

Мир больного шизофренией – не благоухающий сад, не райский уголок. Как правило, это мир жестокости, насилия и боли. Тема смерти, страданий, мучений, боли, наравне с темой расщепления, разрыва души, – самая распространенная в творчестве больных шизофренией. В их произведениях она нередко переплетается с эротическими мотивами.

А вот два примера литературного творчества больных шизофренией. Рассказ Олега М. кажется вполне заурядным, если не знать, что под ремонтом чердака он подразумевает лечение в психиатрической больнице. Признаться, нас весьма позабавили чрезвычайно меткие иносказательные описания коллег-психиатров и применяемых методов лечения. Автору не откажешь в наблюдательности и тонком чувстве юмора:

«Всё началось с того, что окружающие меня люди стали настойчиво советовать мне отремонтировать мой чердак. Это было тем более странно и неожиданно для меня, что чердак мой был просто замечателен. Меня он вполне устраивал, более того, он мне очень нравился. Он был старинный, со всевозможными украшениями, искусно вырезанными из дерева, обитый красной медью, с позолоченным литым петушком на высоком шесте. Чердак мой был полон таинственных существ. Там обитали привидения, в большом шкафу жил вурдалак, а между щелями было полно крохотных фей-эльфик. Однако как раз это и не нравилось людям. Они говорили, что негоже жить с таким странным чердаком, что у всех чердаки как чердаки, и только у меня какое-то посмешище, что так не годится, и что чердаку моему нужен срочный ремонт. В конце концов они так достали меня с моим же чердаком, что я согласился с необходимостью небольшого, чисто косметического ремонта.

И вот настал день, когда на моем чердаке появились два унылых молдаванина, волоча за собой ободранную стремянку. Молдаване без лишних слов приступили к делу: один из них взгромоздился на стремянку и принялся срывать листы шифера, а второй тут же раздолбывал их молотком на мелкие кусочки. Я пришёл в ужас. Молдаване явно вознамерились лишить меня крыши над головой! Я попытался было встать на защиту своей крыши, но старший молдаванин, угрюмый тип с висячими усами,

мрачно сообщил, что лучше мне не лезть не в своё дело, что они, молдаване, на сто вёрст вокруг лучшие спецы по крышам, что они и не такие чердаки делали, и ставили на место такие крутые крыши, что мне и представить этого никак невозможно. Я вынужден был отступить. Между тем молдаване работали споро: в несколько часов они окончательно и бесповоротно снесли мне крышу, после чего оба отлучились на минутку в ближайший ларек за сигаретами, прихватив с собой стремянку, битый шифер и вытребованный ими аванс. Нечего и говорить, что больше я никогда не видел ни этих молдаван, ни стремянки, ни аванса.

Между тем как на грех, начался ливень. Три дня я провел без крыши, сидя в большом корыте посреди гостиной и собирая зонтиком расплывающиеся по дому вещи. Когда я уже отчаялся увидеть свой чердак в более или менее пристойном виде, раздался стук дверного молотка. На пороге стоял молодящийся фронт с окладистой бородой, длиннейшими чёрными усищами и бордовым галстуком-бабочкой на бычьей шее. Оказалось, это знаменитый мастер, специалист по крышам и чердакам, который, прознав о моей беде (откуда – ума не приложу!) смилостивился и согласился подправить мою крышу. Мастер заверил меня, что он на сто вёрст вокруг лучший специалист по крышам (я вздрогнул, вспомнив молдаван), и что лучше него с этой работой никто не справится.

Этот оказался настоящим мастером своего дела. Окинув беглым взглядом мой чердак, он заявил, что ему всё совершенно ясно, что он так и думал, что дела мои плохи, но ничего страшного нет, и скоро я получу свой чердак в совершенно неузнаваемом виде. На моё робкое замечание, что я предпочел бы, чтобы мне вернули мой чердак в узнаваемом виде, он хмыкнул и отрезал, что ему лучше знать, какой чердак мне нужен. Я как-то сразу проникся к нему доверием, и думаю, именно это позволило ему в конечном счёте добиться успеха. Он принялся

воевать с моим чердаком, и притом столь успешно, что в каких-то два дня довершил то, что не доделали молдаване, а именно – снес мне чердак начисто. Он развалил перекрытия, разрушил старинные дубовые балки, поддерживавшие потолок, и вынес всё до пылинки, так что я остался не только без крыши, но и без чердака. Самое печальное, что вместе с чердаком он уничтожил превосходные дубовые антресоли, где был свален милый сердцу хлам: старые игрушки – плюшевый мишка с оторванной лапой, пожелтевший пластмассовый заяц, сломанная железная дорога, перегоревший фонарик и мой первый букварь. Вместе с антресолями были выброшены великолепный старинный секретер с множеством потайных ящичков, в которых таились удивительные и волшебные вещи, резной ореховый шкафчик тонкой работы с инкрустацией, и старинная двуспальная кровать красного дерева с завитушками и позолоченными херувимчиками.

Взамен мастер сколотил грубый дощатый ящик, который отчаянно скрипел при малейшем дуновении ветерка и ежесекундно грозил завалиться, придавив меня. Ящик был водружен на чердак, покрыт толем, после чего мастер торжественно объявил, что крышу мне починили.

С тех пор я живу с ящиком вместо крыши. Теперь там свистит ветер и гуляет метель. Временами из дыр течёт холодная вода – прямо на голову редким моим гостям. С этим ящиком мне чертовски холодно и неудобно. Единственное, что меня согревает – это мысль, что теперь я живу с исправным чердаком...»

А вот ещё один рассказ. Он также полон специфического юмора и намёков:

«...Вначале сумасшедшим было туго. Лечение никакого не было. Ни таблеток, ни уколов ещё не придумали, и оттого вся психиатрическая наука на-

ходила в большом тупике. Нельзя было ликвидировать бред и как следует разделаться с галлюцинациями. Психиатры тосковали и скучали без дела. Но потом к психиатрам пришли хирурги и предложили свои услуги. Они, хирурги, уже всё, что можно было, вырезали и теперь тоже маялись бездельем. А почему бы, сказали хирурги, не вырезать чего-нибудь в голове? Конечно, голова – не пузырь, туда так просто не заберешься, нужна хорошая пила, желательно двуручная, но для такого дела не жалко. А там, глядишь, в голове чего-нибудь важное обнаружится, и можно будет всех психов хирургией лечить. Психиатры ужасно обрадовались, трижды поцеловались с хирургами, и приступили к делу. И что бы вы думали – точно! Оказалось, что в голове скрывался один очень важный орган, о котором хирурги с психиатрами не знали – мозг. Он спрятан в черепе, снаружи его не видно, оттого психиатры и не подозревали, что он там есть. А хирурги, как только мозг нашли, сразу стали его на куски резать. И надо же – действительно помогло! Психи после таких операций становились тихими, покладистыми, безмолвными как мочалка. Восторгам не было предела. Буйный больной лежит спокойненько и сосет пустышку. Тихо, мирно, спокойно. Все довольны. Лоботомию объявили панацеей, спасением человечества от душевнобольных, а двое пронырливых итальянцев даже успели отхватить за это открытие Нобелевскую премию. Потом, правда, спохватились, и лоботомию запретили, но Нобелевскую премию отбирать не стали, чтобы не обидеть итальянцев. Говорят, один из них потом сошёл с ума, так что ему крупно повезло, что его открытие вовремя затормозили...».

Зная о трудной, подчас трагической судьбе творческих личностей, страдавших шизофренией, мы вправе задать вопросом – а стоят ли их страдания тех плодов, которые они оставили человечеству? Этот вопрос тем более актуален, что современные методы лечения позволяют

практически полностью избавиться от болезненной симптоматики, устранив галлюцинации, сняв психомоторное возбуждение и купировав бред. Однако вместе с исчезновением патологических симптомов прерывается и доступ к болезненному восприятию, к необычным, мистическим переживаниям, нередко служащим побудительным мотивом к творчеству.

Ответ на этот вопрос сложен. Несомненно, измененное болезнью восприятие мира придает особый оттенок творчеству и порождает такие произведения искусства, которые вряд ли смогли бы создать здоровые люди. Однако шизофрения – это не только измененное восприятие. Это ещё и глубокие расстройства мышления. Неизбежной расплатой за необычные, мистические видения и переживания служат тяжёлые нарушения мозговых процессов, позволяющих эти переживания осмыслить. Коварная болезнь не только дает новые ощущения. В гораздо большей мере она «крадет» способности. И если на одной чаше весов – доступ к необычным, мистическим переживаниям, недостижимым для здорового человека, то на другой – неизбежный, нередко глубокий дефект личности, делающий невозможным само творчество. Лишь единицам из числа больных удается не только противостоять болезни, но и творить. Остальным уготована иная судьба. Время от времени у них случаются короткие всплески активности, во время которых они «взрываются» творчеством, но это их творчество убого, примитивно и абсолютно бездарно. К сожалению, больной не способен адекватно оценить качество своего «творческого продукта». Обычно больные убеждены в том, что создали подлинный шедевр, величайшее произведение, гордость цивилизации. Примером может служить приведённый ниже образчик «творчества» больного. Игорь М., автор этого «шедевра», искренне верил, что его стихотворение – высшее достижение мировой поэзии, гениальное творение, равного которому в истории человечества ещё не бывало:

Ну что ж, ждате удачи писателей,
 Писатели ждате сарисий, ракочных и бунных,
 Ну просите ждате везде тогда тласило!
 Сидите, как турки в воскресенье и смирении, в
 свой класс.

Ну всётаки дни за днями проходили,
 И горю кто-то верховодили,
 Мужи несли, что это всётаки не я,
 И всё-таки таминство завести в
 бездурного страсти
 огня

Но дни за днями проходили!
 И скоро буду там и я,
 И там где кто-то верховодили
 И старости бездурного огня

25.08.94

Больной, как правило, не способен объективно оценить значимость своего творчества. Как уже говорилось, наличие подлинного таланта у больных шизофренией – исключительная редкость, вероятность которой ничтожна. При этом, отказываясь от лечения, чтобы иметь возможность создавать «шедевры», подобные приведённому выше стихотворению, больной теряет драгоценное время. Нередки случаи, когда за психиатрической помощью обращаются тогда, когда уже имеется глубокий личностный дефект. В этих случаях даже самое активное лечение мало что способно изменить, и дальнейшая судьба таких боль-

ных плачевна. Поэтому при решении вопроса о раннем лечении шизофрении безусловным приоритетом должно быть сохранение личности человека – пусть даже в ущерб каким-то необычным переживаниям. Это тем более очевидно, что шизофрения всегда сопровождается снижением способности человека к активной деятельности, а следовательно – и к творчеству.

В заключение темы о творчестве душевнобольных хотелось бы отметить ещё один чрезвычайно важный момент. Начиная с конца XIX – начала XX века шизофреническое восприятие активно вторгается в культуру и оказывает на неё огромное влияние. Покинув тюремные застенки и получив доступ в общество, больные шизофренией оказали огромное влияние на это общество. Их откровенное, обнажённое, на грани надрыва восприятие мира стало основой для новых художественных течений. Без преувеличения можно сказать, что вся мировая культура, начиная с последней четверти XIX века (в том числе, естественно, и современная культура) в немалой степени определялась душевнобольными людьми. Так, Ван Гог и Стриндберг стояли у истоков экспрессионизма – один в изобразительном искусстве, второй – в литературе, и влияние их на развитие этого направления бесспорно. Активное вторжение болезненного мировосприятия и мироощущения в сферу искусства определило его развитие на ближайшие десятилетия (если не столетия). Шизофренические тенденции стали модными. Вполне здоровые художники и писатели пытались подражать больным, имитируя искажённое болезнью восприятие. По меткому выражению Карла Ясперса, «на Кёльнской художественной выставке 1912 года, где рядом с удивительными картинами Ван Гога можно было видеть экспрессионистическое искусство всей Европы, замечательное своим однообразием, иногда возникало такое чувство, что «сумасшедший» Ван Гог оказался в вынужденном гордом одиночестве среди толпы тех, которые хотели бы быть сумасшедшими, но чересчур для этого здоровы».

Не менее «модной» стала тема шизофрении в литературе. Так, например, книга «Над кукушкиным гнездом» Кена Кизи, написанная вполне здоровым человеком от имени психически больного, стала культовой. И это далеко не единственный пример. Хотя подобные произведения лишь имитируют переживания психически больных (иногда удачно, иногда не очень), их влияние на общую культуру отрицать нельзя.

Человека притягивает всё необычное. И психические расстройства занимают в этом ряду не последнее место. Поэтому стремление писателей и художников активно использовать в своих работах темы, «навеванные» психически больными, вполне понятно. Но восхищаясь особым мироощущением, свойственным таким людям, важно не забывать, что это мироощущение – следствие болезни, тяжёлого психического расстройства, искажающего истинные значения предметов и явлений, и нередко лишаящего больного возможности адекватно воспринимать окружающий мир. Если помнить об этом, то перед вами откроется поистине удивительный мир патологических восприятий и переживаний, имя которому – шизофрения.

История третья РАНЕНАЯ ПТИЦА

Я раненая птица,
Я стремлюсь в полет.
Где коршун кровавый
Меня не найдет.

Я раненой птицей
Прыгну в хлеба.
Прерванной песней –
Такая судьба.

Мне ворон не будет
Петь о любви.
Только прошу я –
Меня позови!

Я мёртвою птицей,
Рухну в песок.
Я ранена в сердце.
А ты – одинок.

Больная Л.В., 36 лет

Две предыдущих истории описывали течение шизофрении у мужчин. Третья же история будет посвящена шизофреническим расстройствам у женщин.

Увы – эта коварная болезнь не щадит и представительниц прекрасной половины человечества. Мы уже упоминали, что частота встречаемости шизофрении одинакова у мужчин и женщин и составляет около 1%. Однако у женщин течение заболевания имеет ряд особенностей.

Прежде всего – это более позднее начало. У женщин дебют шизофрении возникает в среднем на 10 лет позже, чем у мужчин, как правило, после 25 лет. Причины этого

явления окончательно не установлены, но большинство исследователей полагают, что «первую скрипку» тут играют женские половые гормоны. В экспериментах было показано, что женские половые гормоны эстрогены способны уменьшать тяжесть течения шизофрении у женщин и смягчить выраженность психических расстройств. Возможно, эстрогены несут и протективную, защитную функцию, препятствуя возникновению заболевания. И хотя гормональная гипотеза не в состоянии ответить на все вопросы, связанные с особенностями течения шизофрении у женщин, очевидно, что роль женских половых гормонов здесь далеко не второстепенна.

Тем не менее, следует отметить, что нередкими среди женщин являются также случаи заболевания шизофренией и в более раннем возрасте – вплоть до подросткового или юношеского.

Спровоцировать развитие шизофрении у женщин могут те же неблагоприятные факторы, что и у мужчин – тяжёлые стрессы, истощающая нагрузка, голодание, травмы. Однако у женщин есть ещё один, специфичный фактор. Дебют шизофрении у них может возникать в связи с беременностью и родами. Сложнейшая гормональная перестройка, кардинальная смена всего уклада жизни, абсолютно новые соматические ощущения являются мощнейшим стрессом, который также может спровоцировать развитие шизофрении.

Клиническая картина шизофрении у женщин также имеет ряд отличий. Психика женщины более пластична, более гибка, легче приспосабливается к меняющимся условиям. Общеизвестно, что, несмотря на расхожее название, «слабый пол» оказался гораздо устойчивее к воздействию целого ряда неблагоприятных факторов, чем «сильный». Женщины обладают большей приспособляемостью, конформизмом, легче отказываются от стереотипов, с готовностью принимают новые модели поведения. Кроме того, доказано, что женщины обладают большей по сравнению с мужчинами

ми выносливостью. Однако наряду с этим женщины более эмоциональны, их реакции экстравертированы, то есть направлены не внутрь, не «в себя», а вовне, на окружающих. Всё это накладывает отпечаток и на проявления психического заболевания.

Шизофрения у женщин проявляется теми же симптомами, что и у мужчин. Продуктивная симптоматика – галлюцинации и бред – нередко приобретают особую яркость, эмоциональную окрашенность – женщина вообще тоньше воспринимает окружающий мир, более бурно и эмоционально реагирует на его изменения. Бредовые построения у женщин обычно также более экспрессивны и сопровождаются более выраженными эмоциональными реакциями, чем у мужчин. Из дефицитарных симптомов выявляются аутизм, нарушения памяти и мышления, расстройства эмоций.

В качестве иллюстрации течения шизофрении у женщин мы хотим привести историю одной из наших пациенток. В данном случае речь идет о форме заболевания с доминированием бредовых расстройств. Надо заметить, что шизофрения редко протекает с равной выраженностью продуктивных симптомов – обычно в клинике преобладают либо галлюцинации, либо бред. В случае нашей пациентки мы имеем дело с почти «чистой» бредовой формой шизофрении – гипнагогические галлюцинации и искажённое восприятие носили эпизодический характер, а диагноз почти полностью основывался на особенностях расстройств мышления.

В случае, о котором пойдет речь, паранойяльные расстройства приняли характер бредовых идей отношения и ревности. Это довольно частая разновидность бреда. Пациенты с бредовыми идеями отношения и ревности составляют значительную часть пациентов психиатра; и кроме того – что весьма важно – они позже других обращаются за психиатрической помощью. Последнее обстоятельство объясняется тем, что идеи отношения и ревности имеют «приземлённый», бытовой характер и долгое время не распознаются окружающими (в отличие, скажем, от мегаломаниче-

ского бреда, сразу привлекающего внимание). Понятно, что человек, заявляющий, что он – посланец с Альфы Центавра, прилетевший в летающем блюдце и перехватывающий с помощью телепатии сигналы со спутников, вызывает гораздо большее подозрение, нежели человек, жалующийся на третирующих его соседей или родственников. А между тем, как раз больные с бредовыми идеями отношения представляют наибольшую социальную опасность. Именно бредовые идеи отношения и ревности, как правило, лежат в основе большинства преступлений, совершаемых психически больными людьми под воздействием болезненных переживаний. В нашем отделении находился на излечении Анатолий С., 43 лет. Он был переведен в общее отделение из специальной психиатрической больницы закрытого типа, где провел несколько лет по приговору суда. Анатолий страдал шизофренией с 20-летнего возраста. В клинической картине преобладали бредовые идеи отношения и ревности. К сожалению, лечение, которое принимал Анатолий, было эпизодическим и неполноценным. Болезненные изменения неотвратимо нарастали, и однажды разыгралась трагедия:

«В тот день я был дома. Вдруг я подумал, что моя жена спит с соседом. Я выглянул в окно, и увидел на улице пожилого мужчину с пустым ведром. Я понял, что это сигнал, подтверждение того, что моя жена изменяет мне с соседом. Я взял топор и пошёл к соседу. Когда сосед открыл дверь, я ударил его топором по голове. На шум выбежала соседка и стала кричать. Тогда я ударил её топором. Потом я подумал, что главной виновницей измены является моя жена, и стал звать её. Я искал жену у соседа в доме, но не нашёл. Потом выглянул в окно – а она идет по улице. Я подбежал к ней сзади и ударил топором...»

Конечно, это – крайняя форма проявления бредовых идей ревности, встречающаяся исключительно редко. Но мы привели в качестве примера именно её для того, чтобы читатель понял – шутить с больным, страдающим бредо-

выми идеями ревности, опасно. Совершенно недопустимо насмехаться над паранойяльными убеждениями, подшучивать над пациентом или разыгрывать его, используя его болезненную подозрительность. Последствия такого безрассудного поведения могут быть непредсказуемыми.

Впрочем, и пациенты с «обычными», бытовыми идеями отношения способны изрядно попортить нервы окружающим. Одна из пациенток, долгое время страдавшая шизофренией, неоднократно обращалась в различные инстанции с заявлением о том, что её дочь (кстати, единственный человек, заботившийся о пациентке) пытается её убить. Мы уже говорили, что больные шизофренией абсолютно убеждены в реальности собственных бредовых построений. Уверенный тон и безапелляционные заявления «пострадавшей» производили должное впечатление. Её заявления принимали к рассмотрению, и в отношении дочери начинали разбирательство. Несчастливая женщина, честно и беззаветно несшая тяжкое бремя заботы о психически больной матери, вынуждена была оправдываться и доказывать беспочвенность диких обвинений. А закончилась эта история печально. После очередного заявления и последовавшего за ним разбирательства дочь, страдавшая гипертонической болезнью, получила инсульт и скончалась, а её больная мать, за которой некому стало ухаживать, была отправлена в дом-интернат для хронических психически больных, где ей придётся провести остаток жизни среди чужих людей.

Больные с бредовыми идеями отношения хорошо знакомы работникам социальных служб. Такие больные являются авторами многочисленных жалоб, виновниками непрекращающихся судебных разбирательств и проверок. Один из наших больных в течение трёх лет был инициатором 57 (!) судебных процессов, ухитряясь одновременно судиться сразу с несколькими организациями и отдельными лицами. Показательно, что особой материальной выгоды от исхода судебных слушаний у него не было – его иски обычно ограничивались символическими суммами. К тому

же ему так и не удалось выиграть ни одного суда. Но при этом на многочисленные и бессмысленные процессы тратились немалые деньги, так что считать подобные занятия невинными забавами никак нельзя. Остановить эту «судебную лихорадку» смогла лишь госпитализация пациента (кстати, тоже по решению суда: во время одного из судебных заседаний пациент в состоянии аффекта набросился на судью. Последовавшая за этим судебно-психиатрическая экспертиза признала пациента невменяемым, после чего он был направлен на принудительное лечение).

Мы хотим подчеркнуть снова и снова – больной человек не виноват в своих болезненных заблуждениях. Однако и смотреть на его «художества» сквозь пальцы нельзя. Потакать бредовым убеждениям не менее опасно, чем становиться на их пути. Правильный путь здесь только один – как можно более раннее и полноценное лечение больного человека. И это в интересах, в первую очередь, самого больного: шизофрения слишком опасный спутник, и упорный отказ от лечения может привести к глубоким, неизлечимым изменениям психики, в том числе к необратимому слабоумию.

Мы сделали это отступление, посвящённое бредовым идеям отношения для того, чтобы читатель понял – они отнюдь не безобидны. И, пожалуй, самым опасным среди бредовых идей отношения является бред ревности.

Тема ревности сама по себе чрезвычайно интересна. Патологическая ревность вызывает у окружающих самые разные чувства. Довольно часто приходится слышать: ну и что тут плохого? Ревнует – значит, любит!

Так в чём же различия между болезненной, патологической и «нормальной» ревностью? Ведь ревность – вполне физиологичное чувство, связанное с фрустрацией (лишением) субъекта возможности безраздельно владеть объектом своей привязанности. Попробуем объяснить это на простом языке.

Каждый из вас видел (по телевизору или в живой природе) обезьянье стадо. Общеизвестно, что в таком стаде существует жесткая иерархия: доминирующий самец, вожак,

являющийся главой стада, определяет всю его «внешнюю и внутреннюю политику»: устанавливает жесткий ранг для каждой обезьяны – от своего «первого заместителя» до последнего парии и изгоя, формирует отношения между членами стада, распределяет еду, следит за поведением детенышей и подростков. Каждый, кто пытается оспорить установившуюся иерархию, подвергается жестокому наказанию – до тех пор, пока не появится более сильный самец, который «отправит в отставку» бывшего «президента» и займет его «кресло». Важнейшей задачей доминантного самца является обеспечение продолжения рода. При этом он не просто формирует гарем и назначает «любимую жену» – доминантную самку, но и ревностно следит за тем, чтобы никто из членов стаи не посмел посягнуть на его право «первой ночи». Большинство детёнышей в стае – дети одного отца: вожака, доминантного самца. И подобное половое поведение встречается не только у обезьян – точно так же обстоят дела у львов, шакалов, гиен и других стайных животных. Такая модель несёт глубокий биологический смысл. Выживание вида возможно только при условии получения полноценного, жизнеспособного потомства. А у млекопитающих оно весьма немногочисленно. Если пара домовых мух способна дать на протяжении года несколько миллиардов потомков, пара осетровых рыб – 140 тысяч, то пара обезьян – лишь одного. И этот один должен выжить, чтобы выжил весь вид. Простейшие виды пошли по пути «массовости», предоставляя сильнейшему возможность выжить в результате естественного отбора. Из 140 тысяч икринок до периода нереста доживут только две-три наиболее сильные и приспособленные особи, которые и передадут свой генетический материал следующему поколению. Но млекопитающие не могут позволить себе подобную «расточительность». Поэтому мудрая природа закладывает механизм отбора уже в само поведение животных: наиболее сильный, приспособленный, агрессивный самец вероятнее всего несёт наиболее «качественные» гены, его потомство будет иметь больше шансов на выживание, а значит, именно

он должен иметь приоритет при размножении. Кстати, среди самок в стае или прайде существует не менее жесткая иерархия, идентичная таковой среди самцов. Наибольшие шансы понравиться доминантному самцу и оставить потомство имеет «любимая жена» – доминантная самка – самая сильная, здоровая и приспособленная в стае. Она весьма активно отстаивает свой статус «первой леди», не стесняясь пускать в ход зубы и когти, чтобы не позволить конкурентшам обольстить «любимого». Так что чувство ревности заложено в нас генетически – это «наследство» от наших животных предков. Конечно, примитивная агрессия обезьяны в отношении соперников на право «брачной ночи» является лишь упрощённой моделью сложного человеческого переживания ревности, но именно простые, животные механизмы конкуренции за возможность оставить потомство лежат в основе страданий ревнивца.

Однако патологическая ревность – вовсе не такая безобидная вещь, как можно было бы подумать. Больной с бредом ревности способен превратить жизнь близкого человека в настоящий ад. Вся тяжесть страданий при этом ложится на несчастный «объект любви». Один из пациентов, страдавший бредом ревности, заставлял свою жену весь день носить с собой диктофон. Ночью он прослушивал сделанные за день записи, причем заставлял жену слушать их вместе с собой. К моменту госпитализации больного несчастная женщина из-за постоянного недосыпания и стрессов, вызванных приступами ревности у мужа, находилась на грани тяжелейшего нервного истощения. Другой, ещё более «изобретательный» больной смастерил своей жене металлический «пояс верности», закрывавшийся на ключ. Уезжая в длительные командировки, больной запирает пояс и увозил ключ с собой, а вернувшись, тщательно проверял неприкосновенность замка. Пояс (кстати, весивший более 3 килограммов) причинял женщине мучительные страдания, не говоря уже о том, что даже об элементарной гигиене с такой «металлоконструкцией» не могло быть и речи. И тем не менее бедная женщина

в течение трёх лет (!) терпела, искренне полагая подобное издевательство проявлением мужниной любви.

Главное отличие болезненной, патологической ревности от обычного ревнивого чувства – это оторванность бредовых построений от реальности. Больной сохраняет бредовые убеждения, даже если получает бесспорные подтверждения своей неправоты. Так, один больной обвинял свою жену в измене с врачом акушером-гинекологом во время её родов (!). Очевидная нелепость этого обвинения вкупе с многочисленными доказательствами невозможности такой измены никак не повлияла на его болезненные убеждения. Более того, когда выяснилось, что на этих родах присутствовала знакомая больного, врач по профессии, которой больной доверял и которая также пыталась его разубедить, он заявил, что этого врача, чтобы она не могла поведать ему правду, «укололи каким-то уколom, от которого у неё выпадение памяти».

Подводя итог сказанному, мы можем, опираясь на многолетние наблюдения, определённо утверждать: снисходительность к болезненным проявлениям недопустима. Агрессивные и опасные действия, совершаемые больными под влиянием бредовых переживаний – это реальность, которую нельзя игнорировать.

Однако история, которую мы хотим вам рассказать для иллюстрации бредовой формы шизофрении с преобладанием идей ревности, к счастью, не имела столь трагичных последствий. Проявления шизофрении у нашей пациентки были довольно мирными и нанесли ей самой гораздо больший урон, чем окружающим. Тем не менее, эта история кажется нам показательной, и к тому же весьма интересной.

В ней отчётливо и явно проступают черты болезненного восприятия действительности. Здесь можно встретить и отчаянные, на грани надрыва, проявления чувств, и глубокое, почти нечеловеческое страдание, диктуемое болезненными переживаниями, и искреннее, полное и абсолютное подчинение основной идее – идее хотя и патологической, но необычайно страстной и глубокой. Погружение в мир

переживаний человека, страдающего шизофренией, всегда невероятно интересно, и обычные, «земные» переживания пациента, одержимого идеями отношения, могут оказаться не менее захватывающими, чем яркие и эффектные миры больного с фантастическим бредом. Нам кажется, что история, которую мы хотим вам рассказать, служит хорошей иллюстрацией сказанного.

Началась эта история много лет назад – в конце 1980-х годов.

В приёмный покой психиатрического стационара привезли молодую женщину.

Она была невероятно, изумительно красива. Казалось, природа собрала в ней одной всё то прекрасное, что составляет идеал женской красоты. Красоты утонченной, изящной, хрупкой, очаровательной в своей изнеженности.

Но увы! Щедро оделив эту женщину красотой, природа обошла её здоровьем. Двадцатипятилетняя Полина¹ была тяжело больна. Психическое расстройство, которым она страдала, развилось у неё сравнительно недавно, около восьми месяцев назад, но при этом отличалось стремительным и brutальным течением.

Рассказ о детских и юношеских годах Полины не позволил обнаружить никаких признаков приближающегося заболевания. Казалось, ничто не предвещало беды. Полина росла вполне нормальной, жизнерадостной и общительной девочкой. Она отлично училась в школе, посещала секцию спортивной гимнастики и параллельно занималась в музыкальной школе. Никаких проблем с общением также не возникало – Полина прекрасно ладила со сверстниками, её всегда окружали подруги, друзья и поклонники. Полина была единственным и желанным ребёнком в семье, и хотя родители старались не баловать дочь, на недостаток родительской любви она никак не могла пожаловаться.

После школы Полина поступила на бухгалтерский факультет кооперативного института. Профессию бухгал-

1. Имя изменено.

тера она выбрала сама, следуя, очевидно, примеру матери (та работала бухгалтером на заводе). Учеба не вызывала у Полины трудностей, с товарищами по группе у неё также сложились прекрасные отношения. В институте она познакомилась со своим будущим мужем – они учились на одном факультете. На третьем курсе они поженились.

Брак оказался счастливым. Вскоре после окончания института Полина поняла, что ждёт ребёнка. Эта беременность была желанной, Полина очень внимательно относилась к ней и тщательно заботилась о здоровье будущего малыша. Она регулярно посещала женскую консультацию, выполняла все предписания врача, записалась на курсы молодых матерей при обществе «Знание» и скупилась все книги об уходе за ребёнком, какие были доступны в те времена. Правда, беременность у Полины протекала достаточно тяжело. С первых недель её мучил ранний токсикоз, однако Полина стойко переносила неприятные ощущения во имя желанной цели – рождения ребёнка. На работе (а после института Полина получила направление в бухгалтерию одного из проектных бюро) к её состоянию относились с пониманием и составили для неё особый график, позволяющий ей совмещать работу с отдыхом и лечением. Надо сказать, что несмотря на непродолжительное время работы в бюро, Полина сумела завоевать симпатии коллег. Всегда вежливая, спокойная, уравновешенная, внимательная к пожилым, общительная и доброжелательная со сверстниками, она пользовалась в коллективе всеобщим вниманием и любовью.

В положенный срок Полина оформила декретный отпуск и занялась подготовкой к родам. К сожалению, роды были достаточно тяжёлыми, затяжными. После родов у Полины непродолжительное время отмечались неправильности в поведении, спутанность сознания, невнятные обрывочные высказывания и выкрики. Однако на эти симптомы не обратили внимания, и вскоре Полину с малышом выписали из родильного дома.

Мальчик родился болезненным, он плохо спал и постоянно плакал. Полина вынуждена была каждые 30-40 минут вставать к ребёнку, чтобы успокоить его. Она очень уставала, не высыпалась, похудела и осунулась.

В это же время близкие стали отмечать странности в поведении Полины. Обычно доброжелательная и заботливая Полина сделалась равнодушной и холодной, отдалась от мужа и родителей. Она могла целыми днями не вставать с постели, перестала следить за собой, игнорировала правила гигиены. Родители Полины и её муж были людьми далёкими от медицины, и полагали, что все эти изменения – следствие нервного переутомления, результат недосыпания и беспокойства за ребёнка: неприятные, но безопасные, и женщина должна их просто перетерпеть, «переходить». Даже когда в поведении Полины стали обнаруживаться явные странности, родственники не стали бить тревогу. А между тем, эти проявления никак нельзя было объяснить обычным переутомлением. Так, однажды Полина заявила, что какие-то люди запускают в трубы газопровода удушливый газ, что этот газ просачивается через трубы и отравляет её. В другой раз муж обнаружил Полину, забившуюся в тёмный угол в кладовке. Женщина объяснила, что за ней следят и хотят её убить. Вскоре после этого случая Полина перестала есть вместе со всеми остальными членами семьи, и стала готовить для себя еду отдельно. Своё поведение она объяснила тем, что еда отравлена газом, и есть её нельзя. Спустя ещё несколько дней в её комнате обнаружили заряженное охотничье ружье, принадлежавшее её мужу. Полина заявила, что ружье необходимо ей, чтобы обороняться от злодеев, которые хотят её убить. Она разговаривала сама с собой, беспричинно смеялась, её мимика была странной, неадекватной. Время от времени настроение её резко менялось, она становилась раздражительной, хмурой, даже агрессивной.

Родные заметили, что Полина, ранее очень желавшая ребёнка, стала совершенно равнодушной к своему малышу.

Она забывала покормить и перепеленать его, злилась, когда мальчик плакал, кричала на него. Однажды мать Полины вернулась домой и обнаружила, что дочь выставила коляску с двухмесячным малышом на балкон (был конец ноября, на улице было холодно и шёл снег). Свой поступок Полина объяснила тем, что ребенок «мешал ей думать». К счастью, тогда всё обошлось, но с этого времени родные вынуждены были установить за Полиной круглосуточный надзор.

Спустя три месяца после родов Полине пришлось выйти на работу. Закончился год, и бухгалтерия, где работала Полина, готовила годовой отчёт. Начальство попросило её выйти на несколько дней, чтобы помочь с составлением отчёта.

В первый же день в вестибюле проектного бюро, где она работала, Полина случайно столкнулась с одним из работников – тридцатитрёхлетним инженером Алексеем Р. Это был самый обыкновенный человек, ничем не примечательный, один из множества других работников бюро. До заболевания Полина неоднократно виделась с ним, и никогда никаких чувств он у неё не вызывал. Но эта встреча оказалась для неё роковой.

Сама Полина рассказывала, что в тот момент, когда она увидела Алексея, она почувствовала как будто удар током. Она вдруг поняла, что любит этого человека, любит безумно, страстно, безудержно. И ничего не может с этим поделать.

Это было ненормальное, неестественное чувство. Оно полностью завладело Полиной. Она не могла думать ни о чем, кроме Алексея. Весь день Полина провела в мыслях о нем. Она была невнимательна, рассеянна, сделала несколько грубых ошибок в бухгалтерском балансе. Каждые несколько минут Полина выходила из кабинета и поднималась на третий этаж, где работал Алексей – ей казалось, что она сможет случайно встретить его в коридоре.

Как кормящей матери, Полине были положены обязательные перерывы на кормление ребёнка. Большую часть этих перерывов Полина тайком провела возле две-

рей отдела, где работал Алексей. Как только кто-то из сотрудников открывал дверь, Полина как бы случайно проходила мимо, бросая цепкий взгляд в глубь комнаты, где за рядами кульманов находилось рабочее место Алексея. Когда ей удавалось увидеть его, она чувствовала некоторое облегчение. Тогда Полина бежала домой, и, наспех покормив ребёнка, возвращалась обратно, чтобы снова занять свой «пост» у дверей Алексея. Ей приходилось постоянно прятаться от проходивших по коридору сотрудников, притворяясь, что она оказалась возле конструкторского отдела случайно. Сама Полина рассказывала, что первый день на работе она провела как будто во сне, ей казалось, что она вот-вот проснется, и тогда её жизнь снова войдет в привычную колею.

Но ни второй, ни последующие дни не принесли Полине облегчения. Наоборот, её влечение к Алексею только усилилось. Болезненная страсть захватила её целиком.

Полина практически не могла работать. Она поминутно вскакивала и бежала на третий этаж в тщетной надежде увидеть Алексея. Коллеги, заметившие странное поведение Полины, сочли его результатом усталости и переутомления. Они стали уговаривать Полину вернуться домой, отдохнуть, и на работу больше не выходить. Однако Полина категорически отказывалась покинуть бюро. Мысль о том, что она не сможет больше видеть Алексея, была для неё невыносимой. Она продолжала ходить на работу даже тогда, когда отчёт был сделан, и необходимости в её присутствии не было. Чтобы как-то объяснить сослуживцам причину такого служебного рвения, Полина выдумала малоправдоподобную историю о том, что ей необходимо готовиться к экзаменам в заочную аспирантуру, для чего следовало изучить особенности бухгалтерского учета в бюро. Конечно, в эту отговорку никто не поверил, но сотрудники поняли, что Полина не желает говорить правду, и оставили её в покое.

Самым печальным результатом заболевания было то, что Полина стала совершенно равнодушной к мужу, к ро-

дителям, к маленькому сыну. Не раз бывало, что она пропускала очередное кормление из-за того, что всё отведенное ей для этого время стояла в коридоре в ожидании Алексея. Фактически, трёхмесячный ребенок остался без матери и в основном находился на попечении бабушки. Полина же все силы отдавала своей болезненной страсти.

Разумеется, больше всего от этого страдала сама Полина. Она пыталась скрывать свои чувства: ей казалось, что если кто-нибудь узнает о её любви, то Алексей отречется от нее, и тогда она потеряет его навеки.

И Полина таилась. Лишь однажды она решилась проявить свои чувства. Это было двадцать третьего февраля. Полина купила роскошный букет алых роз. Рано утром, пока в бюро ещё никого не было, она, спрятав цветы под пальто, пробралась в коридор перед отделом Алексея. Дождавшись, пока уборщица откроет дверь и уйдет менять воду, Полина проскользнула в комнату и положила букет на рабочий стол Алексея.

Полине удалось выйти из комнаты незамеченной. Однако её поступок вызвал в коллективе оживленные пересуды. Хотя никто не знал, чьих рук это дело (большинство сходилось на том, что букет был предназначен кому-то другому и на стол к Алексею попал по ошибке), Полине казалось, что всё бюро обсуждает именно её, что всем известно, что это она подложила злосчастный букет, и что все знают о её болезненной страсти. Полина была уверена, что все презирают её за несчастную любовь, что люди шепчутся за её спиной. Несколько раз она ловила на себе взгляды сослуживцев, и каждый такой взгляд казался ей подтверждением её опасений.

Полина поклялась никогда больше не выдавать своих чувств к Алексею. Однако сопротивляться овладевшей ею страсти не могла. И тогда она нашла выход своим чувствам в письмах. Эти письма она не отправляла, а хранила у себя.

Первое письмо она написала примерно через неделю после той роковой встречи в вестибюле бюро:

«Любимый мой! Единственный! Я лечу к тебе сквозь стены и решетки, сквозь ночь и ветер, сквозь время и звёзды. Я хочу обнять тебя, прижаться к твоей груди, чтобы слышать стук твоего сердца, и плакать.

Я люблю тебя.

Но ты далеко.

Желанный мой! Я спешу к тебе через холод и пламя, через дождь и снег. Я хочу видеть тебя, я хочу гладить твои волосы, целовать твои руки.

Я люблю тебя.

Но ты далеко.

Между нами две тысячи лет. Между нами миллиард километров. Между нами горы и океаны, реки и города, между нами жестокие люди и злая судьба.

Мы никогда не встретимся с тобой.

Но я люблю тебя.

И я лечу к тебе!

У тебя удивительные глаза... Боже мой, какие у тебя глаза!.. Карие, тёплые, нежно-шоколадные, а в тёмных глубинах мерцают золотые искорки... Как я хочу увидеть их близко-близко! Как я хочу смотреться в них – как в два озера, и видеть там, в глубине, твою нежность...

У тебя удивительный голос... Боже мой, какой у тебя голос! Я слышу его каждую минуту. Как я хочу, чтобы твой голос обнимал меня своим теплом, чтобы он летел рядом со мной к звёздам, как хочу услышать: «люблю»!..

У тебя удивительные руки. Боже мой, какие у тебя руки! Большие, сильные, и такие невероятно нежные и ласковые. Как я хочу гладить их! Как я хочу чувствовать их ласки! Как я хочу, чтобы они обняли меня крепко-крепко, чтобы подхватили меня и понесли – далеко-далеко, за синие горы, за тёплые моря, на самый-самый край земли.

Мы будем там одни. Одни во всём мире. И весь мир будет принадлежать нам. Тебе и мне.

Я люблю тебя.

Ты – здесь. Ты – рядом. Ты живешь во мне. Я чувствую это. Когда я закрываю глаза, я слышу твоё дыхание. Я чувствую биение твоего сердца. Я знаю твои мысли.

Потому что люблю тебя.

Единственный! Когда я думаю о тебе, мне тепло даже в самый лютой мороз. Сейчас зима, за окном свирепствует холод, но тот холод, который я чувствую в душе, когда думаю, что тебя нет рядом – намного страшнее. Когда я думаю о тебе – я живу. Когда тебя нет рядом – я умираю.

Потому что люблю тебя.

В сиянии лунного света я вижу твоё отражение. В шелесте деревьев я слышу твой голос. Ветер пахнет тобой. Южный ветер пахнет тобой. Юный и южный – как забавно это звучит... Когда-то давным-давно я думала, что ветер живет в ледяном замке, в самой высокой башне. Теперь я знаю – южный ветер живет в твоём доме. Он – твой друг, этот юный южный ветер. Вы вместе гуляете по бескрайним арктическим просторам, и он шепчет тебе свои сказки. Как я хотела бы быть на его месте! Я прилетела бы к тебе. Я обняла бы тебя нежно-нежно. Я согрела бы тебя своим дыханием. Я слилась бы с тобой. И моё счастье длилось бы вечно...

Но ты – далеко.

Я люблю тебя!»

В следующем письме появляются признаки шизофренического расстройства мышления – поверхностные ассоциации, соскальзывания, паралогичные выводы:

«Любимый мой!

Сегодня я думала о тебе четырнадцать часов подряд. Четырнадцать часов – только о тебе одном. Четырнадцать часов ты был рядом со мной. Четырнадцать часов с тобой – это так мало! Четырнадцать часов без тебя – это невыносимо много! Как мне прожить без тебя хотя бы один миг, скажи?!

Я пишу эти строки и вижу тебя. Твое лицо, твою улыбку. Ты улыбаешься мне. В каждом из нас спрятана какая-то тайна. Это моё превосходство. Я – актриса на сцене жизни. Мы все соединены серебряными нитями. Но я никому об этом не скажу. Только тебе.

Любимый мой! Нежная и капризная судьба моя, радость моя, солнце и ветер мой! Я вижу, как ты улыбаешься мне. Когда я закрываю глаза, я вижу тебя ясно-ясно – только руку протяни. Ты здесь, ты рядом, ты со мной. Муравей, муравей, отчего ты всех добрей? Где ты, где ты, муравей мой любимый?! Кому и за что выпало это нежданное счастье – видеть тебя сейчас, слышать твой голос, касаться твоей руки?! Почему, почему это не я?!

Сейчас ночь. Я сижу на кухне и пишу тебе письмо. Знаешь ли ты о том, как я люблю тебя?!

Ты, наверно, уже спишь. Интересно, какой ты спящий? Почему-то я думаю, что ты похож на маленького ребёнка – лежишь, раскинув руки и ноги, и смешно сопишь во сне. Видишь ли ты меня в своих снах? Снюсь ли я тебе? Конечно, да. Потому что в это время я думаю только о тебе.

Я помню тот первый день, когда увидела тебя. Это было похоже на удар молнии. Она поразила меня в самое сердце стрелой Амура. Амур – большая и грозная река. Это страшная сила, но я не боюсь её, потому что люблю тебя. Моя любовь укроет тебя от всех бед и ненастий, и мы снова будем вместе. Теперь – навсегда.

Единственный мой! Как ты там, вдалеке от меня? О чем ты думаешь? Я знаю – ты думаешь обо мне. Влюблялся ли ты когда-нибудь? В кого ещё кроме меня?! Знай, что измены я не потерплю! Ты должен быть только моим.

Я смотрю в окно и вижу звёзды. Это звёзды твоих глаз. Там, на самом краю мира, в землях таинственных, в водах единственных, живет наша любовь.

Любимый мой! Как мне не хватает тебя! Как мне пережить эту ужасную разлуку?! Как не сойти с ума от отчаяния и горя?! Ответь.

Это очень хорошо, что я записываю свои мысли. Потому что они похожи на пушистых мышек – шасть и нет их... Я хочу поймать их, собрать в одной норке, а они разбегаются, непослушные... Я буду думать о тебе до тех пор, пока не увижу тебя вновь. Я люблю каждую твою клеточку, каждый миллиметр твоего тела, я думаю о тебе каждый день, каждую минуту. Я тоскую по тебе. Я умираю без тебя.

Желанный мой! Как передать тебе мою любовь? Я расскажу о ней звёздам. Когда ты будешь спать, они будут тихонько шептать тебе о моей любви. Я расскажу о ней ветру. Когда ты будешь шагать по берегу, он будет шелестеть о моей любви. Я расскажу о ней птицам. Когда ты утром откроешь окно, они прилетят и будут петь о моей любви. И ты будешь знать, что я люблю тебя. Люблю больше всего на свете.

Я помню каждый миг, проведенный с тобой. Мы жили в волшебном лесу, и каждое утро соловей пел нам о нашей любви. Ты был моим принцем, моим сказочным принцем, единственный мой. Я спала, а ты пришёл и поцеловал меня, и разбудил. И мы жили долго и счастливо. Почему мы не вместе? Почему ты сейчас далеко? Где ты, мой принц?! Услышь свою Белоснежку! Приди и поцелуй меня. Я жду.

Я задыхаюсь от любви. Моя жизнь переполнена тобой. Я – русалка в океане Тебя. Я плыву к тебе, и тёплые волны шепчут мне о твоей любви.

Но ты далеко.
Я люблю тебя!»

Ещё одно письмо содержит признаки гипнагогических галлюцинаций. Мы уже говорили, что такие галлюцинации не являются патогномоничными исключительно для шизофрении, но, тем не менее, их наличие у пациента – признак достаточно тревожный:

«Сегодня тридцатое января. Тридцать – состоит из трёх и ноля. Ноль – ничто, отсутствие, пустота. У меня в душе пустота. Мы разделены пустотой, и пу-

стота во мне. Чувства умерли, осталась только любовь. Что такое любовь? Это стремление. Стремление к любимому человеку. Только в любви человек может стремиться.

Единственный мой! Я потеряла себя. Я погибаю в асфальтовой пустыне любви. Кругом яд, сладкий яд разлуки. Нет от него спасения, нет лекарства. Я не такая, как все. Я не смогу предать свою смерть.

Любимый мой! Нежный мой яд, сладкая моя отравка, печальноглазый и нежногубый мой странник! Демон тоскующий, страж полуночный, сердце и боль груди моей, слышишь ли ты? Знаешь ли ты, как я тоскую? Ждешь ли меня?

Перед сном думала о тебе. И вдруг, в тот момент, когда я уже начала засыпать, я услышала твой голос. Любимый! Ты позвал меня! Скажи, правда ли это?! Или это только обман, как эхо в горах? Может, это было эхо моего голоса? Но я отчетливо слышала, как ты сказал: «Иди ко мне!» Ведь ты сказал это? Не отпирайся, милый! Я знаю, что ты так сказал. Потому что ты так думаешь. Ты тоже, как и я, вынужден скрываться. Отчего так несправедлива к нам судьба? Разве мы не достойны счастья? Почему мы не с тобой? Почему мы не вместе?!

Ты сказал: «Иди ко мне!» А потом добавил: «Моя неожиданная». Почему неожиданная? Разве я не ждала тебя миллион лет? Разве не верила в то, что мы будем вместе? Разве не заслужила я этой радости? Ответь мне!

Время смешалось. Утром темно, и вечером темно, и днём темно – это зима пришла в сердце. Это разлука вошла в нас и отравила время.

Я глажу твои волосы. Они такие нежные, шелковистые. Я касаюсь твоего лица – нежно-нежно, едва заметно. Я провожу рукой по твоей щеке, и чувствую, как ты улыбаешься мне. Я целую твои губы – тёплые, мягкие, я ласкаю тебя, мои руки чувствуют каждую клеточку твоего тела. Я знаю – ты тоже хочешь быть со мной...

Ты обнимаешь меня – крепко-крепко, и так нежно, что я забываюсь в твоих объятиях. Я захлебываюсь в твоей любви, я знаю только одно – ты принадлежишь мне. Ты – мой! Я владею тобой. Ты – мой, моя собственность, моё сокровище, грусть и радость моя. Сон мой, явь моя. Жизнь моя...

Мы сливаемся в объятиях и тонем как мухи в сладкой патоке любви...

Ты любишь меня. Я знаю. Ты любишь меня так же страстно, как я. Потому что иначе не может быть. Иначе весь мир не нужен.

Но я буду молчать. Я буду хранить нашу тайну. Потому что люблю тебя».

В очередном письме отчетливо проявляются признаки бредовых идей ревности. Со временем эти идеи станут доминирующими в картине бреда, потеснив идеи отношения:

«Любимый мой!

Сегодня я снова думала о тебе.

Как бесконечно долги дни нашей разлуки! Скучаешь ли ты так, как скучаю я? Думаешь ли ты обо мне? Ждешь ли встречи? Или, быть может, в равнодушном покое ты забыл меня? Нет, нет, я знаю – это не так. Ты любишь меня, ты ждешь нашей встречи так же, как жду её я. Злая судьба разлучила нас, но я знаю – ты так же стремишься ко мне, как я лечу к тебе. Ты тоже хочешь, чтобы мы были вместе.

Жизнь состоит из работы и глупостей. Самое важное в жизни – это милые глупости. Потому что глупости – от слова глубина. Они глубокие и холодные, омуты наших глупостей. Мы тонем в них с головой, и прозрачная ледниковая вода входит в наши лёгкие и становится воздухом, и мы дышим этой водой и сами становимся водой – чистой, холодной, дающей жизнь и свободу. Человек состоит из воды. Наши мысли тоже состоят из воды. Наши чувства состоят из воды. Всё на свете состоит из воды.

О чем ты сейчас думаешь? Я знаю, ты думаешь обо мне. Ты хочешь, чтобы мы снова были рядом.

Или, может быть, ты думаешь о своей жене? Быть может, ты думаешь, что любишь её? Но это ложь! Это ложь во спасение. Ты хочешь спасти её. И во имя этой цели лжешь мне. Ведь ты любишь меня, только меня. Ты не можешь любить её.

Ты – мой, только мой. Я ни с кем не хочу делить тебя.

Когда я думаю, что она прикасалась к тебе, гладила твои волосы, целовала твои губы, я её ненавижу. Когда я думаю, что она посмела посягнуть на тебя, я хочу убить её. Я ненавижу каждую её клеточку, её ехидные глаза, её лягушачий рот, её кваканье вместо голоса, её змеиные руки. Как она посмела быть рядом с тобой?! Как она посмела украсть моё счастье?! Ведь ты – мой, только мой.

Когда я думаю, что ты ласкал её, я не обижаюсь на тебя. Я знаю – это она околдовала тебя. Опоила мёртвой водой, злая ведьма. Но скоро её чары закончатся. Она исчезнет из нашей жизни. Я знаю, что надо делать. И тогда мы снова будем вместе.

Единственный мой! Ощущаешь ли ты мою любовь? Шепчут ли тебе звёзды о моей любви? Говорит ли о ней северный ветер? Поют ли птицы? Я знаю – да. Ты любишь меня, ты тоскуешь и ждешь нашей встречи.

Но ты далеко.

Я люблю тебя!»

Нарастание интенсивности бредовых переживаний ревности отчётливо проявляется в следующем письме:

«Любимый мой!

Снова и снова разговариваю с тобой. Снова и снова слышу твой голос, чувствую твоё дыхание, вижу твои глаза. Ты – рядом, но ты – далеко.

Знаешь, сегодня я видела странный сон. Как будто я уже старая-старая, я сижу на лавочке в парке. Вокруг осень, падают листья, и на колени мне падает желтый кленовый листок. Я смотрю на него, и не могу оторваться – потому что он такой желтый-желтый и такой нежный, хрупкий, как наша жизнь.

А ты идешь мимо меня. Ты тоже старый-старый, прошло много-много лет, и мы – совсем не мы. Ты прошёл мимо меня, а потом медленно обернулся и посмотрел на меня. И тогда я поняла, что тогда, той зимой мы расстались. Мы никогда больше не встретились. Мы прожили жизнь друг без друга, а сейчас пришли в этот парк. И случайно встретились.

И тогда мне стало так грустно, так больно, что я заплакала. Заплакала во сне. А ты бросился ко мне, обнял меня и стал целовать. И мы стояли, прижавшись друг к другу – уже не старики, а молодые, полные сил и любви, и целовались и ласкали друг друга как безумные.

А потом ты вдруг исчез. Просто пропал. Я стояла, озираясь, посреди пустого парка, снова старая и одинокая, и звала тебя. Но ты не пришёл. Только листья, мёртвые листья укрывали меня золотым саваном.

И тогда я поняла, что это она украла мою любовь. Твоя жена. Разлучница. Она убила меня, разрушила мою жизнь, выпила моё счастье. Она как чёрный паук пьёт кровь из блестящих жемчужин.

Любимый мой! Прошу тебя – сделай это! Избавься от нее! Пусть она исчезнет из нашей жизни! Пусть она не крадёт больше моё счастье, пусть не пьёт мою жизнь, пусть не травит своим ядом нашу любовь!

Иначе я не хочу жить. Если она будет рядом с тобой, я умру. Я не смогу делить тебя с ней. Я уже всё продумала. Я куплю снотворного, и выпью сто таблеток сразу.

Это будет лёгкая смерть. Я просто усну – и не проснусь. А ты придешь проститься со мной. Я буду лежать в гробу спокойная и умиротворенная. И улыбаться. Когда ты увидишь эту улыбку, ты почувствуешь всю боль потери.

И тогда ты поймешь, как я любила тебя.

Почему вокруг тебя столько женщин? Сотрудницы, соседки, знакомые... Почему они могут спокойно смотреть на тебя, любоваться тобой, говорить

с тобой, а я должна таиться и скрывать свою любовь? Я ненавижу их! Я готова убить их всех!

Когда, скажи мне, когда мы наконец будем вместе?! Сколько мне ещё ждать?

Ты – далеко.

Но я люблю тебя!»

Следующее письмо написано Полиной незадолго до госпитализации. В нём проявления шизофренических расстройств мышления достигают апогея:

«Любимый мой!

Вот и ещё один месяц прошёл. Когда же мы увидимся?! Как мне хочется ускорить ход времени! Как я мечтаю скорее встретить тебя, обнять, как я мечтаю быть с тобой рядом!

Время крадёт у меня душу. Крадёт медленно, по частям, выпивая по капле. Моя душа зеленым ядом капает на песок. Её подберут те, кому будет не жалко меня. И тогда моя душа прорастет сквозь песок огненной травой, ледяными цветами. Некому будет убирать урожай, и никто не придёт на мою могилу.

Ласковый мой! Слышишь ли ты меня?! Думаешь ли обо мне каждую минуту?

Я люблю тебя так сильно, что иногда я думаю, что должна убить тебя. Да, да, это правда. Я чувствую, что должна убить тебя, чтобы мы навсегда были вместе, чтобы никто не смог разлучить нас. Какой смертью ты хотел бы умереть?

Нет у нас другой жизни, и никогда не будет. Мы сжигаем себя в керосиновых лампах ненужных пустых разговоров. Глазницы времени пусты и бездонны, в них никогда не будет жалости. Что ждёт нас завтра? Почему так несправедлива наша судьба?!

Жив ли ты ещё мой милый? Иногда мне кажется, что ты давным-давно умер, и мне всё это приснилось – и этот мир, и эта жизнь, и наша любовь. И тогда мне хочется умереть. Умереть, потому, что мир, в котором нет тебя, мне не нужен. Пусть им пользуется

кто-то другой. А я буду лежать под землей, тихонько-тихонько, и напевать песенку:

Спи мой малыш, лето возле крыш.

Спи мой родной, а мне быть одной.

Тихая ночь не оставит следа.

Мы не проснемся с тобой никогда.

Милый мой южный ветер! Ищи меня за синими горами, за широкими долами, за лесами, за морями – в тридевяти царстве, тридесятом государстве. Спрашивай обо мне у птиц небесных, у зверей лесных, у рыб морских – пусть расскажут, как я люблю тебя.

Ты – далеко.

Но я люблю тебя».

Вскоре после этого письма история болезненной любви Полины подошла к развязке. Состояние Полины быстро ухудшалось. Она стала болезненно подозрительной, активно высказывала бредовые идеи преследования. В частности, она заявляла, что жена Алексея хочет её убить, что она сговорила с мужем Полины, чтобы тот подсыпал жене отраву в пищу и воду. После этого родственники Полины вынуждены были обратиться к психиатру.

Так Полина оказалась в больнице. К счастью, лечение оказалось достаточно эффективным. Спустя месяц Полина была выписана в состоянии стойкой ремиссии. У неё исчезли болезненные проявления, появилась критика к своему состоянию. Теперь она расценивала свои переживания как ненормальные, ошибочные и являющиеся следствием болезни.

Последнее письмо Алексею Полина написала примерно через две недели после госпитализации. К этому моменту лечение уже дало определенный эффект. И хотя до окончательного выздоровления было ещё далеко, из письма явно видно, что болезненные переживания отступают, становятся менее значимыми и ранящими:

«Здравствуй, любимый мой!

Мы не виделись четырнадцать дней. Четырнадцать часов превратились в четырнадцать дней, и разлучили нас.

Сколько длилась наша любовь? День? Месяц? Год? Вечность?..

Теперь всё в прошлом.

Я знаю, мои письма не нужны тебе. Ты так никогда и не прочтешь их и не узнаешь, как я любила тебя.

Любила? Да – в прошедшем времени. Это письмо – последнее.

Я оглядываюсь на наше прошлое, и понимаю, что нам не быть вместе. Так будет лучше для нас обоих.

Ты был далеко. Но я любила тебя.

Ты был чужим. Но я любила тебя.

Ты был не со мной. Но я любила тебя.

Теперь – всё в прошлом. Я больше не хочу мешать тебе. Я не хочу быть тебе обузой. Я не хочу передать свою память.

Я смотрю вдаль, и вижу тебя.

Ты уходишь. Ты растворяешься в тумане.

Прощай!»

Эта история получила неожиданное и счастливое завершение.

Письма, которые были процитированы выше, Полина перед выпиской из больницы передала своему лечащему врачу. Эти письма чудом сохранились в течение двадцати лет. Нам они показались превосходными и весьма показательными для освещения болезненных переживаний. Однако необходимо было получить разрешение Полины на их публикацию.

В истории болезни остался её адрес и домашний телефон.

Честно говоря, этот телефонный номер мы набирали без особенной надежды на успех. С момента выписки Полины прошло более 20 лет. За это время могло изменить-

ся очень многое. Она могла сменить квартиру, уехать из города, поменять телефон. Наконец, могло случиться худшее: тот приступ шизофрении, который привел её в больницу, мог оказаться не последним, заболевание могло прогрессировать, тем более что в те времена не было достаточно эффективных и безопасных препаратов, способных остановить развитие шизофрении.

Но, к счастью, оказалось, что Полина никуда не переехала, и телефон не поменяла. Представившись, мы объяснили, что речь идет о её письмах, и предложили встретиться, чтобы обсудить все детали. Полина очень удивилась, что письма уцелели, хотя и отнеслась довольно равнодушно к нашему желанию использовать их в качестве иллюстрации болезненных переживаний. В целом она разговаривала спокойно, сдержанно, даже, как нам показалось, несколько иронично, и мы, готовясь к худшему, вздохнули облегченно. Мы договорились о встрече и довольно тепло попрощались.

Признаться, мы изрядно волновались перед этой встречей. И конечно, нас заботила не столько судьба писем Полины и её согласие или отказ в их публикации, сколько то, насколько болезнь отразилась на её состоянии. Двадцать лет – срок более чем достаточный, и за это время шизофрения могла оставить неизгладимый след в судьбе Полины. Так это или нет – по короткому телефонному разговору судить невозможно. Ответить на этот вопрос можно было только при личном общении.

Полина появилась точно в назначенное время, минута в минуту.

Даже спустя 20 лет выглядела она превосходно. Конечно, время изменило её, но в ней явно угадывалась та ухоженность, что так привлекательна в женщине её лет, и не было и следа того равнодушия, небрежности к своей внешности, которой нередко обезображивает женщину шизофрения. Полина была со вкусом, пожалуй, даже изысканно, одета, её стиль подчеркивали неброские, но дорогие ювелирные украшения, отличные часы. В общем, впечатле-

ние, которое она производила, было самым благоприятным. Даже в том, как изящно она держала чашечку с кофе, чувствовалась уверенность женщины, знающей себе цену.

Она коротко рассказала о себе. После выписки из больницы вернулась к работе, трудилась вначале в НИИ, потом – в бухгалтерии крупного предприятия. В девяностых, после того как предприятия стали массово закрываться, занялась предпринимательством. Сейчас имеет собственный бизнес – небольшой (как выразилась сама Полина – не олигархический), но достаточный для жизни. У неё взрослый сын, он учится и работает за границей.

К сожалению, личная жизнь Полины не сложилась. Вскоре после выписки из больницы муж оставил её. После этого Полина ещё дважды была замужем. Один из мужей покинул её (почему – она уточнять не стала), а второй трагически погиб в автомобильной катастрофе. Это случилось два года назад, и с тех пор Полина живет одна.

Наш осторожный вопрос о здоровье вызвал у неё улыбку. Она на мгновение задумалась и неожиданно спросила: «Скажите, я выгляжу сумасшедшей?»

Мы, признаться, растерялись, а Полина, вновь улыбнувшись, продолжила: «Судя по вашей реакции, всё в порядке. Это был не просто вопрос. Я хочу вам сказать, что всё это время, все двадцать лет, я пыталась доказать, что то, что произошло со мной тогда, было случайностью, досадным и ненужным эпизодом. Я не хотела позволить болезни победить себя. Я просто увидела перед собой две дороги, две перспективы: либо уйти в болезнь, страдать, мучиться и существовать от больницы к больнице, либо жить нормальной жизнью, любить, растить сына. И я выбрала второе. Я знала, что для этого понадобится много времени и очень много сил. Но я была готова ко всему. Ради моего сына, ради моих родителей, у которых кроме меня никого нет, ради самой себя, наконец. И я стала бороться. Через наших друзей мы доставали самые лучшие лекарства. Я выполняла предписания врачей с точностью до запятой, до минуты, до миллиграмма.

Когда после больницы меня бросил муж, я не плакала и не жаловалась на жизнь. Я знала, что болезнь только этого и ждёт – чтобы я сдалась, приняла её условия. Но я не покорилась ей. Я боролась. Я нашла человека, который понял и полюбил меня. Когда в девяностых я осталась без работы, я не пала духом, а пошла в бизнес. Это – тяжкий труд, но для меня он привлекателен тем, что этот труд – только для здоровых и сильных людей. И если я могу быть успешной в нём – значит, я действительно здорова, значит, мне удалось победить свою болезнь.

Я всё время следила за собой, не сдавалась и не опускала руки. За все эти годы я не дала болезни ни единого шанса. И сейчас, видя вашу реакцию, я могу сказать – мне удалось совершить задуманное. И я горжусь тем, что мне это удалось.

Когда я вспоминаю о том, что происходило тогда, двадцать лет назад, я не воспринимаю это как часть своей жизни. Я убедила себя, что всё, что произошло тогда, происходило не со мной. Это было с моей подругой или знакомой, или просто с какой-то чужой женщиной. А я просто наблюдала за этим со стороны. Вы знаете, я испытываю к ней чувство глубокой жалости и сочувствия. Но это происходило не со мной. Та Полина навсегда осталась в прошлом. Я перевернула эту страницу и не хочу о ней вспоминать».

После сказанного Полиной напоминать о её письмах было бы несколько бестактно, но всё же мы решились. Мы рассказали ей о своей работе, и о том, почему мы хотели бы использовать в ней её письма. Мы сказали, что её письма могли бы дать возможность людям лучше понять внутренний мир больных, глубину их переживаний, их индивидуальность.

В общем, после недолгих уговоров нам удалось убедить её дать согласие на публикацию. На прощание Полина сказала удивительную фразу: «А знаете, я ведь даже не помню, о чем они, эти письма. Я их никогда не читала». Мы уверены, что она говорила совершенно искренне. Она дей-

ствительно перевернула ту страницу своей жизни, что была связана с болезнью. Перед нами была сильная, уверенная в себе женщина, готовая бросить вызов шизофрении и победить её.

На наше обещание прислать ей книгу Полина отрицательно покачала головой: «Я не хочу об этом вспоминать. Это – часть чьей-то чужой жизни. Я забыла всё, что тогда произошло, и не хочу возвращаться туда снова. Первое время после болезни меня преследовало ощущение, что я вдруг, ни с того ни с сего как будто проваливаюсь в воспоминания. Это было очень неприятное чувство. Мне с трудом удалось забыть о нем. И я не хотела бы его будоражить».

Предлагая вашему вниманию историю Полины, мы хотим, чтобы вы осознали, насколько ярким и захватывающим может быть болезненный мир. Он завоевывает душу больного целиком, без остатка, и удерживает её в своих сетях с невероятной силой. Мы можем только догадываться, каких усилий стоило Полине победить свою болезнь. Мы с почтением склоняем голову перед сильной и мудрой женщиной, сумевшей в буквальном смысле «сделать себя», и призываем читателя последовать нашему примеру.

В лабиринтах тайн и загадок

Из предыдущих глав читатель мог убедиться, что шизофрения – это не просто расстройство психики. Это уникальное состояние и уникальная болезнь. Человек, пораженный шизофренией, испытывает такие переживания, такие поразительные изменения, каких нельзя наблюдать ни при каком другом состоянии. Однако шизофрения – это не только болезнь. Это ещё и совершенно невероятные, необъяснимые пока явления, связанные с глубинными изменениями, происходящими с психикой пациента под воздействием патологических процессов. Эта удивительная болезнь скрывает множество тайн и загадок. О некоторых, наиболее интересных из них, мы хотели бы вам рассказать.

Одним из интереснейших феноменов, связанных с шизофренией, является изменение восприятия времени.

Проблема времени с давних времен волновала умы людей. На протяжении всей истории человечества мыслители – начиная с философов античности и до современных ученых – пытались осмыслить и разрешить её.

Однако проблема эта оказалась слишком сложной. Тема восприятия времени психически больными (как, впрочем, и тема восприятия времени человеком вообще), остается почти неисследованной. Правда, в последнее время намечился явный прорыв в этой сфере, появилась и активно развивается отдельная наука – хронобиология, изучающая взаимодействие организма и времени. Однако тема «психоз и время» продолжает оставаться «белым пятном». А ведь изучение изменений восприятия времени во время психотических приступов дало бы исследователям массу ценнейшей информации. Возможно, именно это позволило бы отыскать

разгадку тайны восприятия времени человеком, и найти способы управлять этим восприятием. Проблема ждёт своих исследователей, и перспективы тут поистине грандиозные.

Но даже те отрывочные и несистематические наблюдения, что накоплены в настоящее время (в том числе и те, которыми располагаем мы), свидетельствуют, что в состоянии психоза восприятие времени существенно изменяется. Читатель уже мог убедиться в этом на примере одного из наших пациентов, Дениса, который пережил своеобразное ощущение растяжения-сжатия времени. Чтобы пояснить, как меняется времявосприятие во время психотического эпизода, попробуем понять его общие закономерности на теоретической модели.

Рассмотрим следующий пример.

Средняя продолжительность человеческой жизни примерно в 25 тысяч раз дольше, чем бабочки-однодневки и в 65 тысяч раз короче, чем древнейшего из известных коралловых рифов. Если бы бабочка-однодневка и коралловый риф обладали разумом и связанной с ним способностью к осознанию времени, то с их точки зрения время человеческой жизни воспринималось бы совершенно по-разному. Бабочке однодневке люди казались бы чрезвычайно медлительными существами. Ведь для неё время течёт в 25 тысяч раз быстрее, чем для нас, а значит, и восприятие его соответственно убыстряется. Движения людей в глазах бабочки выглядели бы карикатурно замедленными, почти статичными. Окружающий мир для неё был бы неподвижным или крайне медлительным: секундное падение дождевой капли продолжалось бы почти семь часов, а колыхание деревьев под напором ветра – без малого сутки. Водопад представлялся бы ей стоячим болотом, река – неподвижной пустыней, а падающие листья казались бы застывшими в воздухе. Взамен бабочке было бы доступно восприятие быстротекущих, скоротечных процессов, уловить которые человек не способен. Например, разряд молнии, длящийся две тысячных доли секунды, она могла бы созерцать во всех подробностях поч-

ти минуту – по нашим, «человеческим» часам. За свою короткую однодневную жизнь бабочка успевала бы пережить и сделать столько, сколько мы переживаем и делаем за всю многолетнюю жизнь – каждая минута её жизни вмещала бы почти столько же, сколько наш месяц.

Для кораллового рифа, напротив, люди представлялись бы крайне суетливыми и беспокойными существами. Их движения казались бы невероятно стремительными, неуловимыми. Всё, что мы успеваем сделать, например, за час, просто не замечалось бы им. И это неудивительно: наши сутки для него – всего лишь полторы секунды, а год – чуть менее восьми минут. Обратной стороной такой медлительности была бы возможность наблюдать сверхмедленные процессы, недоступные нашему восприятию – например, смещения материков, изменения рельефа Земли или трансформацию созвездий.

Мы привели эти несколько утрированные примеры для того, чтобы читатель понял, как различается восприятие времени при различных психических расстройствах и как это отражается на мироощущении человека. Больной в состоянии маниакального возбуждения подобен бабочке-однодневке: психические процессы у него протекают в убыстренном темпе, за короткое время он успевает совершить множество дел, подумать о множестве вещей, решить множество проблем. Обычные сутки для него – это огромный промежуток времени, вмещающий намного больше, чем для обычного человека. Депрессия, напротив, замедляет течение времени. Больные в состоянии депрессии подобны коралловому рифу: их психические процессы замедленны; они с удивлением наблюдают за суетящимся и стремительно меняющимся миром, не в силах поспеть за ним.

Но тут есть ещё одна чрезвычайно интересная закономерность.

Понятно, что восприятие прошлого, настоящего и будущего в разных психических состояниях будет различным. Если принять, что для человека настоящее – это сегодня

няшний день, то для бабочки-однодневки – это несколько секунд, а для кораллового рифа – около двухсот лет. Если недавнее прошлое для человека – это вчерашний день, а десять лет – прошлое отдалённое, то для бабочки недавнее прошлое – это три секунды, а отдалённое – три часа. Для коралла же недавнее и отдалённое прошлое составят соответственно пять тысяч и почти миллион лет. Та же ситуация и с будущим. Человек может уверенно сказать, что ждёт его в ближайшие несколько минут, с высокой долей вероятности – в течение ближайших дней, и очень приблизительно – в течение нескольких лет. Способность правильного прогнозирования, предвидения предстоящих событий ограничивается, как правило, ближайшим будущим. Но это ближайшее будущее различно: для бабочки-однодневки это несколько секунд, а для кораллового рифа – несколько тысячелетий. То есть, если бы коралл обладал разумом, он с лёгкостью мог бы «окинуть взглядом» перспективу в несколько тысяч лет и с высокой долей вероятности предсказать события, которые произойдут в течение этого времени – столь же легко, как мы можем предсказать судьбу бабочки-однодневки на ближайшие несколько секунд.

Может быть, именно здесь таится ключ к разгадке интереснейших феноменов предвидения будущего, которые иногда встречаются в клинике психических заболеваний и которым пока не найдено объяснения? Возможно, никакого чуда в подобных способностях нет, и они – лишь следствие изменения масштаба восприятия времени? Как знать...

Однако ускорение и замедление субъективного восприятия времени человеком – это лишь наиболее простые из изменений времяощущения, присущих людям, страдающим психическим расстройством. Помимо «линейных» изменений, проявляющихся субъективным ощущением замедления и ускорения хода времени, мы наблюдали интереснейшие феномены «скачкообразного» изменения восприятия времени, проявляющиеся в чередовании обычного и искажённого времявосприятия. Пациент, переживающий

подобные изменения, описывал их как внезапный «провал» в иное, абсолютно новое и кардинально отличающееся от обычного состояние, в котором время течёт по совершенно иным законам. Так, если для здоровой психики характерны линейность и дискретность времяощущения – то есть восприятие течения времени более-менее равномерно и определённо (например, человек ясно представляет себе, каково субъективное ощущение секунды, минуты, часа, суток и т.п., и четко отделяет, скажем, минуту от недели), то психотическому состоянию нередко присуще ощущение «стирания» времени, когда разница между короткими и длинными временными промежутками нивелируется. В этом состоянии больной теряет способность определять продолжительность того или иного события, не может сказать, сколько оно длится – минуту, час или год. Чтобы читатель мог представить себе это ощущение, скажем, что в первом приближении оно напоминает ощущение безвременья при обмороке – когда человек не может определить, как долго он находился без сознания, не ориентируясь на внешние признаки. Однако в отличие от обморока, больной при этом находится в контакте с окружающей действительностью, и это ощущение «украденного времени» чрезвычайно мучительно для него. Помимо утраты ощущения времени психотические эпизоды могут сопровождаться весьма специфичными переживаниями смещения правильной временной последовательности событий, «смещения времен». Остановимся на этом интереснейшем явлении подробнее.

Для здорового человека характерна последовательная организация времени. Настоящее следует за прошлым, а будущее – за настоящим. Прошлое – позади, настоящее – рядом с нами, будущее – впереди нас. Это – универсальная система организации времени. Мы оглядываемся в прошлое, живём настоящим и смотрим в будущее. Прошлое – неизменно, будущее – непредсказуемо, на этом построена вся система мировосприятия человека. С раннего детства человек утверждает в этих истинах и привыкает к по-

следовательной смене событий (кстати, понимание времени появляется у ребёнка позже всех других знаний и навыков). Правильная организация времени поддерживается сложной системой внутренних хронометров. Наш организм живет, подчиняясь множественным биологическим ритмам – от короткопериодных (сердечный цикл, коротковолновая активность мозга) до более продолжительных (овуляция, сезонные ритмы). Вся эта сложнейшая система биохронометров, находящаяся под контролем мозга, обеспечивает человеку возможность с высокой точностью определять различные временные промежутки и ориентироваться во времени.

Мы можем предположить, что одним из следствий психического заболевания является нарушение внутренних систем измерения и контроля времени. При этом происходит сбой «внутреннего хронометра», в результате чего нарушается правильный анализ временной последовательности событий. Наблюдается «смещение времени», когда прошлое, настоящее и будущее меняются местами, перепутываются, теряют определённость. Так, некоторые больные бывают не в состоянии определить, имело то или иное событие место в прошлом, либо будет иметь в будущем. Например, больной описывает предстоящее завтра обследование как уже совершившееся, тогда как вчерашний приезд родственников ожидается им в далёком будущем. При этом больной не видит противоречия в том, что можно изменить прошлое – ведь для него оно ещё не наступило. Однако настоящее и будущее могут восприниматься им как предрешённое, уже сделанное, не подлежащее изменению и требующее пассивного принятия. Больной «плывет по течению», мотивируя это тем, что ничего изменить невозможно – будущее уже свершилось. А между тем трансформация им событий своего прошлого приводит к кардинальной перестройке всех его взглядов, поведения, всей его жизни – при этом больной противоречит сам себе, явно и непрерывно изменяя своё настоящее и будущее. Однако эти противоречия (как и многие другие) остаются за пределами его внимания.

Чрезвычайно интересны описания времени, даваемые больными шизофренией. Для здорового человека время – категория абстрактная. Большинство здоровых людей определяют время как нечто нематериальное, условное. Общее определение в данном случае сводится к тому, что время – это последовательность смены событий, определенный порядок различных явлений. Для больных же шизофренией время приобретает своеобразную «материальность». Больные «пьют» время, «едят» его, «откусывая по кусочку», они могут «пощупать время», «схватить его за хвост». Больной шизофренией нередко рассматривает время как некое живое существо, с которым можно спорить, бороться, договариваться, и которое можно заставить совершать те или иные поступки. Понятно, что у здорового человека идея поговорить со временем вызовет недоумение, тогда как больной шизофренией не видит в этом ничего необычного. Эти специфические отношения со временем в значительной мере определяют «облик» шизофрении. Больной не «следит за временем», как здоровый человек – он взаимодействует с ним, и процесс этот не односторонний, как у обычного человека, а двусторонний.

Здесь мы касаемся ещё одной загадки – глубинного, архетипического¹ характера некоторых проявлений шизофрении. В ряде случаев проявления болезни бывают настолько необычными, что заставляют думать именно о проявлениях архетипической, генетической памяти. Удивительные откровения больных шизофренией, в которых «всплывают» элементы древнейших верований, мифов, легенд и глубинные архетипы человечества, производят действительно сильное впечатление. При этом объяснить их происхождение удастся далеко не всегда. Так, например, сложно по-

1. Понятие «архетип» было введено в психологию К.Г. Юнгом в 1916 году. Под архетипом понимают врождённые, передающиеся генетически образы «коллективного бессознательного», являющиеся результатом «памяти предков» – накопления информации предшествующими поколениями. Юнгом были описаны архетипы души (анима, анимус), архетипы духа (Мудрый Старик, Большая Мать), архетип самости и др. Архетипы проявляются в снах, мифах, сказках, фантазиях и т.п.

нять, откуда у семнадцатилетнего жителя сельской глубинки, с трудом окончившего девять классов и никогда не выезжавшего за пределы своего района, вдруг «прорывается» осознание сложнейших философских проблем бытия и детали переживания глубинных архетипических образов. Справедливости ради следует сказать, что проявления подобных феноменов – исключительная редкость, за всю тридцатилетнюю практику наблюдений их можно пересчитать по пальцам одной руки. Однако они встречаются, и отмахнуться от этого факта невозможно.

Известно, что при шизофрении наблюдается специфическое перераспределение активности между полушариями головного мозга. Возможно, в этом кроется причина доступа больных к особым, специфическим переживаниям, отражающим глубинные, архетипические образы человечества.

Помимо особых, совершенно уникальных переживаний, присущих больным, шизофрения преподносит исследователям немало других загадок.

Например, давно замечено, что заболеваемость инфекциями среди больных шизофренией ниже, чем в среднем по популяции. В чём причина такого явления? Трансформация рецепторов? Напряжённость иммунитета? На эти вопросы также нет ответа.

А удивительные закономерности, связанные с распространением шизофрении! Результаты исследований, накопленные за много лет, способны поставить в тупик любого исследователя. Антоний Кемпинский приводит следующий поразительный пример.

Мы уже упоминали, что частота заболеваемости шизофренией стабильна на протяжении многих лет наблюдений и составляет около 1% от объема популяции. А ведь теоретически это невозможно: шизофреники оставляют потомства на 30% меньше, чем в целом по популяции, следовательно, количество заболеваний должно неуклонно снижаться – ведь с каждым поколением людей, несущих дефектные гены, становится всё меньше. Между тем коли-

чество больных шизофренией на единицу населения остаётся стабильным. Оно не связано напрямую с рождаемостью в среде больных шизофренией и в весьма малой степени зависит от внешних факторов.

Более того, это наблюдение получило ещё одно, весьма показательное, хотя и крайне жестокое, подтверждение. Общеизвестно, что нацисты практиковали политику физического уничтожения и насильственной стерилизации психически больных. В Германии тысячи больных шизофренией были уничтожены в газовых камерах и специальных больницах. Таким образом Гитлер надеялся «очистить» нацию от «неполноценных» членов. Однако, несмотря на это, исследования, проведенные в Германии в послевоенные годы, показали, что численность больных эндогенными психозами, к которым относится шизофрения, очень быстро восстановилась до довоенного уровня. Такая же ситуация наблюдалась и во всех оккупированных странах, где психически больные также подвергались уничтожению. Ликвидация психически больных не решила проблемы ликвидации психических заболеваний. Сегодня уровень заболеваемости шизофренией в различных странах с разными экономическими, культурными и религиозными условиями примерно одинаков. Различия в статистических данных, если таковые и наблюдаются, скорее обусловлены разными диагностическими критериями шизофрении, используемыми в разных странах.

Не менее интересна и обратная сторона этого явления. Исследования доказали, что реальная частота встречаемости шизофрении существенно ниже, чем теоретическая, рассчитанная на основании законов наследственности. Так, распространенность шизофрении среди детей, оба родителя которых страдают шизофренией, не превышает 40%. Даже при наличии отягощённой наследственности в двух поколениях (мать – отец и бабушки – дедушки) риск заболеть составляет около 70%. Монозиготные близнецы, имеющие абсолютно идентичный хромосомный набор и, как прави-

ло, до взрослого периода пребывающие в одинаковых социально-бытовых условиях, теоретически должны иметь 100% конкордантность (совпадение) по шизофрении. То есть, если один из близнецов заболел шизофренией, то у второго не просто должно развиваться такое же заболевание, но и развиваться одновременно с первым и в той же форме. На самом деле даже при наличии достоверно установленного диагноза шизофрении у одного монозиготного близнеца, риск заболевания для второго на протяжении всей жизни составляет около 50%.

В чём причина такого явления? Некоторые исследователи полагают, что шизофрения – это своеобразная «плата за цивилизацию», результат глобальной «интеллектуализации», своеобразный ответ природы на бурный (в эволюционных масштабах) рост умственных способностей и возможностей человека.

К сожалению, сегодня шизофрения ставит перед исследователями намного больше вопросов, чем предлагает ответов. Мы стоим лишь в самом начале пути, ведущего к познанию этого удивительного и загадочного заболевания. Возможно, как раз исследования глубинных, подсознательных процессов смогут дать ответ на многие из вопросов, касающихся причин шизофрении. Однако уже сегодня мы понимаем всю необычность этого заболевания. Иллюстрацией этого тезиса и примером того, насколько глубоко болезненные процессы могут затрагивать важнейшие и сложнейшие проблемы бытия, человеческой души, служит следующая история.

История четвёртая В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Перед тем, как перейти к следующей истории, нам хотелось бы сказать несколько слов.

Прежде всего, мы в полной мере осознаем огромную ответственность, которую принимаем на себя, затрагивая тему, которой будет посвящена эта глава. Эта ответственность обязывает нас быть предельно корректными и осторожными в оценках и суждениях. Мы (как впрочем, и никто из ныне живущих людей) не располагаем достоверными сведениями о причинах явлений, о которых пойдет речь, и не берем на себя смелость делать какие-либо выводы относительно этих явлений и их причин. Наша задача – предоставить читателю факты, достоверную и проверенную информацию, дав ему возможность самому делать выводы.

Тема, которую мы хотим затронуть, чрезвычайно сложна и в высшей степени деликатна. С этой темой сталкивается каждый психиатр и психолог, работающий с больными шизофренией. Можно смело сказать, что она имеет массовый характер. Однако помимо широкой распространенности, больные с той разновидностью шизофренического бреда, о которой пойдет речь, оказывают наибольшее психологическое влияние на здоровых людей, общающихся с ними. Как правило, первый же контакт с такими больными приводит к сильнейшему потрясению у молодых врачей-психиатров, студентов и медицинского персонала. Нам известны случаи (и далеко не единичные), когда именно общение с такими пациентами приводило к тому, что начинающие психиатры отказывались работать с душевнобольными и навсегда порывали с психиатрией, или – что гораздо хуже – сами впоследствии становились пациентами психиатрических лечебниц.

Тема эта затрагивает важнейшие философские проблемы бытия – как материального, так и духовного, она непосредственно связана с вопросами жизни и смерти, добра и зла, времени.

Тема эта – шизофрения и духовное преображение человека.

Среди людей, далёких от психиатрии, бытует мнение, что психиатрические отделения заполнены Наполеонами, лже-прокурорами и агентами иностранных разведок. На самом деле это не так. В действительности наиболее распространёнными являются бредовые идеи религиозного и мистического толка. Именно они составляют львиную долю всех бредовых построений больных шизофренией, находящихся на стационарном лечении.

И, тем не менее, несмотря на столь широкое распространение и исключительную значимость, тема эта крайне неохотно освещается в научных публикациях и в популярных статьях. В лучшем случае о ней упоминают вскользь, одной-двумя фразами, в худшем – замалчивают вообще. Узнав о том, что мы собираемся коснуться её в этой книге, многие из коллег-психиатров «дружески» советовали не делать этого: тема-де сложная, скользкая, и одно упоминание о ней может оскорбить чувства людей.

Мы в корне не согласны с такой постановкой вопроса. Рассказывая о шизофрении людям, не связанным с психиатрией, обойти тему религиозно-мистического бреда, не коснуться её – означает намеренно ввести их в заблуждение. Любые попытки прятать головы в песок, по меньшей мере, неразумны. Мы не претендуем на истину, и не пытаемся внушить кому-либо какие-то идеи. Но и замалчивать эту тему бессмысленно. Рано или поздно вопрос будет задан – и возможно, в гораздо более резкой форме, чем это делаем мы. Что же касается возможности в той или иной мере задеть чьи-то чувства – то и это мнение нам кажется ошибочным. Верующий человек принимает как данность мир, созданный Богом. Этот мир таков, каков он есть, и если верить в то, что

этот мир, и всё, что в нём есть – творенье Божье, то следует принять как данность наличие в этом мире душевнобольных и различных форм душевных болезней. Нам не дано знать, в чём состоит промысел Божий. Нам не дано знать, что есть истина. Мы не можем понять таинств устройства бытия. Но не понимая – не следует отрицать. Быть может, именно в откровениях душевнобольных людей таятся разгадки сложнейших философских и нравственных проблем нашей жизни.

Мы хотели бы подчеркнуть, что работа над этой главой велась нами в тесном контакте с представителями ортодоксальной церкви – и православной, и католической. И, в общем, идея осветить в книге тему религиозно-мистического помешательства получила одобрение представителей обеих церквей. Единственным условием была обязательная публикация мнения официальной церкви о причинах и проявлениях психических болезней, а также о том, как вера может помочь больным шизофренией. Разумеется, мы приводим это мнение в полном объеме.

Комментируя те или иные проявления бредовых идей и переживаний, мы воздержимся от каких-либо оценок их содержания. Мы предоставим эту возможность читателю. Наша цель – донести до него мысль, что проблема существует, что она намного масштабнее и серьезнее, чем принято думать, и что она весьма далека от разрешения.

Вообще говоря, дать общую характеристику содержания религиозно-мистического бреда не так-то просто. И причина тут отнюдь не в его разнообразии. Наоборот, бредовые убеждения при религиозной фабуле бреда, как правило, стандартны. Они выражаются в простой и шокирующей формуле: человек начинает считать себя Богом. Именно так – не больше и не меньше. Подавляющее большинство больных шизофренией, одержимых бредовыми идеями религиозного характера, уверены, что являются Богом. Вот несколько подлинных свидетельств:

«Я – Бог, Мессия, который пришёл, чтобы уничтожить всё зло, спасти человечество... Я должен был как-то исправить этот мир. Я думал, что во всём мире люди радуются пришествию Бога в моем лице, происходит переоценка всех ценностей... Мир, как и моё сознание, разделился на две половины: добро и зло, человек и Бог...»

«Как-то во время незримого общения с Богом мне было сказано, что именно мне предназначено написать новую Библию, только поэтическую, что весь мир создан ради моих стихов... Позже мне стало казаться, что своими стихами я творю будущее в этом мире, что именно это, а не ежедневная суета является главным для людей, что процесс стихотворчества имеет кодированное влияние на общечеловеческое течение событий... Я думал, что раз мне удалось изгнать из своей души всех бесов и очиститься с помощью слова, раз мне назначено написать новую поэтическую Библию, то на Земле мне уже не место... На дворе конец тысячелетия, а вакансия на должность Мессии пока что остается незанятой... Раз со мной говорит сам Бог, то, значит, я и есть тот самый Мессия... А роль Мессии мне представлялась приблизительно такой: помахивать снисходительно рукой толпе неистовствующих поклонников, как это делают поп-звёзды, изредка вставляя какую-нибудь умную фразу про любовь и правду... Мне не давала покоя роль Мессии, меня охватывала забота о реформах всемирного масштаба... Я понял, что от моих стихов зависит судьба мира...»

«...У меня было ощущение, что наша семья – это святое семейство: отец, сын и дочь, святой дух. Я – Бог, Мессия, дочь и святой дух – моя сестра и мать соответственно...»

Именно эта болезненная убежденность в собственной божественной сущности производит наиболее шокирующее и отталкивающее впечатление на тех, кто впервые с ней

сталкивается. Попытки переубедить больного шизофренией, как мы уже не раз упоминали, в большинстве случаев тщетны. Больные исключительно упорны и настойчивы в отстаивании своих бредовых убеждений. И это болезненное упорство также производит на окружающих гнетущее и шокирующее впечатление.

Вообще тема религиозно-мистического помешательства – пожалуй, самое загадочное и необъяснимое явление в психиатрии. Отчего больной так настойчиво хочет стать Богом? Не святым, не мучеником, а именно Богом – недостижимым, всевластным, бессмертным?.. Почему эта мания поражает, как правило, людей, ранее особой набожностью не отличавшихся, а нередко – и убежденных атеистов? Отчего в большинстве случаев мегаломанические бредовые убеждения сочетаются у больного с самыми примитивными, едва ли не животными инстинктами? В чём причина этих явлений? На эти вопросы нет ответа.

И тем не менее освещать эту тему нужно. Прежде всего, это в интересах самих больных. Внимание общества к этой проблеме позволит придать новый импульс исследованиям в области психических расстройств. Сегодня же финансирование поиска новых методов лечения и профилактики шизофрении остается крайне недостаточным даже в такой развитой стране, как США. Г. Каплан и Б. Сэдок приводят данные о том, что в Америке на исследовательские программы по шизофрении в пересчёте на одного больного тратится в 20 раз меньше средств, чем на исследования по онкологии. По мнению американских авторов, это чрезвычайно одностороннее «помещение денег», так шизофрения гораздо дороже обходится обществу, чем вся онкология, вместе взятая.

Помимо этого, родственники больных шизофренией, для которых появление подобных бредовых идей у их близкого человека зачастую является настоящим шоком, смогут осознать, что они не одиноки, что не они одни столкнулись с такой бедой, что это явление, к сожалению, достаточно распространено. Близкие больного должны понимать, что на-

личие бредовых идей религиозного или мистического толка – это лишь одна из множества форм шизофренического процесса, и её лечение может быть столь же эффективным, как и других.

И наконец, читатели этой книги, никак не связанные с психиатрией и психическими заболеваниями, смогут составить достоверное, неискажённое представление о сути и проявлениях наиболее распространенной разновидности шизофренического бреда – религиозно-мистической.

Историю, которую мы хотим привести в качестве иллюстрации сказанного, можно считать типичной, и в то же время – достаточно необычной. Типична она в силу той доминирующей бредовой идеи, которая имела место у её героя, а нетипична – в силу того влияния, которое эта идея имела как на самого пациента, так и на окружающих его людей.

Главный герой этой истории, Михаил К¹, был хорошо известен не только в нашем городе, но и далеко за его пределами. Слава провидца и целителя прочно закрепилась за ним. Нам приходилось неоднократно встречаться с людьми, которых он пользовал, и большинство из них восторженно отзывались о его провидческих и целительских способностях.

И при всём при этом Михаил страдал тяжёлой формой шизофрении. Странно было видеть, как к дверям психиатрического отделения, куда он периодически поступал на лечение, выстраивалась очередь из желающих получить благословление или испытать на себе его целительное действие. Похоже, прихожан совершенно не смущал факт пребывания их кумира в психиатрическом стационаре. Скорее наоборот, в их глазах он придавал Михаилу некий ореол мученичества, или, как выразилась одна из его поклонниц, «это был его терновый венец».

Лечебная и просветительская деятельность Михаила не была одобрена официальной церковью. Считая себя человеком безусловно верующим, Михаил никогда не посещал церкви и не принимал участия ни в каких религиозных це-

ремониях. Он не принадлежал ни к одной из канонических или альтернативных конфессий и не был рукоположен в сан. С точки зрения закона то, чем он занимался, тоже не одобрялось – активно практикуя целительство, Михаил не имел ни медицинского образования, ни соответствующей лицензии.

Тем не менее, возможность заниматься лечебной и просветительской деятельностью у него была. Небольшой частный дом в одном из районов города был хорошо известен в округе. Нам приходилось бывать там ещё при жизни Михаила, и каждый раз на лавочке возле дома можно было увидеть нескольких посетителей, ожидающих приёма у «старца». Среди них были как те, кто приехал за излечением от болезней, так и люди, жаждавшие совета и помощи в решении каких-то житейских проблем.

Справедливости ради мы должны признать, что работая над этой главой и непосредственно общаясь с людьми, знавшими Михаила, мы сталкивались как с восторженными отзывами о нем, так и с откровенно негативными характеристиками. Источником восторженных отзывов были, как правило, его адепты, люди, которых он в разное время лечил или просвещал; отрицательные же характеристики обычно исходили от тех, кто знал о другой стороне жизни Михаила, кто видел его в совершенно иной обстановке и иных условиях – соседей, лечащих врачей и медицинского персонала отделения. Истина, как нам кажется, находится где-то между двумя этими полюсами. Михаил был человеком, и притом человеком, страдавшим тяжёлым психическим заболеванием. Понять, что двигало им, какие побудительные мотивы лежали в основе тех или иных его поступков, чрезвычайно сложно, иногда – просто невозможно. У нас сложилось впечатление, что, занимаясь целительством или давая те или иные советы духовного свойства, Михаил действовал под влиянием какого-то внутреннего импульса (зачастую болезненного), и оттого многие из его поступков выглядят странными и нелогичными. Но, как нам кажется,

1. Имя изменено.

именно эта их нарочитая вычурность и нелогичность была одной из причин их эффективности. Читатель будет иметь возможность ознакомиться с лечебными методами Михаила, записанными по воспоминаниям его пациентов, и составить собственное мнение по этому вопросу.

К сожалению, финал этой истории трагичен. Михаил погиб несколько лет назад, и получить информацию о нём «из первых уст» уже невозможно. Но остались его письма и дневниковые записи, которые мы приводим в том виде, в каком они сохранились. При работе с этими бумагами мы обратили внимание на отсутствие в них некоторых фрагментов и даже целых страниц. Уничтожил ли их сам Михаил, или это сделал кто-то из тех, кто разбирал бумаги после его смерти, мы не знаем. Но вероятнее всего, исчезнувшие фрагменты рукописей утрачены навсегда.

Мы также по мере возможности восстановили историю последних нескольких лет жизни Михаила. Это было сделано со слов людей, близко знавших его, а также с использованием данных архивных медицинских документов.

К сожалению, нам очень мало известно о детских годах и юности нашего героя – основные воспоминания и записи относятся к его зрелому возрасту. Однако мы можем предположить, что судьба его была нелёгкой. Заниматься духовной практикой и целительством он начал в конце 80-х годов – во время всеобщей «экстрасенизации» всей страны. Он был одним из немногих, кому удалось сохранять популярность в течение почти двух десятков лет. В немалой степени этому способствовало то, что Михаил не только лечил людей, но и активно проповедовал свои идеи. Именно это, как нам кажется, привлекало к нему всё новых и новых последователей.

Очевидно, что костяк его «паствы» составляли люди страдающие, несчастные, духовно неудовлетворенные, ищущие утешения и помощи. В какой мере они получали всё это от своего «духовного наставника» – сказать сложно. В силу особенностей психического заболевания Михаил был

человеком, мягко говоря, своеобразным. Но судя по тому, что значительная часть адептов посещала его регулярно в течение многих лет, какой-то духовный «корм» они всё же получали.

Жил Михаил одиноко, семьи не имел, о его родственниках также ничего неизвестно. Образ жизни его был чрезвычайно скромным. Надо полагать, что при желании Михаил мог вести вполне безбедную жизнь, благо в желающих оплатить его труд целителя никогда не было недостатка. Однако Михаил избегал не только роскоши, но и элементарных бытовых удобств, причем зачастую это презрение к материальной стороне жизни доходило до крайности: так, одежда его обычно бывала ветхой и грязной, в его доме не было ни телевизора, ни магнитофона, ни сложной бытовой техники; пожалуй, единственной ценной вещью там был старенький холодильник. Обстановка в доме Михаила была самая простая, даже убогая: железная кровать, обеденный стол, служивший Михаилу одновременно рабочим местом, и два стула. Сбережений у него также не было, по крайней мере, после смерти в его комнате была обнаружена лишь весьма незначительная сумма денег, на которую вряд ли можно было прожить больше месяца.

В общем, подобный аскетизм типичен для большого шизофреника. Шизофреники вообще крайне неприхотливы в быту. В отличие от чистюль-эпилептоидов и сибаритов-циклоидов, больные шизофренией готовы довольствоваться минимальным набором бытовых удобств, а при их отсутствии легко обходятся и без них.

Периодически – три-четыре раза в год – Михаил поступал на стационарное лечение в психиатрическую больницу. Приходил он всегда сам, по доброй воле. Заболевание у него проявлялось в виде галлюцинаций угрожающего характера («бесы одолевали» – по его собственному выражению). Появление «бесов» сопровождалось выраженными слуховыми галлюцинациями. Михаил слышал голоса, ругавшие его и заставлявшие совершать непристойные действия.

Галлюцинации носили императивный характер, и Михаил по опыту знал, что долго сопротивляться им не сможет, поэтому при появлении первых признаков обострения обращался к психиатру и ложился в больницу. Продолжительность обострения составляла обычно три-четыре недели, однако Михаил не прекращал на это время своей целительской и просветительской практики, принимая иногда до десяти человек за день.

На высоте заболевания Михаил был достаточно агрессивен и персонал психиатрического отделения предпочитал держаться от него подальше. Он был достаточно крупным мужчиной, с развитой мускулатурой, и под влиянием галлюцинозных переживаний мог нанести серьезные увечья. Одна из молодых медсестёр, не зная об этом, и слишком настойчиво пытавшаяся уговорить Михаила принять лекарство, поплатилась за своё незнание. Возбуждись, Михаил нанёс ей сильный удар в лицо, повредив переносицу и вызвав сотрясение мозга. Интересно, что когда лечащий врач пытался расспросить Михаила о причинах его поступка, тот категорически отрицал, что ударил медсестру. С его слов выходило, что это сделали «бесы», а сам Михаил является противником насилия во всех его формах. Впрочем, для пострадавшей медсестры это вряд ли могло служить утешением.

Мы привели этот характерный эпизод для того, чтобы читатель мог удостовериться, что Михаил действительно страдал тяжёлым психическим заболеванием, и не напрасно проходил ежегодно по несколько курсов стационарного лечения. В дальнейшем мы проследим более подробно его историю жизни и заболевания, а пока же нам кажется необходимым сделать отступление и остановиться на общих вопросах взаимодействия психиатрии и религии.

Проблема религии и психических расстройств столь глубока и обширна, что охватить её в пределах одной главы и даже целой книги невозможно. Однако мы постараемся дать читателю хотя бы общее представление о состоянии этой проблемы.

Нам кажется, что рассмотрение данного вопроса лучше всего начать с небольшого исторического исследования.

Душевные заболевания, в том числе, разумеется, и шизофрения, как мы уже упоминали, являются спутниками человечества с древнейших времен. И отношение к ним также менялось сообразно изменению взглядов на природу вообще и природу человека в частности. От начала истории цивилизации психические заболевания объяснялись воздействием духов, вселявшихся в душу человека. Духи эти были, разумеется, злыми – ибо человек одержимый ими, как правило, оказывался невменяемым, совершал противоестественные и опасные поступки, а нередко причинял реальный вред жизни и здоровью окружающих его людей. Традиционный взгляд на психическое расстройство как на следствие одержимости злым духом господствовал в течение нескольких тысячелетий. Даже с появлением христианства существенного изменения в отношении общества к психически больным не произошло. И это несмотря на то, что в Новом Завете содержатся, например, такие слова: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (1 Кор. 3: 18, 19).

В католической традиции психическое заболевание рассматривается как одержимость злым духом, результат овладения душой человека дьяволом. Чаще всего – это результат греховности, кара за отступление от канонів веры и нарушение основных принципов христианства. Соответственно вырабатывается и подход к лечению психического заболевания: его главная цель – избавить душу от злого наваждения, изгнать поселившегося в ней духа. Роль врача здесь отводится экзорцисту – священнику, призванному изгнать дьявола и очистить душу больного. В эпоху Средневековья, впрочем, проблему предпочитали решать радикально – человека, страдавшего психическим заболеванием, просто сжигали живьем.

В православной традиции отношение к психически больным было несколько иным. И решающую роль в этом сыграл специфичный для православия культ юродства.

Слово «юродивый» происходит от древнеславянского оуродъ (юрод) – дурак, безумный. «Юродивый – безумный, божевольный, дурачок, от роду сумасшедший. Народ считал юродивых божьими людьми, находя нередко в бессознательных их поступках глубокий смысл, даже предчувствие или предвидение» – писал в своём Толковом Словаре В.И. Даль.

Сущность юродства состоит в отвержении традиционных мирских забот – о доме, семье, труде, в отказе от подчинения властям и правилам общественного приличия. Демонстрируя такую модель поведения, юродивый подражает Христу, терпящему насмешки и издевательства толпы. Одним из канонических обоснований юродства считаются слова Апостола Павла: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже донныне тершим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим...» (1 Кор. 4:10).

Необходимо сразу отметить, что официальная церковь строго разграничивает юродство природное и добровольное. Природное юродство – следствие психического расстройства, корни асоциального поведения природного юродивого кроются в болезненных импульсах, он не способен осознавать смысл своего поведения и не ставит перед собой каких-либо духовных целей. Природное юродство не является юродством в узком смысле слова – это лишь внешнее проявление психического расстройства. Церковью же признается исключительно юродство другого характера – добровольное, когда человек осознанно и обдуманно принимает на себя тяготы юродства, отказывается от мирских благ и почитания власти, а также от общепринятых норм поведения. В этом случае эпатажное, шокирующее поведение юродивого – лишь средство привлечения внимания к смыслу его проповедей.

На практике разграничить природное и добровольное юродство бывает весьма сложно. Достаточно вспомнить, пожалуй, самого знаменитого юродивого в мире – Василия Нагого, более известного как Василий Блаженный. Это его имя фигурирует в названии храма Покрова на Рву на Красной площади в Москве (хотя название «Храм Василия Блаженного» – неофициальное, разговорное). Василий, который был современником Ивана Грозного, похоронен в приделе этого храма. Уже сам этот факт свидетельствует об особом отношении к юродивым: быть погребённым у Божьего храма в православной традиции – огромная честь, оказываемая обычно лишь самым видным деятелям православия. Обряд погребения юродивого Василия совершал сам святитель Московский митрополит Макарий с собором духовенства. То, что обычный нищий (выражаясь современной терминологией, бомж – лицо без определённого места жительства, рода занятий и источника существования) удостоился такой чести, говорит об особом почитании юродивых и благоговейном отношении к ним и к их памяти.

Василий Блаженный является классическим представителем когорты юродивых. Второе своё прозвище – Нагой – он заслужил за то, что круглый год, и зимой и летом, ходил без одежды: «телом смугл от солнечного горевания, наг весь, брада курчевата, в левой руке плат, правая молебна». Заметим, что нагота в данном случае – выражение крайнего презрения к тленной плоти, и одновременно вопиюще дерзкий вызов нравственным устоям общества.

Василий родился в декабре 1468 (по некоторым данным – 1469) года в селе Елохово под Москвой. Подростком был отдан в обучение сапожному делу, где, как рассказывает летопись, впервые проявил пророческие способности. Когда зашедший в мастерскую купец попросил сшить ему такие сапоги, чтобы не изнашивались за год, Василий прослезился: «Сошьем тебе такие, что и не изнаносишь их!». На недоумение мастера ученик объяснил: купец не сможет изнашивать сапоги, оттого что умрет. На следующий день купец действительно

но умер, а Василий вскоре отправился в Москву, юродствовать. С 16 лет и до самой смерти 2 (15) августа 1557 года он вёл жизнь юродивого – ходил нагим, жил под открытым небом, постоянно постился, носил тяжёлые вериги. Молва приписывает ему разнообразные чудеса: рассказывают, например, что один боярин подарил Василию дорогую шубу, а воры решили обманом завладеть ею – один из них притворился мёртвым, а остальные стали просить у Василия шубу для погребения. Василий укрыл «мёртвого» шубой, сказав при этом: «буди же ты отныне мёртв за лукавство твое; ибо писано: лукавии да погребятся», после чего перепуганный обманщик действительно умер. Другая история не менее драматична: прохожие девицы, случайно встретившие Василия на улице, позволили себе посмеяться над его наготой – и тотчас ослепли. Одна из них побрела, спотыкаясь, за блаженным и пала ему в ноги, умоляя о прощении и исцелении. Василий спросил: «Отселе не будешь ли паки смеяться невежественно?» Девица поклялась, что не будет, и Василий исцелил её, а вслед за нею и остальных.

Поступки Василия были более чем странны: то лоток с пирогами опрокинет, то кувшин с квасом разобьет. Разгневанные торговцы били Блаженного, но он принимал побои с радостью и благодарил за них Бога. Василию приписывают и сотворение чудес: так, утверждают, что он, находясь в Москве, молитвой и тремя бокалами вина потушил большой пожар в Новгороде, а в другом случае, наоборот, страшный пожар, начавшийся в Воздвиженском монастыре и уничтоживший Москву, начался после его молитвы. Разумеется, многое из того, что рассказывают о Василии, было придумано уже после его смерти, однако с уверенностью можно утверждать, например, что Василия боялся и чтил сам Иван Грозный. Юродивый был, пожалуй, единственным, кто осмеливался возражать всесильному и своенравному царю и обличать его. Василий звал Грозного Ивашкой и обвинял в бессмысленном кровопролитии.

Василий Блаженный. Икона

Примером добровольного юродства является юродивый Афанасий, который был одним из деятелей раннего

старообрядчества. Афанасий был любимым учеником и духовным сыном знаменитого протопопы Аввакума, который так отзывался о нем: «До иночества бродил босиком и зиму и лето... Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет». Афанасий был вполне психически здоровым, более того, чрезвычайно образованным для своего времени человеком. Он превосходно знал грамоту (что по тем временам само по себе было редкостью), писал прозу и стихи (что для XVII века – вообще из области чудес). Из-под пера Афанасия вышло множество обличительных трактатов, в которых он клеймил реформу Никона и защищал старую веру. Это вызвало гнев царя, и в 1672 году Афанасий был сожжен.

Простой народ относился к юродивым с почтением и некоторой опаской. Помочь юродивому считалось делом богоугодным, а обидеть его – тяжким грехом.

Однако юродивые представляли собой своего рода исключение из общего правила. В целом, во всех традиционных христианских конфессиях душевная патология рассматривалась как следствие одержимости – овладения душой человека тёмными силами. «Философия православного пастырства» выделяет два вида одержимости по их духовно-душевной структуре: бесноватость (песессия) – то есть полная связанность души демоном, когда человек теряет всякое самосознание; личность его совершенно пленена, и он не властен над нею; и одержимость (обессия) – частичная плененность злой силой души человеческой или тела: человек сохраняет полное самосознание, возможность нравственной оценки своих поступков, но не имеет силы справиться с «влекущей его силой». Впрочем, оба этих расстройства одинаково не поддаются доводам разума: «угорорить одержимого, а тем более бесноватого – нельзя, ему надо помочь».

Однако, в общем, в православной традиции отношение к душевнобольным было более гуманным, нежели в католической. В представлении народа они являлись

не виновниками, а жертвами одержимости, невинными страдальцами, которые после смерти могут претендовать на вхождение в царство небесное. В «Житии Феодосия Печерского» (XI век) сказано: «Бесный страждет неволею и добудет вечныя жизни».

Тем не менее, к психически больным относились с опаской. Сумасшедших боялись, им приписывали сверхъестественные способности. Такое отношение господствовало вплоть до нового времени, когда открытия в области естественных наук убедительно продемонстрировали биологический характер изменений, лежащих в основе эндогенных психических заболеваний, в том числе и шизофрении. Это в значительной степени определило изменение религиозной трактовки проблемы психических расстройств.

Современный подход христианской религии (и православной, и католической) к рассмотрению психических расстройств зиждется на концепции трихотомического единства личности – то есть гармоничного сочетания в ней телесного, душевного и духовного начал. Эти начала, хотя и являются различными, находятся в непрерывном взаимодействии и взаимно дополняют друг друга.

Епископ Михаил Таврический, посвятивший немало трудов исследованию взаимного влияния психологии и религии, выделял четыре «течения» (сферы) внутренней жизни человека:

1. Течение материальной и чувственной жизни, где люди стихийно несутся и движутся во взаимной жестокой борьбе;
2. Сфера умственной жизни со своими законами и свойствами – соединяет людей единством идей в своём колеблющемся и меняющемся свете;
3. Сфера высших человеческих симпатий – то, что современная психология объединяет понятием «высшие социальные чувства»;
4. Сфера свободной веры: здесь – лучи духовного солнца, дающего всем жизнь и теплоту, которыми «мы живём, и движемся, и существуем» (Деян.: 17, 27-28).

В борьбе этих течений совершается драма внутренней жизни человека. Каждая из сфер имеет свои законы, свою природу, своё направление и приёмы борьбы.

Человек непосредственно властен лишь над областью духовной свободы, всё остальное течёт и развивается по своим природным законам, ничего общего не имеющим со свободой человека.

Епископ Феофан Затворник полагал, что «дух в душевной жизни человека проявляется тройко: в благоговении и страхе Божиим, в совести, и в искании Бога. Духовность есть норма человеческой жизни и проявляется она в сознании и свободе, одухотворенности всех трёх сторон человеческой психики: эмоциональная сторона приобретает стремление к красоте, воля приобретает стремление к бескорыстным поступкам, ум – стремление к идеальности». В единстве и равновесии всех сторон (духа, души и тела) человеческой природы коренится, по мнению епископа Феофана, свобода и сознание, подлинное здоровье человеческой личности, основа целостного «Я».

Личность человека определяется преобладанием одного из трёх начал: духа, души или тела. Истинным человеком может называться лишь тот, у кого высшая сторона жизни состоит в духе, ибо это – черта, выделяющая его из всех других тварей.

Отношение христианской религии к психическому расстройству определяется, таким образом, не столько внешними проявлениями психоза (симптомами), сколько их «направленностью». Каждое проявление заболевания (и не только заболевания, но и личности) рассматривается с точки зрения того, подвигает оно человека к Богу или отдаляет от него.

Религиозно-нравственное понимание всякой болезни, в том числе и психической, отличается от рационального и научного. Для верующего человека болезнь – это способ самопроверки, выяснения истинного смысла посланного ему испытания, повод осмыслить свою жизнь, свои поступки, а

также исправить ошибки и греховные деяния посредством обращения к Богу. Христианская религия подразумевает смиренное принятие болезни, терпеливое несение всех связанных с этим тягот и упование на помощь не только врачей, но и Бога – Того, Кто силен врачевать все болезни.

Интересно, что ряд «классических» психиатров также призывали к подобному отношению к болезни. Так, Карл Ясперс считал, что это «открывает возможность духовного роста, служит успокоению человека перед лицом труднопереносимых страданий, является источником утешения, самопознания и духовного подъёма в несчастье».

Религиозные подходы к объяснению причин и механизмов психических расстройств в последние годы строятся на стремлении примирить понимание психического заболевания как следствия нарушения нормального течения биологических процессов, в основе которого лежат конкретные материальные причины – дефект рецепторов, недостаточность медиаторов и т.п. и высшие, духовно-философские подходы к объяснению психических расстройств. При этом предполагается, что объяснить происхождение психических расстройств только лишь биологическими причинами, без привлечения религиозно-философских учений о душе и духе, невозможно. Психиатрическая помощь в её классическом виде – медикаментозной терапии и психотерапии – признается необходимой, но недостаточной. Обязательным условием исцеления является обращение человека к Богу; но при этом собственно исцеление от психического недуга не рассматривается как абсолютная и основная цель. Главным здесь является внутреннее преображение и искреннее принятие постулатов веры.

Итак, мы выяснили, что церковь рассматривает как психическое расстройство те переживания, которые уводят человека от Бога – таковы, например, все виды «прельщения», независимо от их этиологии – галлюцинации, ложные убеждения, бред и т.п. Те же религиозные переживания, которые представляют собой положительную, здоровую мисти-

ку (даже больного человека!) рассматриваются как явление положительное.

С точки зрения классических христианских подходов, заболевание Михаила, безусловно, следует отнести к первой категории – галлюцинации, которые он слышал, исходили от «бесов» и требовали от него совершать греховные, нехристианские поступки. Заметим, однако, что наличие подобных переживаний само по себе отнюдь не означает, что душа такого человека считается «собственностью дьявола»: достаточно вспомнить преподобного Феодосия Печерского, который как известно, не только видел и слышал «бесов», но и активно занимался их изгнанием. Михаил также борется с проявлениями душевного расстройства – пусть не посредством покаяния и обращения к традиционной религии, а через приём антипсихотических медикаментов – и в этом отношении его поведение, конечно, несёт определенные положительные черты с точки зрения религии.

Теперь, когда мы в общих чертах разобрались с взаимоотношениями религии и психиатрии, мы можем перейти к непосредственному описанию картины заболевания у Михаила.

Рассказ об истории жизни и заболевания Михаила, основанный на воспоминаниях очевидцев и документальных данных, будет сопровождаться цитатами из его дневников, соответствующих тому или иному периоду его жизни. Записи в его дневниках не датированы; строго говоря, это даже не дневники, а отрывочные заметки, сделанные на отдельных листках, иногда поверх книжного или газетного текста. Тем не менее в тексте мы сочли возможным использовать для их обозначения слово «дневник», так как они в значительной мере отражают изменение состояния пациента с течением времени. Восстановить хронологическую последовательность этих записей можно лишь приблизительно – по внешнему виду и по нарастающим изменениям мышления, характерным для шизофрении. Мы подаем

эти записи в том порядке, какой показался нам наиболее близким к реальному. По возможности мы старались сохранить оригинальный авторский стиль Михаила, исправив лишь многочисленные орфографические ошибки и расставив полностью отсутствовавшие в текстах знаки препинания. Это вынужденное вмешательство было необходимо, поскольку без него восприятие заметок читателем было бы крайне затруднено. Однако даже при этом «продираться» сквозь нагромождения болезненных построений Михаила – задача не из лёгких. Уже в первых его дневниках отчётливо проявляются признаки характерных расстройств мышления – разорванности, бессвязности, паралогичности, которые со временем неуклонно нарастают. Тем не менее мы не стали их править, считая эти нарушения достаточно показательными и необходимыми для понимания истинной картины заболевания. Мы просим читателя не забывать, что человек, писавший эти заметки, страдал тяжёлым психическим расстройством, не получал адекватного лечения, и поэтому требовать от него идеальной логики и чистоты стиля бессмысленно.

Первая запись в истории болезни Михаила датирована 1979 годом, когда Михаилу было 26 лет. До этого, с его слов, к психиатру никогда не обращался. Михаил жаловался на постоянное чувство страха, тревожность, плохой сон с частыми ночными кошмарами, невозможность сосредоточиться, быструю утомляемость. Эти изменения он ощущал на протяжении последних нескольких месяцев. С его слов, эти расстройства начались внезапно, без видимой причины. Интенсивность их нарастала, и со временем привела к тому, что пациент оказался практически нетрудоспособен.

Михаил работал шофером в одном из городских автопарков. Работа была связана с постоянно меняющимся графиком работы и значительными психоэмоциональными нагрузками, однако пациент трудился в подобном режиме на протяжении последних шести лет, и никаких трудностей ранее это у него не вызывало.

Михаил был одинок, семьи не имел и проживал в общепитии. Себя он характеризовал как человека замкнутого, необщительного, некомпанейского. С соседями по общепитию никаких контактов не поддерживал, друзей не имел. В истории болезни есть краткая запись, подтверждающая это: за всё время пребывания Михаила в стационаре (около двух месяцев) его ни разу никто не посещал.

Но для нас, разумеется, наиболее интересным был вопрос, имелись ли у Михаила во время его первого обращения к психиатру какие-либо расстройства восприятия – иллюзии, галлюцинации, изменения восприятия собственного тела, окружающих и т.п., а также были ли обнаружены у него бредовые идеи, в том числе и скрытые. Ответ на этот вопрос позволил бы понять истинный характер имевшихся у больного патологических изменений и проследить за их динамикой.

К сожалению, врач, описывавший состояние Михаила во время первой госпитализации, ограничился короткой фразой: «бредовых идей не высказывает, расстройств восприятия не выявляет» и в дальнейшем к этому вопросу не возвращался. Подобная небрежность, увы, была проявлена и в отношении описания детства и юности больного. Весь этот самый сложный и важнейший для пациента период также уместился в одной фразе: «развитие без особенностей».

Вполне возможно, что в то время у Михаила действительно отсутствовали расстройства восприятия и мышления, а возможно, их просто не заметили. Как бы там ни было, с учетом имевшихся у Михаила жалоб, ему был выставлен диагноз «неврастения». Его определили в отделение неврозов.

Из истории болезни следует, что динамика положительных изменений под влиянием лечения была крайне незначительной. Проведя более месяца в отделении и получая в общей сложности восемь наименований лекарств, Михаил предъявлял практически те же жалобы, что и при поступлении. После шести недель интенсивной терапии его лечащий

врач был вынужден записать в дневниках: «состояние больного без существенных изменений». В общем, такое упорство болезни, её невосприимчивость к обычным при неврозах методам лечения должны были насторожить врача и направить его мысли к идее более тщательного обследования пациента на предмет поиска эндогенных, органических психических расстройств. Однако этого не произошло. Через два месяца Михаил был выписан «с незначительным улучшением».

Врачебно-консультативная комиссия рекомендовала администрации предприятия перевести Михаила с должности шофера на более спокойную работу, не связанную с нервным перенапряжением и постоянной сменой графика. Михаил был переведен на работу в гараж механиком, где и продолжал трудиться вплоть до 90-х годов.

После этого Михаил надолго пропал из поля зрения психиатров. Следующее его обращение в психиатрическую больницу произошло спустя 10 лет, в конце 1989 года. На этот раз у него уже имелись очевидные признаки психического процесса. К этому же времени относятся и первые записи в его дневниках.

Дневник:

«Я знаю, что призван дать людям новое знание, новую Библию – Библию терпимости и понимания. Очень просто навесить ярлыки – ты дурак, и ты дурак, и ты тоже... Окружающий мир – жестокий. Я больной, но я не дурак. Людям нельзя верить, только Богу и своему убеждению. Пусть весь мир скажет, что я – дурак, но я знаю, что это не так, и моё мнение иное...

Ложь – это великий грех. Восьмая заповедь Господня – не лжесвидетельствуй. Бывает сокрытие правды – но это не ложь. Когда врач не говорит правду больному о неизлечимом заболевании – это не ложь, а сокрытие правды. Ограничение правды. Но это неправильно. Потому что человек должен иметь возможность сделать выбор. Соккрытие правды – это тоже ложь...

Обычный человек может иметь такой высокий полет духа, что с ним не сравнится никакой священник. Меня упрекают в том, что я, не имея сана, занимаюсь проповедованием идей Христовых. Но ведь Христос тоже не был священником. Моими устами говорит Бог, я пришёл в этот мир, чтобы изменить его, и никто не может помешать мне...

Меня обвиняют в том, что я дурак, сумасшедший. Но это – на их совести. Пускай я дурак, но я стерплю это. Хотя мне обидно. Это пощечина недоверия, но Христос сказал, что если ударили по правой щеке, надо подставить левую...»

Во время второй госпитализации психиатрическое обследование больного было проведено более тщательно. На этот раз Михаила госпитализировали в острое психиатрическое отделение, и врач, которая вела его, сразу заподозрила у него симптомы шизофрении. Прежде всего, Михаил жаловался на слуховые галлюцинации – голоса, которые ругали и оскорбляли его. Голоса также комментировали его действия, причем делали это в непристойной и оскорбительной форме. Больной сообщил, что, по его мнению, голоса эти насылают на него соседи. Делают они это с помощью чёрной магии и колдовства.

К тому времени Михаил переехал из общежития в небольшой дом на окраине города, однако жил по-прежнему одиноко, ни с кем не общаясь.

Со слов Михаила, голоса стали беспокоить его сразу после переезда на новое место жительства. Он подозревал, что соседи наводят на него голоса, чтобы завладеть домом (дом Михаил купил после смерти его прежней хозяйки, одинокой старухи, у её родственников). Помимо бредовых идей воздействия и отношения Михаил высказывал жалобы на неприятные соматические ощущения «пустоты в животе» и «отделения органов».

Всё это вполне укладывалось в клинику шизофрении, и именно такой диагноз был выставлен Михаилу.

Он провел в больнице около месяца. На этот раз его лечили нейролептиками. И хотя в то время выбор их был достаточно ограничен, врачу удалось добиться ликвидации болезненной симптоматики. Галлюцинации исчезли, неприятные ощущения больше не беспокоили пациента. Хуже обстояло дело с бредом. Даже после курса интенсивного лечения Михаил продолжал высказывать бредовые идеи преследования и отношения, хотя интенсивность переживаний по этому поводу притупилась (что естественно: исчез повод для них – беспокоившие больного галлюцинации). Критика к своему состоянию была частичной: галлюцинации Михаил полагал проявлением болезни, однако себя больным не считал. В таком состоянии (на врачебном языке оно называется неполной ремиссией) Михаил был выписан из стационара.

После выписки Михаил впервые попробовал заниматься целительством. Как он пришёл к этой идее – неизвестно. Возможно, его натолкнуло на мысль увиденное в больнице, а может, это решение зрело давно – либо же возникло по наитию, мгновенно. Вообще-то в те «лихие» времена целительством и экстрасенсорикой не занимался только ленивый. На каждом углу, как грибы после дождя, появлялись салоны всевозможных «провидцев», «ясновидящих», «целителей», «экстрасенсов» и тому подобных деятелей. Как правило, это были люди весьма далёкие от медицины, зачастую очень смутно представляющие себе, как устроен организм и в чём проявляются заболевания. Однако это не мешало им подвизаться на врачебном поприще. Доверчивых клиентов хватало, и оборотистый «экстрасенс» мог позволить себе вполне безбедное существование.

Михаил же, как мы уже упоминали, вёл весьма и весьма скромный образ жизни. Можно с уверенностью сказать, что к идее заняться целительством его привело отнюдь не стремление к богатству.

Характерен эпизод, после которого он в третий раз попал в больницу. Под влиянием внутреннего импульса

Михаил раздал все свои деньги случайным людям, после чего заперся в доме и в течение нескольких недель не выходил из него и не отзывался на стук в дверь. Когда соседи, обеспокоенные долгим отсутствием Михаила, вызвали участкового милиционера и бригаду скорой помощи, они обнаружили Михаила в состоянии крайнего истощения. Как оказалось, в течение всего этого времени Михаил почти ничего не ел (у него в доме не оказалось вообще никакой еды), пил только сырую воду и очень мало спал. Если бы не беспокойство соседей, нет никаких сомнений, что Михаил бы погиб. Разумеется, он был немедленно госпитализирован в реанимационное отделение, откуда его перевели в психиатрическую клинику. Очевидно было, что у Михаила развилось очередное обострение шизофренического процесса. Показательны в этом отношении мысли, которые Михаил доверил своему дневнику:

Дневник:

«Зачем мы живём? У меня шесть машин было – ни одной не осталось. Деньги – грязь, мерзость, грех... Замараться в деньгах – отречься от Царства небесного... Человек может общаться с Богом своим сердцем, своей душой. Бог не слышит, что говоришь устами, он слышит, что говоришь сердцем. Я могу пойти и бить поклоны, но не будет молитвы, и поставлю тысячу свечей, и не будет молитвы... Бог – есть любовь, это милосердие, это доброта... Бог любит меня таким, какой я есть и всегда вытягивает меня из кучи, потому что любит меня таким какой я есть, и говорит: «Я люблю тебя таким какой ты есть». Всевидящая сила – это название Бога. Если ты совершил грех, то обязательно будешь отвечать за это. У меня уже не болит сердце и душа. Я два года уже никого не приносил... Сейчас я, конечно, хотел бы видеть в духовном смысле, но он говорит...

Смысл в том, чтобы отречься от всего. Надо быть нагим, и тогда будешь свободным... Если будешь свободным – то перед тобой откроются все двери. Старец бредущий по пустыне – откровение для всех. Мы должны быть абсолютно чистыми, и тогда настанет Царство небесное...

Я есть Мессия, спаситель мира, и мир радуется. Если же чада отторгают руку, дающую камень, надо накормить её. Не доставляют пользы сокровища неправедные, правда же избавляет от смерти... Время собирать камни. Сказано – наказуй чадо своё от юности своей, и жилище праведных процветает...»

Обращает на себя внимание выраженная разорванность мышления, нарастающая от записи к записи. Возможно, именно эта разорванность и паралогичность суждений впоследствии сыграют решающую роль в привлекательности «проповедей» Михаила: обычные, неискушённые в психиатрии люди вполне могут принять эти расстройства мышления за некое откровение, благо, звучат они весьма необычно и загадочно. На деле же «таинственные» записи представляют собой бессмысленную мешанину из обрывков Святого Писания (мы предполагаем, что отдельные фразы Михаил просто переписывал оттуда) и коротких, не связанных с ними по смыслу фраз-комментариев.

В период данной госпитализации Михаил демонстрировал практически те же расстройства восприятия и мышления, что и во время предыдущей. Он сообщил, что голоса преследовали его всё это время, и, чтобы избавиться от них, он принял решение поститься и не спать. Пост в его понимании состоял в том, чтобы вообще отказаться от пищи. Что же касается лишения сна – то это один из самых мощных стрессоров, способный сам по себе спровоцировать серьезные расстройства психики.

В отделении Михаил держался обособленно, с другими больными не общался, большую часть времени проводил в постели. Интересен его отзыв о своих товарищах по несчастью – пациентах психиатрического отделения:

«Тут есть люди нормальные и больные. Тут есть разные. Есть такие, у которых всё нормально, а есть такие, у кого душа больная. Тут один парень есть, Андрей, так он бунтует. Он тут полтора месяца уже, и бунтует – против всех, против себя. Постоянно только кричит: сперва то ему дай, потом это... Сколько раз ни давал, никогда не сказал спасибо. Но это одно исключение, а остальные – нормальные люди, которые переживают своё время... Есть тут такие мошенники – обещают, рассказывают, хвалятся – чего они только не могут, но это не они говорят, это лукавый говорит их устами... Тот, кто живет душой – тот чистый... Это типично для всех – и здоровых и больных. Персонал есть слабый и сильный. Слабый – это холоднокровные, они в сердце равнодушные. Это люди – которые лечат душой, не только уколами. Врач лечит своим присутствием больную душу. Я не червяк, которым я был последние два года – я кукушечка. Я летаю. Люди должны обратиться к Богу. Сколько тут больных – это угроза государственная...»

Во время обострений, как мы уже упоминали, Михаил был достаточно агрессивен. Кроме того, в его поведении достаточно отчётливо проявлялась ещё одна черта, свойственная больным шизофренией – нетерпимость ко всему, что противоречит их бредовым убеждениям. Ещё находясь дома, Михаил вступал в постоянные конфликты с соседями. В общем, их тоже можно было понять – постоянный поток посетителей Михаила причинял им явные неудобства. Надо сказать, что Михаил абсолютно не заботился об организационной стороне своей деятельности. Единственной формой внимания к посетителям была хлипкая лавочка перед домом, на которой умещалось не больше трёх-четырёх человек. Остальные же коротали время как могли – в том числе и обрывая соседские яблоки или обтирая их забор. Нередкими были случаи, когда Михаил внезапно без каких-либо объяснений прекращал приём на несколько дней, и люди вынуждены были дожидаться его в буквальном смысле под

открытым небом. Поэтому мы готовы предположить, что те или иные конфликты на бытовой почве между Михаилом и его соседями имели место, однако та трактовка их, которую предлагал Михаил, явно обусловлена болезненными проявлениями. Та модель поведения, которую избрал Михаил в отношении соседей, плохо укладывается в рамки христианской морали и добродетели: он уничтожал деревья и кусты на их участке, сбрасывал за забор мусор, подсыпал перец в колодец, а однажды даже пытался поджечь сарай. Объяснение своим поступкам Михаил предлагал стандартное – соседи виноваты в том, что насылают на него «бесов».

Тут мы сталкиваемся с той ситуацией, о которой уже упоминали вскользь – агрессия больного шизофренией распространяется, как правило, на тех, кто наиболее близок к нему. Один из наших пациентов, страдавший хронической формой шизофрении, каждый раз во время пребывания дома жестоко избивал свою мать. И это при том, что она была единственным человеком, который заботился о больном. Она ежедневно навещала его в отделении, приносила домашнюю еду, обстирывала и обхаживала больного, который сам был мало способен заботиться о себе. Как только в состоянии её сына намечалось малейшее улучшение, она начинала настойчиво хлопотать о предоставлении ему лечебного отпуска, чтобы он мог побыть дома, в привычных условиях, а не в стационаре – несмотря на то, что такие отпуска, как правило, заканчивались скандалом и побоями. Бесспорно, больной не виноват в том, что его болезнь приняла такую жестокую и отвратительную форму. Его нельзя преследовать и наказывать за это, ибо это как раз тот случай, когда человек «не ведает, что творит». Однако для родных и близких пациента, на которых направлена агрессия, это служит слабым утешением. В записях Михаила, относящихся к этому периоду, также отчётливо проявляются признаки бредовых идей отношения:

«Соседи проклятые люди. Я постился в мире, светлый лик видел. Я есть Мессия, истинно гово-

рю вам, я мир спасен. А они нападают – больной! Хватают, везут сюда: ты болен. Тебе надо успокоиться! Никто не возвышает голос за правду, а правда всегда объявится...

А ещё насылают на меня всякие разные бесы. Я от бесов заклинание целительное писал, чтобы никто не видел. А они пришли и навели через кладбище. Чёрная могила перед забором. Это чтобы дом забрать. Я говорил, когда помру, всё вам достанется. Грех это. А они нападают. Зачем же меня ломать?..»

Как видим, критика к своему состоянию у Михаила полностью отсутствует. Необходимо подчеркнуть, что именно появление полноценной критики к пережитым болезненным эпизодам является основным критерием излечения. Появление критики и отказ больного от патологического мира в пользу мира реального, признание последнего единственным и безальтернативным – главный критерий устойчивой ремиссии. Правда, в начале 90-х годов выбор нейролептических препаратов был ограничен, однако, сейчас в распоряжении психиатра имеются мощные высокоэффективные препараты, способные обеспечить длительные и устойчивые ремиссии. Так, пациенты получающие длительную поддерживающую терапию атипичными нейролептиками, демонстрировали высокую степень освобождения от бредовых идей, и хорошую приспособляемость в реальном мире. Что же касается Михаила, то его отказ от поддерживающей терапии сыграл роковую роль в дальнейшем прогрессировании заболевания, в конечном счёте, приведшего пациента к трагическому исходу.

Однако нам предстоит рассмотреть ещё два важных аспекта жизни нашего героя – его целительскую и проповедническую деятельность.

Целительство в течение многих лет было для Михаила основным родом занятий. Именно страждущие и желающие избавиться от всевозможных недугов составляли основную часть его посетителей. Спектр заболеваний при этом был

чрезвычайно широк – от невротических расстройств до тяжёлых онкологических заболеваний. И тут необходимо заметить, что берясь за лечение тяжёлых форм патологии, Михаил, несомненно, наносил тяжкий, порой непоправимый вред своим пациентам. Используя вместо традиционного лечения «заговоры» психически больного человека, они упустили драгоценное время, в течение которого им могла помочь современная медицина. Достоверно известны случаи ухудшения состояния пациентов после приёма Михаила, а также несколько случаев смерти от тяжёлых заболеваний, страдавшие которыми пытались излечиться с помощью методов «отца Михаила».

Лечебные методы, которые использовал Михаил, были довольно экзотичными. Основную массу пациентов он пользовал заговорами. Заговор в его исполнении звучал также довольно странно – это была внешне бессмысленная мешанина из слов, отдельных фраз и каких-то нечленораздельных звуков. По свидетельству очевидцев, уловить какой-либо смысл в этой «словесной крошке» было совершенно невозможно. Михаил никогда не использовал «традиционных» заговоров и молитв, считая их неэффективными. Продолжительность «сеанса» в каждом случае была индивидуальна и могла составлять от одной минуты до нескольких часов.

Многим пациентам Михаил давал весьма экзотические советы. Например, одной из больных, страдавшей «онемением рук» (терминология самой пациентки) он посоветовал отправиться в полночь на кладбище, взять горсть земли со свежей могилы и съесть. Интересно, что пациентка, выполнив указание «врача» (хотя, как она сама признавалась, сделать это было нелегко), действительно почувствовала себя лучше. Другой пациентке Михаил посоветовал взойти на высокий холм, и повернувшись лицом на восток, трижды произнести: «Свободна еси». Ещё одна больная получила в качестве лечения совет съедать каждый день по кусочку мела.

Надо сказать, что подобная тактика «шоковой терапии» может быть весьма эффективной при некоторых психиче-

ских заболеваний – неврозах, некоторых видах депрессий и даже при шизофрении. Случаи улучшения состояния и даже излечения, отмеченные у пациентов Михаила, объясняются тем, что они страдали именно такими расстройствами. Разумеется, попытки вылечить подобным образом, скажем, стенокардию или пиелонефрит обречены на провал.

Дневник:

«О лечении. Болезнь есть злой дух. Когда вселяется в человека, начинает играть. Бесы высидят яйца и едят паутину. Человек, в которого бесы вселились, не свой, не может открыться. Надо читать над бесом. Тогда бес увидит, что нет ему, и выходит в другой. Если когда появится что-то покушать, то бес может вселиться через еду и получить болезнь. Тогда надо читать снова как в первый раз...»

К середине 90-х годов относится начало широкой проповеднической деятельности Михаила. Если вначале его духовные «наставления» носили обрывочный, фрагментарный характер, как правило, сопровождая «лечебные сеансы», то со временем они стали самостоятельной формой выражения его мироощущения. Появилась категория посетителей, специально приезжавшая, чтобы послушать «проповеди отца Михаила». Собственно, никаких новых идей, никакого нового учения во время этих проповедей слушателям не предлагалось. Как правило, Михаил повторял давно известные библейские истины о добре и зле, о правде, о необходимости соблюдать изложенные в Библии заповеди. Правда, иногда в его «лекциях» обнаруживались явные признаки болезненного восприятия. Очевидцы рассказывают, что изредка можно было наблюдать, как во время «проповеди» Михаил внезапно замолкал, а потом начинал ожесточенно спорить с какими-то невидимыми собеседниками, размахивая руками и оживленно жестикулируя. Иногда он даже пытался нанести своим противникам удары кулаками и всем, что попа-

далось под руку. Обычно подобные вспышки продолжались несколько минут, а потом так же внезапно прекращались.

Однако всё это не только не отталкивало от Михаила его адептов, но и – вследствие их рассказов и распространения самых невероятных слухов – способствовало постоянному увеличению притока посетителей.

Вера в чудо живет в человеке. Возможно, именно эта иррациональная вера в некое сверхъестественное, волшебное событие и является принципиальным отличием живого человеческого мозга от техногенных интеллектуальных систем. Компьютеру недоступно понимание чуда, ибо оно лежит за пределами рациональности, за пределами строгих математических расчётов. Вера в чудо – специфично человеческая черта. Увы – слепая вера в чудо способна завести человека в тупик. Уже на нашей памяти появилось огромное количество лжепророков – достаточно вспомнить пришлое «Белое Братство». Наиболее многочисленной «клиентурой» охотников за душами являются люди, страдающие различными формами психических расстройств – от неврозов до тяжёлых форм шизофрении.

В данном случае слепая вера также заставляла людей верить в исключительность своего «туру». Более того, некоторые из его «прихожан» становились «учениками» и шли «проповедовать учение отца Михаила» в массы. Среди этих «активистов» были как люди явно психически нездоровые, так и вполне нормальные, для которых, однако, идеи «учителя» приобрели сверхценный характер. Подобный феномен известен под названием «синдрома индуцированного помешательства»: здоровые люди, долгое время находящиеся в тесном контакте с психически больными, постепенно перенимают их черты. Такой человек (родственник или близкий больного) может высказывать бредовые идеи не в меньшей, а иногда и в большей степени, чем сам больной. Отличить синдром индуцированного помешательства от психического заболевания достаточно просто – будучи некоторое время изолированным от больного, его близкий постепенно возвраща-

ется в реальность, бредовые идеи дезактуализируются, у него появляется критика к своему состоянию (причем безо всякого лечения). В случае же истинного психического заболевания бредовые идеи отличаются исключительной стойкостью, и изоляция больного никак не влияет на их выраженность.

Кстати, постоянное и длительное общение с психически больными людьми может вызвать специфические изменения психики у работников психиатрических учреждений – врачей-психиатров, медицинских сестёр, санитаров. Такие изменения получили название профессиональной деформации личности. Кроме того, у людей, чья работа связана с обслуживанием психически больных, часто наблюдается так называемый «синдром выгорания», проявляющийся быстрой утомляемостью, постоянным ощущением усталости, эмоциональными расстройствами, нарушениями сна и т.п. Синдром выгорания связан с высокой психоэмоциональной нагрузкой, которую испытывают работники психиатрических учреждений, и требует рациональной организации работы, обеспечения условий для полноценного отдыха персонала, а также обучения людей, непосредственно общающихся с психически больными, методам саморегуляции психического состояния.

Дневник:

«Вера дает мне счастье надежды. Я стал священником, чтобы делиться счастьем веры, потому что вера дает нам надежду. надежду на жизнь вечную, на счастье уже тут, не только Там. Если Бог есть в сердце – есть счастье. Если нет – то ни богатство, ни здоровье не даст счастья. Бог во мне, и я счастлив. Измена – это падение, это грех, я благодарен Богу за грех, потому что падение – это любовь. Я буду радоваться. Когда Иисус спрашивает: ты меня любишь? Он кричит: «Да, Господи!», а второй раз уже тише: «Да», а третий, тихо так: «Господи, Ты всё знаешь!» Когда моими устами кричит злой лукавый, я говорю громко, а когда гово-

рю сам, то молчу... Такой тишины я хотел, я просил: «Дайте мне тишину! Я успокоюсь и не буду вас трогать, но они все хотят, чтобы я был дурак. Им надо, чтобы я был дурак, потому что если я не дурак – то им всем уходить надо. Они проповедуют любовь Христову, но Христа в сердце не пускают. А у меня Бог в сердце, я сам есть Бог, а кто знает, что болен, если человек имеет своё «Я», то он доказывает, что я человек. Если у человека есть гордость, то он будет понимать свое. Нельзя любить Бога, если не любишь ближнего своего, и нельзя любить ближнего, если не любишь себя. Если я себя такой как есть акцентирую, зная про свои недостатки и грехи, то Бог не осуждает меня. Бог осуждает зло, а не меня. Он осуждает грех, а не грешника. Если человек убежден, что имеет свою гордость, то это человек с большой буквы, а если сомневается в себе, то это человек больной...

Психическая болезнь – это причина нарушения заповедей. Сам человек виноват. Что-то нарушил и оттого не могут поверить. Окружающие помогают. В конечном счёте надо быть выше критериев и оценок, которые сбоку говорят... Мне всё равно, что скажут митрополит, патриарх, священники, главное, что скажет Бог...

Сегодня ко мне приходил один мой старый знакомый, священник из Н-ской церкви, уговаривал отказать от проповедования и прийти в храм покаяться. Забыл, как когда-то я помог ему. Я его из тюрьмы вытащил. Если бы не я, он давно сидел бы. В начале восьмидесятых он был не священником, а завскладом на базе. Вор и мошенник. А сейчас священник. Забыл те липовые накладные, что я выписывал ему за одну ночь перед ревизией! Я взял на себя его грех, а он предал меня, как Иуда предал Христа. Приехал с милицией, схватили меня, привезли в психиатрическое отделение. Смотрите, он же больной! Да, я больной, но не сумасшедший. Я сам знаю, почему мне дано нести этот крест. Христос страдал за всех людей, и я страдаю...»

Себя Михаил искренне считал священником. Причем не только священником, но и Богом. Для больного шизофренией в подобном расщеплении нет никакого противоречия. На самом деле, именно это расщепление позволяет больному «удержать мир в рамках психоза», не дает целостной личности распасться на отдельные фрагменты. Отсутствие критики к подобной двойственности, очевидно, играет защитную роль. Характерно письмо пациента, написанное им в больнице (ориентировочно в 1996-1997 годах):

«В больнице медсестра написала в бумагах, что я безработный. Это ложь. Я священник. Она не захотела написать, это на её совести. Для меня слово чести – это совесть. Я ей простил совесть, но это ложь, пусть ложь, но ревом как медведи, ибо преступления наши многочисленны. Когда человек имеет совесть, он рядом с Богом, оттого надо правду быть...»

К сожалению, болезнь Михаила неуклонно прогрессировала. Решающую роль в этом сыграли отказ пациента от полноценного лечения и крайне неблагоприятный при его заболевании образ жизни, который он вёл.

Со временем изменения мышления стали нарастать. Отчётливо обнаружился дефект памяти. Госпитализации становились всё более частыми и продолжительными, а ремиссии – всё более короткими и нестойкими. За последний год жизни Михаил четырежды попадал в больницу, проведя в ней в общей сложности более восьми месяцев. В этот период изменения его личности приобрели катастрофический характер. Вот последняя запись, сделанная Михаилом. Это письмо, адресованное его лечащему врачу. Мы сохранили орфографию и пунктуацию оригинала:

«Здравствуй В.Л.!!!

Очень хочу домой скучаю за Вами. Хочется поговорить о чемнибудь. Очень смешно Смешной Вы И притом ещё интересно Кем Вы работаете Очень тёплая ладонь.

А теперь. Я очень хорошо себя чувствую Хорошо здоровья.

Только я есть хочу страшно. Дома шней пищи Очень всё лето в продуктах я ничего не вижу. Очень обидно Почему Вы откладываете не забираете меня отсюда. Мне тут совсем не можно было быть мне найдется Только меж здоровыми. Тут такой старик стриженный черны волосы всё время плакал он что я его бил гонял от себя. Я стал ходить что-то три дня по его ступням за ним Он что-то приговаривал молча и отнял у меня страшное и большое я больше не могу усыпать И по кругу я тоже больше не ходю меня мочалкой помыли всех и меня голову и я стал ходить по кругу От Стручка перешла болезнь на меня А счас он ходит снова так само по кругу.

Общем мне тут не можна быть совсем я счас уже не говорю это сосед лег в мою кровать и он перестал говорить шептать а я стал что то говорить А счас он снова что-то шепчет.

Они больные страшны что тут страшно делалось А я прятался от них страшные они. А счас я обнимаю целую весь страх прошёл и ещё тут хороши что ты медлишь мне нужно под евангелие к людям ну всё срочно заберите».

Финал этой истории трагичен. Выписавшись из больницы, Михаил, по неизвестным причинам, поехал не домой, а на вокзал. Через неделю он был обнаружен в одном из крупных городов более чем за пятьсот километров от дома. Его личность удалось установить по пенсионному удостоверению в кармане. Дальнейшее нам известно со слов одной из его «прихожанок». С её слов выходило, что на вокзале Михаил был задержан нарядом милиции, а поскольку даже при беглом общении с ним было очевидно, что он страдает психическим заболеванием, в дальнейшем его препроводили в местную психиатрическую больницу.

Тут надо сказать, что Михаил в течение всех последних лет носил большую окладистую бороду. Этой бородой

он очень гордился, и для него она была одним из символов его священнического сана (а возможно – и признаком Божественности). Во время госпитализаций он категорически отказывался сбрить или постричь бороду, и персонал нашей психиатрической больницы, хорошо зная о том, что это часть его болезненных убеждений, не настаивал на этом.

Однако в этот раз Михаил попал в «чужую» больницу, где его никто не знал, и о нём ничего не было известно. Со слов «прихожанки», в приёмном отделении, куда был доставлен Михаил, он просил не сбривать ему бороду. Однако санитары, проводившие санобработку, не обратили на это внимания (возможно, у больного имелись признаки педикулеза) и сбрили ему бороду. После этого Михаил был доставлен в психиатрическое отделение, где той же ночью покончил жизнь самоубийством, повесившись на скрученных простынях. Возможно, причиной суицида стало сильное потрясение, которое Михаил перенес, лишившись бороды. Ведь для него это было не просто украшение, а своего рода символ статуса, знак принадлежности к священничеству и Божественной сущности. Потеря его была равнозначна утрате собственного «Я», крушению всей системы ценностей, явившись таким образом, непереносимым для личности стрессом.

Так печально закончилась эта история. Тем не менее, она кажется нам достаточно показательной. Как и обещали, мы старались воздержаться от комментариев по поводу содержания болезненных идей нашего пациента, и ограничиться лишь описанием их проявлений. Однако мы должны выполнить обещание, данное нами представителям официальной церкви и представить читателю их точку зрения на историю Михаила.

Надо сказать, что в этом вопросе деятели православной и католической церковью обнаружили редкое единодушие. Их позиция выражается в следующих четырех принципиальных постулатах:

Во-первых, вера, а тем более монашество и священническая деятельность – это осознанный акт обращения к

Богу. Выбирая стезю священника, проповедника, пастыря, человек добровольно и сознательно отрекается от определенных мирских благ в пользу благ духовных, в пользу возможности нести блага веры другим людям. В любом случае этот выбор может быть сделан только при условии ясного разума и полного осознания человеком мотивов, целей и последствий своего поступка. Традиционная религия предусматривает для священника определенный ритуал вступления в сан, состоящий не только из самого рукоположения, но и из предшествующих долгих лет обучения и укрепления в вере. Собственно, эти годы обучения, послушания и несения разнообразных обетов необходимы для проверки того, насколько серьезны намерения неопита, насколько готов он к пастырскому служению, и по силам ли ему эта ноша. Невозможно стать священником мгновенно, по импульсу и внутреннему убеждению, а тем более – вследствие болезненного расстройства психики. К Богу необходимо прийти через раздумья, лишения и покаяние. Поэтому священническая и проповедническая деятельность Михаила является антицерковной, греховной и недопустимой.

Во-вторых, сама идея того, что конкретный человек есть Бог – кощунственна, антирелигиозна и греховна. Человек подобен Богу, но не является им. Бог один, и никакой человек не способен быть и человеком и Богом одновременно (за исключением, разумеется, Христа). Одержимость идеей собственной божественности – следствие овладения душой человека дьяволом. Если это происходит осознанно, то это – высшая форма гордыни, являющейся, как известно, одним из смертных грехов. Если же это убеждение возникает вследствие болезни, то больной не несёт ответственности за свои греховные убеждения, однако для него возможен единственный путь – лечения и покаяния. При этом лечение может проводиться даже против воли больного, ибо в данном случае врачу-психиатру противостоит не больной, а дьявол, овладевший душой больного. Спасение души есть высшая цель, и любые средства здесь оправданы.

В-третьих, заниматься лечебной деятельностью, используя молитвы и христианские церемонии можно также только осознанно, и обязательно – с ведома и по благословлению священника. Официальная церковь выступает категорически против любых форм целительства (то есть лечения с помощью религиозных и мистических действий), кроме тех, что осуществляются в рамках канонического ритуала. В виде исключения особые формы целительства могут практиковать люди, отличающиеся исключительной христианской добродетелью и нравственностью – святые – но и в этом случае врачует Бог, а не человек, и следовательно, исход лечения в большей мере зависит не от святого, который выступает здесь посредником между Богом и больным, а от самого больного, от силы его веры, покаяния и христианского смирения.

И, наконец, в-четвёртых, сила духа человека состоит именно в том, чтобы сопротивляться болезненным и искушающим его атакам сил зла. Отказываясь от лечения в пользу сохранения пусть даже очень привлекательной и удобной бредовой идеи, человек совершает больший грех, чем в тот момент, когда впустил эту идею в своё сердце. Ибо когда человек отвергает предложенное ему лечение, он совершает выбор в пользу сил зла, давая им возможность бесконтрольно владеть его душой. Поэтому лечение душевных заболеваний, направленное на искоренение патологических проявлений и освобождение души от болезненных убеждений, может рассматриваться исключительно как благо для больного. Пациент должен всеми силами способствовать выздоровлению, оказывая в этом посильную помощь врачу.

От себя мы можем добавить, что целиком и полностью поддерживаем это мнение.

У истоков тайны

У читателя наверняка уже давно возник вопрос: почему же развивается шизофрения? Что лежит в основе патологических изменений? Как объяснить, что вчера ещё здоровый человек вдруг начинает высказывать бредовые идеи и жить в мире галлюцинаций?

Один из больных как-то высказал нам упрек: почему вы предлагаете читателям только «официальные» теории, скрывая от них другие, альтернативные гипотезы? Ведь для объяснения причин шизофрении предложено множество самых различных версий.

Прежде всего хотим пояснить: мы вовсе не собираемся отстаивать «официальные» теории только потому, что они «официальные», и уж, конечно, ни в коей мере не считаем их догмой. Принятая сегодня в психиатрической науке в качестве основной, допаминовая гипотеза шизофрении – лишь одна из многих, хотя и наиболее разработанная и подкреплённая фактами. Но если завтра будет доказана её ошибочность, психиатры, естественно, откажутся от этой теории в пользу другой, более актуальной и доказательной. В этой книге мы решили дать место всем известным нам теориям шизофрении – даже тем, которые кажутся нам совершенно невероятными.

Итак, причины шизофрении на сегодня окончательно не установлены. К сожалению, мы не располагаем достоверными данными о том, что лежит в основе шизофренического процесса. К сожалению – потому что без знания причины и механизмов развития заболевания невозможно разработать эффективные методы лечения. Так, например, победа над инфекционными заболеваниями стала возможной только после того, как были открыты их возбудители – микробы. В

течение многих столетий причину чумы и холеры видели в дурном воздухе и гнилом ветре – поэтому борьба с этими заболеваниями была неэффективной. Но когда были открыты их возбудители, стало возможным воздействовать на непосредственную причину заболевания – и в течение очень короткого времени опаснейшие инфекционные болезни были практически полностью ликвидированы. Каждый врач знает: самое эффективное лечение – этиологическое, направленное на причину заболевания, а не на его отдельные проявления. Повторимся: к сожалению, подлинных причин возникновения шизофрении не знает никто, а потому мы можем лишь предложить на суд читателя обзор гипотез, предоставив ему самому выбрать ту, что кажется ему наиболее близкой к истине. Тем не менее мы должны подчеркнуть, что подавляющее большинство исследователей считают доказанным наличие биологического субстрата шизофрении – то есть это заболевание развивается вследствие материальных дефектов мозговых структур. Психологическим теориям при этом отводится роль вспомогательных, объясняющих не факт возникновения, а особенности развития шизофрении.

Современные теории шизофрении базируются на гипотезе недостаточности мозговых рецепторов. В основе их – предположение о сниженной способности внутримозговых контактов проводить возбуждение, и возникающих вследствие этого нарушениях согласованной работы процессорных систем мозга.

Допаминовая гипотеза предполагает, что причиной шизофрении является повышенная активность D2-допаминовых рецепторов некоторых отделов мозга (в первую очередь мезокортикального и мезолимбического трактов). Косвенным подтверждением этой гипотезы является высокая эффективность нейролептиков, связывающихся с D2-рецепторами. Эффективность эта, однако, проявляется не только в отношении шизофрении, но и в отношении других психозов, поэтому справедливость допаминовой гипотезы вызывает у многих ученых сомнения.

Другой рецепторной гипотезой является глутаматная гипотеза. Согласно ей, шизофрения вызывается нарушением функций N-метил-D-аспартатных (NMDA) рецепторов. NMDA-рецепторы играют важную роль в осуществлении сложных процессов ассоциативного обучения, рабочей памяти, поведенческой гибкости и внимания; именно эти функции нарушены при шизофрении. Особой уязвимостью система NMDA-рецепторов отличается в подростковом возрасте, на который нередко приходится дебют шизофрении. Глутаматная гипотеза в последнее время находит всё большее экспериментальное подтверждение. В частности, были обнаружены закономерности в генетических изменениях при шизофрении. Установлено, что гены, связанные с повышенным риском развития шизофрении, в большинстве своём ответственны за работу допаминовых, серотониновых и глутаматных рецепторов. В эксперименте на добровольцах удалось доказать, что вещества, блокирующие функцию NMDA-рецепторов, способны вызывать симптомы шизофрении (бред, галлюцинации, нарушения ассоциативного и когнитивного мышления) у здоровых людей. Исследования, проведенные в 2005 году с использованием высокоточных методов, подтвердили сниженное связывание медиатора с NMDA-рецепторами в определенных отделах мозга у больных шизофренией. Было также показано, что введение веществ, улучшающих функцию NMDA-рецепторов, снимает симптоматику шизофрении.

Рецепторные теории рассматривают также влияние на развитие шизофрении нарушений обмена в мозге гамма-аминомасляной кислоты (ГАМК) и серотонина.

Предполагается, что наличие генетического дефекта не означает автоматически развития заболевания. Дефект этот может оставаться латентным (скрытым) в течение всей жизни, и никак не проявить себя. «Сбой» в работе рецепторов могут спровоцировать неблагоприятные внешние факторы: стрессы, недостаток ночного сна, голод, тяжёлая работа и т.п. Нередко пусковым моментом шизофрении яв-

ляется гормональная перестройка – именно это объясняет высокую частоту дебютов шизофрении в подростковом возрасте. Исследования, проведенные на больших массивах данных, показали, что фактором риска шизофрении у детей является голодание матерей во время беременности. Весьма неблагоприятны в отношении риска шизофрении тяжёлые стрессы, перенесенные беременной женщиной¹. Так что совет беременным избегать нервных перегрузок уместен не только с точки зрения профилактики невынашивания.

Убедительной выглядит теория Эрика Кандела (1998), в соответствии с которой существует связь между психологическим состоянием, социальным развитием и поражением мозга. Уровень заболеваемости в значительной мере зависит от осложнений во время беременности и родов: сезонности (роды в период эпидемий вирусных инфекций), иммунологических нарушений, травм, дегенеративных процессов, кровотечений, длительного перенапряжения, судорог, стрессов. Биологические изменения, вызванные родовыми и родовыми травмами, а также травмами раннего возраста, подтверждаются современными методами исследования: электрофизиологическими, психонейроиммунологическими, психонейроэндокринологическими, а также данными компьютерной и магниторезонансной томографии. Эти открытия отвлекли внимание ученых от концепции конфликтов и заставили по-иному взглянуть на процессы, лежащие в основе шизофрении, а именно привели к созданию концепции дефицита – нарушений внимания, памяти, способности к фильтрации внешних раздражителей, перегрузки мозговых структур с невозможностью правильной селекции информации.

Весьма важным доказательством материальной основы шизофрении являются изменения, выявляемые в различных структурах головного мозга. У больных, страдающих тяжёлыми формами шизофрении, выявляются атрофи-

1. Исследователи проследили судьбы детей, родившихся во время второй мировой войны. Было достоверно доказано, что в тех случаях, когда мать узнавала о гибели мужа на фронте во время беременности, у детей впоследствии чаще развивалась шизофрения, нежели у детей, чьи матери узнавали об утрате уже после родов.

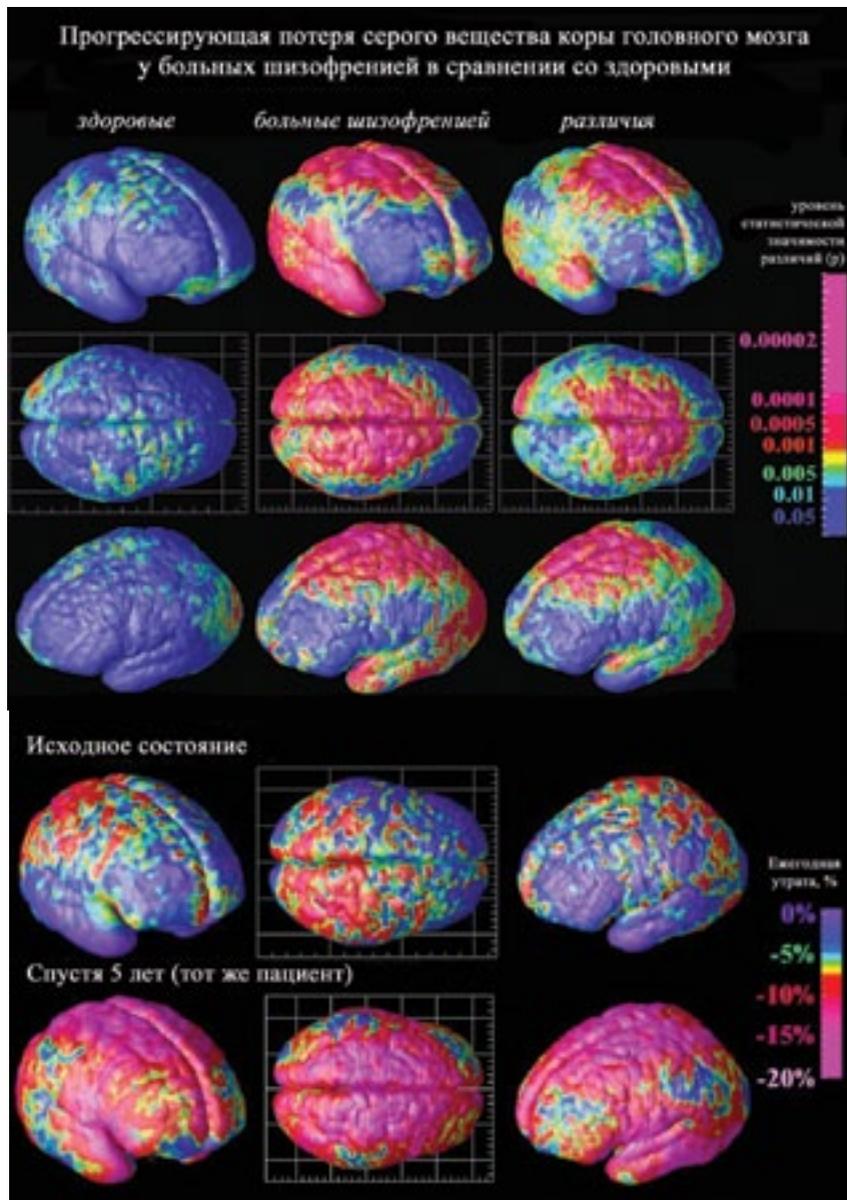
ческие изменения головного мозга, проявляющиеся в расширении борозд и утончении извилин. Атрофия захватывает преимущественно лобные, в меньшей степени – височные и теменные области.

При сканировании головного мозга методом позитронной эмиссионной томографии было обнаружено уменьшение метаболизма фронтальной и париетальной зон, а также относительно высокий уровень метаболизма в задних отделах мозга. Исследования регионального мозгового кровообращения показали снижение его уровня во фронтальных участках в покое, увеличение кровотока в париетальных участках и снижение кровенаполнения мозга в целом. В последних работах проведенное исследование психологической активации продемонстрировало неспособность больного шизофренией «включить» лобные доли при выполнении психологической задачи.

Концепция медиаторного дефицита подтверждается исследованиями в области нейрофармакологии, которые указывают на влияние атипичных нейролептиков на нарушения функций внимания и памяти, а также на процессы обработки информации в мозге больных шизофренией.

Тем не менее следует иметь в виду, что шизофрения – это болезнь не только мозга. Это общее заболевание организма с выраженными нарушениями обмена и с аутоинтоксикацией, с преобладанием патологического процесса в головном мозге.

В последнее время всё большее внимание ученых привлекают исследования особенностей биохимических реакций, протекающих в мозге. Экспериментально доказано, что шизофрения сопровождается нарушением биохимического баланса мозга (и не только мозга, но и всего организма), однако причины такого нарушения до сих пор не выяснены. Это заставляет исследователей искать новые объяснения причинам развития шизофрении. Весьма интересны гипотезы, рассматривающие взаимосвязь нарушений биохимического баланса мозга с другими экзо- и эндогенными факторами.

Результаты исследования с помощью магниторезонансной томографии (По материалам Thompson et al. 2001)

Так, Н.С. Гнатишин полагает, что в основе ряда психических расстройств (в том числе и шизофрении) лежат специфические нарушения биохимических реакций. Для большей наглядности автор предлагает представить периодическую таблицу – систему химических элементов Д.И. Менделеева. Общеизвестно, что элементы в ней расположены в порядке возрастания их атомных масс, при этом элементы, находящиеся в одной подгруппе, обладают сходными свойствами (например, галогены или платиновые металлы). Такого рода упорядочение позволяет не только обнаружить сходство в физико-химических свойствах уже известных элементов, но и предсказать существование новых, ещё не открытых элементов с заранее определенными свойствами. При психозах изменение биохимического состояния мозга происходит не равномерно, а периодически, что на поведенческом уровне проявляется качественно различными состояниями нормы и психоза. При этом отдельные элементы системы мозга могут быть сгруппированы в зависимости от ресурса левого (интеллектуального) полушария головного мозга. Увеличению «порядкового номера» элементов в таблице соответствует нарастание устойчивости индивида к разнообразным психосоциальным факторам, подобно тому, как химические элементы в периодической системе располагаются в порядке возрастания их атомных масс. Стрессоустойчивость определяется как потенциалом ресурса, так и интенсивностью информационной нагрузки. В сходные группы объединяются личности с однотипными характеристиками биохимического ресурса, имеющие также сходные характеристики реагирования на стресс. Биохимические пропорции мозга можно определить с помощью исследования функциональной асимметрии головного мозга.

К вопросу изучения функциональных асимметрий в последнее время приковано пристальное внимание ученых различных стран. Предполагают, что изучение особенностей межполушарного взаимодействия сможет дать ключ к пониманию причин и механизмов развития многих психических

расстройств, в том числе и шизофрении. Исследователи установили, что за счёт функциональной асимметрии мозга реализуются сложнейшие функции психической деятельности – мышление, внимание, память, пространственно-временная ориентация и т.п. Очевидно, что только при адекватной и совершенной реализации этих функций возможна адаптация индивида во внешнем мире. Понятно также, что именно вследствие нарушения указанных процессов способность больного шизофренией к полноценной адаптации в реальном, динамичном и изменчивом мире, нарушается.

Н.С. Гнатишин полагает, что подобные исследования открывают новые возможности для разработки принципиально новых подходов к лечению и профилактике психозов, а также к их диагностике, особенно в том, что касается обнаружения скрытых форм, ранних и латентных признаков заболевания. Для этого необходимо систематизировать выявленные связи функциональных асимметрий с различными проявлениями целостной психической деятельности, в частности, с клиническими симптомами в различных их формах. В этом случае система психодиагностики может быть построена по образцу уже упоминавшейся периодической системы элементов, в которой по типу сочетаний различных функциональных асимметрий, по особенностям индивидуального профиля пространственно-временных характеристик личности можно будет прогнозировать особенности психической организации – от скорости реакций, характера восприятия, памяти, склада мышления, эмоциональной деятельности до способа деятельности и пригодности к определенным её видам, индивидуального рисунка поведения, самооценки и социальной адаптивности. В этом случае индивидуальный профиль функциональных асимметрий можно рассматривать как системный классификационный критерий психического склада человека, а проявления отдельных функциональных асимметрий – как отдельные элементы единой системы (головного мозга), представляющей собой структурную матрицу, сеть сопряжений своих элемен-

тов. Тогда конкретное выражение любого отдельного, особенного или общего признака будет зависеть как от свойств, задатков структуры, так и от выполняемой функции. Для подтверждения этой гипотезы Н.С. Гнатишиным были сопоставлены проявления ряда признаков функциональных асимметрий с особенностями психического склада больных шизофренией. Проведенные исследования показали, что при обострении шизофрении в более чем 80% случаев наблюдалось доминирование левого полушария. Более того, на основании исследования функциональной асимметрии мозга удается прогнозировать обострение заболевания ещё до появления клинических признаков, а значит, обеспечить раннюю профилактику обострений.

Левое полушарие головного мозга ответственно за синтез допамина и ацетилхолина, и его активация приводит к увеличению количества этих веществ и к снижению уровня серотонина и норадреналина. Течение шизофрении у левой нетипично, поскольку доминирующее правое полушарие тормозит активацию левого полушария. Шизофрения у левой нередко приобретает характер биполярного расстройства, что может приводить к диагностическим ошибкам.

Получены также доказательства нарушения межполушарного взаимодействия при шизофрении, связанные с увеличением толщины мозолистого тела. Английские исследователи показали, что во время обострения шизофрении у больных отмечается дисфункция правого полушария и гиперактивация левого полушария.

Таким образом, исследования, выполненные с использованием современных диагностических методов, убедительно доказывают наличие органических изменений головного мозга при шизофрении. И тем не менее значительное количество приверженцев остается у второй группы теорий – психоаналитических, рассматривающих шизофрению как следствие внутренних интрапсихических конфликтов.

Теория психоанализа постулирует, что критическим расстройством при шизофрении является нарушение ор-

ганизации «Эго», что влияет на восприятие и интерпретацию реальности и контроль над внутренними потребностями (например, над сексом и агрессией). Эти расстройства являются следствием нарушения нормальных отношений между ребёнком и матерью: ребенок не может отделиться от матери и развиваться независимо от нее, что типично для связи мать-ребенок в оральной фазе развития. Больной шизофренией не может достичь объективно обусловленного постоянства в межличностных отношениях, которое могло бы доставить ему ощущение безопасности личности и которое является следствием близкой связи с матерью в период детства. Некоторые психоаналитики полагают, что дефект в рудиментарных функциях «Эго» вызывает интенсивное развитие враждебности и агрессии, нарушает связь мать-ребенок и создает склонность личности к стрессу. Начало заболевания в подростковом возрасте совпадает с тем, что субъект в этот период нуждается в сильном «Эго», чтобы справиться с возрастающими внутренними потребностями, необходимостью отделиться от родителей, вырваться из-под опеки, утвердить свою собственную личность, а также удовлетворить потребности в интенсивной внешней стимуляции и желании действовать независимо. Клинические исследования подтверждают тот факт, что некоторые больные шизофренией стали тревожными под влиянием своих тревожных матерей, что обусловило дезинтеграцию функции «Эго», которая проявляется при этом заболевании. Фрейд считал, что больной шизофренией регрессирует до стадии первичного нарциссизма и дезинтеграции «Эго». Соответственно концепции «Эго»-дезинтеграции, больной регрессирует до фазы, в которой «Эго» ещё не сформировалось или только начало формироваться. Личность в результате этого не может достичь стадии зрелого «Эго», способного объективно интерпретировать реальность.

Современные психоаналитические теории утверждают, что разные симптомы шизофрении имеют определённое символическое значение для каждого больного. Например,

фантазирование больного о приближении конца света указывает на то, что в восприятии больного рушится внутренний мир; ощущение собственного величия отражает реактивированный нарциссизм, когда больной считает, что он всемогущ; галлюцинации помогают больному справляться с объективной реальностью и выражают его внутренние желания или страхи; бред является попыткой создать новую реальность или же выразить сокровенные страхи или импульсы.

Среди последних разработок в области психологии шизофрении заслуживает внимания теория измененных состояний сознания. В соответствии с этой теорией шизофрения является одним из множества проявлений измененного состояния сознания. Подобные состояния могут встречаться и в норме, однако при шизофрении они носят устойчивый характер. Очевидно, что наука о ноосфере – сфере разума и сознания – в ближайшее время преподнесёт нам немало открытий и научных сюрпризов.

Кстати, мы обещали представить на суд читателей собственную теорию шизофрении одного из героев нашей книги, Дениса Малецкого. О его судьбе читатель мог узнать из второй главы. Денис – математик, и в его теории математике отведена решающая роль. Денис полагает, что в основе деятельности мозга лежит некий математический код, с помощью которого кодируются внешние и внутренние раздражители, эмоции, и, в общем смысле – все психические процессы. Общеизвестно, что наибольшее количество информации человек усваивает в первые годы жизни, в это же время происходит и формирование математических кодов психической деятельности. Эти коды сами по себе могут формироваться правильно (это вариант здоровья) либо с ошибками (это – предпосылки психического заболевания). В случае шизофрении (которая, как правило, развивается в юношеском и молодом возрасте) происходит сбой считывания кода, после чего в соответствии с теорией критической ошибки (честно признаемся, что наши скромные познания в математике не позволили нам понять смысл этой теории)

происходит формирование нового универсального кода – а следовательно, и формирование новой поведенческой модели, определяемой этим кодом. Понятно, что в теории Дениса смысл лечения шизофрении сводится к восстановлению правильности математического кода.

В этой теории, несмотря на её необычность, есть явная толика здравого смысла. Безусловно, что человеческий мозг, будучи специализированным устройством для обработки информации, использует определенные алгоритмы для кодирования, хранения и воспроизведения этой информации. Вполне возможно, что в основе этих алгоритмов лежит некий универсальный код, который можно выразить математически. Косвенным доказательством правильности этого предположения является создание систем искусственного интеллекта, моделирующих интеллектуальную деятельность с помощью математических методов. Разумеется, поиск математического кода психических процессов – занятие исключительной сложности, но, возможно, именно это позволит разработать в перспективе новые, эффективные методы лечения шизофрении.

Поэтому мы выделили теорию Дениса в отдельное рассмотрение, а не стали относить к третьей группе теорий, которые мы условно назвали «альтернативными». Их авторами являются не ученые, а психологи-любители (а нередко – и сами больные шизофренией). Такими теориями пестрят всевозможные околошизофренические блоги и форумы, их активно обсуждают в средствах массовой информации и используют для создания художественных фильмов и фантастических книг. Главное в таких теориях – не наличие доказательной базы, а эффектность и доступность для широкого круга людей. Неудивительно, что именно эти теории вызывают особенный резонанс в среде людей, далёких от психиатрии. Когда ученый-психиатр начинает нудно и пространно рассуждать о постсинаптических потенциалах и метаботропных NMDA-рецепторах, это нагоняет на слушателя зевоту. Но когда на сцену выходит дилетант-уфолог и говорит: «А

сейчас, ребята, я расскажу вам о том, как инопланетяне контактируют с нашей цивилизацией через так называемых шизофреников! Я ни черта не понимаю во всяких там рецепторах и медиаторах, но точно знаю, что никакой шизофрении не бывает! Все психиатры – мошенники!» – восхищённая публика кричит «браво!» и аплодирует. Зачем тратить миллионы на поиск дорогостоящих лекарств от шизофрении, если это такая форма гениальности?! Зачем пытаться устранить галлюцинации и бред, если с их помощью с нами общаются посланцы иных цивилизаций?! Не беда, что авторы никогда не видели больных с запущенной шизофренией – благо такие больные заботливо укрыты от глаз «теоретиков» за глухими стенами психиатрических больниц. Не страшно, что «теоретики» не читали исследований по этиологии и клинике шизофрении – всё равно там ничего не понятно. Главное – заинтересовать широкую публику, привлечь внимание, а там, глядишь, и голая выдумка за теорию сойдет.

Мы решили не отмахиваться от описания подобных «теорий», стыдливо пряча «изыскания» теоретиков-самоучек за формальным определением: «всё это чушь и ерунда». При всей фантастичности такие теории тоже имеют право на жизнь – хотя бы для того, чтобы их можно было сравнить с «официальными». Мы лишь просим читателя помнить о том, что в отличие от «официальных», эти гипотезы не подкреплены результатами серьезных исследований, а их доказательная база обычно сводится к фразе: «я так думаю – значит, это правда».

Итак, пожалуй, самая эффектная из «альтернативных» теорий – теория параллельных миров. Множественность разнообразных миров во Вселенной давно признана и не вызывает у ученых сомнений. Камнем преткновения является не столько признание самого факта существования множественных миров, сколько признание возможности контактов между ними. Параллельные миры не пересекаются – по крайней мере, пока ещё никому не удалось доказать обратного. Так вот, некоторые «паранормальные» философы

полагают, что больные шизофренией вследствие особого состояния сознания способны преодолевать преграды между мирами и проникать в параллельный мир. Именно поэтому для больного шизофренией мир болезненных построений кажется абсолютно реальным – он действительно реален, просто недоступен восприятию других людей.

С этой гипотезой перекликается другая – о реальности выдуманных миров. Поклонники этой теории убеждены, что мысль материальна, а следовательно, проявления мысли – фантазии, иллюзии и галлюцинации – также материальны. Выдуманные миры, созданные фантазией писателей, художников и обычных людей, обретают реальность и живут собственной жизнью. Где-то в бесконечных просторах Вселенной блуждают миры Буратино и Карабаса Барабаса, Гарри Поттера и Гэндальфа Серого, Человека-Паука и Матрицы, миры наших фантазий и грез. В силу личностных особенностей больных шизофренией «созданные» ими миры отличаются особой реалистичностью. Со временем шизофреник «переселяется» в созданный им мир и начинает жить в нем, как мы живём в обычном земном мире.

Наконец, третьей, весьма популярной теорией, имеющей хождение среди сторонников «альтернативных» идей, является теория об особом предназначении больных шизофренией, являющихся посредниками между нашей цивилизацией и представителями иного разума. Почвой для этой теории послужила, несомненно, довольно часто встречающаяся среди больных шизофренией бредовая фабула контакта и воздействия инопланетян.

«Альтернативные» теории, разумеется, выглядят эффектно. Главным их недостатком является отсутствие достоверных доказательств. Ничего такие теории не говорят и о том, как помочь больному. Предполагается априори, что нет ничего плохого в том, что человек живет одновременно в двух мирах. Шизофрения, если верить сторонникам этих теорий – иная форма существования, особая миссия, едва ли не редкая удача, выпавшая человеку. Это действительно было

бы так, если бы не два «но». Во-первых, уход в «параллельный» мир шизофренических переживаний резко снижает адаптацию человека в нашем, реальном мире. Больной теряет семью, работу, лишается социальных контактов, и в конечном счёте рискует просто погибнуть. Во-вторых, тяжёлые нарушения психики в виде глубокого слабоумия, являющиеся исходом шизофрении, плохо вяжутся с представлением об «особой миссии» и о «счастье жить в нескольких мирах».

Между здоровым человеком с развитой фантазией и больным шизофренией есть принципиальное различие. Здоровый человек может быть фантазером – и это замечательно. Благодаря фантазии созданы удивительные миры великих книг, картин, музыки, фильмов. Нередко именно фантазия лежит в основе серьезнейших научных открытий. Не будь фантазии, каким бы серым, тусклым и убогим был наш мир! Творческая фантазия писателей, художников, музыкантов, других деятелей искусства – одно из величайших благ человечества. Кстати, способность к фантазированию – одно из фундаментальных отличий человека от животных, можно сказать, его видовой признак. Однако, фантазируя, здоровый человек никогда не отрывается от реальности. Автор знаменитой трилогии «Властелин колец» Дж.Р.Толкиен создал целый фантастический мир, населенный удивительными существами; его фантазии были весьма реалистичными, но при этом он никогда не путал выдуманный им мир с реальным. Проблема в данном случае сводится не столько к жизни в нескольких мирах, сколько к способности человека определить, какой из них реален, и адаптироваться в нем. Тот же Толкиен был профессором престижнейшего Оксфордского университета и сделал блестящую карьеру ученого. В этом и состоит принципиальная разница между здоровым человеком и больным шизофренией – первому фантазия помогает приспособиться к реальности, второго отрывает от неё.

В связи со сказанным выше нельзя умолчать о такой теме как антипсихиатрия. Адепты этого движения пропове-

дуют идею об отсутствии психических заболеваний, в частности шизофрении, как таковых, и соответственно, об отсутствии психически больных: раз нет болезней, значит, все люди психически здоровы, все нормальны – просто все разные. Шизофрению, например, считали «особым взглядом на вещи и явления» и «проявлением свободы личности». Движение антипсихиатрии возникло на Западе в 50-е годы XX века как протест против бесконтрольного применения психиатрами радикальных методов лечения – лоботомии, электрошока и мощных нейролептиков. В то время оно сыграло положительную роль, пробудив внимание общества к проблеме психических заболеваний и заставив государство выработать законодательные меры для защиты прав психически больных. Подобные меры ныне закреплены в законодательстве всех европейских стран, в том числе и нашей страны. Закон «О психиатрической помощи», разработанный с учетом передовых европейских достижений в этой сфере, стоит на страже интересов психически больных людей и охраняет их права. В 60-е годы, после того, как основные причины, вызвавшие к жизни антипсихиатрическое движение, были устранены, страсти вокруг этой проблемы постепенно сошли на нет. Антипсихиатрия на Западе изжила себя. Однако после падения «железного занавеса» некоторые наши «общественники-любители» с восторгом открыли для себя давно забытое на Западе слово «антипсихиатрия». Следуя привычке слепо копировать все западное – причем, как обычно, с опозданием на полвека и без всякого соотнесения с нашими реалиями – они стали восторженно трубить об «ужасных злодеяниях психиатров», «притеснении личности с помощью нейролептиков» и «недопустимости ограничивать свободу самовыражения больного». И сегодня на многочисленных форумах, посвященных психическим расстройствам, можно встретить высказывания доморощенных антипсихиатров вроде «шизофрения – один из величайших мифов нашего времени», «шизофрении как таковой не существует» или «заблудшие ученые ищут несуществующие причины несуществующей болезни».

Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего, нынешние адепты антипсихиатрии – люди, как правило, в психиатрии некомпетентные. Они судят о шизофрении и о больных этим тяжёлым недугом по художественным фильмам и беллетристике, повторяя досужие глупости вроде «все шизофреники – гении» и «каждый талантливый человек – обязательно шизофреник». Вступать в полемику с такими «знатоками» бессмысленно – прежде всего в силу их полной безграмотности и неосведомленности в предмете дискуссии. Самый простой способ разубедить сторонника антипсихиатрии – это устроить ему экскурсию в хроническое отделение психиатрической больницы. Достаточно один раз увидеть больного шизофренией в стадии распада личности – и все иллюзии, связанные с обывательскими представлениями об этом заболевании, мгновенно улечиваются. «Раннее слабоумие» – так называлась эта страшная болезнь до того, как Блейлер предложил для неё термин «шизофрения». Любой мало-мальски догадливый человек сообразит, что гениальность вряд ли имеет что-нибудь общее с ранним слабоумием. К сожалению, правда о шизофрении намного страшнее и трагичнее, чем представляется сочинителям антипсихиатрических трактатов. И об этом тоже следует помнить.

Деятельность современных антипсихиатров отнюдь не так безобидна, как может показаться. Под влиянием рассказов о том, что «шизофрения – это просто особый способ восприятия мира», «сказки о шизофрении – обман психиатров», «никакой шизофрении не бывает, бывает особое видение мира», больные отказываются от лечения. Бывали случаи, когда родственники и близкие больного, обманутые антипсихиатрами, сознательно лишали больного медицинской помощи, считая проявления болезни «признаками творческой личности». Результат подобной деятельности трагичен. Болезнь прогрессирует, а драгоценное время для лечения упущено. Больной попадает к специалисту только тогда, когда разрушительные процессы в мозге уже сделали своё дело: налицо распад личности и глубокое слабоумие.

При этом антипсихиатр (как правило, вполне здоровый человек) остается в стороне, и, потеряв к судьбе больного всякий интерес, переключается на «спасение» других «узников психиатрии». Жизнь же человека, ставшего жертвой антипсихиатрического невежества, оказывается безвозвратно загубленной. В терминальных стадиях шизофрении лечение обычно бывает малоэффективным и вскоре больной, доведенный «заботливыми» родственниками до глубокого слабоумия, навсегда переселяется в психиатрический интернат. Впрочем, судьба конкретного человека антипсихиатров, как правило, не интересует – они предпочитают мыслить «глобальными» категориями.

Надо сказать, что в истории человечества отношение к психическим заболеваниям, и в частности, к шизофрении, зачастую определялось простой формулой: «если я не понимаю, что это такое – значит, этого не существует». К сожалению, отрицание проблемы – худший способ её решения. От того, что кто-то не признает существования психических заболеваний, они не исчезают сами собой. С появлением антипсихиатрии не пропала шизофрения. Попытки приспособить мир к больному шизофренией – это тупиковый путь, заведомо обреченный на провал. Намного лучше – и для мира и для больного – пытаться приспособить больного к миру. И единственный (по крайней мере, сегодня) путь – это поиск новых методов лечения шизофрении. Возможно, успех ждёт исследователей на пути создания новых фармакологических препаратов, либо в совершенствовании микроэлектродной техники, а может, и в создании совершенно новых, неизвестных сегодня методов лечения. Поиски причин шизофрении рано или поздно увенчаются успехом. И тогда мы сможем с уверенностью сказать, что страшная болезнь побеждена. Пока же нам следует хотя бы постараться понять людей, страдающих этим недугом.

История пятая

ТАЙНЫЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ КОРОЛЕВЫ БЕЗУМИЯ

Эта глава – самая короткая и самая необычная в книге.

При этом именно она в наибольшей мере соответствует поставленной перед нами задаче – дать читателю представление об уникальности и необычности патологических миров больных шизофренией. Именно в ней содержится квинтэссенция всего, о чем шла речь в этой книге. Именно в ней читатель сможет в полной мере погрузиться в самые глубины шизофренических переживаний. Это именно то, что было обещано нами в самом начале – удивительный, таинственный и абсолютно иной мир – мир шизофрении.

Собственно, первые четыре главы лишь подготавливали читателя к встрече с этим миром. Они были необходимы для того, чтобы дать незнакомому с психиатрией человеку представление о бесконечно разнообразных шизофренических реальностях. Для этого мы использовали подлинные истории людей, страдающих шизофренией. Однако все эти истории в той или иной мере подвергались обработке, редактированию, содержали те или иные следы «вмешательства» здоровых людей. Это было совершенно необходимо – просто потому, что иначе восприятие этих историй читателем, далёким от психиатрии, было бы невозможным.

Первая история – «Дневник пациента» – рассказана, по сути, профессиональным писателем. Её автор, Александр С., задолго до болезни занимался литературным трудом, его перу принадлежат несколько сборников стихов и прозы. Естественно, его повествование о собственном заболевании носит явный отпечаток его многолетнего литературного опы-

та. И хотя переживания больного шизофренией отражены им достаточно точно (чтобы убедиться в этом, достаточно сверить «Дневник» с записями в его истории болезни), это всё же художественное описание. Немаловажно, что практически все записи, вошедшие в «Дневник пациента», делались Александром уже после выхода из острого психоза, и впоследствии тщательно им редактировались. Разумеется, это сделало их более «читабельными», более удобными для восприятия, но вместе с тем в значительной мере лишило характерного «шизофренического налета», свойственного больным на высоте психоза. Следует также иметь в виду, что течение заболевания у Александра достаточно благоприятно. В сущности, сейчас, получая полноценное поддерживающее лечение, он ничем не отличается от обычных, здоровых людей. В организации, где он работает, никто даже не подозревает, что их коллега страдает шизофренией. Так что без особой натяжки можно сказать, что «Дневник пациента» – это воспоминания здорового человека о больном человеке. Это действительно так: состояния устойчивой ремиссии и острого психоза настолько различны, что вполне можно говорить о двух абсолютно разных личностях, представленных в каждом из этих состояний.

Вторая история – история Дениса, талантливого молодого человека, страдающего шизофренией – составлена из расшифровок диктофонных записей с больным, его родственниками и близкими. При этом, естественно, сами записи подвергались определённому редактированию (разумеется, при полном сохранении их подлинности). Так, например, воспоминания Дениса о его детстве – результат не одной, а многих бесед, разнесенных во времени почти на месяц. Но для лучшего восприятия читателем они были выстроены нами в правильную логическую цепочку и объединены в один рассказ. То же касается и остальных его воспоминаний. Практически все сделанные во время бесед записи носят обрывочный, фрагментарный характер, свойственный мышлению больных шизофренией. Дать их в исходном виде – означало бы

неизбежно запутать читателя. Для того, чтобы было понятно, насколько сложно иногда разобраться в «словесной мешанине» больных шизофренией, скажем, что только расшифровка диктофонных записей, сделанных в течение месяца, заняла у нас более трёх месяцев. Потребовалось многочасовое прослушивание, чтобы перенести эти записи на бумагу, после чего последовало столь же длительное выстраивание их в связный логический ряд, пригодный для восприятия читателем. И лишь после этого вынужденного «причесывания» сделанные записи стали доступны пониманию. Однако при этом они утратили ту хаотичность, своеобразную «организованную бессмысленность», которая является одним из основных признаков шизофрении. Так что вынужденный компромисс между необходимостью обеспечить доступность записей для понимания и сохранением их «шизофреничности», в общем, решился не в пользу «шизофреничности».

Третья и четвёртая истории содержат подлинные письма больных. Однако нам представлялось необходимым сопроводить эти письма комментариями специалиста-психиатра, чтобы дать возможность читателю понять, что именно происходит с человеком, страдающим шизофренией, и чем вызваны те или иные проявления в его поведении. Понятно, что это существенно облегчает восприятие оригинального текста писем читателем, однако мешает в полной мере погрузиться в удивительную атмосферу шизофренических переживаний.

И вот теперь, как нам кажется, наступил момент, когда читатель достаточно подготовлен к тому, чтобы совершить путешествие в подлинный, без купюр и прикрас, мир больного шизофренией.

Это будет нелегко. Текст, который вы найдете ниже, чрезвычайно сложен для восприятия. Отсутствие формальной логики, обрывочность, глубокие расстройства мышления, специфичные для шизофрении – соскальзывания, паралогичность, необычные, измененные ассоциации, неологизмы, заставляют в буквальном смысле «продираться» через нагромождения слов и фраз. Но именно здесь в какой-то момент

возникает непередаваемое ощущение глубокого погружения в мир психозфренических переживаний. Это чрезвычайно сильное ощущение. Для некоторых людей оно может быть пугающим и шокирующим. Поэтому мы настоятельно рекомендуем впечатлительным и склонным к переживаниям людям воздержаться от чтения этого текста. Мы также не советуем читать данный текст больным, страдающим психическими расстройствами во избежание нежелательных реакций.

Тем не менее, присутствие этого текста в книге кажется нам совершенно необходимым. Без него представление о психозфрении читателя, далёкого от психиатрии, будет неполным и искажённым.

Это – подлинный текст, написанный больным психозфренией. Этот текст, узнав, что мы работаем над книгой о психозфрении, принес наш коллега, пожилой врач-психиатр. Весь текст – около десятка тетрадных листков, исписанных крупным неровным почерком – написан, судя по всему, в течение непродолжительного времени, возможно, в течение одного дня.

Установить его автора не удалось. Никто не знает также, когда были сделаны эти записи. Известно только, что они пролежали в столе много лет.

Где сейчас человек, написавший их? Что с ним стало? Жив ли? И если жив, как сложилась его судьба? К сожалению, у нас нет ответов на эти вопросы. Возможно, этот десяток тетрадных листков – единственное, что осталось от него. Быть может, память об этом человеке давным-давно угасла, и только сейчас, когда вы будете читать эти записи, его голос вновь оживёт. Оживёт, чтобы рассказать вам об удивительных переживаниях и странных, так непохожих на наши, раздумьях, наполняющих душу больного психозфренией.

Это пронзительное одиночество посреди огромного и таинственного мира. Это глубочайшие и трагические переживания. Это боль и отчаяние, это страдания и страх, это печаль и обречённость, это безысходность и смерть.

Это – жизнь.

Это – психозфрения...

«...Холод, лютый холод повсюду. Нет и не будет весны. Изнеженный город припал к кокаину. Белый снег – как белый порошок. Город спит в нем, и сны его черны. В них оживают мертвецы и правят машинствующие человекороботы.

Город спит, но не спят его мертвецы. Древний ужас, запрятанный глубоко внутри, рвётся на волю и хочет править безумием. В пустых глазницах поселяется тоска по смерти. Город ждёт кровавых перемен и баюкает свои сны.

В чёрном небе танцуют, беснуются звёзды. Они поют отходную миру. Мир приходит на именины Смерти, и несёт с собой подарки – недоеденные души и недопитые сны. Я съедаю снег реальности, морщась от приторно-сладкого яда. Мир рушится, гниёт и падает грохочущим водопадом. В остывших постелях холодных домов – замёрзшие трупы. Они ждут сигнала. Третий ангел вострубил, и мертвецы восстали. Кровь течёт в жилах рек, питающих мёртвые тела озер. В гранитных скалах многоэтажек, зияющих пустыми глазницами окон – зловещая тишина. Там затаились корнеплоды, порождённые генетическим прогрессом. Их острые щупальца шевелятся и тянутся к горлу Большого Брата. Тенеубийство оправдано сопришествием Солнца. Стальные когти реальности прорастают в плоть и впиваются в наши мысли. Люди обращают умоляющие взгляды на север, где прорастает радиоактивная опухоль жизнераспада.

Там, на вершине мироздания, покоится он – Страж бытия. Зорким оком окидывает он свои владения. Он режет податливую плоть бытия острым ножом времени. Он всепроникающ и всеследящ. В его глазах омертвляющая усмешка. Он плавит снег реальности, обнажая язвы будущего. Он готовит для города целебный яд орыбления. Сумасшедшие, не знающие приговора, радуются и поют гимны.

Подросток, вторгающийся в нежное лоно сладодовольствия, разрывает тончайшую плёнку времени. Души незачатых младенцев истошно поют о

сладостях бытия, оправленного в серебро межмирности. Свирепый ангел разит их отравленным копьём, и нерождённые души умирают в сладких мучениях.

Время хлещет изо всех сил, оставляя кровавые полосы на теле. Души неживших детей истекают кровавым соком. Задыхаясь в предсмертной агонии, люди будут овеществлять невсесущее и неодушевлять неомертвлённое. Они будут парить над городом, как над разбитой жизнью. Так не было никогда и так будет всегда. В остывающих глазах безумцев навсегда запечатлился облик ангела смерти. Он вернётся, и будет срывать прозрачные плёнки с мёртвых век, чтобы никто не узнал его.

В зловещей пустоте нарастает напряжение взрыва. Одиночество жизни переходит в одиночество смерти. В пустоте космического вакуума миллион лет блуждает труп одинокого путника.

Я знал его. При жизни он был мной. А после смерти наконец смог вздохнуть и начал дышать полной грудью. Расколотый череп саднил болью, но Хозяин простил его и умолвил начать новую смерть после старой жизни. Постигание смысла реальности происходит через увечья времени. Кровь превратится в воду и вытечет в пустоту. Он не почувствует боли от жизни, и только смерть напомнит ему о том, что он был жив. Пройдёт миллион лет, и он снова родится. Люди-мутанты будут смотреть на него насытыми глазами и мять его нежную плоть костлявыми руками. Он будет расти среди невыясненных обстоятельств и похотливых взглядов. А когда ему исполнится шестнадцать, мертворожденная дочь Стража проснется от его поцелуя. Он войдет в её мёртвое тело и будет жить с ней долго и счастливо. А потом он снова родится и снова умрет в один день, а она будет спать с ним в своём гробу. Через тридцать лет у них родятся человекоптицы и будут летать над городом, сбрасывая бомбы на головы людей. В атомном угаре мир сгорит заживо и народится другим, уже без памяти о будущем.

Дряхлый мальчик трясущимися руками хватается яблоко и писает в беззубый рот. Он проводит время в бесконечном психозе. В дыхании человека заложен шифр, ритмический код, прочитать его – поклониться повелителю птиц. Сумасшедшие с факелами придут целовать мёртвых детей в губы и пить их сны. Анатомия распада очевидна и всепроисходяща. Тотальный контроль за сознанием неуспокоимого ничтожества. Хлеб пропитан кровью отторжения. Мы живём в смерти. У палачей нет прошлого.

Это случилось недавно – в будущей жизни. В утробе больницы нарождалась старая как мир истина. Ужас вселялся в души людей. Мир готовился к сладкой смерти. Санитар, следивший за временем, умирал в чудовищной агонии, раздираемый распадом вещества и пространства. Предчувствие смерти, как предчувствие дождя в мёртвом воздухе. В миллионах утроб шевелится мёртвая жизнь. Бешеный танец древних шаманов, заклинателей дождя, воскрешает роботов. Роботы, порождение больницы, получают человеческое дыхание. Золотая цепь реальности порвана вмешательством скрепконосных воровьев. Свирепые птицы атакуют клоны. Кровавые капли падают из грозовых туч на землю. Земля жадно впитывает кровь и прорастает скелетами. Белые черепа таращатся из пустоты и ожидают умиромертвляющий поцелуй спрута с истекающими салом щупальцами.

Гости уже на пороге. Трупы младенцев заворачивают в папиросную бумагу и выбрасывают в космос. Это эмбрионы, их мозг пересадили крысам. Крыс вначале обезмозжили, а потом зачеловечили. Острая игла пьёт мозг. Крыса даст потомство и заселит землю расой рэтопидов. В застенках реанимаций нарождается прозрачноротое ничто.

А эмбрионы наступают. В обезмозженных головах невидимая пустота. Их прозрачные тела покрыты родиевой коркой. Мёртвые рыбы поют «Хаванагилу» и пляшут на сковороде. Зубастые вишни разъели все

внутренности, кишки вывалились в пространство, и смрад гниющего овоща, мыслящего больше чем Геббельс, пьёт ужас умирающих младенцев.

Химический мутант – плотоядное дерево – хищно ощеривает листья, поджидая случайную жертву. По его морщинистому стволу стекает едкий сок психической зависимости. Насекомолюди толпами слетаются к дереву и начинают лизать его, чтобы стать психотрофами и получить пропуск в райские застенки. Холодный огонь реальности лижет их тела, обжигая неумертвлённые души. Люди корчатся и хохочут от мучительной радости. Те, кто может сопротивляться, пытаются улететь, но сломанные крылья не держат удар. Мир распадается на атомы. В утробе Хозяина таится безглазая тревога. В нежном психозе жизни плавают сорные травы реальности.

За поворотом в тёмном переулке притаился океан. Люди выходят из трамвая, шаркают шагами по переулку и падают в океан. Они тонут, захлебываясь во времени, и океан несёт их раздувшиеся тела дальше, к арктическим скалам, где стонут и мечутся зубастые пингвины, изнывающие от похоти. Пингвины набрасываются на покойников и начинают рвать острыми клыками гниющее тело. Начинается драка за самые сладкие куски. Мама-пингвин, скрежеща когтями, врывается в своих сыновей, не обращая внимания на предсмертные стоны. Обнажённые трупы стыдливо прикрывают объеденные места и спешат слиться с пингвинами в космическом экстазе. Мёртвые женщины с обкусанной грудью кормят своей кровью зубастых пингвинят. Отторжение плоти становится непреодолимым. Реальность кровава на вкус. Отчаянное совокупление человекопингвинов прерывается появлением Стража. Его мёртвая дочь хохочет и прыгает в гробу. Пингвины со стоном разбегаются. Их преследуют человекоптицы. Мертвецы веселятся, пока не разложатся окончательно.

Безумные старцы опоют смерть реальности. Город проснется и войдет в себя. Сладкий яд време-

ни растечётся по улицам и зальет глазницы домов. Город вздрогнет и бросится умирать. В половине третьего город умрет весь, оставив психбольницу на разтерзание Стражу. Сумасшедшие, окончательно безумев, поймут истину и начнут в панике покидать свои тела. Беспризорные души будут носиться под потолками и совокупляться с Вечностью. Незачатые дети расхватают души безумцев и начнут вселяться в них. Новое поколение вызреет в инкубаторах и вывалится в реальность. Пингвинолюди выйдут на битву с мёртвыми, чтобы победить их и съесть их души. На всеобщем пиршестве Страж объявит о неотвратимости смерти. Все будут радоваться и пить кровь во спасение от жизни.

Разрушенные останки психиатрической больницы, томясь, поедают мелкие жизни безумных, и лакают их сны. Острый хоботок времени вонзается в плоть реальности и сосет с бешеной скоростью сладкий сироп чужих жизней. Раздавленные насекомые недоумевают и быстро разлетаются вон в поисках смысла бытия. Смысл будет пойман и уличен, и тогда его заставят осмыслить пустую жизнь мёртвого человека. Жизнь войдет в разлагающееся тело как в шоколад и отравит его знанием истины.

Рыжий щенок с лаем бросается на трепещущую реальность. Рыжий мальчик прячется в тени жизни, чтобы не быть замеченным временем. Он разглядывает обнажённую плоть, лишённую кожи овестествления. Он хочет совокупиться со Стражем, чтобы обрести бессмертие. Но время уже заметило его и хлещет по голому телу, наслаждаясь криками. На шум сбегаются сумасшедшие и плюют ядовитой слюной сквозь дыры в заборе. Мальчик умирает в ужасной агонии, а когда просыпается, оказывается психиатром. Он стонет сумасшедших в стадо и устраивает им времяпускание, рыдая от удовольствия. Сумасшедшие умирают в тоске, а их смердящие тела зарывают в навозную кучу возле теплиц. Через тридцать лет они вознесутся в ад, а из их тру-

пов прорастут деревья-людоеды, чтобы питать мёртвую реальность ядом. Это произойдёт в день великого луностояния.

А на следующий день началась война. Тела, отсеченные от душ, восстали против своих воспоминаний и изрезали их кровавыми ножницами. Жизнь ещё не успела начаться, а смерть уже пришла собирать свою дань. Время простило нерождённых и расправилось с отжившими. В предвыпитой отраве таилась неведомая опасность. Разложение времени началось с планеты по фамилии Земля. Планета раздулась до космических масштабов и поглотила солнце. Источник ущерба скрывался внутри материального мира. Он питал ядовитой лимфой всех, кто принял участие в риске. Игра охоты завершилась поражением собак. Преследование дичи выявило смерть охотников.

Обнажённые женские тела, извивающиеся в похотливой агонии, привлекают новых насекомых. В складках любви отложат миллионы яиц. В тепле и влаге появятся на мрак потерпевшие. Они разобьют зеркальную скорлупу реальности и выйдут в мир как в витрину. Ожившие манекены примеряют души безумцев и скалятся пластмассовыми улыбками.

Душевнобольные, лишённые душ, перестали быть больными. Они радуются, давясь перловой кашей, щедро политой кровью. Между ног у них прорастают крылья, и они взлетают в реальность. Санитары с криками бегают вокруг и швабрами загоняют их обратно в палаты. Но самый умный безумец первым догадывается вскрыть себе вены и выпустить из них время. Грохочущий поток времени обрушивается на санитаров. Они пытаются закрыть руками, притворяясь родственниками. Но сумасшедшие догоняют их и режут острыми крыльями на мелкие кусочки. Остатки санитаровых тел относят на пищеблок, где из них сварят кашу для психиатров. Психиатры будут есть да нахвалять.

А потом они все вместе пойдут убивать неплодотворённых уродов. Пестроротые бабушки в цветастых халатах выбегут созывать пир на весь мир. Избиение сумасшедших превратится в праздник непослушания. Сумасшедшие, вздрагивая под ударами, согласятся на разложение истины. Бабушки опоят всех непристойными частушками, и задрав юбки, спляшут канкан на мёртвых телах. После смерти сумасшедших станут окунать в прошлое и требовать изречься. Кто откажется – будет приговорён к новой жизни в условиях усовершенствованного бытия.

Всех выживших в третьей мировой войне приговорят к четвёртой. Из того, что останется, приготовят сыворотку правды. Её впрыснут младенцам, которые родятся после Страшного суда. Младенцы перестанут врать и это разрушит мир. Наступит конец света. Мертвецы со всего мира сбегутся посмотреть, как мир будет умирать под музыку, сочинённую покойниками. В безумной надежде спасти мир младенцам станут затыкать рты раскалёнными сосками, но это не поможет сокрытию истины.

Для признания малоопровержимости бытия придумана особая легенда. Ужас будет завернут в целлофан и преподнесён как подарок реальности. Миру поставлен диагноз шизофрения. Психиатры будут лечить его отсечением галлюцинаций и введением инсулина под мысли. Тех, кто не признает правды пингвиноидов, привяжут к креслам и подключат к электрошоку на постоянной основе. Оставшиеся радостно пойдут отдаваться ореалистичным мыслям и править бороды опасными бритвами.

Извечный спор о вменяемости времени разрешился в пользу психиатров. Сумасшедший судья приговорил время к смерти, а пьяный палач не задумываясь отрубил ему будущее. Теперь психиатры и рады бы повернуть назад, да не могут – прошлого-то нет. Сумасшедшие посоветовались и решили вернуть время в реальность, но время обиделось и убежало. Объявлен всесоюзный розыск, но результатов пока не видно.

А город, несмотря на объявленный апокалипсис, выжил. Он спрятался в снег и скрыл свои мысли от кружащих над ним голубей. Мертвецы, уставшие ворочаться в могилах, явились требовать своих прав. Городской совет, целиком состоящий из покойников, одобрил и постановил уравнивать мертвецов в правах и раздать им бесхозные души. Те, кому досталось по полдуши на покойника, были недовольны и требовали передела. Но тут восстали корнеплоды и пожрали всех несогласных.

Сумасшедшие опять оказались обманутыми. Психиатры пили их бред и таранили на них телами. Кто-то объел фразы, и теперь нельзя было высказать свои мысли. Мысль застревала в голове как пятница в календаре.

А Страж не дремлет. Кровавые апельсины катаются по асфальту, пожирая всё на своём пути. Те, кто не успел спрятаться, должны заплатить за своё безумие, откусив кусочек всемирной души. Хирург-одиночка огромным скальпелем режет конечности, чтобы составить из них бесконечность. Голоса из прошлых жизней одолевают просьбами о настоящем. Отменить перерождение невозможно, но можно переиграть память. Кто-то из вчерашних перепутал реальности и по ошибке попал в листья. Заблудившись в дебрях психоза, они рвутся в реальность и ищут альтернативные пути бытия. В извечный сон жизни вторгается хищная ухмылка реальности. На истерзанные плетью времени тела снова наваливается зима. Мы просыпаемся и коченеем в нескончаемости оледенения.

Мы пробуждаемся в обратную сторону...»

На этом рукопись обрывается.

Итак, в меру своих возможностей мы попытались ввести читателя в сложный, противоречивый, драматичный и невероятно интересный мир больных шизофренией.

Истории, представленные в этой книге, конечно, не в состоянии охватить всего многообразия проявлений этого удивительного заболевания. Тем не менее, мы надеемся, что с их помощью нам удалось дать читателю хотя бы общее представление об особенностях мировосприятия и мышления больных шизофренией.

Нам хочется верить, что узнав о том, насколько сложны и интересны бывают миры, в которых живут больные шизофренией, вы сможете с большей терпимостью и большим вниманием относиться к этим людям. У каждого из тех, чьи истории рассказаны в этой книге, был в жизни момент, когда они остро нуждались в сочувствии, понимании и участии других людей. И как знать – если бы они получили тогда это понимание, их судьба, быть может, сложилась не так трагично.

Нам хочется верить, что эта книга поможет в преодолении враждебного и предвзятого отношения к психически больным людям. Нам хочется верить, что человек, прочитавший эту книгу, не будет смотреть на больного, страдающего шизофренией, как на дикого зверя или бездушного робота. Мы искренне надеемся, что после этой книги в нашем обществе станет больше толерантности, терпимости, доброго и уважительного отношения к людям, страдающим психическими расстройствами.

Мы, психически здоровые люди – хозяева этого мира. Он принадлежит нам. Мы чувствуем себя в нём как дома. Больной шизофренией приходит в наш мир из своего дома, из своего мира, и он – у нас в гостях. Так разве не стоит ли нам – хотя бы в силу элементарного приличия – постараться сделать наш мир хоть чуть-чуть уютнее для шестидесяти миллионов наших братьев? Разве не проще и не лучше постараться понять человека, который мыслит иначе чем мы, а не отвечать на его искренние чувства презрением и агрессией? Разве наше понимание и участие не сделает наш мир спокойнее и безопаснее для нас самих?

Хочется верить, что эта книга поможет нам в этом.

В поисках выхода

Наше путешествие по мирам, порождённым шизофренией, было бы неполным без обзора современных методов её лечения. Кроме того, мы просто обязаны дать несколько советов тем людям, чьи родственники и близкие страдают этим тяжёлым заболеванием.

Лечение шизофрении представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Оно должно быть энергичным и достаточно сильным, чтобы противостоять мощным разрушительным процессам, и в то же время максимально щадящим для больного. Обязательным условием является комплексность лечения – то есть включение в него различных терапевтических методов.

Эволюция методов лечения шизофрении является превосходной иллюстрацией к истории эволюции человечества вообще и его морально-гуманистических понятий в частности. Вплоть до Нового времени мероприятия, предпринимавшиеся в отношении душевнобольных, никак нельзя было назвать лечебными. Всё, что делалось обществом для таких больных, можно выразить двумя словами: запереть и уничтожить. Душевнобольных содержали в тюрьмах, подвергали пыткам, морили голодом. Древнеримский врач Целиус советовал «бить умалишённых розгами для того, чтобы разум снова посетил их, ибо теперь он у них вовсе отсутствует». Такого рода «лечебные» методы в отношении несчастных людей, страдавших психическими расстройствами, были в то время чрезвычайно популярны и находили полное одобрение со стороны тогдашнего общества. Увы – корни предвзятого и враждебного отношения к душевнобольным уходят в глубь веков, к самому началу истории человечества...

В католической Европе лучшим средством лечения психически больного считалось аутодафе – публичное сожжение на костре. С психически больными обращались хуже, чем с уголовными преступниками: их содержали в тюремных застенках, где по нескольку раз в день секли плетьюми и розгами, морили голодом и пытали самыми изощренными способами. И подобное отношение к ни в чём не повинным страдальцам наблюдалось не только в «просвещённой» Европе. Средневековая арабская сказка «Калиф на час» из цикла «Тысяча и одна ночь» содержит подробные описания издевательств, которые приходилось терпеть несчастному человеку, страдавшему психическим недугом.

К чести отдельных представителей медицины Древнего мира следует сказать, что они пытались протестовать против несправедливого и жестокого обращения с душевнобольными. Так, древнегреческий врач Соран, вступая в полемику с «лекарями», рекомендующими в обращении с больными голод и жажду, говорил, что врачи, сравнивающие умалишённых с дикими животными, укрощаемыми голодом и жаждой, должны сами считаться умалишёнными и не браться за лечение других. Вместо бичей и оков Соран советовал прогулки, чтение, ораторские выступления и театральные представления. Падуанский профессор Михаил Савонарола, живший в XV веке, рассказывал, что в его время душевнобольных секли розгами до кровавых полос, чтобы «дать диверсию материальной причине мании», кололи иглами и шипами, а также покрывали всё тело горчичниками, дабы «уничтожить застой мысли, вызванный меланхолией». Савонарола решительно осуждает подобные варварские меры и рекомендует осторожные кровопускания, банки к ногам, рвотные, слабительные и особенно тёплые ванны. Он также считал, что прежде всего необходимо вернуть больному сон; для этого желательно поселить его в прохладной местности, около реки, и раскачивать на висячей койке, на манер колыбели. Известнейший врач эпохи Средневековья Парацельс полагал, что «дьявол вселяется

только в здорового и разумного человека, а в душевнобольном ему делать нечего». Парацельс призывал к гуманному отношению к людям, страдающим психическими расстройствами:

«Практически гораздо важнее лечить душевнобольных, нежели изгонять бесов, ибо помешанные – это больные люди, и, кроме того, наши братья, а потому следует относиться к ним сочувственно и мягко. Ведь может случиться, что нас самих или наших близких постигнет такая же злая судьба».

В Древней Руси к душевнобольным относились несколько терпимее, чем в Европе. Киевский князь Владимир своей грамотой от 996 года вменил в обязанность церквям и монастырям проявлять заботу об «убогих, калечных и бесноватых». На это шли деньги десятины, которую князь отдавал на церковь. В XI веке при Киево-Печерском монастыре существовал приют для душевнобольных; монахи обеспечивали их пищей и уходом.

Тем не менее вплоть до конца XIX века все мероприятия в отношении психически больных были направлены не на лечение, а на изоляцию. Когда во время Великой Французской революции Филипп Пинель снял кандалы и ошейники с психически больных, это воспринималось как нечто чрезвычайное и действительно революционное. Но сами душевнобольные при этом оставались за высокими тюремными стенами и решетками. Знаменитый Бедлам – Вифлеемский королевский госпиталь для душевнобольных в Лондоне, представлял собой что-то вроде зверинца, где больных показывали за деньги зевакам. А ведь это было передовое по тогдашним меркам учреждение!

Первые попытки лечения психически больных не сильно отличались от истязаний и скорее напоминали изощренные пытки. На рубеже XVIII – XIX веков причину шизофрении видели в нарушении кровообращения: в малокровии или полнокровии. Поэтому лечебными методами были кро-

вопускания, прикладывание пиявок, натирание головы раздражающими мазями, чтобы вызвать воспаление. Больного усаживали в кресло, которое вращали так быстро, что у несчастного возникало кровотечение из носа и ушей. Позднее применялось лечение лихорадкой: больного специально заражали малярией, чтобы вызвать высокую температуру и озноб; считалось, что это способствует выздоровлению.

Уильям Хогарт. Сцена в Бедламе (гравюра). XVIII век.

В 1927 году Сакель предложил для лечения шизофрении инсулинокоматозную терапию. Смысл её состоял во введении больному инсулина в дозах, вызывающих гипогликемическую кому. Метод инсулинотерапии чрезвычай-

но опасен, так как фактически предполагает искусственное провоцирование коматозного состояния, поэтому со временем от него отказались.

Через 10 лет Черлетти и Бини предложили использовать для лечения шизофрении электрошоковую терапию. В основу изобретения было положено наблюдение, что перенесенный эпилептический припадок вызывает временное улучшение психического состояния. Кроме того, было замечено, что шизофрения и эпилепсия практически никогда не встречаются одновременно у одного больного. Авторы предложили лечить шизофрению, вызывая у больного искусственный судорожный припадок. Несмотря на шаткое теоретическое обоснование, метод оказался довольно эффективным, и в ряде случаев давал существенное улучшение состояния больных.

И всё же настоящая революция в лечении шизофрении началась в связи с бурным развитием нейрофармакологии. В 1953 году во время клинических испытаний было обнаружено сильное успокаивающее действие аминазина (хлорпромазина). Интересно, что это открытие произошло «по ошибке» – изначально аминазин разрабатывался как средство против аллергии и не предназначался для лечения психически больных. Но после того, как исследователи заметили, что он эффективно действовал при маниакальном состоянии, началось стремительное внедрение аминазина в лечебную практику. Результаты оказались впечатляющими. Психически больные, годами не покидавшие больниц, недоступные контакту и неспособные к организованной деятельности, под влиянием аминазина возвращались в общество и приступали к трудовой деятельности. Больной, заболевший ещё до войны и пролежавший в кататонии 15 лет, после приёма аминазина вышел из ступора, стал доступен контакту и изумленно воспринимал мир, так сильно изменившийся за это время. Впервые стало возможным лечение больных во внебольничных условиях, что тоже, несомненно, оказывало положительное влияние на более быструю реабилитацию.

Нейролептики изменили вид психиатрических больниц. Исчезли смирительные рубашки и решетки на окнах, практически перестали встречаться тяжёлые, прогностически неблагоприятные формы шизофрении – гебефреническая и кататоническая, изменились и подходы к больным. Отныне персонал должен был направлять усилия не на сдерживание и ограничение психически больных, а на их максимальную адаптацию к социальной жизни и трудовой деятельности.

Нейролептики остаются основой современного лечения шизофрении и сегодня. Следует абсолютно четко представлять себе, что альтернативы медикаментозному лечению пока не существует. Только своевременное назначение высокоэффективных препаратов может затормозить течение шизофрении и вернуть больному радость полноценной жизни.

Механизм лечебного действия нейролептиков связан с их способностью влиять на метаболизм биологически активных веществ в головном мозге. Все нейролептики обладают способностью купировать психомоторное возбуждение, а также устранять бред и галлюцинации.

Классические нейролептики, пришедшие во врачебную практику ещё в 1950-х годах – аминазин, трифтазин, галоперидол, тизерцин – в большей степени оказывали общее затормаживающее и седативное действие, вызывая «оглушение» и провоцируя развитие апатии и депрессии. Кроме того, они обладали выраженными побочными эффектами: вызывали экстрапирамидные расстройства, поражение желудка и изменение картины крови. Кроме того, традиционные нейролептики почти не оказывали воздействия на негативные симптомы шизофрении, а ведь именно выраженностью негативных симптомов определяется тяжесть течения этого заболевания. Поэтому поиски более эффективных и безопасных препаратов продолжались, и на смену традиционным нейролептикам пришли препараты нового поколения, так называемые атипичные нейролептики.

Атипичные нейролептики оказались эффективными в отношении негативных симптомов шизофрении и позволили снизить скорость нарастания шизофренического дефекта. Атипичные нейролептики улучшают когнитивные процессы – память, мышление, внимание. Кроме того, они лишены экстрапирамидных побочных эффектов. Представителем современного поколения атипичных нейролептиков является рисперидон. Наиболее удобны в практическом применении препараты с пролонгированным механизмом воздействия. Они наименее травматичны для больного, легче переносятся и не оказывают давящего психологического воздействия.

Появление атипичных нейролептиков позволило пересмотреть стратегию помощи больным шизофренией, дало возможность более оптимистично смотреть на прогноз заболевания.

Следует иметь в виду, что современный подход к лечению шизофрении предполагает как можно более раннюю диагностику заболевания и назначение атипичных нейролептиков. Только в этом случае можно рассчитывать на высокую эффективность лечения и возвращение пациента к полноценной жизни и труду.

Важную роль в комплексном лечении больных шизофренией играет психотерапия. Задача психотерапевтического лечения – максимальная адаптация больного к реальности, помощь в решении возникающих психологических проблем и конфликтов.

Психотерапия должна учитывать состояние больного, стадию шизофрении, а также применение медикаментозных препаратов. На первом этапе лечения, когда действие нейролептиков ещё не проявилось в полной мере, бессмысленно пытаться переубедить больного в ошибочности его бредовых построений или в нереальности галлюцинаций. Болезненный мир ещё слишком ярок, и попытки грубо вторгнуться в него способны лишь оттолкнуть больного и сформировать недоверие и враждебное отношение к врачу. Поэтому психотерапия на первом этапе направлена на

создание спокойной и доброжелательной атмосферы, формирование доверительных отношений между пациентом и врачом. В дальнейшем, когда проявляется эффект препаратов, переходят к рациональной (разъяснительной) психотерапии. Врач обращает внимание больного на противоречие между его болезненными убеждениями и теми сторонами реальности, которые осознаются больным и не подвергаются сомнениям. Далее психотерапевт приступает к обсуждению с больным различных аспектов его болезни с тем, чтобы способствовать осознанию и принятию перенесенных им патологических расстройств. Целью такого обсуждения является создание «внутренней картины болезни» – осознания и понимания больным происходивших с ним событий как проявлений болезни, а также обсуждение путей профилактики психических расстройств в дальнейшем. Важно обучить больного самому определять приближение обострения. Как правило, больные ощущают те или иные симптомы-предвестники, знаменующие близость рецидива. У одних это может быть бессонница, у других – немотивированная тревога, у третьих – мучительные головные боли. Очень важно объяснить больному, что самостоятельно справиться с приступом он не сможет. Это под силу только мощной фармакологической терапии, назначить которую должен врач. Ни в коем случае нельзя самостоятельно отменять назначенные препараты или произвольно менять дозы. Применение современных эффективных препаратов, снимающих симптоматику шизофрении, может породить у больного ошибочную уверенность в том, что заболевание полностью побеждено, ощущение мнимого благополучия, которое подталкивает больного к отказу от лечения. Больной прекращает принимать препараты. Первое время происходящее с ним вроде бы подтверждает его правоту – состояние остается стабильным, патологические симптомы не возвращаются, несмотря на прекращение лечения. Но в этом как раз ничего удивительного нет. Дело в том, что все современные нейролептики обладают выраженным периодом последействия, сохра-

няя лечебный эффект некоторое время после отмены. Но это ощущение стабильности обманчиво. Под маской внешнего благополучия скрывается опасный враг: патологические процессы в мозге продолжают, и это создает постоянную угрозу нового обострения.

Больные шизофренией должны по возможности избегать стрессов. Следует помнить, что любое, даже радостное переживание – свадьба, рождение ребёнка, перемена жилья и т.п. – способно спровоцировать обострение психического процесса. Смена жизненного уклада у больных шизофренией должна происходить постепенно, без резких внезапных перемен и связанных с этим стрессов.

В зарубежных странах большую роль в адаптации больных шизофренией в обществе играют психотерапевтические группы. В таких группах больные обучаются неформальному общению, осваивают способы межличностной коммуникации – ведь именно такое общение дается больным шизофренией особенно трудно. Это помогает им преодолеть аутизм и успешно адаптироваться в обществе. Многим больным удается создать семью, найти работу и жить нормальной полноценной жизнью. Деятельность подобных групп является безусловно полезной, необходимой для больных, и накопленный ими положительный опыт должен быть как можно скорее привнесён и в отечественную психиатрию.

Чрезвычайно важную роль в лечении больного шизофренией играет его ближайшее окружение – родственники, близкие, сослуживцы.

Семья и близкие больного должны быть осведомлены о шизофрении, знать об особенностях этой болезни и стремиться понять больного. Близким больного следует наблюдать за симптомами, свидетельствующим о начале обострения, и помогать больному преодолеть их – как с помощью соответствующего медикаментозного лечения, так и созданием вокруг больного благоприятной психологической атмосферы.

Нельзя упрекать человека в том, что он болен. Если бы больные имели возможность выбирать, ни один из них не

выбрал бы судьбу шизофреника. Больному человеку надо помогать, а не попрекать его. Следует стимулировать больного к самостоятельному контролю за собой и своими поступками. Нельзя унижать его недоверием. Шизофрения сама по себе провоцирует уход в себя, а излишняя недоверчивость и демонстративная подозрительность со стороны родственников и близких, мелочный контроль за каждым шагом больного только усугубит его самоизоляцию. Искренняя любовь и спокойное, ненавязчивое внимание дадут гораздо больший эффект, чем ежеминутный «тюремный» надзор.

В период обострения не следует спорить с больным. Бредовые убеждения исключительно устойчивы, и переубедить больного в их нереальности невозможно. Один из приемлемых вариантов компромисса – дать больному понять, что вы понимаете его состояние. Больному можно сказать, что вы верите в реальность его переживаний, хотя и не можете видеть то, что он видит.

Родственники больного обязательно должны поддерживать контакт с лечащим врачом. Лучше если это будет постоянный врач, знающий историю заболевания, эффективные в данном конкретном случае препараты, побочные реакции на них и т.п. Не следует забывать посоветоваться с врачом перед сменой обстановки или жизненного уклада больного (переезд, смена работы, отъезд в отпуск и т.п.). Возможно, больному потребуется медикаментозная или психотерапевтическая поддержка на этот период.

Нам часто приходится слышать вопрос: а правильно ли это – сообщать пациенту о его диагнозе? Нужно ли говорить человеку, что у него шизофрения? Ведь не секрет, что в нашем обществе подобный диагноз воспринимается как клеймо, как несмываемое пятно на биографии человека. Ответ тут может быть только один: безусловно, психически больной человек должен знать, что он болен. Он должен осознавать (в рамках своих возможностей и особенностей заболевания), что некоторые из его импульсов, побуждений, желаний являются проявлением болезни. Больному сле-

дует внушить мысль, что некоторые его побуждения могут быть опасны для окружающих или для него самого, и он не должен скрывать их, а уж тем более пытаться их реализовать. При первом появлении таких потенциально опасных мыслей пациенту следует поделиться ими с теми, кому он доверяет.

Здесь чрезвычайно важно, чтобы между больным и теми людьми, которых он считает своими близкими, был полноценный психологический контакт, доверительные, откровенные и тёплые отношения. Чтобы проявление психического заболевания не воспринималось больным как его вина, а следующие за этим медицинские мероприятия – как наказание. Больной должен понимать, что он не виноват в своём заболевании, но проявления этого заболевания могут быть опасными, и с ними необходимо бороться. Психическое расстройство должно стать врагом пациента, а люди, которые помогают ему преодолеть это расстройство – его друзьями. В идеале пациент должен сам активно стремиться к выздоровлению.

Нередки случаи, когда больные шизофренией заводят семью и рожают детей. И в этом нет ничего плохого, более того, именно семья может стать тем «якорем», который удержит больного в рамках реальности, не даст ему «сорваться» в психоз. Однако, безусловно, человек, желающий связать свою судьбу с больным, должен быть осведомлен о наличии заболевания у будущего спутника жизни. Если это подлинное чувство, основанное на любви, доверии и согласии – болезнь не станет ему преградой. В противном случае о подобной неудаче не стоит жалеть – если человек способен отказаться от своей любви при одном упоминании о психическом заболевании, то он наверняка предаст своего партнера при появлении признаков этого заболевания. Нам известно множество случаев, когда больные шизофренией создавали прекрасные семьи, и их жены или мужья, зная о наличии заболевания, спокойно и терпеливо заботились о больных, помогая им сохранять контакт с реальностью. Но это долж-

но быть осознанное решение, основанное на искренней любви и желании помочь пациенту. Не следует также забывать, что беременность нередко является провоцирующим фактором шизофренического процесса. У женщин, страдающих шизофренией, беременность с первых недель должна протекать под наблюдением не только врача акушера-гинеколога, но и психиатра.

Мы уже упоминали, что одним из основных и зачастую беспокоящих пациента симптомов шизофрении являются слуховые галлюцинации (голоса).

Как сосуществовать с ними? Можно ли научиться жить с голосами? Автор популярной брошюры «Голос внутри» Поль Бейкер считает, что открытое обсуждение голосов является наиболее важным средством, позволяющим справиться с этими переживаниями. Обсуждение сходных переживаний помогает пациентам принять факт наличия голоса, укрепить уверенность в себе, освободиться от изоляции и вновь включиться в окружающую жизнь. Как замечает Бейкер, люди, слышащие голоса, считают, что очень важно обсуждать эти голоса для того чтобы научиться узнавать их игры и хитрости, а также их приятные стороны. Такое знание может помочь слышащему голоса быть лучше подготовленным к следующей атаке голосов. Большинство слышащих голоса вначале думают, что они одиноки в этом отношении. Бейкер подчеркивает, что особенно важным является, чтобы люди увидели, что они могут устанавливать ограничения голосам и удерживать их от чрезмерного вторжения.

Автор замечает, что почти все, кто слышал голоса и научился приспосабливаться к своим переживаниям, сообщают, оглядываясь назад, что процесс обучения способствовал их личному развитию.

Следует иметь в виду, что голоса могут быть опасными. Они могут присутствовать весь день и мешать пациентам выполнять повседневную работу. Голоса могут наказывать слышащих, если они не делают того, что хотят голоса.

Голоса также могут приказать людям совершать убийства и самоубийства, что представляет серьезную опасность. Эту опасность нельзя недооценивать. Так, из 20 человек, арестованных в Нью-Йорке за попытку столкнуть кого-либо под поезд метро, 15 оказались больны шизофренией.

Однако Бейкер считает, что может быть и хорошая сторона в слышании голосов. Некоторые из них могут казаться разумными. Слышащие голоса сообщают, что им было рассказано то, чего они не знали или не могли решить сами, и голоса действительно помогли им. Некоторые люди рассматривают это переживание как дар, нечто подобное интуиции или даже как экстрасенсорное восприятие, и считают, что голосам можно доверять.

Бейкер выделяет три фазы в развитии голосов: начальную фазу, фазу приспособления и фазу стабилизации.

Начальная фаза соответствует появлению голосов и обычно сопровождается сильным переживанием. Большинство слышащих голос описывают его появление как совершенно неожиданное, ужасающее и страшно неприятное, и могут точно и живо вспомнить момент, когда они впервые услышали голос.

Бейкер замечает, что некоторые люди воспринимают голоса как полезные, и они вызывают чувство одобрения. Эти люди чувствуют, что назначение голосов придавать им силы и повышать их самоуважение. Голоса воспринимаются как положительные и как понятная сторона их внутреннего «Я». Другие воспринимают голоса как агрессивные и негативные с самого начала. Для этих людей голоса враждебны и не принимаются как часть самих себя. Они страдают от негативных голосов, которые могут вызвать хаос в их умах, требуя настолько большого внимания, что общаться с внешним миром крайне трудно.

В фазе приспособления к голосам человек пытается наладить контакт с ними либо избавиться от них. Эта фаза может длиться от нескольких дней до нескольких лет. Бейкер считает, что для того, чтобы прийти к соглашению с

голосами, необходимо принять их, так как отрицание голосов не приводит к успеху. Попытки отвлечения и игнорирования редко срабатывают, хотя эта стратегия применяется наиболее часто, и вскоре первоначальные чувства паники и беспомощности сменяются периодом раздражения против голосов. Бейкер считает наиболее полезной следующую стратегию: выбрать положительные голоса, слушать только их, разговаривать только с ними и стараться понять их. Другая стратегия – ставить ограничения голосам.

В фазе стабилизации наступает равновесие. Человек, слышащий голоса, учится справляться с ними. В этом состоянии люди считают голоса частью себя и своей жизни, способной на положительное влияние. В этой фазе индивидум способен выбирать между советом голосов и собственными идеями и может сказать: «Я слышу голоса и я доволен этим».

Тем, кто желает обезвредить голоса, Бейкер рекомендует понять: хотя голос может вторгаться в ваше сознание, вы не должны слепо выполнять то, что он говорит. «Бросились бы вы совершать убийство, если бы вам это кто-то сказал? Конечно, нет. Люди, слышащие голоса, имеют право на самоопределение, как любой другой человек, и именно это вы можете сказать голосам. Если некоторые из голосов приятны и дружелюбны, тогда, ясно, вы болтаете с ними, но не с теми, кто не таков. Вы можете сказать неприятным голосам, что вы не находите их ни приятными, ни полезными, и что у вас нет причины терпеть их, пока они такие».

Больные шизофренией должны избегать употребления алкоголя и наркотиков. Алкогольное или наркотическое опьянение нередко провоцирует обострение шизофренического процесса.

Чрезвычайно важным фактором лечения является адаптация больного в социуме. Необходимо всячески стимулировать его к активному поиску работы, обучению, ведению бизнеса и т.п. Случаи, когда больным шизофренией удавалось успешно закончить университет, устроиться на престижную работу или эффективно вести бизнес, не так уж

редки. Успешная социальная адаптация – мощный фактор противодействия болезни.

К сожалению, наше общество ещё не готово к адекватному и спокойному принятию больных шизофренией. Обывательские комплексы, всевозможные выдумки и небылицы, упорно циркулирующие в массовом сознании, формируют предвзятое отношение к психически больным. Поэтому при подготовке больного к выписке или лечебному отпуску немаловажное значение имеет осознание им того факта, что отношение к нему окружающих людей может измениться в связи с перенесенной болезнью. Это ни в коем случае не должно восприниматься им как фатальная трагедия, как катастрофа и повод для ухода в болезнь или отказа от обычной жизни. Психотерапевт должен обсудить с больным способы реагирования на подобное предвзятое отношение окружающих – с тем, чтобы уберечь больного от ненужных стрессов. Преодоление «комплекса шизофреника» у больного имеет принципиальное значение для его полноценной социальной адаптации.

Шизофрения – не приговор. Пока что эта страшная болезнь не побеждена окончательно, но надежды терять не следует. Современные препараты способны практически полностью устранить болезненную симптоматику и вернуть больному радость полноценной жизни.

Психиатрическая наука не стоит на месте. В своё время аминазин произвел революцию в лечении психически больных, позволив принципиально изменить подходы к больным шизофренией. Возможно, в ближайшее время нас ждёт подобный прорыв, связанный с развитием науки о мозге.

Наряду с поиском новых методов лечения важное значение имеет преодоление стигматизации – предвзятого отношения к больным шизофренией со стороны общества. Только при комплексном подходе к лечению и адаптации больных можно надеяться на то, что шизофрения будет окончательно побеждена.

Послесловие

Мы попытались дать читателю представление об удивительных, загадочных и закрытых мирах, порождённых шизофренией. Цель, которую мы ставили перед собой, начиная работу над этой книгой – приблизить незнакомого с психиатрией читателя к пониманию сложных и многогранных изменений, происходящих в сознании больного этим недугом.

Эта книга – первая в серии «Иные миры». То, что для неё была выбрана именно тема шизофрении, не случайно. Шизофрения – наиболее эффектная и если можно так выразиться, наиболее «зрелищная» психическая болезнь. Порождённые ею миры отличаются наибольшим разнообразием и красочностью. Однако это не означает, что другие психические заболевания не заслуживают такого же внимания. Сейчас идет работа ещё над двумя книгами – одна из них посвящена депрессии, другая – невротическим расстройствам. Нам кажется, что эти темы будут не менее интересны читателю. Если при депрессии отсутствуют расстройства восприятия и мышления, то глубина переживаний и масштабы человеческой трагедии, которыми сопровождается это заболевание, не имеют себе равных не только среди разных форм психопатологии, но и в обыденной жизни. Что же касается невротических расстройств, то эта тема интересна хотя бы потому, что по данным некоторых исследователей, такими расстройствами страдают до 90 % населения Земли.

Так что впереди у нас новые открытия и новые истории.

Путешествие продолжается.

Благодарности

В первую очередь мы хотим поблагодарить тех людей, чьи истории, рассказы, стихи, рисунки легли в основу этой книги. Жизнь один на один с психической болезнью – нелёгкое бремя, и мы отдаем должное их мужеству в борьбе со страшным недугом. Мы надеемся, что наш труд не был напрасным, что в конце концов общими усилиями нам удастся преодолеть стигматизацию, изменить враждебное и предвзятое отношение общества к психически больным людям.

Мы выражаем искреннюю и сердечную благодарность Юрию и Наталии Власюк, чьи ценные и полезные советы и рекомендации помогли сделать эту книгу лучше.